

Минский международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау
Дортмундский международный образовательный центр

ПРАВЕДНИКИ НАРОДОВ МИРА: ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ

Сборник документов материалов и статей

Минск
Издатель ИП Логвинов И. П.
2009

УДК 94(=411.16)(476)+329.18:178 «1941/1945»
ББК 63.3(4Бел)622
П68

Составители:

К.И. Козак, М.И. Крапина, И.С. Простак, Р.К. Семашко.

Редакционный совет:

руководитель Дортмундского международного образовательного центра
Петер Юнге-Вентруп (Германия),
председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин Л.М. Левин,
председатель Наблюдательного совета ММОЦ им. Йоханнеса Рау,
профессор Манфред Цабель (Германия).

Редакционная коллегия:

директор Минского международного образовательного центра
им. Йоханнеса Рау, канд. филол. наук В.Ф. Балакирев,
директор Исторической мастерской К.И. Козак,
председатель Международного объединения «Взаимопонимание» А.Н. Аношко,
председатель Белорусского республиканского общественного объединения
бывших узников гетто и антифашистского сопротивления М.И. Трейстер,
руководитель общественного объединения «Хэсэд-Рахамим» С.П. Абрамова,
председатель общественного Минского городского
объединения «Гилф» Ф.В. Рейзман.

Рецензент:

доктор ист. наук, профессор Э.Г. Иоффе

П68 Праведники народов мира Беларуси: живые свидетельства Беларуси/
составители: К.И. Козак, М.И. Крапина [и др.]; под ред. В.Ф. Балакирева,
К. И. Козака. – Минск: И.П. Ловинов, 2009. – 292 с.

ISBN 978-985-6901-50-1

В сборник включены материалы первой в Беларуси международной научно-практической конференции историков о Праведниках народов мира в Беларуси. Воспоминания Праведников, как и их спасенных, представлены в форме записанных воспоминаний и публикаций. Их дополняют документальные свидетельства, личные документы и материалы, фотографии, список Праведников г. Минска, Бобруйска и Осипович.

Материалы предназначены для историков, всех, кто интересуется вопросами истории Холокоста, Второй мировой войны.

УДК 94(=411.16)(476)+329.18:178 «1941/1945»

ББК 63.3(4Бел)622

ISBN 978-985-6901-50-1

© Минский международный образовательный центр
имени Йоханнеса Рау, 2009
© Оформление. Издатель ИП Ловинов И. П., 2009

Содержание

Обращение к читателю	7
Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на мемориальном комплексе «Яма». 20 октября 2008, г. Минск	8
Не заставляли, не принуждали. Так кто же такие Праведники?	11
Сегодня мы вместе	12
Раздел 1. Германский оккупационный режим в Беларуси:	
Геноцид, Холокост и борьба за выживание еврейского населения	13
Кузьма Козак. Спасение евреев как одна из форм антигерманского невооруженного сопротивления в годы Второй мировой войны	13
1.1 Беларусь во Второй мировой войне: путь трагедии и победы	13
<i>Общее положение. Беларусь как страна трагедии</i>	<i>13</i>
<i>Беларусь – страна-победитель</i>	<i>13</i>
<i>Германские силы на оккупированной территории</i>	<i>14</i>
<i>Состав участников сопротивления, формы и направления борьбы</i>	<i>14</i>
<i>Потери как главный показатель</i>	<i>15</i>
<i>Составляющие трагедии и победы</i>	<i>16</i>
1.2. Евреи, традиции, война и ее представления	17
<i>Еврейское население накануне войны</i>	<i>17</i>
<i>Кто остался – женщины</i>	<i>18</i>
<i>Война. Правовые основы взаимоотношений германских органов с еврейским населением</i>	<i>18</i>
<i>Пропагандистские призывы к убийству</i>	<i>20</i>
1.3. Формы сопротивления оккупационному режиму	22
<i>Партизанское движение</i>	<i>22</i>
<i>Подпольное движение</i>	<i>23</i>
<i>Экономический саботаж</i>	<i>24</i>
<i>Характерные черты сопротивления</i>	<i>25</i>
<i>Пассивная форма сопротивления: общее и частное</i>	<i>26</i>
1.4. Пути из гетто к спасению: этапы и их характеристики	28
<i>Общее положение</i>	<i>28</i>
<i>Первое: хорошие соседи остались добрыми соседями</i>	<i>28</i>
<i>Второе: места спасения</i>	<i>31</i>
<i>Третье: преднамеренное сотрудничество или послушание из-за страха быть убитым?</i>	<i>32</i>
<i>Четвертое: путь спасения – к партизанам и в партизаны</i>	<i>33</i>
<i>Пятое: изменение фамилии и национальности</i>	<i>35</i>
<i>Шестое: оставленные дети и их сложные судьбы</i>	<i>37</i>
<i>Седьмое: немцы, полицейские, представители оккупационной гражданской администрации как спасители</i>	<i>39</i>
<i>Восьмое: каждая преграда могла быть непреодолимой</i>	<i>44</i>
<i>Девятое: изменение статуса – не есть полная защита</i>	<i>45</i>
<i>Десятое: карательные действия оккупантов против населения, оказывавшего помощь в спасении евреев</i>	<i>47</i>
1.5. Культура памяти	48
<i>Возвращение памяти</i>	<i>48</i>
<i>Образ идентичности</i>	<i>49</i>
<i>Конфессиональность</i>	<i>50</i>
<i>Духовность</i>	<i>50</i>
<i>Культура памяти</i>	<i>51</i>
<i>Сборник «Праведники народов мира»</i>	<i>52</i>

<i>Региональное представление</i>	53
<i>Книги-воспоминания</i>	53
<i>Новый исследовательский этап</i>	54
Розенблат Евгений. Спасение евреев Беларуси в годы Холокоста: некоторые теоретические аспекты темы	55
Винница Г.Р. (Нагария, Израиль) Спасение евреев Праведниками на оккупированной территории Восточной Беларуси	68
Корсак А.І. Стратэгія выжывання яўрэйскага насельніцтва ў гады нацысцкай акупацыі Беларусі: прыклад Дунілавіцкага гета	72
Ганс-Ульрых Пробст. Эльзбет и Герман Целлер (Германия)	78
Hans-Ulrich Probst (Deutschland)	79
Раздел 2. Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси	81
2.1. Минск и его Праведники	81
Андросик Александр Андреевич	81
Бабич Мария	82
Бируля Викентий и Вера, их сын Альберт	82
Бовт Иван Иванович	83
Быковы Иосиф и Елизавета, их дочь	85
Валендович Елена	86
Варакса Эмилия, ее сын Вячеслав и дочь Липень Тамара	87
Величко Анна	87
Винокурова Эмилия Петровна, Ласицкая Ядвига Петровна	88
Галаховы Денис и Нина	91
Герасимович Клара и ее дочь Хилькевич Инна	92
Глазбная (Симон) Ольга Дмитриевна	93
Голоцевич Екатерина, Уласик Юлия и ее дочь Наталья	95
Гржибовская-Слепова Александра	96
Евдокимова Мария	97
Емельянова Евгения	98
Игруша Виктор Ульянович	98
Калинина Мария и Филипович Михаил	100
Ковзус Мария	100
Крезю Анна и ее дочь Соловьева Надежда	101
Кухта Юлия Яковлевна	101
Лопатик Владимир и Мария, их сын Владимир	105
Лукьянович Никита и Софья, их дочь Светлана	106
Макарова (Крещенок) Валентина Михайловна	106
Макрушиц Надежда	107
Мановы Александр и Маргарита	108
Мариненко Надежда	108
Мачуленко Людмила Иосифовна	109
Новицкая Татьяна и ее дочь Зюликова Галина, Путан Леонид и его мать Путан Юзефа	112
Осипова Мария Борисовна, Осипова Тамара Яковлевна	113
Панасюк Михаил, Апатская Ольга и ее сын Владимир	118
Петрович Адам и Лидия, их дочь Петрович (Выхото) Валентина	119
Поликарпович Петр и Лидия, их дочери Татьяна и Валентина	123
Прокопович Александр и Мария, их дочь Софья Картавая Франциска и ее дети Виктор и Лариса	124
Простак Ирина Степановна	125
Рогачевская-Дулевич Александра	130
Сакуро Дарья	130

Салтанович-Лаврова Людмила	131
Светликов Николай и его жена Голушенкова Стефанида	131
Семашко Раиса Кирилловна	131
Серова Зоя Яковлевна	136
Сидоренко Ольга	141
Спарнинг-Демидова Вера	141
Канапацкая Фатима и ее дочь (Трофимова) Анна Сулеймановна	142
Филипович Варвара	143
Харецкая Мария	144
Семья Хачевских	145
Чапланова Ольга	145
Черная Анна Алексеевна, брат Виктор и сестра Валя	146
2.2. Из Минского гетто в поиске спасения	149
Василевские Иван и Зинаида	149
Зуевская Анна, Харитон Елизавета	149
Кулина Ольга	150
Подберезко Любовь	150
Пожарицкие Бронислав и Алима	151
Семенович Мария и Надежда	151
Сиваков Павел	152
Хмыз Прасковья	153
Хурс Анастасия	153
Хурс Емельян и Кристина, их сын Василий	154
Циханович Винсент и его жена Мария, их дети Александр и Станислава	155
Шашок Афанасий и Прасковья, их дочь Анастасия	155
Шашок Михаил и Евгения, их сын Александр	156
Шашок Пелагея	157
2.3. Бобруйские Праведники	158
Белявские Ефросинья и Александр	158
Звонник Александра	160
Лагун Феодосия	164
Лысюк Нина	166
Масюкевич Ирина	169
Михолап Стефанида и ее дочь Галина	171
Мороз Антон и Мария	173
Петрашко (Хамутова) Ядвига и дочь Александра	175
Русецкая-Кот Дарья	177
Ануфриевы Гавриил и Кристина, Семашкины Григорий и Феоктиста	177
Яловик Юлия и Виктор	179
2.4. Осиповичские Праведники	181
Цыганок Н.Л. Праведники Осиповичского района: история и современность	181
Праведники народов мира Осиповичского района	184
Михадюк Лидия	184
Михадюк Михаил	184
Метлицкий Федор	186
Денисов Алексей	187
Ракович Нина	188
Ракович Кирилл	188
2.5. Истории о Праведниках народов мира Беларуси	190
Алексеев Петр Ефремович	190
Алексеева Анна Евгеньевна	190

Хорошина (Демьянкова) Анна Ильинична	190
Михалкина (Пицунник) Лидия Ефимовна	190
Касперович Юлиан и Мария	193
Корбут Мария и ее дети Вера и Павел	193
Леонович Игнатий и Янина, Сикевич Костас и Мария	194
Макаренко Пелагея	194
Сморцевский Франциск и Кийовски Мария, Мозоль Степан и Агапа	195
2.6. Спасенные о праведниках	196
Борщева-Липович Ида	196
Вселюбская Татьяна	196
Грингауз Ревекка	200
Гуткович Лея	201
Заинц С.Л.	209
Каган Григорий	210
Крапина (Левина) Майя Исакаўна	213
Марголина Сима	213
Новодворский Михаил	222
Радашковская Майя	223
Рубинчик Абрам	226
Руховец Самуил Файвелевич	228
Рэйзман (Лосік) Фрыда	229
Утевская Сарра	230
2.7. Неизвестные спасатели	232
Крапина Майя. Мы вместе – Праведники и спасенные	232
Бутрим Мария Никодимовна	236
Иванов Михаил Сидорович	236
Иванова Галина Ефимовна	236
Кецко Антон Митрофанович	237
Книга Николай	238
Кузьмины Анна Миновна и Назар Калистратович	238
Кунич Р.М.	240
Лешукевич Михалина Викентьевна	240
Мякчыла Аўдоцця Дзямянаўна	241
Невинская Екатерина Константиновна	245
Неизвестная	245
Сабелло Василий Александрович	246
Сабелло Анна Антоновна, жена Василия Сабелло	246
Свиткова Мария Герасимовна	248
Семья И.П. Вишняковых и Домна Рыбакова	249
Приложение	251
Список Праведников народов мира г. Минска	251
Список публикаций о Праведниках народов мира Беларуси	253
Список публикаций о Праведниках народов мира Осиповичского района	254
Кніжныя выданні Гістарычнай майстэрні за 2003–2009 гг.	255
Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя на шляху ўзнаўлення праўды па гісторыі Халакоста ў Беларусі, вяртанню прозвішчаў і жыццяў Праведнікаў народаў свету	257

Обращение к читателю

Тема Праведников народов мира еще малознакома в белорусском обществе. Ведь война имела такие разрушительные последствия, что каждый третий из живущих был убит, повешен, умер от голода или вывезен на принудительные работы в Германию, страны Третьего Рейха. С другой стороны, были те, кто встал на защиту своего Отечества, семьи, достоинства. Они воевали на фронтах, в партизанских отрядах, подполье. Они победили и принесли освобождение от нацистской тирании. О них говорили и писали. О них помнит общество. Они – гордость и восхищение.

Так сложилось в послевоенной истории Беларуси, что те, кто был на оккупированной территории, попал в гетто, концлагеря, лагеря для военнопленных, принудительно был вывезен на работы в Германию, не были поставлены в ряд победителей. Немногие из нас и сейчас их могут назвать таковыми. В их ряду и Праведники – неизвестные герои войны, кто встал на защиту слабых, рискуя собственной жизнью и жизнью своих родных, детей и близких. Они помогали евреям, взрослым и детям, женщинам и немощным, гонимым на смерть, нищету, оскорбления. Они помогали военнопленным, партизанам, слабым и отчаявшимся. Их было так много в прошлом, но так мало осталось через времена послевоенных десятилетий в нашей памяти.

Возврат к осмыслению прошлого – еще одна страница в летописи Исторической мастерской. В ней истории Праведников, в ней живые истории спасенных и осмысление жизненного пути, культуры нашей памяти. Неизвестные герои войны и их истории – таков лейтмотив нашего разговора.

Руководители проекта:

*директора Минского международного
образовательного центра им. Йоханнеса Рау*

Виктор Балакирев и Астрид Зам

*управляющий Дортмундским международным
образовательным центром*

Петер Юнге–Вентруп

*председатель Союза белорусских еврейских
общественных объединений и общин*

Леонид Левин

Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на мемориальном комплексе «Яма» 20 октября 2008 г., Минск

Дорогие соотечественники!

Уважаемые зарубежные гости!

На этом скорбном месте, известном в нашем народе как мемориал «Яма», мы низко склоняем голову перед светлой памятью сотен тысяч мужчин, женщин и детей, ставших жертвами чудовищного геноцида.

Именно здесь покоится прах узников Минского гетто, уничтоженного фашистами в октябрьские дни 1943 г. Этот горестный памятник стоит в одном черном ряду с Бабьим Яром, Освенцимом и Хатынью.

В годы Великой Отечественной войны наша республика потеряла каждого третьего своего жителя. Это невосполнимая потеря для белорусского народа, заплатившего страшную цену за освобождение от фашистского рабства.

Нельзя забывать, что гитлеровцы обрекали на смерть миллионы людей разных национальностей.

Белорусских евреев уцелела малая горстка. Их убили только за то, что они были рождены евреями.

Как это могло случиться? Что двигало палачами? Какие нравственные и политические уроки должно извлечь человечество из тех трагических событий?

Обо всем этом глубоко задумываешься здесь, на месте мученической гибели узников Минского гетто, среди которых были и депортированные граждане многих стран Европы.

В эти скорбные минуты каждый из нас с особой отчетливостью должен осознать, что означают для цивилизации и для каждой взятой в отдельности человеческой жизни бредовые «расовые теории», международный терроризм, ксенофобия, национализм, возведенные в ранг идеологии, философии и политики.

Великая Победа, достигнутая беспримерной борьбой народов стран антигитлеровской коалиции и прежде всего Советского Союза – главного победителя «коричневой чумы», – стала доказательством того, что Жизнь побеждает смерть. Что Добро в итоге всегда восторжествует над бряцающим оружием злом.

Выступая в иерусалимском музее Яд Вашем, я с гордостью говорил, что белорусские евреи нашли в себе силы для борьбы и не склонили голову перед фашистскими убийцами. В гетто Несвижа, Пинска, Клецка, Глубокого, Лахвы, Кобрина, Новогрудка узники поднимали вооруженные восстания, уходили в леса, где вливались в партизанские отряды. В Минском гетто они также храбро сражались с врагом и, как могли, приближали Победу.

На фоне масштабных событий Второй мировой войны, может быть, и невелик подвиг 17-летней комсомолки, узницы гетто Маши **Брускиной**. Она летом 1941 г. вместе с такими же молодыми патриотами Володей **Щербацевичем** и Кириллом **Трусом** (их фашисты потом казнили) находила в оккупированном Минске йод, бинты и марлю, чтобы оказать помощь раненым красноармейцам.

Но и такие маленькие ручейки сопротивления питали мощную реку всенародной борьбы и общей Победы.

Об этом героизме сегодня напоминают мемориальная доска в память о подпольщице Маше **Брускиной**, улицы имени Михаила **Гебелева**, Исаия **Казинца**, десятки памятников в городах и местечках Беларуси. Где, не покорившись врагу, приняли мученическую смерть узники гетто.

Особую страницу в историю нашей общенародной борьбы вписали еврейские партизанские бригады и отряды. Славой овеяны имена их командиров – Шимона **Зорина**, братьев **Бельских**, Израиля **Лапидуса**, других героев антифашистского Сопротивления. Около 15 тысяч евреев сражались в рядах народных мстителей плечом к плечу с белорусами, русскими, украинцами и поляками.

Подчеркну, что в оккупированной Восточной Европе национальные еврейские отряды существовали только на территории Беларуси.

Неимоверно страдая от фашистских захватчиков и их пособников, белорусы близко к сердцу приняли огромное еврейское горе. Об этом говорят имена сотен наших соотечественников – Праведников народов мира, которые спасали от неминуемой гибели тысячи евреев – взрослых и детей.

Говорят, что для спасения города достаточно и одного праведника, а их в Беларуси в те страшные годы было очень и очень много. Больше, чем в каком-либо другом тогдашнем государстве Европы. Это красноречивый показатель отзывчивого и мужественного характера белорусов. И ответ на вопрос, почему наши отцы и деды выстояли и победили в той страшной войне.

Нас всегда выручали единение и взаимопомощь, подлинный интернационализм и естественное человеческое благородство.

В современной Беларуси очень много делается для того, чтобы утвердить принципы гуманизма и доброй воли. Мы свято чтим память всех, кто сражался с фашизмом на фронтах Второй мировой войны. В Бресте, под Сталинградом и Курском. Кто освобождал Варшаву, Прагу, Вену и Белград. Храбро бился с врагом под Монте-Кассино.

Наш святой девиз – «Ничто не забыто, никто не забыт!»

Но мы еще в большом долгу перед памятью фронтовых бойцов, партизан, подпольщиков и жертв нацизма. Все мы знаем, что в годы оккупации недалеко от Минска находился один из крупнейших в мире лагерей смерти – Тростенец. Здесь гитлеровцы уничтожили сотни тысяч людей, в том числе и жителей Европы.

Мы приняли решение создать в Тростенце величественный мемориал Памяти. В его возведении, я уверен, примут участие не только белорусы, но и волонтеры со всего мира. Все, кому дорог гуманизм, кто считает себя подлинным антифашистом. Это будет настоящий общеевропейский памятник – дань тем поколениям, на которые обрушились все тяготы и испытания XX века.

В эти горестные минуты общей скорби, мысленно обращаясь к светлой памяти каждой жертвы нацистских злодеяний – безмолвным теням женщин, мужчин, стариков и детей, которые незримо окружают нас здесь, на «Яме», – я твердо говорю: «Никогда больше!»

Никогда не должны повториться безумства фашистов!

Никогда не должны торжествовать идеи ксенофобии и национальной несправедливости!

Я обращаюсь к присутствующим здесь бывшим узникам гетто, прибывшим со всех уголков нашей родной Беларуси. К тем, кто приехал в Минск из России, Украины, Молдовы, США, Израиля, других стран. Как и весь белорусский народ, я разделяю ваше безмерное горе – утрату родных и близких. После всех перенесенных вами страданий от всей души хочу пожелать счастья и мирной жизни, радости от детей и внуков.

Как говорится в традиционном еврейском присловье – живите 120 лет!

Счастья и добра вам, мои дорогие люди!

Сердечно благодарен зарубежным гостям и представителям дипломатического корпуса за то, что вы сочли своим нравственным и человеческим долгом в 65-летнюю годовщину уничтожения Минского гетто разделить нашу скорбь и почтить вместе с нами память безвинных жертв.

Вечный покой и светлая память всем, кто принял мученическую смерть на этой земле!

Авив. Ноябрь 2008. С. 3.

Не заставляли, не принуждали. Так кто же такие Праведники?

Спасибо организаторам конференции и будущим создателям книги за интерес к нашим судьбам, нашим родителям, нашей молодости, детям с нашего двора.

Жизнь – мгновение. Кажется, что только недавно были молодыми и была война... Оставила она на нас свои кровавые следы. Сколько трагедий произошло. Но нам повезло. Мы живы.

Явление Праведничества – явление религиозное, историческое, общечеловеческое и, если хотите, народное по своему духу. И никто не имеет морального права предать это явление забвению.

У Сергея Есенина есть замечательное стихотворение «Шел Господь пытаться людей в любви...». Стихотворение написано под влиянием одной из народных легенд, будто Господь ходит по земле и проверяет, много ли на белом свете праведных людей. Чаще всего он ходит под видом нищего или странника. Поэтому, чтобы не обидеть его, надо обязательно подавать милостыню всем нищим и давать приют странникам.

Праведник – понятие своеобразное и неоднозначное. Традиционно считается Праведником тот, кто в своих поступках руководствуется принципом честности, справедливости, не нарушает правил нравственности. Но в годы войны, чтобы поступать по законам нравственности, надо было рисковать жизнью. Праведник – это не дань моде и времени, это жизненная позиция – помогать, выручать, защищать. Конечно, Праведники не ставят перед собой цели, чтобы все люди стали такими же, как они.

Самой дорогой ценой оплачивал человек, посмеявшийся противопоставить свои силы и возможности лавине, которая несется, погребая под собой счастье, мечты, саму жизнь.

Праведник готов помогать, но кричать об этом на всех перекрестках и каждому встречному не будет, не считая это достойным. Он такой же, как и все люди. У него своя жизнь, но он проживает ее рядом с тем, кто нуждается в его помощи. Таким образом, две судьбы складываются в одну, и судьба эта трудная и даже, может быть, трагическая.

О праведниках много сказано и написано. Но пока нет произведения, которое смогло достойно передать сложный путь праведника в экстремальной ситуации. Здесь есть над чем подумать и журналистам, и сценаристам. Они не вправе стоять в стороне, ибо сегодня решается будущее поколений, основанное на прошлом. Но творить надо деликатно, тонко, ненавязчиво.

Счастья, здоровья вам, люди!

Заботы и внимания от близких, милосердия от окружающих.

*Раиса Семашко,
Праведница народов мира.*

Сегодня мы вместе

Сегодня очень знаменательный день. Вместе с нами, спасенными, представители государств – Республики Беларусь и Германии. Люди доброй воли отдадут дань уважения и благодарности тем, кто, рискуя своей жизнью и жизнью своей семьи, спасали людей еврейской национальности.

XX век вошел в историю планеты Земля самым кровавым и варварским событием, не имеющим себе подобного, – как Вторая мировая война. Но как можно понять логику людей, строящих планы уничтожения целого народа. И этот план, возможно, осуществился бы, если бы на борьбу с огромной и мощной вооруженной машиной уничтожения не поднялась бы неуловимая многочисленная армия Праведников народов мира. Вот именно эта армия, вооруженная только своей добротой и бесстрашием, смогла противостоять планам гитлеровцев. Этому Гитлер не учел в своих преступных планах, и Праведники победили.

Оставшиеся в живых спасенные смогли рассказать о зверствах, преступлениях нацистов, чтобы мир узнал и помнил, чтобы это больше не повторилось.

Белорусская земля вся полита кровью. Муки и страдания выпали на долю народа, но не сумели варвары уничтожить в белорусском народе доброту, взаимопомощь тружеников. Все вместе трудились во имя Победы. В партизанском отряде имени Кутузова 2-й Минской бригады, где меня спасали, были армяне, корейцы, немцы, евреи, белорусы и русские, люди всех национальностей.

У Бога нет рас и национальностей. Есть душа добрая и душа варвара-фашиста. Давайте подумаем об этом. Давайте воздадим дань уважения им, малоизвестным героям Великой Отечественной войны.

*Фрида Рейзман,
бывшая узница Минского гетто,
спасенная Паладъей Шашок,
председатель общественного объединения «Гилф»,
один из организаторов конференции
«Праведники народов мира в Беларуси».*

Раздел 1. Германский оккупационный режим в Беларуси: Геноцид, Холокост и борьба за выживание еврейского населения

Кузьма Козак

Спасение евреев как одна из форм антигерманского вооруженного сопротивления в годы Второй мировой войны

1.1 Беларусь во Второй мировой войне: путь трагедии и победы

Общее положение. *Беларусь как страна трагедии* Треть населения погибла в этой войне, однако до настоящего времени составляющие потери не персонифицированы. Из более чем 800 тыс. военнопленных, погибших на территории Беларуси, известны только треть. Из более чем 70 тыс. евреев Минского гетто – только десятая часть. Такое же положение и в отношении других погибших во время Холокоста. В нашей стране больше неизвестных жертв. Мы не можем назвать всех сожженных своих граждан в более чем 600 населенных пунктах Беларуси. Многие памятники и памятные места через более чем столетие по окончании войны так и встали напоминанием и уроком перед молодым поколением. Однако за последние 15 лет намечена тенденция в разработке истории выживания населения Беларуси. Немало из имевшегося материала историками и общественностью подверглось критическому осмыслению. Положительным шагом стала разработка материалов по истории Холокоста, Праведничества, пребывания в концлагерях и гетто, использования принудительного труда в Германии и странах Третьего рейха.

Беларусь – страна-победитель С другой стороны, в условиях оккупации сложился уникальный пример наличия массовых и разнообразных форм сопротивления среди стран Европы. Однако в силу политических и, прежде всего, идеологических обстоятельств, такая социальная значимость темы в СССР способствовала обособленному анализу всего хода войны в рамках событий Великой Отечественной¹. В результате, учитывая весомый фактор победы, достигнутой СССР совместно с другими государствами антигитлеровской коалиции, наряду с фронтовой темой – организация всенародной борьбы, в том числе и в Беларуси, под руководством Коммунистической партии, стала основной в художественно-публицистической, а затем и научной литературе².

¹ Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. 2–е изд. М., 1970; Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. II. М., 1974; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: В 6 т. М., 1960–1965. Т. 1–6; См.: Языкович Э.Ф. Гістарыяграфія // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945. Мн., 1990. С. 165–167.

² Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945 гг. Кишинев, 1970; Гитлеровская оккупация в Литве. Вильнюс, 1966; Скопцов С.Г., Мельцер Д. В. Белорусская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Мн., 1968.

В официальных изданиях подчеркнуто говорилось о большом размахе партизанского движения в Советском Союзе и имевших место при этом немецко-фашистских потерях¹. При наличии на всей оккупированной территории партизанских сил в количестве более 1 млн. человек отмечалось, что их треть составляли белорусские народные мстители. Всего 374 тыс. партизан, около 400 тыс. резерва из состава местного населения, более 70 тыс. подпольщиков, около 12 тыс. антифашистов, а также миллионы обычных граждан, оказывавших посильную помощь частям Красной Армии и партизанам в организации различных способов противодействия политике германских органов. К этому можно соотнести и некоторую часть из малоактивного социального круга подростков, престарелых людей. Они, наблюдая за противоправным поведением оккупантов, с неприязнью относились к их политике и при возможности оказывали посильную помощь как участникам вооруженного сопротивления, так и нуждавшимся в поддержке².

Таким образом, учитывая, что более 600 тыс. жителей Беларуси воевало против германской армии на фронтах, то в своей совокупности это дало возможность назвать войну по форме и содержанию – Великой Отечественной войной.

Германские силы на оккупированной территории Для достижения политической цели – уничтожения одного из многонациональных государств Европы – на территории Беларуси действовало более 500 тыс. солдат, полицейских из состава вермахта и других служб, как СС, полиции безопасности и СД, тайной полевой жандармерии, абвера, а также привлеченных к данной деятельности представителей ряда стран Европы, как и местных коллаборантов. Только из состава местного населения народов СССР на территории Беларуси действовало не менее 150 тыс. полицейских. Они в основном были сконцентрированы в более чем 2,5 тыс. военно-полицейских, полицейских гарнизонах, участках, управах, охранных пунктах, блок-постах. Эти структуры играли наиболее значимую роль в практическом осуществлении директив по усмирению населения оккупированных территорий. С их помощью функционировало 515 различных мест принудительного содержания населения, в том числе 256 гетто, 68 тюрем, 191 лагерь³.

Состав участников сопротивления, формы и направления борьбы На начальный период войны в составе партизанских сил насчитывалось немногим более 10 тыс., через год количество достигло 50 тыс. состава вооруженных формирований. Практически, подполье на первых этапах подавлялось и, пожалуй, можно было бы согласиться с заявлениями немецкой стороны, что такое противостояние не представляло для них серьезной опасности. Загнанные в леса, еще не совсем готовые к выступлениям против обученного и хорошо вооруженного противника, партизаны или спецформирования накапливали

¹ Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: (Крат. очерк). М., 1965; Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1963; Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1974.

² Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945. С. 10, 14–15. *На оккупированной территории Украины действовало – 501 тыс., РСФСР – 250 тыс., Латвии – 12 тыс., Литвы – 10 тыс. См.: Филимонов А.А. Партизанский фронт в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1993. С. 88.

³ Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 С. 10–65. *Включая Белостокскую область. Подсчитано автором.

силы и опыт, который в последующем будет иметь значимое место в жестком противостоянии сторон. По мере осуществления нацистской программы уничтожения евреев, военнопленных, а также сторонников советской власти, где немалое число обывателей также оказалось вовлеченными в этот процесс, стал заметен подъем массового антигерманского сопротивления. При разнообразии широко используемых форм борьбы наиболее эффективными из них оказались: засада, налет, оборонительный бой, а также диверсии и рейды партизан¹.

Внешнее противостояние сторон значительно усиливалось за счет внутреннего. Ведь германские военные и полицейские формирования, а вместе с ними и часть привлеченного населения в составе полицейских и многочисленных вспомогательных служб (коллаборация), участвовали в массовых карательных и других акциях оккупационных органов против партизан и населения. И если на первом этапе противостояния партизанские силы были незначительны, то с 1943 г. они соединяли в себе части регулярных войск, спецподразделений, и немалое число местного населения. Исходя из политических, экономических и военных целей партизанского и подпольного движения, стало очевидным, что его организация невозможна без прямого и косвенного участия населения.

Таким образом, военные действия в Беларуси широко соединяли в себе как военную, так и гражданскую категории. Военная соединяла в себе руководящие политические формы, а исполнительная в большей степени зависела от вовлеченных в действия союзников и местных коллаборационистов. Движение сопротивления так же не было единым. В нем доминировали два направления – коммунистическое и националистическое (польское, украинское, белорусское и др.). В отношении второго советское руководство, пожалуй, не видело в нем серьезного конкурента, а просто не управляемой вооруженной силой². И еще одно существенное замечание украинского историка О.В. Романько, что в Беларуси между тремя основными ветвями оккупационного режима: военной, гражданской и полицейской – не было никакой принципиальной разницы, а имелись лишь некоторые чисто функциональные различия³. Действительно, такое представление сформировалось еще в начальный период войны и накладывало отпечаток на формы и методы деятельности партизан и подпольщиков. В отсутствие исследований по данному направлению такое принятое упрощение стало одним из главных тезисных представлений как советских, так и большинства современных историков.

Потери как главный показатель По мнению ряда российских историков, громадный материал, опубликованный в СССР в последние десятилетия, уже и сейчас позволил бы написать сравнительно объективную историю, если бы владели научной методологией. И в чисто военном понимании процесса войны ими выделена одна из важных категорий – потери как главный показатель эффективности действий армий и профессионализма военных руководителей⁴. В целом, ситуация для немецких войск на оккупированной территории

¹ Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечеств. войны. М., 1974. С. 144, 153–159.

² Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945. М., 2008. С. 134–135.

³ Романько О. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006. С. 132.

⁴ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Освещение в СССР – России второй мировой войны: итоги и проблемы // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 619–629.

Беларуси складывалась иначе, в отличие от европейской. С одной стороны, тактика массового уничтожения населения привела к уничтожению около 3 млн., или трети граждан Беларуси, с другой – сформировалось протестное массовое антигерманское вооруженное и пассивное сопротивление¹. Германской армии пришлось выступать одновременно на двух фронтах.

Составляющие трагедии и победы С другой стороны, тем не менее, одним из факторов, вызвавших рост сопротивления и в связи с этим увеличение потерь германской военной и гражданской администрации, является принятие политических решений, различного рода указов, директив и т.д., направленных на массовое подавление, принуждение и уничтожение целых народов (евреев, цыган, поляков, славян). В сложных и драматических условиях борьбы и противостояния с нацизмом в Беларуси потери партизан и подпольщиков составили 40 тыс. В то же время уничтожено 1,4 млн. жителей и 810 тыс. военнопленных. Основными формами убийства были расстрелы, сжигание деревень вместе с жильцами, голод и болезни в лагерях для военнопленных, перемещение для уничтожения в концентрационные лагеря Освенцим, Майданек, Трешлинка, Равенсбрюк, Заксенхаузен, Дахау и др., а также селекция части населения Беларуси при принудительном вывозе их на работы в Германию и страны Третьего Рейха. Кроме этого, по неполным данным, более 600 тыс. жителей Беларуси погибло на фронтах войны².

В структуре потерь фактор политической разобщенности населения, а вместе с тем и нелояльности по отношению друг к другу национальных групп (поляков, украинцев, литовцев, белорусов, в основном на территории Западной Беларуси), всячески усиливался германскими оккупационными органами для достижения собственных практических целей. Политика германского руководства способствовала расширению межнационального конфликта и составу потерь среди отдельных групп гражданского населения, вовлечению их в антипартизанскую деятельность³. Сведя до минимума свои национальные потери, тем не менее, в большей степени они были заметны со стороны привлеченной коллаборации – большого состава русских, украинцев, белорусов, татар, литовцев, латышей, как и французов, словаков, хорватов, румын, венгров и др. Как показывают итоги работы, проведенной на основе архивных и опубликованных материалов – категория уничтоженных партизанами

¹ Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга. Мн., 2005. С. 8–62.

² Беларускі гістарычны часопіс. № 2. 1995. С. 15. *Данные о количестве и составе уничтоженного населения во время транспортировки или перемещения по территории Беларуси не установлены. К сожалению, такое исследовательское направление не осуществляется историками с послевоенного времени (прим. – К.К.).

³ В одной из работ немецкого историка Вольфганга Штрауса «План «Барбаросса» и русские исторические споры») представлены внутренние, в большей части теоретические предпосылки уничтожительной войны. По представленным им данным, как фашистская, так и коммунистическая идеология находила применение при массовых расовых, классовых, этнических чистках (будут применены и в период оккупации СССР и Германии). В итоге обе системы при помощи противоправных решений усиливали внешний и внутренний антагонизм, вовлекая в систему уничтожения военных и мирных граждан, создавая обстановку конфронтации и агрессии; столкновение двух диктатур привело к ужасающим результатам Геноцида и Холокоста. Противоправные действия имели место с двух сторон. Потери СССР составили 20 млн. в период Второй мировой войны, 100 тыс. в советско-финской, 3 тыс. в польской кампании; тенденции на уничтожение противника не были прекращены и в послевоенное время; в результате Победа над фашизмом демонстрировала неоправданно высокую цену советского народа. См.: Strauss W. Unternehmen Barbarossa und der russische Historikerstreit. München, 2001. S. 13–15, 17–18, 28.

Беларуси более 500 тыс. немецко-фашистских захватчиков в равной мере относятся и к местной коллаборации. В итоге, из 506,5 тыс. потерь за период Великой Отечественной войны военные составили 103,2 тыс., коллаборация – 121 тыс., местная полиция – 52 тыс., гражданская администрация – более 39 тыс., а с учетом деятельности всех сторон антигерманского сопротивления (включая совместную деятельность с частями Красной Армии) – 160 тыс.¹.

Трагедия войны и высокая цена Победы заставила государство, гражданское сообщество внимательно посмотреть на итоги и характер борьбы. В основе концепции имевших место событий солдаты, партизаны, подпольщики и немало представителей из состава мирного населения, активно участвовавшего в антифашистской деятельности. В итоге за мужество и героизм, проявленный в борьбе с германскими оккупантами, 87 партизан, в т.ч. 9 женщин, удостоены звания Героя Советского Союза, около 140 тыс. награждены орденами и медалями². Однако на долгое время остались молчаливыми свидетелями и негероическими представителями войны военнопленные, узники концлагерей, гетто, принудительные рабочие, а вместе с ними и принимавшие участие в спасении активистов советской власти, евреев, цыган, местных жителей.

1.2. Евреи, традиции, война и ее представления

Еврейское население накануне войны Германский национал-социализм особо отразился на жизни населения Беларуси периода Второй мировой войны. Еще до начала военных действий высшим политическим и военным руководством было принято решение о германизации только 25 % граждан СССР, 20 % поляков, в отношении евреев, цыган предусматривалось тотальное уничтожение. Учитывая, что евреи в ряде мест республики составляли большинство из проживавших*, то меры по их ликвидации были обозначены германской военной и гражданской администрацией как первоочередные³. Так, уже с началом оккупации Польши, спасаясь от нацистского преследования, многочисленные группы из евреев, которые находились в ее восточной части, предпринимали отчаянные попытки выйти на территорию Беларуси. В большей части они не были допущены на территорию СССР⁴. Другая часть перемещенных на территорию Беларуси после сентябрьских событий 1939 г.

¹ Козак К.И. Германские оккупационные военные и гражданские органы в Беларуси 1941–1944 гг.: анализ и итоги потерь // Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі. Мн., 2006. С. 147.

² Беларусь в годы Великой Отечественной войны. С. 469.

³ По данным, в предвоенный период на территории Беларуси проживало 7,9 млн. белорусов, 940 тыс. евреев, 930 тыс. поляков, 590 тыс. русских, 160 тыс. украинцев, 90 тыс. литовцев, 6,5 тыс. немцев. Только 150–180 тыс. евреев в июне – августе 1941 г. смогли выехать в тыл СССР. Часть из них была призвана в ряды Красной Армии. Из Западной Беларуси выехало 22–30 тыс. Таким образом, по некоторым данным, в Беларуси проживало 650–680 тыс. евреев, из которых 570 тыс. – в городах, на западе – 35, востоке – 24, в городах и в совокупности около 6,5 % населения. См.: Engelgard E. F. Weißruthinien. Volk und land. Berlin /Amsterdam/Prag/Wien, 1943. S. 237; Goldhagen D.J. Hitlers willage Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Siedler Verlag Berlin, 1996. S. 380–381; Einsatz im „Reichskommissariat Ostland“: Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944. Berlin, 1998. S. 33; *По данным немецкой стороны, проживало накануне войны около 900 тыс. еврейского населения. Непосредственно в Минске – 100–120 из 238 тысячного населения города. См.: Chiari B. Alltag hinter der Front. S. 238; К началу войны евреи составляли 12,8 % населения Беларуси, т.е. более 1 млн. См.: Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000. С. 156.

⁴ НА РБ. Ф. 4. Оп. 21. ЕХ. 1683. Л. 235–238.

как с этнической части Польши, так и других регионов, составила к началу 1940 г. 110 тыс. беженцев, в основном еврейского населения (около 87 тыс. оставались в Западной Беларуси)¹. Они в условиях политики дезинформации, направленной на сохранение спокойствия среди населения, в т.ч. еврейского, практически в большинстве своем остались в зоне оккупации территории Беларуси германскими войсками².

Кто остался – женщины Проведенные государственными органами мобилизационные меры, призыв мужского населения в Красную Армию и эвакуация части граждан уже в условиях военных действий на оккупированной территории значительно усилила миграционные процессы. Более 2 млн. граждан Беларуси оказалось за ее пределами. В итоге на местах осталось более 7 млн. ее жителей. Немаловажным обстоятельством в данной ситуации стало доминирование женщин и детей в гражданском обществе. К примеру, в центральной части женщины составляли 61 %, а мужчины – только 39 %. В восточной части Беларуси женщин еще больше – две трети.

Таким образом, в ходе общего процесса, связанного с партизанским движением, политикой оккупационных органов, а вместе с этим и буднями выживания – связующим звеном оказались женщины. Это в конечном итоге повлияло и на разработку вопроса об их участии и роли в войне. К примеру, если большинство из 400 тыс. вывезенных из Беларуси на принудительные работы в Германию были легализованы, то на этом пути безымянными остались тысячи из них, кто не выдержал маршей, погиб (убит) при пешем или транспортном передвижении в лагерь, тюрьмы, на станции, пересыльные пункты, а затем при селекции отбора живого товара. Именно женщинам доведется быть защитниками детей, стариков, евреев; содержать на довольствии солдат вермахта и партизан; умирать в сожженных деревнях, переносить блокады, карательные акции; надеяться и верить.

Война. Правовые основы взаимоотношений германских органов с еврейским населением Практическое осуществление карательных мер в Беларуси началось с момента установления оккупационного режима и являлось непременным атрибутом всей политики геноцида. Как правило, оно осуществлялось по следующим направлениям:

- путем физического уничтожения как комиссаров и как поборников большевизма или с целью завладения имуществом или получения материального вознаграждения;
- временной изоляцией и ограничением передвижения при выполнении тяжелых работ;
- полной изоляцией, т.к. приказы требовали выдачи евреев германским властям на всей оккупированной территории. За нарушение следовали карательные меры;
- тотальное уничтожение по национальному признаку.

В каждом из данных направлений имелись свои специфические особенности. Однако их характер сочетал как военные, так и административные методы. Уже в первом административном распоряжении от 7 июля 1941 г. командующий тыловыми армиями группы «Центр» М. фон Шенкендорф среди

¹ НА РБ. Ф. 4. Оп. 21. ЕХ. 2075. Л. 100, 276–287.

² Воронкова И. Ю. Минск 22–28 июня 1941 г. // Трагічнае лета 1941: напамін гісторыі. Мн., 2001. С. 36; Иоффе И. Г. Страницы истории евреев Беларуси. Мн., 1996. С. 111.

прочих установил знаки отличия для евреев и евреек¹. Для усиления эффективности системы управления округами, районами, городскими районами, гминами и деревнями, в составе их руководителей (бургомистры городов и районов, старосты деревень) евреи не допускались². В последующих директивах германского руководства были определены правила проживания, хозяйственная и культурная деятельность, порядок передвижения, посещение театров, кино, выполнение ритуалов и т.д.³.

Таким образом, жизненное пространство для евреев было определено решениями главного командования от 24 ноября 1941 г., уточнениями коменданта ГОБ от 15 декабря 1941 г. В приказе № 24 от 24 ноября об уничтожении евреев и цыган говорилось: *«Евреи и цыгане. Как требуют вышеназванные приказы, евреи должны исчезнуть с лица земли, а также должны исчезнуть с лица земли, а также уничтожены цыгане. Проведение больших акций против евреев не входит в задачу частей... Эти акции будут проводиться гражданскими властями и полицейскими частями»*⁴. Данное дополнялось нормативными актами Рейхскомиссариата «Остланд» по решению еврейского вопроса от 27.08, 25.09, 1.11.42; 17.03, 22.03, 15.06.43 и др. К примеру, решением от 27 августа 1942 г. было уточнено, что гетто – это политическое мероприятие и входит в сферу вопросов отдела политики. А к вопросам администрации отнесены: создание и содержание гетто, сохранение рабочей силы евреев, эксплуатация сооружений; обслуживание безопасности – задача СС и полиции. Обеспечение недвижимого имущества должна заниматься администрация гетто. Характерным для германской стороны является отнесение к предметам движимого имущества «использование рабочей силы евреев, считающейся захваченным имуществом»⁵.

По завершению оккупации на всей территории Беларуси были установлены надзорные пункты: охранные пункты, блокпосты, контрольно-пропускные пункты, пункты жандармерии, заставы, полицейские участки, комендатуры, патрули и др. Ограничения перемещений в комендантский час становятся непреодолимым препятствием для евреев. Казалось, за пределами гетто ожидается свобода. Нет. Каждый продолжал жить в ожидании смерти. И нередко так это и происходило. К примеру, в отчете айнзатцгруппы «В» значится, что при расстреле «коммунистических функционеров» в Бобруйске убит еврей – младший командир, который, по собственному признанию, как санитар отравил 2 немецких офицеров и 4 солдат (09.41)⁶. Или же при патрулировании д. Довнарщина и Ждановичи Столбцовского района 3 апреля 1943 г. были замечены четыре посторонних лица. Патруль, открыв по ним стрельбу,

¹ НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. ЕХ. 953. Л. 1–15.

² Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 198–199.

³ Einsatz im „Reichskommissariat Ostland“. S. 36.

⁴ ВА-МА. RH 26–281; Einsatz im „Reichskommissariat Ostland“: Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944. Berlin, 1998. S. 35; Иоффе Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945. Мн., 2003. С. 109.

⁵ Инструкция отдела финансов Рейхскомиссариата Остланд генеральным комиссарам Латвии, Литвы и Беларуси об управлении гетто, 27 августа 1942 г. // Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 69–70.

⁶ Альтман И. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С. 323.

убил двоих, а остальных – при попытке к бегству. При этом все убитые были определены евреями из Минска¹.

Имелись и другие, связанные с массовой тактикой запугивания населения, формы и методы массового уничтожения. Вот некоторые из них. В Беларуси 16 сентября 1941 г. приказом о заложниках введена система двойной ответственности. В назидание другим, если виновные не будут обнаружены, «искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить в общем и целом смертная казнь 50–100 коммунистов»². При повторном случае количество заложников удваивалось. При этом действительного установления германскими органами вины заложников не требовалось. Для примера о системности подходов оккупационных органов в отношении заложников можно сослаться и на более поздний период времени. Так, 10 февраля 1944 г. генеральный комиссар Беларуси фон Готтберг издал специальное распоряжение «об охране и разминировании населением железных и шоссейных дорог». Для разминирования дорог обычно местных жителей заставляли впрягаться в бороны и тянуть их по дороге. По окончанию чудовищного способа ведения войны к имевшим место потерям со стороны населения добавлялись еще и сожженные оккупантами близлежащие деревни³.

Показательны трудовая зависимость населения от оккупационных органов. Так, начальник службы полиции безопасности и СД в Генеральном округе Беларусь **Штраух**, принявший под свое руководство воспитательный лагерь Тростенец, намеревался осуществить в нем три ступени воспитательной работы:

1. Жесткие меры, тяжелый труд, строгие телесные наказания.
2. Напряженный труд, но лучшая работа и лучшее обращение.
3. Работа вне лагеря на фирмах и т.д.

«Возник вопрос, буду ли я принимать в лагерь людей, не причастных к саботажу. Будьте спокойны: уже принимаю. В настоящий момент я больше ничего не могу сказать, так как лагерь еще не полностью оборудован, но я заверяю, что это будет. Я буду возвращать людей из лагеря облагородившими и трудолюбивыми»⁴.

Вообще, любое неповиновение рассматривалось как акт саботажа, подозрение в антигерманских настроениях. Да и другие поводы повсеместно использовались в практике нацистов. Ведь поведение в сложных военных условиях усиливалось чувством страха, способствовало неадекватному поведению граждан, что в немалой степени служило поводом для принятия со стороны оккупационных органов жестких мер.

Пропагандистские призывы к убийству После массированных бомбовых атак германскими войсками Минск был разрушен и превращен в руины. Однако, учитывая, что настроение населения было подавленным, так как многие остались без крова, а продовольственное положение катастрофически

¹ Холокост в Беларуси. 1941–1944. Документы и материалы. Мн., 2002. С. 129.

² Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 175.

³ Всенародная борьба в Белоруссии. Т. 3. С. 218–219.

⁴ Доклад службы безопасности в Минске. Минск, 10 апреля 1943 г. // Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апреля 1943 года. Мн., 2006. С. 180. *В лагере смерти Тростенец было уничтожено 206,5 тыс. евреев, участников сопротивления и других категорий гражданского населения. Он – один из наиболее крупных лагерей смерти периода Второй мировой войны. См.: Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. С. 292.

ухудшалось, то первые пропагандистские акции германских служб были в определенной мере схожими с аналогичными при оккупации стран Европы. Так, во всем виновны евреи, даже *«дома, очевидно, подожжены евреями, так как они должны были освободить для возвращающихся белорусских беженцев»*. Далее следует вывод о том, что ярость населения уже вызвала некоторые акции против евреев. Население готово начать погромы¹.

Что касается военных формирований, участвующих в зачистке оккупированных территорий, то достаточно емко их ролевое положение обозначено в военном дневнике 221-й охранной дивизии (8.07.41). *«На основании утверждения, что повсюду, где живут евреи, очистка территории наталкивается на трудности – поскольку евреи поддерживают формирование партизанских отрядов и дестабилизацию обстановки на данной территории вследствие присутствия отставших от своих частей русских солдат...»*. И далее, в записи от 18 августа 1941 г. схожая формулировка: *«При проведении всех этих мероприятий чрезвычайно важно сломить влияние евреев, которое в некоторых местах сегодня является определяющим и до сих пор не сломлено. Эти элементы должны быть подавлены самыми жестокими мерами, поскольку именно они, как это подтверждается местным населением, поддерживают связь с Красной Армией и воюющими бандитами, поставляют им сведения, необходимые для вылазок против германского вермахта»*².

Для понимания сложившейся ситуации на территории Беларуси в начальный период войны, пожалуй, лучше использовать термин «хаос», как более точно характеризующий положение и состояние германских оккупационных органов. Здесь и первопричина стихийного антигерманского сопротивления представлена ими с учетом главной политической задачи нацистской идеологии – евреи должны быть уничтожены. Это в последующем, когда действительно с 1943 г. на территории Беларуси будет действовать массовое партизанское движение, оккупационным властям придется, уже при отсутствии уничтоженных ими евреев, прибегать к удобному для них сравнению «Партизан – это тот же еврей».

Таким образом, определение оккупационными органами нарастающего партизанского движения как еврейского только усиливало карательные действия в отношении всех категорий населения. Причем, нередко находясь в относительно безопасных местах за пределами гетто, евреи становились случайными жертвами.

Действительно, модель организованного ими поведения части оккупированного населения должна была быть направлена на якобы сознательное антиеврейское проявление. И германским оккупационным органам это удалось осуществить в странах Европы, а также в Польше, Западной Украине, прибалтийских государствах. Поэтому в Беларуси немцы усиленно пропагандировали среди населения, что евреи – это враги русского и белорусского народов, что они пользовались их трудом, пили их кровь, что все беды, выпавшие на долю русского и белорусского населения, являются результатом деятельности евреев, и призывали население помочь им в их уничтожении³.

¹ Сообщение № 20 оперативной группы «Б» о положении в Минске, 12 июля 1941 г. // Judenfrei! Свободно от евреев! С. 27.

² ВА-МА. РН 26/221-10. Вл. 87; 21. Вл. 294; Кеер Х. Вермахт и Холокост // Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997. С. 37–38.

³ Справка Н.А. Коссого ... // Холокост в Беларуси. 1941–1944. Док. и материалы. Мн., 2002. С. 202.

Тем не менее, даже после некоторой пропагандистской деятельности спецслужб им так и не удалось спланированно провести еврейские погромы. Как показывает практика, население стремилось быть в стороне от осуществляемой германскими органами политики уничтожения. Оно сострадало и симпатизировало евреям. Но однозначно принимать такие утверждения не всегда будет правильным.

Наряду с этим, практически в каждом населенном пункте имели место отдельные проявления антисемитизма¹. Однако они были кратковременными, единичными, не имели массового характера и осуществлялись под жестким контролем и при непосредственном участии германских органов. Активно способствовали политике массового уничтожения еврейского населения Беларуси также полицейские формирования Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, а также русские и белорусские коллаборационные структуры. Учитывались и материальные стимулы для местного населения в приобщении к содействию по выявлению и ликвидации представителей советской власти. Это касалось, прежде всего, их идеологических противников – подпольщиков, членов семей коммунистов, партизан, действующих на фронтах солдат Красной Армии, участников сопротивления. Небольшие денежные выплаты за предоставление информации или выдачу евреев, по мнению оккупационных органов, во времена нищеты и разрухи достаточно привлекательны.

Однако главным стимулом, побуждавшим к различным действиям сторон в системе оккупированного режима на территории Беларуси, оставалась директива: за невыполнение приказа ... – расстрел.

1.3. Формы сопротивления оккупационному режиму

Партизанское движение Одной из значимых тенденций, оказавших влияние на состояние германских органов управления, жизнь местного населения стало массовое партизанское движение в Беларуси. В нем было задействовано как минимум около 1 млн. человек. Наиболее его активная часть находилась в лесах в составе партизанских групп, отрядов и бригад. Им была присуща вооруженная деятельность по подрыву транспортных средств, нападений на военно-полицейские гарнизоны, организации засад. В итоге, оккупационным органам за период войны был нанесен значимый урон – более 500 тыс. убитых, раненых, пропавших без вести и перешедших на сторону партизан, как солдат, так и полицейских, включая местные полицейские вспомогательные силы.

Между тем, состав партизанских сил не был однообразным или статичным. Уже с начала своего формирования, объединяясь в национальные формирования, он приобрел весомую характеристику. Так, в качестве самостоятельных антифашистских движений, кроме белорусских, существовало польское, украинское, а также еврейское. Для первых двух, наряду с антигерманской, была заметна и антисоветская направленность. Так, уже с середины октября 1941 г. германскими органами отмечено польское движение на территории Беларуси как значимая сила. В 1941–1942 гг. действовало 3–5 тыс. вооруженных польских и 1–2 тыс. украинских из числа националистических подразделений. Они, безусловно, в определенной мере также ослабляли оккупационный режим².

¹ Смилевичкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 156.

² НА РБ. Ф. 3500. Оп. 2. ЕХ. 30. Л. 204.

Что касается еврейского партизанского движения, то оно стало составной частью общего белорусского движения. Часть евреев вступала в местные отряды, где большинством были местные жители, бывшие военнослужащие или военнопленные из близлежащих лагерей. Другая – постепенно формировалась вокруг наиболее боевых еврейских групп, затем отрядов, постепенно вовлекая под свою защиту еврейских женщин, детей и престарелых родителей. Семейственность стала одним из основных признаков таких структур. Однако такое состояние для них не являлось постоянной чертой. И если на первом этапе – еврейская группа, отряд, то через некоторое время, после крупных блокад, планируемых и проведенных боевых операций, их ослабленные силы переходили под защиту более сильных формирований в другие районы дислокации. Таким образом, они переставали быть чисто еврейскими. В данном направлении свою роль сыграли и вводимые решения, приказы, меры руководящих партийных органов по дальнейшему организационному и национальному строительству антифашистских формирований. К таким, прежде всего, можно отнести отряд им. Г.К. Жукова (Баранов. соед.), им. М.И. Кутузова (Минское соед.) и др.¹.

И даже разъединенные по каким-либо причинам, родные и близкие, члены семей стремились, по возможности, определиться в своих чувствах и желаниях. Так, в основе таких представлений, после ухода во время массовой акции уничтожения Минского гетто (28 июля 1942 г.), в словах одной из узниц заметна двойственность ее трагического положения. *«Теперь я тоже партизанка. Если я погибну, то знай, что твоя несчастная жена мстила врагу и погибла героически...»*. Больше писем Таня **Либова** написать не успела. Она погибла в бою².

Всего в партизанах, по неполным данным, значится около 12 тыс. евреев, около 1,5 тыс. входили в состав спецгрупп, которые засылались на оккупированную территорию Беларуси в первые месяцы войны, а также воевали в особых диверсионно-разведывательных партизанских отрядах по линии наркоматов государственной безопасности СССР и БССР, наркоматов внутренних дел СССР и БССР, генерального штаба Красной Армии, а также около 500 евреев – выходцев из Литвы. Таким образом, на территории Беларуси сражалось не менее 14 тыс. евреев³.

Подпольное движение Значимые показатели имела и подпольная деятельность в оккупированных городах и деревнях Беларуси. При помощи диверсий и одиночных актов оккупационным силам наносился значимый урон как материальный, так и физический. Среди таковых Минское городское подполье, в том числе и Минского гетто. Имена Михаила **Гебелева**, Маши **Брускиной**, Хаси **Пруслиной** и др. В сентябре – октябре 1941 г. в городе возникла крупная подпольная организация – Военный совет партизанского движения (ВСПД),

¹ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–июль 1944). Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Мн., 1983. С. 89, 409–410.

² Либова Т. Неотправленные письма // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами (Трагедия и героизм евреев Белоруссии). Балтимор, 1996. С. 498.

³ Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 364. *Наряду с приводимой в монографии государственной функцией антиеврейского террора и антисемитизма со стороны нацистской Германии, утверждение о третьей (вторичной) – партизанской – функции антисемитизма вызывает удивление (прим. – К.К.). См.: Там же. С. 359–360.

в состав которого входили бывшие командиры и политработники Красной Армии¹. Однако на протяжении 1941–1942 гг. деятельность Минского подполья является не только героическим, но и самым драматическим в его истории. Город был наводнен агентурой абвера, полиции безопасности и СД. В марте – апреле 1942 г. по доносам агентуры было арестовано более 400 подпольщиков. 7 мая 1942 г. публично повешено 28 руководителей и расстрелян 251 подпольщик². Сложилось противоречивое отношение к подполью. Первыми пострадали, хотя и в разной степени, лица, установившие связь подпольного горкома с подпольным обкомом КП(б)Б: А.А. Езубчик, Х.М. Пруслина, М.И. Батурина, Н.Л. Одинцова и др.³. Провалы и аресты продолжались в сентябре и ноябре 1942 г. Практически руководители городского подполья были арестованы. Однако при всем этом на протяжении 1942 г. вели борьбу более 100 подпольных организаций и групп⁴. Всего в рядах антифашистского подполья Беларуси состоялось около 13500 евреев, а в Минске – свыше 300⁵.

Экономический саботаж Наряду с вооруженной формой деятельности, в основном контролируемой руководящими партийными центрами, обозначена еще одна – срыв мероприятий оккупантов, саботаж⁶. И если в советской историографии под данным термином понимали всестороннюю помощь партизанам, саботаж деятельности промышленных и сельскохозяйственных предприятий, укрытие продовольственных и сырьевых ресурсов, то в зарубежной литературе данное направление представлено более широким спектром – пассивным сопротивлением.

Фактор успешной экономической деятельности достаточно важен для одержания победы в войне. Ведь дестабилизация положения в хозяйственной сфере мгновенно отражалась на состоянии как больших армий, так и мелких подразделений. Замедление процесса технического и бытового обеспечения

¹ Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941–1944. Мн., 1992. С. 104. *Роковую роль сыграла радиোগрамма первого секретаря ЦК КП(б)Б, начальника ЦШПД П.К. Пономаренко «Всем партизанским бригадам и отрядам Белоруссии» от 2 ноября 1942 г. следующего содержания: «Немецкой разведкой в г. Минске организован подставной центр партизанского движения с целью выявления партизанских отрядов, засылки в них от имени этого центра предателей, провокационных директив в ликвидации партизанских отрядов. Этот центр партизанскими отрядами Минской зоны разоблачен. Имеются сведения, что в этих же целях немецкой разведкой создан второй центр, который также рассылает директивы и людей и пытается связаться с партизанскими отрядами...». См.: Там же. С. 134; НА РБ. Ф. 4386. Оп. 1. ЕХ. 6. Л. 27.

² Всенародная борьба в Белоруссии. Т. 1. С. 239. *В некоторых документах указывается, что казни происходили 9 мая 1942 г. См.: НА РБ. Ф. 4386. Оп. 1. ЕХ. 11. Л. 129.

³ НА РБ. Ф. 3500. Оп. 21. ЕХ. 41. Л. 216. *17-летняя Нина Одинцова 19 ноября 1942 г. была необоснованно расстреляна в партизанской бригаде им. М.В. Фрунзе за сотрудничество с руководством «подставного» горкома. См.: Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941–1944. С. 104.

⁴ Всенародная борьба в Белоруссии. Т. 1. С. 250. *В частности, подпольщики Минского железнодорожного узла, имевшие тесные связи с партизанами, выполняя указания секретаря горкома КП(б)Б И.К. Ковалева, занимались спасением детей, женщин, стариков в гетто, выводили их из города в безопасные места, партизанские отряды. См.: Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941–1944. С. 127.

⁵ Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 358, 364. *Ссылки на источники отсутствуют – К.К.

⁶ Всенародная борьба в Белоруссии. Т. 1. С. 28. *Авторы монографического издания, придерживаясь классового подхода при изучении исторических явлений, отметили, что определение грани участия невооруженного населения в борьбе явление сложное. Однако данная характеристика отнесена лишь к формам разнообразной помощи партизанам или подпольщикам. См.: Там же. С. 29.

накладывали отпечаток на характер деятельности солдат вермахта, полицейских служб, гражданской администрации. Вот почему определение первопричин возникающей проблемы для оккупационных органов стало одной из первоочередных задач.

Характерно для данного положения заявление в начале сентября 1941 г. коменданта Белоруссии: *«Евреи, составляющие в городах большинство населения, являются инициаторами кое-где возникающего повстанческого движения. Еврейское население – настроено большевистски и способно на любое антинемецкое выступление...»*¹. Складывалась ситуация, что невозможно будет преодолеть экономический саботаж без окончательного решения вопроса. Немного позднее, в секретном докладе коменданта Белоруссии о положении в Белоруссии отмечено (10.41): *«Евреи, как духовные руководители и носители идей большевизма и коммунизма, являются нашими смертельными врагами. Их следует уничтожить. Повсюду, где нам пришлось выступить против актов саботажа, травли населения, попыток сопротивления и т.п., мы замечали, что евреи являются защитниками и подстрекателями, отчасти и активными участниками. Если в какой-либо деревне произошел случай диверсии, а после этого уничтожают всех евреев, то можно быть уверенными, что убит виновник или, по крайней мере, защитник. Если патруль установил, что в какой-либо деревне настроение выжидающее и боязливое, уничтожают там всех евреев, то через короткое время намечаются сильный подъем настроения и сильное сотрудничество с нами белорусского населения»*².

При этом нередко высокая квалификация евреев оставалась на некоторое время их гарантом выживания. К примеру, в секретной записке группенфюрера СС **Мюллера** (18.05.1942), касательно окончательного решения еврейского вопроса, указано. *«По сообщению Главного командования сухопутных сил, в НКР 630 в Минске евреи, работавшие ремесленниками, несмотря на противоположные обещания, были подвергнуты особому обращению с ними, чем был существенно снижен потенциал этого объекта. Если это соответствует действительности, я прошу в будущем в ходе осуществления генерального указания рейхсфюрера СС и командующего германской полицией до дальнейшего указания исключить работоспособных евреев и евреек в возрасте от 16 до 32 лет из особых мероприятий. Эти евреи должны быть подключены к всеобщему использованию в качестве рабочей силы – в концентрационных лагерях или трудовых лагерях»*³.

Характерные черты сопротивления Анализ состояния и поведения населения в условиях оккупации дает возможность определить некоторые особенности в осуществлении геноцида в Беларуси. Кажущаяся устойчивая тенденция уничтожения военнопленных, евреев, цыган, активистов советской власти, саботажников и других категорий имела, тем не менее, одну из важных, но малозаметных форм для внешнего круга общества – пассивное сопротивление. В таких условиях погибло около третьей части граждан республики, более половины становились свидетелями карательных действий,

¹ Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 358; НА РБ. Ф. 217 с/р-651. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–33.

² Иоффе Э.Г. Белорусские евреи. С. 358; НА РБ. Ф. 217 с/р-651. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

³ *По представлениям российского историка Ильи **Альтмана**, сопротивление бывает физическое и моральное, коллективное и индивидуальное. Одной из самых распространенных форм является экономическое. См.: Альтман И. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 305.

около миллиона было вовлечено в вооруженную борьбу. Таким образом, можно заметить, что при определении характеристик такового – оно выходит на первый план как самое массовое. В его коллективизации действий есть глубокие внутренние мотивации. В данном аспекте оно присутствует:

- в полном, частичном или первичном отказе от выполнения директив, приказов, решений оккупационных органов;
- сокрытии информации от оккупационных органов о фактах антигерманских настроений;
- отказе в помощи германским органам по выявлению евреев, бывших активистов советской власти;
- оказании практической помощи узникам гетто (предоставление временного убежища, изготовление документов, снабжение одеждой, питанием и др.);
- временном или постоянном укрытии в собственных жилищах и сохранении жизни еврейским семьям, особенно детям;
- отсутствии в гражданской среде националистических проявлений, которые снижали антиеврейские, антирусские, антипольские проявления, всячески пропагандируемые германскими оккупационными органами;
- выработке коллективных позитивных настроений веры в скорейшее освобождение территории Беларуси.

В совокупности приведенных примеров, можно сделать вывод, что пассивная форма играла важную роль в самоопределении своего отношения к оккупационным событиям и служила связывающей ступенью перехода к организованной – вооруженной – деятельности¹.

Представляя примеры таких положений, можно заметить некоторое их несоответствие. Если в большинстве своем политика уничтожения была направлена на еврейское население, то в немалой степени это касалось и военнопленных, партизанских семей. Так, узник Минского гетто Шалом **Зорин**, работая в лагере для военнопленных, познакомился с пленным командиром, старшим лейтенантом С.Г. **Ганзенко**. Для спасения на повозке с мусором ему удалось вывезти его из лагеря в гетто, а затем с помощью партизанских связей переправить в партизаны².

Пассивная форма сопротивления: общее и частное Следует отметить, что самой распространенной формой сопротивления являлась пассивная. Она должна быть соотнесена не к вооруженным формированиям и их руководящим органам, которые уже в начальный период войны определили методы и формы деятельности, направленной на уничтожение живой силы, ослаблению ее технического обеспечения. Данная категория наиболее применима к местному населению, находившемуся в условиях оккупационного режима. Однако неразработанность вопросов о формах деятельности и отношении жителей к оккупационным органам позволила на долгое время оставить данный феномен в тени основных событий. Тем не менее, можно утверждать, что по своим показателям разнообразие использовавшихся невооруженных форм пассивного сопротивления было достаточно эффективным. К примеру, массовые побеги в ряде гетто Беларуси. Так, в Мире при помощи местных полицейских

¹ Боффи Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 117.

² Файтельсон А. Непокорившиеся. Летопись еврейского сопротивления. Тель-Авив, 2001. С. 502.
*Ганзенко С.Г. стал командиром отряда, а затем бригады им. С.М. Буденного. См.: Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. С. 37–38.

удалось уйти более чем 200 узникам. В Ляхве на 2,5 тыс. узников приходилось только 15 топоров. Однако нападение на одного из карателей закончилось удачей и послужило началом к восстанию. Для наведения порядка охране гетто пришлось расстрелять около 1950 человек. Однако около 600 удалось бежать, а 150 из них стали партизанами¹.

Выделим главные аспекты пассивной формы: массовость и общность. Так, массовость (примерно 5–6 млн.) способствовала коллективным позитивным настроениям – веры в выживание, веры в освобождение. Она служила связывающей переходной ступенью к вооруженной боевой деятельности в формах:²

- оказания хозяйственной помощи партизанам, предоставления им приюта, информирования о составе и дислокации германских подразделений;
- выпуска бракованных изделий на предприятиях, укрытия части сельскохозяйственной продукции, систематического или кратковременно невыполнения экономических повинностей;
- отказа от сотрудничества, от занимаемой должности;
- систематического избегания принудительного вывоза в Германию;
- непредоставления информации оккупационным органам о фактах антигерманских настроений;
- оказания моральной и практической помощи евреям, военнопленным, активистам советской власти;
- отсутствия в гражданской среде националистических проявлений, которые снижали антиеврейские, антирусские, антипольские проявления, пропагандируемые германскими органами.

Такие проявления в системе военных идеологических ценностей воспринимались со стороны германских органов – как скрытое сопротивление местного населения, что в условиях вооруженной деятельности расширяло круг потенциальных жертв.

С другой стороны, советские органы для достижения главной цели – быстрого освобождения оккупированных территорий – придерживались жесткого идеологического влияния на основе действующих партийных, командно-административных норм. Для определения выбора в деревнях, на перекрестках дорог, близ немецких гарнизонов и в гарнизонах часто появились надписи: «Стои! Что ты сделал для разгрома фашизма?», «Сколько ты убил немцев?», «Почему ты до сих пор не в партизанах?»³. В результате, немалая часть из не определившихся попадала в категорию паникеров, трусов, пособников германского рейха. На снисхождение не приходилось рассчитывать не только тем, кто сотрудничал с оккупантами, но и людям, которые под сенью оккупации пытались создать свой уголок жалкого и элементарного благополучия. Неважно, шла ли речь о кандидате в предпринимательство, варившем пиво для немцев, или о девице, не слишком строго державшей себя с вражеским офицером. Война в СССР приобрела то свое наиболее элементарное и беспощадное выражение, при котором нет места для сохранения жизни⁴.

¹ Альтман И. Жертвы ненависти. С. 341.

² Боффи Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 117.

³ Кобринец П.Н. Могучий фактор мужества и героизма. Мн., 1985. С. 64.

⁴ Боффи Дж. История Советского Союза. Т. 2. С. 118.

Тем не менее, большинство граждан в условиях оккупации выживало с учетом сложной военной обстановки и действовавших карательных норм и положений. Особые условия выживания требовались в период проводимых германскими военными подразделениями акций массового уничтожения населения в 1943–1944 гг. в партизанских зонах.

1.4. Пути из гетто к спасению: этапы и их характеристики

Общее положение. В совокупности 587 граждан Беларуси (на (1.01.2008) признаны «Праведниками народов мира» за спасение евреев от уничтожения в годы германской оккупации¹. Они рисковали собственной жизнью своих родных и близких, а также соседей. Однако они выжили и помогли выжить другим. В данном поведении есть много закономерностей и особенностей, отпечаток коллективного и сугубо персонального поведения. Да и характер большинства событий во многом драматичен и непостижим в простом восприятии.

Первое, на что следует обратить внимание – условия оккупации. И если большинство мужского населения ушло на фронт, часть – в партизаны, а в населенных пунктах были организованы полицейские гарнизоны, участки, опорные или охранные пункты, то становится очевидным, что большинство тех, кто потенциально смог бы оказать помощь в спасении евреев из гетто, это женщины. К примеру, из представленных в книге «Праведники Народов мира в Беларуси» значатся 47 семейств из Минска, из которых 87 присвоено почетное звание. Из их семейного состава – 65 женщин и 22 мужчины, что в соотношении составило как 3:1. Итак, женщины стали центральным звеном в осуществлении такого значимого действия. Им, как и представителям других социальных групп, приходилось в сложных условиях принимать решения.

Первое: хорошие соседи остались добрыми соседями Уход из гетто был связан с передвижением в безопасные места. Таковыми могли быть квартиры или жилища знакомых, которые готовы были принять. Так как ситуация изменилась и многие покинули город или переехали в другой район, то найти их было достаточно сложно. За короткое время надо было в тяжелых условиях найти тех, кто согласился бы рисковать и принять родителей, женщин, детей. При анализе 47 случаев спасения из Минского гетто, в 27 из них использовали свои связи со знакомыми им соседями². Для них путь к спасению был знаком, остальные приобретали такую надежду в сложнейших условиях. К примеру, в Минске семейство **Бирулей** дружило с **Шустерами**. В тяжелые времена они предоставляли еду и укрытие для соседей-евреев, а когда наступили времена ликвидации гетто, то своевременно предупредили об этом. После этого Мария и ее сын **Илья Шустеры** сбежали из гетто и нашли приют в доме **Бирули**. Вскоре они же переправили их в партизаны³.

Особое место занимает история Михаила **Панасюка** из Минска. Михаил – белорус, но женился на еврейской девушке Доре **Лившиц**. У них вскоре

¹ Феферман К. К вопросу о спасении евреев неевреями на оккупированной территории советской Белоруссии и присвоения их спасителям звания «Праведник народов мира» // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. С. 139.

² Подсчитано автором. См.: Праведники народов мира.

³ Праведники народов мира Беларуси. С. 93–94.

появилась маленькая дочь Жанна. Жил он вместе с мамой Доры Хавой. Во время войны для спасения семьи он пошел служить в полицию. Ему удалось сделать для жены новые документы на белорусскую фамилию и имя Даша. Но кто-то донес в полицию, что Михаил женат на еврейке. **Панасюки** срочно перебрались жить в другой район города, где их никто не знал, и поселились в доме у **Апатской**. Хава Давидовна, которая имела типично еврейскую внешность, днем пряталась в специально сделанном для нее убежище. Но однажды немцы обнаружили ее спящей в комнате. Для разбирательства вызвали в городское управление. Михаил уговорил Ольгу **Апатскую**, чтобы она пошла на допрос вместо его тещи. Ольга согласилась, хотя очень боялась этого. Более того, Михаил **Панасюк** помогал евреям **Кузнецовой**, **Левинсону** сделать поддельные паспорта. Специально забирал евреев из гетто для работы в столовой, чтобы накормить их¹.

Значимым стала помощь **Курбатовых**: Владислава, Елизаветы и их дочери Регины, которые в Ивье (Гродн. обл.) с января 1943 г. приняли в доме семьи **Шмайкович**, **Шварц**, **Шмуклер** и **Бакшт**. Всего 13 человек. Быть незамеченными для соседей было практически невозможно. Однако на протяжении 18 месяцев они жили в доме и все остались живыми и невредимыми².

Немало примеров бескорыстной помощи оказывалось без их последующего оформления. Среди таковых и бывшая домработница Надя **Шидловская** из Витебска, которая делала все, чтобы хоть как-то облегчить страдания 72-летней Софьи Исидоровны **Ратнер**: она передавала ей в гетто одежду, продовольствие, хотя и самой было голодно. Жила она с сестрой. Единственный доход – плата немецких офицеров за стирку белья. Те за работу рассчитывались в основном хлебом. Часть этого хлеба Надя передавала в гетто через колючую проволоку. Во время одной из последних встреч Софья Исидоровна передала Наде письмо-прощание с просьбой после войны передать его родным. Оно сохранилось.

«Дорогие Маруся, Аточка, Витенька, Ниночка, прощайте. Умираю. Что мы тут переживаем в гетто, не поддается описанию. Лучше умереть. Надя – единственный человек, который с наступлением катастрофы и до конца заботилась о нас, не оставляет нас, рискуя собой. Она – чистый, кристально чистый человек. И сохранилась такой, несмотря на жуткое окружение, грабежи, насилие, жестокость, подлости, предательства. Не забудьте этого никогда. Сделайте для нее все, что сможете, если она будет нуждаться в чем-нибудь. Она для нас – единственно близкий, единственно родной человек. Дорогие, любимые, бесконечно любимые, прощайте. 6 сентября 41 г.»

Софья Исидоровна **Ратнер** успела написать и передать Наде еще одно письмо, предназначенное самой Наде. Оно состоит всего из двух строчек, но в нем – всё: и глубина чувств благодарности, и предел отчаяния: *«Дорогая Наденька! За всё спасибо. За всё, что вы сделали для нас в последние, самые тяжелые дни нашей жизни. Смерть – самый лучший, единственный исход для нас»*.

Эти поразительные документы, написанные второпях на клочках бумаги, Надежда **Шидловская** берегла долгие три года оккупации. Она сумела их сохранить даже в условиях концлагеря, куда попала в 1943 г. вместе с сестрой

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 89–90. *После войны Михаил **Панасюк** был осужден на 10 лет лагерей за службу в полиции. Отсидев срок, вернулся домой в семью. См.: Там же.

² Праведники народов мира Беларуси. С. 44.

и ее мужем Ефимом Михайловичем **Врублевским**. А после окончания войны разыскала чудом спасшихся дочь, внучку и внука Софьи Исидоровны и передала им эти письма¹.

Таким же бескорыстным стал поступок минской подпольщицы Зинаиды **Стукач**. Когда немцы во время акции возмездия за убийство гауляйтера **Кубе** схватили узницу Минского гетто Эльвиру **Мальбину** и втолкнули в машину, полную людей, машина тронулась в сторону Тростенца. Ей, разбитой и измученной, хватило сил и мужества в темноте перевернуться через борт машины. *«Помню только старушку-белоруску, которая видела, как я упала, подобрала мою сумочку, поцеловала меня и, перекрестив, пожелала счастья. Я пошла в город на 2-й Григорьевский переулок к подруге. Счастье не отвернулось от меня: Зинаида Георгиевна Стукач оказалась дома. Она была минской подпольщицей, и восемь дней, лежа под ее кроватью, я учила, запоминала названия деревень, через которые должна была выйти в партизанскую зону.*

Что значило тогда спрятать еврейку? Неминуемый расстрел не только для того, кто это сделал, но для всего дома и улицы, на которой это произошло. Зина спасла не только меня. В первые дни оккупации она прятала у себя дома семью зоотехника Наркомзема Груни Лейбович, спасла, передав в надежные руки, еврейского мальчика из гетто...»².

При всем этом ситуация даже среди близких и родственников была непростой. По словам бывшего узника Минского гетто А. **Рубинчика**: *«В доме № 6 в нашем Зеленом переулке жила еврейская семья Думских. Их было шестеро: четыре сестры и два брата. Старшая сестра (не помню ее имени) влюбилась в русского парня. По профессии он был штукатуром. Родители возмущались ее выбором: она была грамотная, с образованием, а он – простой рабочий, да к тому же русский. Но любовь взяла свое. В конце концов Думские смирились. Приютили парня, дали молодоженам комнату в своем доме. Вскоре у молодой пары родился сын. Жизнь шла своим чередом. И вот война. Образовалось гетто. У штукатура жена-еврейка осталась жить в своей квартире, а он с сыном переехал в русский район. Родители отдали ему все лучшие вещи в надежде, что он их обменяет на продукты. Но он о стариках и своей жене-еврейке и не вспоминал. Семью Думских ждала трагедия. Всех их убили – остался из четырех братьев только один, который вовремя ушел в партизаны»³. ...А когда ушла ее сестра Ёха, никому о ее внезапном исчезновении ничего нельзя было говорить. ...Разные нехорошие мысли лезли в голову. Мы с мамой стали ходить по самым близким знакомым и просились пустить переночевать. Дома оставаться боялись. Вспоминаю, что мы пошли к нашей соседке с просьбой пустить нас хоть на одну ночь. У нее тоже погибло семеро детей. Она пустила нас. Но вскоре вернулся с работы ее муж, и ему наше присутствие не понравилось. Произошел скандал. Он бросил на пол котелок супа со словами: «Зол фарбрент верн майн лебн!»* (Пусть горит гаром такая моя жизнь! (с идиш). После этих слов мы молча собрались и ушли. На улице постояли и в отчаянии решили: «Что будет – то будет». Другого*

¹ Подлипский А. Святой человек Надежда // Авив. Май – июнь, 2007. С. 14.

² Мальбина Э. Никто не знал, чей сегодня черед // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 192–193.

³ Рубинчик А. Правда о Минском гетто. Документальная повесть узника гетто и малолетнего партизана. Тель-Авив, 1999. С. 45; Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 83–84.

решения мы не нашли и вернулись домой»¹. Однако даже в таких условиях появлялись те, которые не только поддержали, но и смогли определить наш дальнейший путь. Помогая нам, Наташа Шунейко и ее муж рисковали своей жизнью. И в дальнейшем она уговаривала Ёху, что мы должны всей семьей обязательно уходить в партизанский отряд. Если мы хотим остаться жить, говорила Наташа по-белорусски: «трэба з гетта цякаць у лес».

– Все равно вас убьют, уходите в лес к партизанам, – твердила каждый раз Наташа Шунейко, когда Еха или мы вдвоем оказывались в ее доме.

Куда идти? Мы ведь никогда не были за городом. Что такое лес, село, партизаны, мы даже представить не могли.

– Идите в Старое Село, – говорила Наташа.

– Там есть мои родственники. Они вас поведут к партизанам»².

Подобным образом для спасения большой семьи Хевлиных в м. Долгиново знакомый им Юлиан Курьянович договорился с другой семьей Гараниных о приюте для 10 бежавших из гетто. Сначала они прятались в бане. Когда это стало известным для оккупационных властей, то местный полицай предупредил сына Гараниных об опасности. Пришлось прятаться в лесу. Им вырыли землянку, собрали продукты. Кто-то из семейства регулярно приходил с провизией и одеждой. Так продолжалось до августа 1942 г., когда партизаны взяли их под свою опеку. В сентябре 1942 г. группа партизан под руководством Николая Кузнецова в составе 5 человек объединив свыше 200 евреев направилась на восток. В декабре 1942 г. после более чем 500-километрового похода им удалось преодолеть линию³.

Второе: места спасения Попадая в зону вне гетто, как правило, все стремились оборудовать тайные места для нахождения. В этом помогал опыт гетто. Там, в гетто, «малинами» назывались убежища, в которых узники прятались от погромов. Трудно перечислить все варианты «малин» – они зависели от местных условий, количества скрывавшихся и фантазии их создателей: ложные стенки или фронтоны, оставляющие свободное пространство для укрытия; погреба с замаскированными люками, иногда за пределами дома, с подземными ходами к ним; крайняя комнатка, дверь в которую заставлялась шкафом. Возникает естественный вопрос: кто маскировал крышки погребов, задвигал шкафы, камуфлировал входы? Это делали старики, сознательно отдавая свою жизнь ради хоть какой-то надежды на спасение детей и внуков.

К сожалению, жертвы часто оказывались напрасными, так как у карателей были свои методы: собаки, простукивание стен, гранаты, дымовые пашки, забрасываемые в погреба и т. д. Ну, а после погрома 21–23 октября 1943 года (последнего), многие через несколько дней сами выходили из «малин» на верную смерть. Убежища годились лишь для кратковременной отсидки. Случалось, ребенок начинал кричать в тот самый момент, когда каратели шарили по квартире. Тогда ребенка душили...⁴. Нередко их просто не брали с собой. Так, в воспоминаниях Гени Лихтерман: «В самый страшный погром 7 ноября 1941 г. моему мальчику было всего полтора года. Мы с отцом спрятались в «малине»,

¹ Рубинчик А. Правда о Минском гетто. С. 92.

² Там же. С. 90.

³ Праведники // Авив. Март – апрель 2006. № 3–4. С. 11.

⁴ Трейстер М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Мн., 2007. С. 28–29.

которую отец устроил на чердаке. Туда набилось девять человек из нашей квартиры. Но малышей в «малину» брать было нельзя – своим криком они могли погубить всех. И моя мама осталась с моим сыном внизу. Среди криков избиваемых и идущих на смерть я различила голос моей мамы, которая просила, чтобы ей разрешили одеть пальто: зима сорок первого года была суровой. Но полицейский сказал: «Оно тебе больше не понадобится». Мне зажали рот, чтобы я не кричала. Только через сутки мы с отцом вышли на улицу»¹.

Третье: преднамеренное сотрудничество или послушание из-за страха быть убитым? Проживая временно или постоянно, бывшие узники гетто или евреи по ряду обстоятельств были узнаваемы соседями, жителями населенных пунктов, а иногда и местной полицией. В некоторых случаях они доносили германским органам. Одни боялись за жизнь своих детей, другие стремились быть послушными требуемым от них обязательствам, третьи могли быть сторонниками идеологии национал-социалистов. Вот непростая история Юлии Кухта, которая временно для спасения перевезла еврейского мальчика Марика в Ратомку, «где жила родственница Лоскутовых, родственница мужа Ани. Однако оккупационные власти объявили, чтобы евреев собрали в гетто. А она, тетя Аня, до войны была парторгом стекольного завода, коммунистка, да еще еврейка. Муж ее отвел, и больше она не вернулась. Мы этого во время войны, конечно, не знали. Потом уже, случайно, проведали. Феликс, ее муж, носил кожаную – куртку нашего отца, я уже подрос и тоже ее надевал. Как-то засунул руку в карман и нашел документ – заявление о том, что он просит принять его жену и тому подобное». В Юровичах (Жалинковичский р-н) полицейский Василий Прищепа застрелил жену-еврейку Симу и ее дочь от первого брака. Полицейский из Парич Иван Менц убил жену-еврейку Фрейдлу Нисман и двое детей².

По представлениям свидетелей, таких примеров в Минске, где подозреваются соседи в доносительстве или провоцировании ухода, могло быть не менее 6³. Однозначно утверждать о таком положении сложно. Вот только несколько примеров. По словам Людмилы Мачуленко, одна женщина донесла на свою соседку-полуеврейку, затем открыто говорила, что в ее доме еще остается 4 детей⁴. Или же в Борисове врача Ревеку Эдель, которую пытался спасти русский муж, выдали соседи, а работавшую в больнице под чужим именем хирурга Анну Татарскую – расстреляли по доносу пациента⁵.

В другом случае, по анонимному доносу об укрывательстве двухлетней еврейской девочки в д. Носилово (Молодеч. р-н) арестовали, кроме Владимира Имшеник и его жены Галины (признаны Праведниками), подозреваемую Елену Жодинскую, да еще и мать Галины – Е.А. Славинскую. В их семье также имелся и шестилетний сын. Так как никто из соседей не выдал, то пришлось

¹ Лихтерман Г. Моему мальчику было полтора года // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 199.

² Смилевичкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 83. *После освобождения Беларуси Василия Прищепу судили, и он умер в Мозырской тюрьме. Иван Менц после ареста повесился в тюрьме. См.: там же.

³ См.: Праведники народов мира Беларуси. *Подсчитано автором.

⁴ К'яры Б. Лёс беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларутэніі». Спроба наблізца да незразумелага // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг. С. 81. *Все дети сумели пережить оккупацию и остались живы. См.: там же.

⁵ Смилевичкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 83.

оккупационным службам их выпустить. В такой ситуации очевидно, что степень риска для всех была предельной¹.

Так оказавшись в г. Шклове без матери (погибла во время бомбежки), Вилия **Горфинкель** попала к соседке. Не выдержав, женщина весной 1942 г. оставила ее вблизи лесной деревни. Выйдя к д. Староселье, Вилия встретила крестьянку, которая отвела девочку к партизанам. Связная партизанского отряда Зинаида **Мильто** удочерила, дав ей свою фамилию². Во время бегства из гетто Рива и Леонид **Цирлины** остановились в Ярмолово (Верхнедвинский р-н) у **Петровских**. Вскоре соседи стали подозревать о нахождении евреев. Последовали угрозы. Затем полиция ворвалась в дом, жестоко избив Аркадия **Петровского**, пытаясь узнать, куда он спрятал евреев. Так как обыск для оккупантов не дал результата, то для последующей безопасности было решено **Циркиных** переправить в наиболее безопасное место, контролируемое партизанами – Россонский район³. А нередко взятых под присмотр детей отдавали назад. Так, переданный белорусской семье маленький Лева через месяц был возвращен назад узнице Минского гетто Риве **Грингауз**, так как он все время плакал, а это представляло опасность⁴.

Немало случаев, когда на виду у жителей населенного пункта могли проживать вырвавшиеся из гетто дети-евреи. Так, малолетний узник Минского гетто Захар **Любич**, будучи внешне не похожим на еврея, сумел в апреле 1943 года, как только потеплело, уйти из гетто, а затем и из города. Скитался он по деревням, просил милостыню. В Столбцовском районе батрачил в крестьянских хозяйствах за кусок хлеба. Никто не выдал, и он выжил⁵.

Обстановка научила всех смотреть на жизнь реально. Даже в самом гетто ситуация оставалась крайне сложной. Вот некоторые тому свидетельства. По словам **А. Лапидуса**: *«Однако было в гетто немало людей плохих – хитрых, жадных, трусливых, даже готовых на предательство. Те, кто пережил ужасы Минского гетто, не любят вспоминать, что там была еврейская полиция: подонки, которые шли в нее служить, надеялись спастись за счет чужих жизней, которые они предавали. Люди их презирали и боялись. А конец у всех был один – для фашистов не было евреев, имеющих право на жизнь»*⁶.

Четвертое: путь спасения – к партизанам и в партизаны Как показывает практика, только небольшая часть евреев смогла укрыться на одном месте до освобождения Минска Красной Армией. Большинство же вынуждены были покинуть обжитый кров уже через несколько дней или недель своего пребывания. Но куда? Свидетели уточняют, что таким местом были партизанские отряды. После знакомых соседей, которые взяли на себя обязанность в сохранении жизней, практически такое же число примеров для бывших узников Минского гетто – 20, относится к партизанским формированиям, где евреи чувствовали себя в большей безопасности.

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 23.

² Там же. С. 40. *После войны отец Вилии нашел ее и перевез в Ленинград. См.: там же.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Любич З. До сих пор мне снится этот кошмар // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 210.

⁶ Лапидус А. Нас мало осталось, нам много досталось // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 436.

При переходе значимую роль играли связные партизанских отрядов или подпольщики. Так, минская подпольщица Анна **Серова** и ее дочь Зоя с сентября 1943 г. не менее 10 переправили в отряд, а 4 еврейских детей, уцелевших от погрома, скрывали некоторое время у себя в доме, а затем через знакомых устроили их в детский дом. Вывод из Минска был сложен, практически без документов не было возможности выйти из него, поэтому **Серовой** понадобилось немало усилий, чтобы организовать для них необходимые документы¹.

Таку же роль сыграла в жизни Елены **Кречетович**, Сары **Хацкелевич**, Франи **Злоткины**, Рафаэль **Бромберг** Герой Советского Союза Мария **Осипова** и ее дочь Тамара. Кроме этого, они обеспечивали евреям-подпольщикам документы. По свидетельству Зои **Серовой**, Мария и Тамара прямо с улицы приводили домой бежавших из гетто, среди них было немало детей².

О неоднозначности положения при переходе к партизанам может дать представление пример с Сергеем **Розенбергом**. Убежав из-под расстрела, он нашел приют на хуторе близ Яново у Дениса и Марии **Кондрашук**. По словам спасенного: «*Однажды Денис Кондрашук позвал меня в дом, сказал переодеться в крестьянскую одежду, дал сумку с едой, отвел в лес и показал дорогу, по которой обычно проходил партизаны*»³. Во многом дальнейшее зависело от встречи, которая могла быть с полициями, мародерами, бойцами спецгрупп, которые вообще не брали в группу новичков, партизанами еврейского отряда или другого, где действовали правила брать только с оружием и настоящих бойцов и т.д.

Еще немало других трудностей предстояло преодолеть на пути к партизанам. Так, оккупационными органами на возможных путях передвижения выставлялись заслоны, засады. Пойманных, как правило, расстреливали на месте. Так, когда стало известно, что в Яновичах (Докшицкий р-н) прячутся евреи, то один из братьев Залман **Гейденсон** в поисках партизан наткнулся на засаду и был расстрелян полицией. Другому брату Шлеме оказала помощь в поиске партизан Бронислава **Корзун**⁴.

Непростой путь стал и для Даши из Минского гетто. Она в 1942 г. пешком добралась до Бобруйска. Местная жительница Феодосия **Лагун** приняла ее в свой дом. Когда же Даша в 1943 г. пошла в партизаны, то в отряде вышла замуж за начальника особой диверсионной группы В.С. **Додашева**⁵.

Немало примеров, когда решения о переходе к партизанам принимались спонтанно. В этом случае вероятность успеха была крайне малой. В такой ситуации действовало 60 евреев из гетто Обольцы (Оршанский р-н). Узнав об уничтожении соседнего с ними гетто, они решились на коллективный побег, в ходе которого захватили полицейского и добрались до партизан (5.03.42). Или же в середине августа 1942 г. коллективный побег совершили узники из рабочего лагеря Ганцевичи с помощью «внутреннего коменданта», профессора из Лодзи **Гринберга**. Сам побег прошел успешно, однако немногим удалось найти партизан. Часть из убежавших, поверив обещаниям карателей, возвратилась назад в лагерь и была расстреляна. Несколько другой схемой воспользовались узники лагеря в Новом

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 35.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 113.

⁵ Там же. С. 122.

Свержне (Столбцовский р-н). Только после того как была установлена связь с партизанами, 140 человек решились на побег (02.43)¹. Несколько сомнительно, но тем не менее, в начале января 1943 г. в Минске с помощью подпольщиков удалось организовать побег евреев-военнопленных. Они под надуманным предлогом заехали в гетто и забрали семьи двух беглецов. На этом же грузовике партизанам были доставлены оружие и медикаменты².

Учитывая, что партизан или командование отрядов не соотносят к Праведникам, тем не менее, следует признать их значимую роль в спасении не только тех, кого спасали местные жители, но и тех, кто самостоятельно сумел преодолеть сложный путь из гетто. Из отмеченных нами примеров около половины бывших узников гетто сохранили свои жизни благодаря деятельности партизанских еврейских и белорусских отрядов.

Пятое: изменение фамилии и национальности Оставшиеся в городах евреи могли выжить при их адаптации к новым условиям. В основном это были дети, молодые люди, внешне малопохожие на евреев. Им выдавали паспорта с новыми фамилиями, их крестили в православных церквях, их принимали в детские приюты или дома и это служило гарантом признания перед германскими органами об их белорусском происхождении (в дальнейшем им предстояла борьба вернуть свою еврейскую идентичность – К.К.).

Так, в сентябре 1941 г. в Минске немецкими службами была *«ликвидирована еврейка, которая выдавала себя за польку и работала переводчицей в немецкой полевой комендатуре»*³. Схожа ситуация была в Дороганово, где переводчица комендатуры была расстреляна как лицо еврейской национальности (01.42)⁴. Тем не менее, в борьбе за выживание имелось немало и положительных примеров. Всего в Минске в 27 случаях знакомые прибегали к подготовке новых документов или паспортов, крещению, где в церковные книги (в одном случае обряд крещения произведен в католическом костеле) вносились новые имена и национальность⁵.

Особенно значим, например, поступок бывшей директрисы детского дома № 7 Веры **Спарнинг**. Она взяла под свою опеку 35 еврейских детей. Изменила их имена и подделала их личные дела с тем, чтобы никто не догадался, что они – евреи⁶. Анна **Величко**, работая в детском доме № 3 г. Минска, вместе с другими работниками способствовала приобретению свидетельств для небольшого числа еврейских детей на основании крещения их православным священником⁷. Этой же чести удостоен **Василий Орлов**, который в годы немецкой оккупации, работая в Минской городской управе, вместе с подпольщиками гетто, по разработанному Михаилом **Гебелевым** плану, участвовал в спасении 300 еврейских детей. Инициаторами представления **Орлова** к званию Праведника стали бывшие малолетние узники гетто⁸.

¹ Альтман И. Жертвы ненависти. С. 310–311.

² Там же. С. 330.

³ НА РБ. Ф. 510. Оп. 1. ЕХ. 100. Л. 118; Альтман И. Жертвы ненависти. С. 324.

⁴ Кісялёў У.М. Асколкі параненай памяці. Мн., 2004. С. 38.

⁵ *Подсчитано автором. См.: Праведники Народов мира Беларуси.

⁶ Праведники Народов мира Беларуси. С. 135.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Таубкин Д. Если бы не он... // Авив. Май – июнь 2006. № 5–6. С. 15. *После войны В. Орлова обвиняли в пособничестве оккупантам за работу в управе, однако учли его гуманитарную деятельность. См.: там же.

Еще один такой пример связан с организацией сиротского дома К.В. **Ско-вородкиным** в Борисове. Там среди других были и еврейские дети. Для сохранения жизни ему пришлось скрыть имена Люси **Бейнинсон**, Ханы **Липкинд**, Лени **Неймана** и др.¹. Иногда удавалось из других мест добраться до Минска и под новым документам найти себе работу. Так, Гиня **Мац** из Бобруйска при помощи Галины **Михалап** под фамилией **Бородач** была переправлена в Минск, где ее никто не знал, и устроилась санитаркой в немецкий госпиталь. Она передавала медикаменты партизанам и вскоре стала их связной².

В некоторых случаях матери подбрасывали детей в жилые дома в надежде, что это поможет им выжить.

В других случаях свидетели уничтожения еврейских детей самостоятельно принимали решения по определению детей в специальные дома или учреждения. Вот некоторые примеры. Еврейская тринадцатилетняя девочка Хана **Цирульник** попала в русский детдом. *«Ходила просить по домам. Зашла в детский сад на Интернациональной. Повар, очень добрая тетя Дуня, налила затирки в миску. Увидела заведующая Мария Васильевна Бабич, подозвала: «Малая, хочешь в детдом?» – «Да, хочу», – обрадовалась я. «Тогда приходи завтра утром». Еле-еле переждала ночь. Выстирала одно-единственное платье, что осталось. Утром говорю маме: «Ухожу в детдом». Попрощалась со своими и пошла к проволоке. Ходит полицией. Пока искала, где можно перелезть, заведующая уже выходила из ворот детдома с мужчиной. Показала идти следом. На Карла Маркса, возле управления, сказала: «Подожди, зайдешь позже, скажешь, в деревне работала у пана». Так я и сделала. ...Немолодой воспитатель Якубовский Иван Александрович всю дорогу учил: не признавай-тесь, в комиссии немцы: «Скажи на горе Арарат, сними шапку, платок, посмотри вперед, в сторону...». Воспитатель, как мог, отстаивал нас. И отстоял (Хана это говорила с гордостью)»³. Нередко данная для спасения фамилия так и оставалась, несмотря на то, что родители все же отыскивали своих детей или когда все же ребенок узнавал свою настоящую фамилию. Так, минчанка Эмилия **Варакса** для спасения Изи **Марголина** достала ему документы на имя Иосифа Казимировича **Козловского**. В 1943 г. он присоединяется в партизанский отряд «Грозный» и с тех пор по-прежнему носит фамилию **Козловский**⁴. Случайная встреча с населением в д. Бобры (Речиц. р-н), когда потребовалось сказать о Басе **Пикман**, что она не еврейка, а сестра сопровождавшей ее Лены **Поцелуйко**, изменила отношение к ней. Положение улучшилось после того, как был приобретен паспорт на имя Натальи Матвеевны **Поцелуйко**⁵. Или же более надежно себя чувствовала Бронислава **Альтшулер**, совершившая побег из Минского гетто в Бобруйск, после того как ей Виктор **Ялович** представил документы о ее белорусском происхождении на фамилию **Козелко**⁶.*

Паспорта о нееврейском происхождении дали шанс успешно покинуть населенные пункты. Нередко в данном были заинтересованы и партизаны. Так, оставшийся паспорт после смерти родственницы Ю.И. **Климкович**,

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 35–36. *После войны они перешли на свои имена и фамилии. См.: там же.

² Праведники народов мира Беларуси. С. 33.

³ Давыдова Г.Р. От Минска до Ла-Манша. С. 69.

⁴ Праведники народов мира Беларуси. С. 29.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 112.

которая проживала недалеко от Минска, был использован для спасения квалифицированного специалиста – врача Розы Лившиц и переправки в отряд¹.

Шестое: оставленные дети и их сложные судьбы Нередко грудные или дети были оставлены родителями перед домами или на улице в надежде, что их возьмут новые родители на воспитание, и дети таким образом смогут выжить. После этого настоящие родители, погибая в гетто, навсегда покидали детей без подлинных историй их происхождения. Новые родители могли только лишь догадываться о настоящем, или их представления были достаточно далеки от реальных событий. Однажды узнице Минского гетто **Токарской** удалось вынести свою дочь Валентину из гетто и оставить в разрушенном доме. Девочке было в ту пору всего два года. Оставив малышку, мать спряталась невдалеке, чтобы проследить за дальнейшими событиями. Когда девочка заплакала, проходивший мимо мужчина заметил ее и взял на руки. Поскольку все происходило в районе гетто, мужчина догадывался, что это еврейский ребенок. Мать издали следила за мужчиной, уносящим ее дочь. Она видела, как он зашел в жилой дом. После этого мать девочки вернулась в гетто и с остальными узниками ушла на работу².

Немало примеров, когда родители, оставляя знакомым своих детей, тем не менее оставляли подробные письма (записки) для детей о их происхождении. Так, перед уходом в Минское гетто **Лея Рудерман** оставила два письма, завещанные сыну. Она догадывалась, что больше никогда не увидит его, и хотела, чтобы сын хотя бы из писем узнал, кто его родители. Первое письмо было адресовано Надежде **Крезо**, а второе мужу *«Я пишу тебе это письмо в момент когда мне нужно расстаться с моей единственной радостью (нашим сыном). Я пошла на такой шаг, потому что хочу сохранить хоть его жизнь. Моя жизнь прожита, и сейчас приходится каждую минуту ждать смерти, но она мне не страшна, потому что я умираю с сознанием того, что, может быть, ты вернешься, застанешь нашего сына и вдвоем вспомните меня когда-нибудь...»*³. В другом случае **Анна Гуревич** представляет свою историю, когда мама оставляет двух с половиной годовалого ребенка у входа в детский дом с запиской в кармане *«Аня Патеко»*⁴. Таким же образом перед уходом в партизаны была оставлена своей мамой **Идой Видерман** девочка **Женя (Печкова)**⁵.

Подобных историй немало. Так, с лета 1942 г. Белла **Блюмкина** бежала из Минского гетто вместе с 3-летней дочерью, попала в партизанский отряд, однако женщине с ребенком не разрешили оставаться там постоянно. Начались скитания по деревням и хуторам. И только **Александр Прокопович** из д. Кучкуны (Столбцов. р-н) предложил спрятать ребенка в его доме. Оставив, она вернулась назад только в ноябре 1943 г. После этого и Белла нашла здесь укрытие до окончания оккупации⁶.

¹ Кяры Б. Лёс беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларутэніі». Спроба наблізца да незразумелага // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг. С. 80.

² Праведники народов мира Беларуси. С. 11.

³ Там же. С. 113. *Родители Леонида Рудермана погибли, и семья Крезо в 1945 г. оформила над ним опеку. Так Лея прожил со своим спасителем до свадьбы в 1965 г. См.: Герасимова И. Уникальные документы // Авив. Июнь – июль 2003. № 6–7. С. 6.

⁴ Праведники народов мира Беларуси. С. 77.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Там же. С. 120.

При этом, не всегда такие действия имели успех. Ведь ситуация и для приютивших или взявших на себя обязанности новых родителей была крайне сложная. Например, доктор Генри Рид из Столина, боясь, что при бегстве из города трехлетний малыш Саша не выдержит тяжелых условий жизни, передал его давним знакомым. Но те, из-за страха быть самими расстрелянными, не смогли ребенка долго держать у себя и передали его немецким властям¹.

Для некоторых детей родители добывали новые документы об их происхождении, а затем передавали в детские дома. Таким был путь минчанина Марата Гальперина (1932 г.р.), которому по новым документам на Марата Калиновского удалось устроить в детский дом. И только после того как его мать стала партизанской, он в 1943 г. был переправлен в отряд². У Лени Сацункевича из Шепелевичей (Мог. обл.) были убиты мама, 11-летняя сестра Лариса. Его одного взяла на воспитание 18-летняя Анна Борисенок. Она отвела его в другую деревню и крестила в местной церкви. Однако Борисенок вместе с другими женщинами забрали на принудительные работы в Германию. Трехлетний Леня остался один. Он переходил от одной к другой семье. Оккупанты узнав, что его отец командир партизанского соединения «Разгром» схватили ребенка в качестве заложника. Однако партизанам удалось его похитить из гарнизона Шепелевичи и спрятать в доме Виктории Барановской. В апреле 1943 г. при поиске командирского сына в д. Падар каратели сожгли всю семью³.

Некоторые дети были оставлены родителями в начальный период войны. Это касается прежде всего отдохнувших в лагерях. Независимо от расстояния, возможно, под воздействием обстоятельств, некоторые эвакуировались, а дети лишь после некоторого периода возвратились назад. Так, Юлия Кухта в Бешенковичах после того, как Липа Соломонович погиб на фронте в первые дни войны, а Сару Борисовну потеряли летом 1941 г. во время бомбежки (она, как оказалось, добралась до Могилева и была отправлена в глубокий тыл. Работала врачом), взяла 4-х месячного Алика и Марика и три года прожила с ними. Для того чтобы кормить детей, она мыла полы соседям, потом устроилась на кухню в немецкий госпиталь. Обоих она отвела в церковь и покрестила, чтобы иметь метрики, по которым можно было получать паек. В метрике Марика записала Кухта Марк Иванович⁴.

Семья Лукьяновичей помогала маленькой Наташе Рабинович. Когда проводилась акция по уничтожению евреев в Минском гетто в июле 1942 г., немцы гнали по городу колонну евреев к месту казни Рабинович с двумя дочерьми – двухлетней Наташей и ее сестренкой семи лет, по пути вытолкнула младшую на тротуар. Оказавшаяся свидетельницей этого ужасного шествия Софья Лукьянович без раздумий забрала девочку и скрылась с ней в толпе. Наташу выдали за близкую родственницу, а сама она называла Софью и ее мужа – мамой и папой, а их дочь Свету – сестрой⁵.

Когда Ольге Циммеровой в декабре 1942 г. удалось вывести двухлетнюю дочь Таню из Минского гетто и передать ее Александре Гржибовской, то последняя,

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 13.

² Там же. С. 40–41.

³ Там же. С. 101–102. *Леня был переправлен в Кличевский район, а затем с партизанского аэродрома в тыл. См.: Там же. С. 102.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же. С. 122. *После войны настоящий отец вернулся с фронта в звании генерал-майора, разыскал Наташу.

чтобы избежать подозрений, переехала в Гомель. К концу войны Таня уже носила фамилию своей спасительницы¹.

В последний день ликвидации Минского гетто, 23 октября 1943 г., погибла мать семилетней Анны **Крайзельман**. Самой девочке чудом удалось спастись. В тот роковой день ранним утром Аня с подругой проползли под проволокой, окружавшей территорию гетто, и отправились в город на поиски продуктов. Целый день провели девочки, прося подаяние, а когда к вечеру они приблизились к гетто, незнакомая женщина остановила их и предупредила о погроме. В ужасе дети провели ночь в развалинах города. На следующий день детей приютили незнакомые люди. Однако через некоторое время подругу Ани по доносу забрали полицаи и расстреляли. Женщина, приютившая девочку, опасаясь за свою семью, все же попросила Аню уйти. В конце 1943 г. Аня пришла в семью **Герасимовичей**, своих бывших соседей, и попросила спрятать ее. И до конца войны **Герасимовичи** обеспечивали безопасность проживания².

Несколько схожей является история еще одной семьи **Левиных** из Минска. Они до войны были добрыми белорусскими соседями с **Уласиками**. Когда главу семейства **Уласиков** репрессировали в 1938 г., то **Левины** взяли на себя обязательства помогать и поддерживать. Во время войны врачи **Левины** были мобилизованы на фронт, а трое детей оставили на попечение бабушки. В дни организации гетто они остались в семействе **Уласиков**, но по требованию полиции их переселили в гетто. Через некоторое время няне Екатерине **Голоцевич** удалось достать документы для Ларисы, после чего она забрала ее из гетто. Сын Владик сбежал и также остался у нее, однако при попытке перейти к партизанам он был схвачен полицией и расстрелян³.

Полная трагизма история спасения девятилетнего Бориса **Левитана**. Он после побега в октябре 1942 г. из Минского гетто вынужден был в пути оставить больную мать и идти один. Дойдя до Радошкович, в доме Ольги **Кулиной** он нашел убежище. Как сын там оставался до 1951 г.⁴.

Однако немалое число детей так и не узнает о настоящих своих родителях. Нередко в послевоенное время им приходилось через суды восстанавливать свою национальность. Поучительной в данном отношении может быть история с Марией **Жуковой**⁵. Она также находилась в детском доме, имея русскую фамилию, как у большинства еврейских детей, которых спасали воспитатели. Без документов и родителей им и после войны приходилось оставаться в сложном положении, задавая вопрос, а кто я есть? Лариса **Лозовая (Каганович)** была записана под фамилией **Чернушева**, а брат Эрик – под фамилией **Бажанов**⁶.

Седьмое: немцы, полицейские, представители оккупационной гражданской администрации как спасители Из среды германских оккупационных органов представлен только один факт спасения еврейской девушки немцем

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 41–42. *Единственно оставшийся в живых отец разыскал и забрал дочь. См.: Там же.

² Там же. С. 113–114.

³ Там же. С. 94–95. *Лариса после войны была найдена родителями и возвратилась с ними в Минск. См.: там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Бут-Гусаим И. «Верните мне национальность» – просит пожилая женщина, потому что национальность – единственное, что она сумела узнать о себе // Белорусская деловая газета. 18 февраля 2000. С. 10.

⁶ Праведники народов мира Беларуси. С. 77.

офицером. Более детальное рассмотрение дает основания говорить о значительно большем вкладе в истории спасения евреев как в период акций массового уничтожения, так и в оккупационной повседневности. В силу ряда причин такие действия не квалифицировались как спасение. Без рассмотрения всех обстоятельств немецкие представители не могли быть признаны Праведниками.

К примеру, в день погрома 7 ноября 1941 г. в Минске **Нина Либович** проживала в бараке. Немецкий офицер, который осуществлял охрану барака, предупредил, чтобы она убегала. Когда она попросила взять ребенка из соседнего барака, то он уведомил, что если через 5 минут она не уйдет, то отсюда уже возврата нет. После короткой паузы она приняла решение об уходе¹. Подобные обстоятельства также сыграли положительную роль в жизни бывшей узницы Минского гетто **Евгении Месель**. Только она осталась из большой семьи. Так, по словам Евгении, на октябрь 1942 г. *«на заводе, где я работала, среди немцев-специалистов были и те, кто нам, евреям, сочувствовал. Меня спас немец, который сопровождал нашу колонну, выводя ее на работу и возвращая в гетто. Он постоянно мне говорил, что я должна бежать, иначе погибну. Однажды нас повезли на погрузку песка в карьеры около Старосельского леса. Приступили к работе. Немец указал мне в сторону леса. Выбрав удобный момент, я скрылась в лесу»*². Вступление в партизанский отряд им. В. П. Чкалова (бр. «Вперед») гарантировало ей безопасность.

История немецкого капитана **Вилли Шульца** и молодой еврейки из Франкфурта-на-Майне **Ильзы Штайн** имеет логическое продолжение. Австриец, призванный по тотальной мобилизации, полюбил девушку и для ее спасения, по договоренности с подпольщиками, нашел машину-трехтонку и подготовил сопроводительные документы на 12 женщин и 13 мужчин. Таковы были предварительные условия партизан. И так, 30 марта 1943 г. машина, крытая брезентом, подъехала к бирже труда на Юбилейной площади. В машину сели 25 чел., включая двух сестер Ильзы 19 и 8 лет (отца Ильзы к тому времени расстреляли, а мать умерла от тифа). Мужчины были вооружены, в кузове наготове находились два шофера-профессионала. Выехали в направлении партизанской зоны Руденска – Второй Минской партизанской бригады. До появления немецких автоматчиков они группами по 5 человек переправились на другой берег³. Все были спасены.

Были и другие примеры положительного отношения к узникам гетто. По представлениям, старший лейтенант **Штамм** из полиции сумел защитить маленькую часть зондергетто I и тем самым спас его. Никто не знал мотивов его поведения, но позже было сказано, что вскоре после этого он был отправлен на фронт⁴. Вот только некоторые важные жизненные наблюдения бывшего узника Минского гетто **Йосифа Грайфера**: *«В октябре 1943 г. нами командовал ефрейтор Ганс Вольф. Он сказал, что ведут они нас на радиозавод в последний раз, поэтому мы должны взять свои вещи. К этому времени у меня на руке*

¹ Протокол беседы Н.А. Косого с узницей минского гетто Х.И. Рубинчик // Холокост в Беларуси. С. 187; Холокост в Беларуси. С. 201; АКГБ. гр. 3. Оп. 2. Арх № 40. Л. 216–227.

² Judenfrei! Свободно от евреев! С. 283.

³ Смилевичкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 60–62; Ваупшасов С.А. На трех-возных перекрестках. М., 1974. С. 370–372, 396–397; Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. С. 105–106.

⁴ Wegweiser zu ehemaligen jüdischen Leidensstätten der Deportationen von Hamburg nach Minsk. S. 44.

были очень хорошие и дорогие швейцарские часы, которые почему-то у меня не забрали. Я сказал: «Вольф, если вы заберете моих родителей, я вам отдам мои часы». Он сказал, хорошо. Он мог просто у меня их забрать. Сказать, снимай, и все. Но он привез их на завод. Я снял часы и отдал их ему. Я на какое-то время спас родственников.

...На радиозаводе командовал немецким отделением хауптман Тыс. Он был очень порядочный человек, но вокруг него было очень много не порядочных, то есть они могли избить, могли сделать все, что хотите.

Или же оберст Заиндлер был преданный немецкий офицер. Вместе с тем, он очень хорошо относился к людям разных национальностей, в том числе и к евреям. Он их по мере возможности защищал, не отдавал никого, даже детей, на уничтожение. ...Конечно, он не мог нас всех хорошенько накормить, одеть как полагается. Там среди солдат и офицеров были и заядлые нацисты, и бывшие коммунисты, которые очень хорошо относились к нам. Он держал все в своих руках, он, практически, никого не отдал в СС на уничтожение.

...Такими были еще ефрейторы Ганс Фоцег, Уле – это целая компания молодых людей родом из Кенигсберга. Между нами были не товарищеские отношения, но терпимые. В них не чувствовалось арийского превосходства. Они делали свое дело, мы делали свое дело, но иногда они нам помогали. Кусок хлеба – это тоже было очень важно. Причем, им запрещали это, но все-таки они это делали»¹.

Немецкий солдат **Отто** в возрасте сорока лет во время погрома 28 июля 1942 г. спасает узницу Минского гетто Аню **Ботвинник**, называя ее специалистом. Немногим позднее он помогает ей уйти к партизанам². О том, что такие примеры не являлись единичными, может служить утверждение в обвинительном заключении по делу **Рюбе**, где отмечается, что 4 молодые немецкие еврейки были расстреляны якобы за связь с представителями вермахта³.

Что касается полицейских, то по ряду даже, пожалуй, непреднамеренных свидетельств их значение не менее значимо. К примеру, через несколько дней после расстрела евреев в Лиозно (02.42, Вит. обл.) Борис **Черняков** пошел сам в полицейскую управу. Следователь Леонид **Посканев** спросил: «Ты кто?». Он ответил: «Мой папа – русский». Следователь сказал: «Убирайся вон, чтоб я тебя больше не видел». И лишь после встречи с отцом в середине 1950-х годов Борис узнал, что следователь хорошо знал, кто он был⁴. Подобная история произошла с Верой **Пескиной** и ее маленьким сыном Володей в Лиозно. Она не была похожа на еврейку и обратилась к полицейскому, что ее забрали по ошибке. Он отпустил их, предупредив об осторожности при передвижении⁵.

В истории Веры **Паперно** с двумя детьми есть, казалось бы, незначительная деталь. После долгих скитаний она обратилась за помощью в д. Добасна (Кировск. р-н) к старосте Даниле **Юрочке**. Вот он и определил к Ирине **Масюкевич**, у которой было трое маленьких детей. Так они и прожили с 12 октября 1941 г. по

¹ Иосиф Грайфер – бывший узник Минского гетто. Интервьюер Кристина Чеховская. Минск, 2005 // Архив Исторической мастерской. *Поиски Заиндлера через Посольство Германии оказались безрезультатными.

² Краснапёрка Г. Письма маёй маці. С. 52–53, 57, 84, 91, 111.

³ Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Мн., 2007. С. 107.

⁴ Праведники народов мира Беларуси. С. 31.

⁵ Там же. С. 81.

10 июля 1944 г.¹. Или же двое еврейских подростков 12 и 14 лет попали в дом знакомой им Надежды **Пилецкой**, который находился недалеко от Чаусов. После разговора со старостой деревни, и его предложения жителям деревни взять детей из приюта на содержание, она на законных правах оставила у себя двоих².

В истории Михаила **Трейстера** о начальнике местной полиции Минского гетто **Эпштейна**, которого свидетели считают наиболее активным пособником преступлений оккупантов, есть и такие представления. Когда один из узников гетто в составе группы из четырех человек при побеге убил двоих полицейских, а потом, раненый, заполз в инфекционную больницу на ул. Сухой, то *«исполнявший в то время обязанности начальника местной полиции Наум Эпштейн, инспектируя больницу, залез на чердак, увидел Бориса, но сделал вид, что ничего не заметил». Кстати, Эпштейн, о котором говорили много плохого, и мне помог уйти с Широкой. Выходит, что человек – существо многоликое, и судить о нем надо осторожно. Сам Наум Эпштейн – относительно молодой, благообразный и очень толковый польский еврей – погиб в 1943 г., вероятно, в последнем погроме. Бог ему судья»*³. Спасительной стала история в д. Ольманы (Столинский р-н), где фольксдойче **Блауман** взял в домработницы дочь знакомого еврея **Блежовского**, объяснив это тем, что его жена-учительница часто болеет и нуждается в помощи. После вступления немецких солдат в деревню он пошел на службу в оккупационные органы. Девушку же никто не тронул. В период наступления Красной Армии ему удалось уйти с немцами, а девушку отправить в партизаны. Так **Блежовская** осталась жива⁴.

Неоднозначность суждений может вызвать и история спасения бывшего узника Минского гетто Гриши **Чарно**. По свидетельству Эмилии **Хургиной**, работавшей на кухне в Генеральном комиссариате, через работника канцелярии – немца **Ройше**, который хорошо относился к евреям, ей удалось добиться освобождения мужа Гриши **Чарно**. Он, якобы за кражу банки жира, был помещен в бункер и мог за такой проступок быть расстрелян. Вскоре, узнав эту историю, Генеральный комиссар Беларуси Вильгельм **Кубе** дал указание освободить арестованного. Сначала Гриша, а затем и Эмилия, с помощью председателя юденрата Наума **Эпштейна**, перешли в партизанский отряд **Зорина**⁵.

В определенной мере есть некоторая закономерность в поведении одного из главных архитекторов оккупационного режима в Беларуси. Вот как характеризуют **Кубе** его оппоненты из службы СД: *«Немецкие евреи в Минске особенно благодарны заботе, которую оказывает им господин главный комиссар гауляйтер Кубе. При посещении Кубе ... в ноябре 1941 года гетто он узнал, что родственники некоторых из евреев сражаются на фронте. Заинтересовавшись этим, он обещал, что доложит об этом фюреру. В гетто*

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 45.

² Там же. С. 66.

³ Трейстер М. Проблески памяти. С.32.

⁴ Овсяник Г. Мой Столин // Авив. Март – апрель 2006. № 3–4. С. 19.

⁵ **Хургина** Амалия Моисеевна, 1926 г.р., партизанка отряда 106. Прибыла из Минска. **Чарно** (или **Черко** – К.К.) Гриша Янкевич, 1925 г.р., д. Седлец, числится 18.11.43. в списке погибших и пропавших без вести партизанского отряда 106. См.: Встали мы плечом к плечу. Евреи в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг. Мн., 2005. С.115, 148.

для берлинских евреев гауляйтер **Кубе** обратил внимание на внешность двух еврейских девушек, которые похожи на ариек. Он распорядился политическому руководителю установить личность одной девушки и выписать из гетто. Одна из них работала затем в генеральном комиссариате, совмещая работу стенографистки и парикмахера, при этом ей было разрешено ходить без «звезды»...¹. **Кубе** также добился перевода из Минского гетто Карла **Лёвенштайна** в Терезиенштадт. Возможно, это и спасло ему жизнь².

Спасительной была встреча для Фишла **Рабинова** из Пинска с немецким офицером Гюнтером **Крылем**. Когда двое братьев были расстреляны, ему немецкий офицер предложил сменить свое имя на Петра **Рабцевского**. Во время массовой акции уничтожения он с конца октября 1942 г. больше месяца скрывал у себя, а затем переправил в Киев к своему другу **Фриафу**³.

Нередко действия представителей оккупационных органов в отношении еврейского населения классифицировались однозначно – как преступные. Однако при критическом отношении к данному немало примеров, когда внешне злобные действия в конечном итоге давали положительный результат. Так, узница Минского гетто Софья **Коган** во время первого погрома 7 ноября 1941 г. уже находилась в кузове автомобиля, когда немецкий солдат высадил ее со словами: «У тебя голубые глаза и светлые волосы, таких евреек не бывает...»⁴. В другом случае, Мария **Мирук** для спасения Любы – дочки брата из Борисовского гетто – предложила полицейскому сумку с продуктами, а когда тот ушел разговаривать с немцами, то один из них вырвал из рук матери ребенка и бросил идущей за ним Марии. Она же подхватила девочку и убежала⁵. Или в другом случае в **Чаусах** при перемещении евреев к месту расстрела один

¹ Из обзора комиссара криминальной полиции оберштурмфюрера Буркхардта о положении немецких евреев в минском гетто 1941 // *Judenfrei! Свободно от евреев!* С. 226–227

² Хеккер К. Немецкие евреи в Минском гетто. Мн.: Историческая мастерская, 2007. С. 91. *Необходимо отметить, что в белорусской современной историографии, начиная с работ Ю. Туронка, стало модным, по сути, соглашаться с мнением Г. Гиммлера о гауляйтере как о «защитнике евреев» и выдвигать в этом вопросе на первый план некие моральные соображения. Нам представляется более обоснованной позиция А. Даллина, считавшего стремление В. Кубе ограничить масштабы массового уничтожения евреев обусловленным экономическими и политическими мотивами. Своеобразие личной позиции В. Кубе было в том, что он допускал возможность особого отношения к немецким евреям, к евреям-участникам Первой мировой войны. В то же время он был убежден, что «польский еврей совершенно так же, как и русский еврей, является врагом Германии. Он представляет собой опасный политический элемент, политическая опасность которого далеко превышает ценность его как квалифицированного рабочего». Кроме того, необходимо отметить, что компетенция В. Кубе в решении «еврейского вопроса» была ограничена и распространялась только на административно-хозяйственную сферу, о чем уже говорилось выше. Бывали случаи, когда гауляйтера даже не ставили в известность о проведении тех или иных акций, относительно чего он бурно протестовал. Не В. Кубе решал, уничтожить евреев или нет, а ведомство Г. Гиммлера. Он мог подавать лишь свои соображения по данной проблеме, которые могли быть учтены или нет. В данном весьма содержательны выражения гауляйтера Беларуси В. Кубе, написанные им в конце 1941 г. «Я, безусловно, тверд в своем мнении и желаю содействовать решению еврейского вопроса... Прошу тебя дать точные директивы, чтобы надлежащая акция (уничтожение евреев из Германии – К.И.) была проведена наиболее гуманным образом». См.: Письмо генерального комиссара Беларуси В. Кубе Рейхскомиссару Осталанда Г. Лозе о депортации евреев Германии в Беларусь, 16 декабря 1941 // *Judenfrei! Свободно от евреев!* С. 211.

³ Смидовицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. 2000. С. 60.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Праведники народов мира Беларуси. С. 107. *В данной ситуации две другие сестры осуждали женитьбу брата на еврейке, для чего Мария пряталась на дальнем хуторе и стремилась, чтобы сестры не узнали о спасении ребенка. См.: Там же.

из охранников обратился к бабушке Тамары **Ползик** «*Отдай мне девочку, она же русская*». Затем ее забрала к себе соседка Вера **Перцева**, а после того как ее с «русскими» документами угнали на принудительные работы в Германию, то местная работница Франсуа **Трико**, договорившись с охраной, забрала ее к себе¹.

Восьмое: каждая преграда могла быть непреодолимой На пути к спасению было немало преград, каждая из которых могла быть непреодолимой. Пройдя же его, спасенный, как правило, представляет в своем образе только главных фигурантов или одного из них. Между тем остаются в тени десятки других лиц, как спасителей, так и сотрудничавших с оккупационными органами. Евреям всегда приходилось рисковать. Немало таких попыток заканчивалось провалом. Вот некоторые типичные тому примеры. Так, еврейские рабочие второй казармы в Минске попытались подкупить в размере 15 тыс. рублей полицейского 46-го украинского батальона, чтобы он перевез на машине в партизанскую зону. В итоге им было сообщено о намерении, и организаторы побега были схвачены. Полицейский получил от уполномоченного имперского начальника отрядов СС благодарность за предусмотрительность². В другом случае, когда местному жителю стало известно о месте нахождения Ирвина **Резника** и Ноаха **Каплинского** в д. Комяница (Зельвенский р-н), то, чтобы он не выдал прятавшихся евреев, семья **Бусловичей** заплатила ему за молчание³.

Показателен пример с Лизой и Томой **Зориными** из Березино. При скитаниях в д. Оврус ненадолго их приютила одна незнакомая женщина, а когда ночью неожиданно пришли двое полицейских и заподозрили еврейство, то она не дала их увести из дома. Позже на неделю впустил в хату бобыль. Он не верил, что можно спастись, и для того, чтобы зря не мучались, предложил себя в качестве убийцы. В Дубровичах бывший учитель Николай **Круглик** предложил называться Ниной и Ольгой **Марцинкевичами** и говорить, что сбежали из детдома. Мать Николая оставила Лизу, а Тому взяли **Никольские**. Когда соседский сын донес в полицию, что мы еврейки, от **Никольских** требовали привести «жидовок». Дети тотчас же ушли в лес и нашли, к счастью, партизан⁴. В другом случае, **Галаховы** для спасения бежавшей из Минского гетто Александры **Гинзбург** переправили ее как свою племянницу в д. Осока к родственникам. Однако после скорого «разоблачения» соседями они привезли ее назад к **Галаховым**⁵.

У каждого свой был путь из Минского гетто. Сложный и длинный. Вот только несколько примеров. *«Старшая сестра [Серафимы Ставицкой] работала уборщицей в каком-то немецком учреждении. Там она познакомилась с каким-то парнем, который обещал ее отвести к партизанам. Но за это надо было заплатить золотом.*

У нас его не было. Золотые часики отдала тетка. Золотые монеты были у Фани. Сестра поставила условие, что возьмет и меня. Мне тогда было десять лет. Договорились, что пойдём втроем – сестра, Фаня и я. Вечером,

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 108.

² Из приказа начальника полиции порядка ГОБ полковника Клепша с благодарностью полицейскому украинского батальона за неподкупность // Холокост в Беларуси. С. 123.

³ Праведники народов мира Беларуси. С. 103.

⁴ Там же. С. 98–99.

⁵ Там же. С. 30.

когда все возвращались с работы, мы укрылись в развалинах, где переждали ночь, а утром двинулись в путь. Впереди шел мужчина, в некотором отдалении от него мы. Вышли на окраину и вскоре оказались в лесу. Проводник, взяв плату, сказал, что за нами придут. Но прошло много часов, прежде чем мы поняли, что обмануты. Пошел дождь. Мы укрылись под огромной елью. День кончился. Тут неожиданно появилась телега с тремя полицейскими. Они нас быстро нашли. Но среди полицейских оказался знакомый Фани.

Пришлось все рассказать. Оказалось, что это не полицейские, партизаны. Но они шли на задание. Они рассказали нам, как добраться до их связанной деревне. И мы туда добрались. Эта женщина обогрела нас, накормила. Ночевали мы на теплой печке. На рассвете женщина рассказала нам, как добраться до партизанской зоны. Нужно было пройти километров тридцать. Так мы оказались среди болот в деревне Поречье Пуховичского района»¹.

Как правило, на пути передвижения евреев из Минска места остановок были временными. Некоторые деревни находились вблизи партизанских зон или лесных массивов и представлялись более безопасными, другие населенные пункты строго контролировались полицией, в них располагались гарнизоны, опорные пункты или полицейские участки. «Белорусская женщины из Щишиц тетя Варя втихомолку плачет. Детей куда-то отослала. Позвала в комнату, посадила на кровать, взяла мою руку в свою.

– Дочушка... – умолкла. – Дочушка, – повторила она: – Тут полицаи, как ищейки, вынюхивают чужих людей. Как дознаются, что нездешняя, расстреляют тебя, моих детей, всех нас.

– Ладно, тогда я уйду, – сказала виноватым голосом, помня угрозы фашистов: за укрытие ... расстрел.

– Не обижайся, мне тоже тяжело. Дай Бог тебе добрых людей в жизни. Детей специально отправила, чтобы не плакали. Где твоя торбочка, положу на дорогу.

Я затащила веревкой свой мешочек с продуктами, попрощалась без обиды и вышла за калитку.

– До свидания. С Богом! – тетя Варя перекрестила воздух.

Я поплелась, не оглядываясь. Потом, будто в спину кто-то толкнул, обернулась. Хозяйка стояла посередине дороги, смотрела мне вслед»².

Девятое: изменение статуса – не есть полная защита Изменение фамилии и статуса вносило свои изменения в жизнь. Вступали в силу новые отношения оккупационных властей с местным населением. Одним из таковых стал принудительный вывоз молодежи на работы в Германию. Вот только некоторые примеры. С момента организации Минского гетто Розалия Фридзон попросила подругу спрятать ее дочь Элеонору. Варвара Николаевна Филипович забрала девочку и вписала в свой паспорт как дочь под именем Елена Филипович. Розалия сменила фамилию и находилась в Минске до июня 1943 г., затем ушла в партизанский отряд им. С.К. Тимошенко бригады им. П.К. Пономаренко. Попала к немцам, была отправлена в Германию, бежала и продолжила борьбу теперь уже во французском партизанском отряде. 16-летняя Элла стала бойцом десантной группы отряда специального назначения «Родные»³. Переправленная из Минска в поселок Октябрь (Минск. р-н) Майя Гальперина

¹ Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 368–369.

² Давыдова Г.Р. От Минска до Ла-Манша. С. 71.

³ Праведники народов мира Беларуси. С. 110–111.

под фамилией **Хачевская**, как и вся молодежь поселка, вскоре была угнана на принудительные работы в Германию. Ее младшенькая сестренка Нелли была арестована вместе с родителями **Хачевскими**, но все же была передана в детский приют как русская. Ее старшая сестра Клара, придя на квартиру **Хачевских**, была арестована и повешена вместе с **Хачевским** в Минске 25 апреля 1944 г.¹ В другом таком случае, **Ася Казакевич**, став Марией, вскоре попала на принудительные работы в Германию, но тем самым спасла себе жизнь².

Так, **Марат Зальцман**, оставшись один в Минске после того как родители эвакуировались, а он из пионерского лагеря прибыл в уже оккупированный Минск, попал в гетто, но бежал и выдавал себя за поляка Мишу **Добрицкого**. Семья **Циехановичей** в д. Петриловичи (Гродн. обл) оставили его у себя дома, перекрестили в костеле, дали новое имя **Михаил Циеханович**. Во время карательной акции оккупанты забрали семейство и после допросов вывезли на принудительные работы в Германию. Михаил после освобождения вернулся на родину, а **Циехановичи** остались в Германии³.

История бывшего узника Минского гетто **Игоря Подноса** такова. Его маме удалось через **Дарью Сакуро** достать новый паспорт. Однако ее в январе 1944 г. отправили на принудительные работы в Германию. Маленький сын передан в детдом. **Дарья** смогла забрать его и вернуть к жизни⁴. Еще один пример. **Елена Гиригорн** была задержана полицией во время одной из облав с добытым подпольщиками для нее паспортом. Оккупационные органы так и не увидели ее еврейское происхождение, но поставили на учет в бирже. После этого, как личность без рода занятий, ее направили на принудительные работы в Германию⁵. По словам бывшего узника Минского гетто **Валентина Скабло**: *«После этого погрома [28–30.07.42] мама отослала меня в городскую управу, где я выдал себя за русского мальчика-сироту и был определен в детский дом. Но и там было страшно голодно, нас почти не кормили. Еще с двумя детдомовцами мы бежали оттуда и добрались до местечка Лебедево, где нас разобрали по домам крестьяне, у которых мы работали до лета. Когда потеплело, решили сходить в город. Это было летом 1943 г. Матери и брата я уже не застал – они погибли. А осенью ликвидировали гетто полностью. Я опять ходил и побирался до тех пор, пока не угодил в облаву. Меня определили работать на радиозаводе в слесарном цеху. Здесь и жили в бараке. Никто не знал, что я еврейский мальчишка. А нас таких здесь было немало. В 1944 г. немцы вывезли завод и рабсилу сначала в Польшу, а затем в Германию. Я оказался около Штутгарта»*⁶.

Достаточно красноречивым является пример нахождения в гетто неевреев. Так, еще в довоенное время белорусскую девочку **Асю** удочерили евреи из Минска. И хотя соседи предлагали ей остаться у них, она пошла в гетто вместе со своими приемными родителями, где и погибла⁷.

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 144. ***Анна Хачевская** была отправлена на принудительные работы в Германию. После войны вернулась в Минск. См.: Там же.

² Там же. С. 56–57.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ К'яры Б. Лёс беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларутэніі». Спроба наблізіцца да незразумелага // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг. Мн., 2005. С. 80.

⁶ Левин В., Мельгер Д. Черная книга с красными страницами. С. 208.

⁷ Праведники народов мира Беларуси. С. 67.

Десятое: карательные действия оккупантов против населения, оказывавшего помощь в спасении евреев В условиях жестокого обращения с местным населением германские оккупационные органы не раз демонстрировали свою приверженность к насилию за укрывательство или утаивание информации. Повсеместное преследование тех, кто помогал евреям, нередко порождали страх, неуверенность и отчаяние у большинства обывателей. Например, Надежда **Макрушиц** работала главной медсестрой в больнице № 2 г. Минска. Она сохраняла документы умерших больных и передавала их евреям и военнопленным. Кроме того, в доме ее проживания скрывалось пять евреев. В декабре 1941 г. она была арестована на рабочем месте и вскоре казнена. Дочь с мужем бежали из Минска. После этого и евреям пришлось покинуть дом¹.

Практика оккупационных органов была такова, что за провинности наказывали все семейство, по принципу круговой поруки. Риск для семейных был огромный. Так, Левон и его жена Клавдия **Гайшун** (д. Ковчицы Светлогорского р-на) за укрывательство и спасение еврейской семьи **Губиных** были оккупантами заживо сожжены в собственном доме в 1941 г.² Или же в Могилевской области известен случай, когда девять месяцев прятались у **Сафоновых: Могильницкие, Урицкие, Гутины, Каганы**. Всего 9 человек. И когда появились партизаны, то они передали их им. Это стало известно полиции, и тогда Григория и его жену арестовали, а затем расстреляли. Их дочь чудом осталась жива³. Подобные примеры имели место в Дятлово (Гроднен. обл.). Так, в декабре 1942 г. о помощи евреям со стороны семьи **Лавников** стало известно карательным органам. Их дом был сожжен, а Иван и Юлия **Лавники** и их сын Сергей были расстреляны⁴. Практически в тоже время Юлиан **Касперович** и его жена Мария обустроили укрытие на болоте около д. Глинка (Столин. р-н) для 4 евреев. После того как полиции стало известно, что он помогает евреям, их дом был сожжен, а они лишь чудом остались живы⁵.

Карательные меры к населению принимались незамедлительно, как только подобное становилось известным оккупационным органам. Например, в д. Довьяты (Браслав. р-н) нашли укрытие от верной смерти семья **Рукшиных**. Одно время на чердаке дома местного жителя Егора **Капусты** скрывалось 10 человек. Когда же организовался партизанский отряд, то 3 братьев **Рукшиных** ушли туда, а 12-летняя дочь Маша продолжала жить. Узнав о беглянке и не найдя место укрытия, немцы сожгли Кисловщину, Довьяты и другие населенные пункты⁶. Или же в д. Пятницкое (Шумилинский р-н) полицаи узнали, что в доме **Кутенко** живет еврейский мальчик. Однако тому удалось вовремя убежать. За это пожилой С.Т. **Кутенко** был жестоко избит, и с большим трудом ему удалось встать на ноги⁷.

Трагической закончилась история спасения еврейской семьи **Конторович** в Логойске. Приехав из Душанбе на отдых, мать Хана и ее дочь Тамара вынуждены были остаться на месте. Когда же германские органы обнародовали приказ о регистрации евреев, то хозяйева квартиры в страхе за собственные

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 146–147.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 26.

жизни попросили гостей переехать. Пришлось перебраться к соседям **Ходосевичам**, у которых было трое дочерей. Когда же оккупационные власти потребовали евреем собраться 30 августа 1941 г., то Хана и ее родители пришли к назначенному месту и были расстреляны. Тамара же по совету **Ходосевичей** осталась у них. Для нее было подготовлено тайное убежище. Кроме этого, они также обеспечили убежище Рафаилу **Баркану** и **Зисерману**. И в критические минуты **Ходосевичи** переправили Тамару и двоих сестер Татьяну и Майю к бабушке Антонине. Когда же полиции что-то стало известно об их антифашистском настроении, то 13 марта 1943 г. Петр, Янина и дочь Валентина были расстреляны¹.

Немало примеров, когда оккупационные власти делали массовые облавы в поисках евреев. Например, Степана **Сопоту**, жителя Василевич (Речицкий р-н), по доносу посадили в тюрьму. С обыском пришли и в дом брата Мартына, где в то время и скрывался Яков **Нехензон** – бывший военнопленный. С учетом опасности было принято решение о переправке его в партизанский отряд, что спасло братьев **Сопотов**².

Некоторым для спасения евреев приходилось покидать свои собственные жилища. В этом разе они становились преследуемыми беглецами. Например, полиция, узнав о нахождении двухлетней еврейской девочки, потребовали от Юлианы **Виноградовой**, которая проживала вместе с дочерью в Лиозно, передать ее в полицейский участок. Не выполнив указания, они с 1942 г. скрывались у родственников, затем у соседей. Девочка Полина **Смородина** (**Леонова**) и после войны проживала в семье **Виноградовых**³.

1.5. Культура памяти

Возвращение памяти. Первыми в Беларуси высокого звания Праведник народов мира были удостоены 3 ноября 1965 г. Андрей **Николаев** и его супруга Наталья Захаровна **Станько**⁴. После присвоения звания Праведников в 1967 г. посетила Израиль Антонина **Габис**, где приглашенным вручали награды⁵.

Всего около 700 человек из Беларуси, проявив мужество и человеколюбие, признаны Праведниками, в том числе почти 100 человек при спасении минских евреев. Однако только одна история, которую подтверждают уникальные документы – два письма из гетто, дошедшие до наших дней. Их написала узница Минского гетто Лея **Мерсон**⁶. Что бы преодолеть такое сложное

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 69.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 72. *Перед расстрелом мама Полины достала документы, что у нее отец русский. В доме **Виноградовой** соседи указывали Полине на ее неродственные отношения с Ю.С. **Виноградова** также никому не рассказывала о своей «приемной дочери». См.: К'яры Б. Лёс беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларугэніі». Спроба наблізіцца да незразумелага // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 10 лістапада 2004 года, Мінск. Адк. рэд. В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мн.: Гістарычная майстэрня, 2005. С. 81.

⁴ Праведники народов мира Беларуси. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Герасимова И. Уникальные документы // Авив. Июнь – июль 2003. № 6–7. С. 6. *Еще один дневник бывшего узника Гродненского гетто Соломона **Жуковского** переведен на английский и опубликован в Израиле. См.: Антонова В. Дневник Соломона Жуковского // Авив. Январь – февраль 2002. № 1–2. С. 5.

положение, особенно после 50-летнего послевоенного периода, когда возобновился поиск свидетельств – воспоминания стали основной историей прошлого. Многое на этом пути удалось осуществить, прежде всего, бывшему послу Израиля в Республике Беларусь господину Эли **Валку**. С помощью активистов общины, и прежде всего Майи **Крапиной**, удавалось ежегодно находить по 20–30 человек. Для части из них были организованы поездки на родину спасенных и там вручать высокие награды. Однако далеко не всем Праведникам, даже из живущих в Минске, такое пришлось осуществить (1 из 20 на 2009 г.). Тем не менее, поиск продолжается по всей территории Беларуси, и его успех во многом зависит от скрупулезно собранных личных свидетельств от уже совсем небольшой горстки живущих граждан Беларуси – свидетелей Холокоста. В немалой степени носителями такой информации остаются дети и даже внуки неизвестных спасителей еврейского населения.

Образ идентичности Среди Праведников люди разных национальностей и вероисповедания. В спасении семейства **Рида** приняли участие поляки: ксендз костела в Столине **Франциск Сморцевский**, семейство Марии и Владислава **Кийовски**¹. Такими же стали действия Митрофана и Хелены **Сидзукевич** в отношении семейств **Зибермана** и **Смужкович** (Шарковщина)². Для спасения Ришарда **Венгера** знакомая полька **Доленга-Вжозек** из Столович (Барановичский р-н) переправила еврейского мальчика в деревню, где его выдавали за польского ребенка³. Таким же образом, представив соседям как дочь знакомого поляка, удалось спасти Аду **Бабкис** жителю д. Легези (Молодеч. р-н) Иосифу **Сороке**⁴.

В российской семье **Виноградовых** с 1942 г. проживала и нашла свое спасение маленькая еврейская девочка Полина **Леонова**⁵. Татарская семья **Канапацких** в составе Фатимы и ее дочери Айши (Анны) обеспечивали Исроэлу **Давидсону** проживание в убежище дома целый год. Когда же пришли и жена и трое детей, то стало очевидным – убежище не подготовлено на такое количество. Семейство решило искать партизан. Через некоторое время им удалось найти и влиться в ряды партизанского отряда **Зорина**⁶.

Немало из спасенных получали белорусское свидетельство о рождении. К таким относятся **Марат Гальперин**, которого после погрома в марте 1942 г. нарекли **Маратом Калиновским** и с этими «белорусскими» документами оформили в детский дом г. Минска⁷. Или же, когда полицейский заинтересовался документами еврейского мальчика из Минска, то Елизавета Харитон из д. Макавчицы (Дзержинский р-н) отвезла мальчика в церковь в Дзержинск и крестила. Так он стал **Церлюкевичем** **Владимиром** **Адамовичем**. Выданную справку предъявили полицейскому, и тот после этого оставил семью в покое⁸.

¹ Праведники народов мира Беларуси. С. 12–13.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 105.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ К'яры Б. Лёс беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларутэніі». Спроба наблізца да незразумелага // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг. С. 81.

⁶ Праведники народов мира Беларуси. С. 143.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Там же. С. 126.

Конфессиональность Нередко именно представители церкви являлись первыми спасителями евреев. В Хотенчицах (Вилейский р-н) Степана **Лешкевича**, работавшего при церкви дьяконом, назначили бургомистром. В период массового уничтожения он уговорил расстрельную команду повременить, так как те представляли собой нужную для оккупационных органов квалифицированную рабочую силу. Наутро он рассказал об опасности и посоветовал скрыться¹. В спасении семейства **Рида** приняли участие баптисты Степан и Агафья **Мозоль** из д. Хотомель (Столин. р-н)². Или же Вера **Бодня** – двухлетняя еврейка из Белостока – официально была удочерена Атилией **Бружник** из д. Стаи (Борисовский р-н). Ее приняла община баптистов, и нарекли ей имя Вера³. По словам Гени **Бокман**, когда она решила присоединиться к партизанам и блуждала в поисках отряда, то попала в дом Ирины **Левыкиной** (Браслав. р-н). Ее муж погиб в советской тюрьме за отказ служить в Красной Армии по религиозным мотивам. Она при встрече заметила, что молодая девушка хорошо знает Ветхий завет. Ее отец – глава общины евангелистов – после беседы с ней с помощью Ирины, двоих братьев спрятал ее в конюшне, кормил и заботился о ней⁴.

Набожная Феня **Костюкевич** из Слуцка маленькую Дору **Баршай** крестила в церкви, дала русское имя Ольга, повесила на шею крестик, чтобы немцы видели и не догадались, что это еврейская девочка⁵. Алика и Марика **Дворкиных** Юлия **Кухта** из Минска покрестила. В метрике Марика записала «**Кухта** Марк Иванович»⁶. Мама Александры **Котленко**, когда к ней привезли еврейского мальчика Ефима, прежде всего надела на него крестик⁷.

Духовность И снова Аркадий **Гольдман**, которому было 10 лет, бежал из Минского гетто, на этот раз вместе с другом по фамилии **Рувимович**. Им удалось преодолеть забор из колючей проволоки, окружавший гетто, и проникнуть на территорию другого гетто, где были собраны евреи, привезенные из Германии. Немецкие евреи спрятали детей и заботились о них⁸. В другом таком случае бывший узник Минского гетто Дмитрий **Овштейн** указывает, что на его пути с 1941 г. по 1944 г. таковые встречались не раз. Он вспоминает: «*Меня приютили белорусы в Ратомке, есть такой небольшой поселок под Минском. Там я жил почти неделю у сестры моего школьного товарища Игоря Корнейко. Потом я решил вернуться в гетто и разыскать семью моих друзей Соловейчиков. Но этой семьи, в которой было шестеро детей, уже не существовало. Их расстреляли. С тех пор я в гетто больше не возвращался. Жил у Леоновичей на Комаровке.*

Наступила зима. Немцы стали искать евреев по хатам. И мне прямо сказали: если найдут в доме – расстреляют всю семью. В декабре при страшных морозах я ушел из Минска. Пешком дотопал до Красного, где на базаре один крестьянин предложил мне быть у него батраком за харчи. Я согласился:

¹ Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 122. *После войны за сотрудничество с оккупантами был приговорен к расстрелу. См.: Там же.

² Праведники народов мира Беларуси. С. 13.

³ Там же. С. 102.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Там же. С. 131.

⁸ Там же. С. 16–17.

он повез меня на санях в деревню Березовцы. Там я спокойно прожил до весны, но однажды мой хозяин позвал меня в баню и увидел, что я обрезанный. Он так перепугался, что пришел в себя только после того, как услышал, что утром я уйду. В деревне Сечки мне повезло: подобрал сельский пьяница. Когда он напивался, то избивал всех, кто попадетя под руку. Доставалось и мне. И я сбежал от него. В Молодечно попал в облаву и оказался в бараке, где жили железнодорожные рабочие. Кормили нас плохо, зато щедро лупили по всякому поводу. Но почему-то это было не так обидно и унижительно, как в гетто. Нам выдали рабочие пропуска, и раз в неделю можно было уходить из барака. Но теперь уж я был «ученым» и в баню со всеми не ходил»¹. Так и прожил бродягой до самого освобождения. И хотя в рассказе бывшего узника нет более точных наблюдений о поведении его окружавших, тем не менее, никто его не выдал оккупационным органам. А ведь в такой сложной ситуации любая подозрительность могла спровоцировать немцев на карательные действия против соседствующих жителей.

Одна из 13 выживших из 26 бывших узников Минского гетто в скроне по ул. Сухой Елизавета **Левкова** говорит: «И сейчас я много думаю об этой простой женщине. Это было до войны, и я ее хорошо помню. ...И вот так пошло дело. Она выходила раз-два в неделю. И если какие вещи были у нас, которые мы запасли ранее, то мы отдавали ей, а она продавала, наверное, и за эти вещи нам давала продукты. Ходила мама долго, и вдруг в один прекрасный вечер ее остановили. Кто-то сказал, что тут жидовка. Мама очень испугалась, да и сказал, может, русский парень не думая. Но после этого, неожиданно какая-то женщина сказала: «Отстань от нее. Это не жидовка, это русская женщина, вот она идет с мешком и пусть идет». И она оттолкнула этого человека. Мама пришла как неживая. После того как кончились продукты, целую неделю опять не ели, голодными сидели. Но кому-то ж надо идти, и она опять пошла мама. И эта женщина нас кормила до последнего дня оккупации июля 1944 г.»².

Немало таких историй опубликовано и не вызывает сомнений. К примеру, бывшая узница Минского гетто рассказывает о действиях по ее спасению двух женщин – Ефросиньи **Норейко** и Брониславы **Василевской**.

Культура памяти. Первые представления о Праведниках Одной из первых в Беларуси, кто обратил внимание на тему Праведников, стала бывшая узница Минского гетто Майя **Крапина** – спасенная Анастасией **Хурс** из Поречья. Это была лишь небольшая газетная статья в газете «Мінская праўда» об истории подвига молодой женщины в годы оккупации Беларуси³. Более системно были представлены краткие коллективные свидетельства трагедии Минского гетто в книге В. **Левина** и Д. **Мельцера**⁴. Целым разделом «Белорусские праведники народов мира» отмечен сборник документов и материалов «Трагедия

¹ Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 413–414.

² Левкова Е. Девять месяцев под землей // Мінскае гета 1941–1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. Мн.: Гістарычная майстэрня, 2003. С. 189.

³ Крапина М. Таму, што шкадавала... // Мінская праўда. – 1992. – 11 ліп.

⁴ Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами: (Трагедия и героизм евреев в Белоруссии). Балтимор, 1996.

евреев в Беларуси»¹. В нем представлены материалы как Праведников, так и спасенных. Список белорусских Праведников насчитывает 124 человека².

Выделяя аспекты спасения евреев в Беларуси в годы войны, представили свои работы публицисты из Витебска Михаил **Рывкин** и Аркадий **Шульман**, Раиса **Рыжик**³. Впоследствии на страницах периодической печати в республике появилось немало подобных историй⁴.

Однако это были лишь фрагментарные представления о значимости поступков части населения в условиях оккупации и жестокого нацистского режима на территории Беларуси. Между тем, на фоне общих представлений были обозначены и достаточно интересные с точки зрения социальных образов – действия жителей деревни Поречье, которые приняли в свои семьи около 40 детей из Минского гетто⁵, и редкий пример спасения белорусских и немецких евреев из Минского гетто немецким офицером⁶.

Практически одновременно в Израиле выходит книга известного исследователя истории Холокоста в Беларуси Леонида **Смиловицкого**. Им представлены небольшие материалы о помощи и спасении евреев немецкими военнослужащими и христианскими верующими. Достаточно интересна и постановка вопроса о поведении нееврейских супругов⁷.

С конца 1990-х годов развитие данной темы в основном оставалось в поле внимания газеты Союза белорусских еврейских организаций и общин «Авив» (ред. Борис **Герстен**, Виктор **Лясковский**). Под ее информационным ракурсом и складывается дальнейшее представление о Праведниках и спасенных. Накопление материалов приводит к его представлениям в отдельных книжных изданиях, которые особенно востребованы в системе образования Республики Беларусь. Таковыми стали систематизированные истории об узниках Минского гетто и Праведниках в книге «...На перекрестках судеб (Авт.-сост.: О.М. **Аркадьева**, Л.Л. **Геллер**, Т.С. **Курдадзе**, Д.И. **Русаковская**)⁸. Некоторые фрагменты спасения детей – бывших узников гетто отмечены в небольшой брошюре **Г. Родзинского**⁹.

Сборник «Праведники народов мира» Одним из наиболее ярких работ стал сборник материалов о Праведниках народов мира Беларуси. Он включает

¹ Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник материалов и документов. 2-е изд. Мн., 1997. С. 183–204.

² Там же. С. 205–211.

³ Рывкин М., Шульман А. Породнённые войной: Праведники народов мира. – Витебск: Олимп, 1997; Шульман А. Истории спасения // Авив. Май 2003. № 5. С. 12–13; Рыжик Р. Спаси и помилуй. Витебск, 1997.

⁴ Иоффе Э.Г. Просто Мария: [О Марии Калининой, спасавшей узников Мин. гетто] // Рэспубліка. – 1998. – 7 сак.; Кроз В. Я знала лучшую из людей...: [О М.К. Москаленко, спасшей В. Кроз в годы оккупации в Минске] // Авив. – 1999. – № 7. – С. 13.

⁵ Гришкевич А. Подвиг жителей Поречья // Пухавіцкія навiны. 23 верасня 2000. С. 2; Шибалис М. Деревня-праведник – Поречье // Рэспубліка. – 2000. – 27 верас. – С. 4; Бурштейн М. Святая деревня Поречье: [Жители деревни в годы Великой Отеч. войны спасли 40 детей, бежавших из Мин. гетто] // Авив. – 2000. – № 10 (окт.). – С. 1.

⁶ Гуткович Е. Женщина немецкого обер-лейтенанта: [Беседа о организатором побега евреев из оккупир. Минска Е. Гуткович /Записала М. Загорская] // Биржи и банки: Бел. деловая газ. – 2000. – 19 июля. – С. 14.

⁷ Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 58–66, 82–84.

⁸ ...На перекрестках судеб: Из воспоминаний бывших узников гетто и Праведников народов мира /Авт.-сост.: О.М. Аркадьева, Л.Л. Геллер, Т.С. Курдадзе, Д.И. Русаковская; Лит. обработка А.И. Соломевич. – Мн.: Четыре четверти, 2001. – 240 с.: ил.

⁹ Родзинский Г. Дети гетто. Тель-Авив, 2004.

важную в информационном плане статью **Кати Гусаровой** (отдел «Праведники мира» Мемориала Яд Вашем) об истории создания института праведничества и тех требованиях, которые предъявляются к оформлению необходимой документации для признания таковыми лиц, спасавших евреев в годы Второй мировой войны. Составителями первого такого рода издания стали **И.П. Герасимова** и **А.Л. Шульман**. Ими опубликован список Праведников Беларуси на 1.01.2004, даны краткие истории спасения, ряд фотографий Праведников и спасенных¹.

Региональное представление Продолжением начатого в белорусской историографии явилась книга, подготовленная председателем еврейской общины г. Бобруйска Леонидом **Рубинштейном** о Праведниках народов мира Бобруйска². Пожалуй, это своего рода региональная история дает основания другим регионам для углубления темы. В ней представлены истории свидетелей, фотографии Праведников и спасенных. Немаловажно, что текст на русском и английском языках. В данном направлении и публикации о Праведниках на территории Осиповичского района, подготовленные на основе практических результатов группы энтузиастов во главе с методистом Осиповичского РОО Неониллой **Цыганок**³.

Книги-воспоминания Наряду с этим в отдельных книжных изданиях и, прежде всего, в воспоминаниях бывших узников, имеются отдельные описания немалого числа примеров оказания помощи или спасения евреев⁴. Среди таковых и книги бывших узников Минского гетто: **Г.Р. Давыдовой, М.А. Трейстера, С.М. Марголиной, М.И. Крапиной, Ф.В. Рейзман, Г.А. Завольнер, С. Каплинского, А. Рубенчика, В.Н. Кроз** и др.⁵. Изданы и другие материалы по истории Холокоста, которые в определенной мере затрагивают отдельные, в том числе и теоретического плана, вопросы праведничества⁶.

¹ Праведники народов мира Беларуси / Составители И.П. Герасимова, А.Л. Шульман. Мн.: ОДО «Тонтик», 2004. – 164 с.: ил.

² Рубинштейн Л. Они спасли мир. На русском и английском языках. Мн., 2006. – 107 с.

³ Холокост – восстановим истину (интервью с Н.Л. Цыганок) // Асіповіцкі край. 11 июля 2006; Цыганок Н. История одной фотографии // Асіповіцкі край. 3 октября 2006; Цыганок Н. Уроки истории // Авив. Декабрь 2007; Цыганок Н. «Помните? Отзовитесь!» // Асіповіцкі край. 9 января 2008; Цыганок Н. Шестой // Авив. Февраль 2008; Цыганок Н. Без Праведников на земле наступила бы ночь... // Советская Белоруссия. 17 октября 2008; Цыганок Н. Войну победили человечность и милосердие // Асіповіцкі край. 13–27 января 2009.

⁴ Свидетели катастрофы // Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. С. 197–246; Крапина М. Ратаваліся разам // Хроніка Памяць. Пухав. р-н: Гіст.-дак. хроніка гарадоў і р-наў Беларусі. Мн., 2003. С. 304.

⁵ Давыдова Г.Р. От Минска до Ла-Манша, или дорогами Холокоста: Док. повесть. 2-е изд. Мн., 2001; Жива... Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и док. / сост. М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман. Выпуск второй. Мн.: Историческая мастерская, 2005; Завольнер Г. Жизнь, дарованная судьбой. Книга воспоминаний бывшей узницы Минского гетто. Мн., 2004; Завольнер Г., Гальперина Р. Спасенные из ада. Жизнь и судьба. Выпуск первый. Мн.: Историческая мастерская, 2004; Завольнер Г., Каплинский С. Судьбой написанные строки. Мн., 2007; Кроз В., Чаусская-Ильяшова З. Навечно в памяти: Минское гетто – и жизнь, и слезы, и любовь... Выпуск шестой. Мн.: Историческая мастерская, 2007; Левина-Крапина М.И. Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто. Мн., 2008; Марголина С.М. Остаться жить. Мн., 1997; Рубенчик А. Правда о Минском гетто: Док. повесть узника гетто и малолет. партизана. Тель-Авив, 1999; Трейстер М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis... Erinnerungen, Überlegungen und Publikationen. Выпуск четвертый. Мн.: Историческая мастерская, 2007.

⁶ Феферман К. К вопросу о спасении евреев неевреями на оккупированной территории советской Белоруссии и присвоении их спасителям звания «Праведник народов мира» // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. С. 139.

Новый исследовательский этап Обращает на себя внимание, что после выступления 20 октября 2008 г. Президента Республики Беларусь на мемориальном комплексе «Яма» внимание общественности к проблеме Холокоста значительно возросло. Немаловажную роль в данном сыграли и статьи известной журналистки газеты «Советская Белоруссия» Галины **Улитенок**¹. Стало очевидным, что сформированная позиция государства требует от всех уровней органов управления, в частности в образовательных и культурных сферах, учитывать, что Холокост есть национальная трагедия Беларуси, евреи не только погибали, но и сражались против оккупантов, мемориализация мест памяти жертв Холокоста должна найти свое место в представлении памятных мест Тростенца, гибели «неизвестной» девушки **Маши Брускиной**. Значимым стал вывод о вкладе в победу простых белорусов, которые, рискуя своей жизнью, спасали евреев от нацистского уничтожения. При этом некоторые Праведники из Польши и России совершили свои подвиги на территории Беларуси и Украине².

Таким образом, наряду с положительными формами представлений о Праведниках как спасителях евреев в годы Холокоста, расширением исследовательских тем и представлений о массовом невооруженном сопротивлении германскому оккупационному режиму, заметна тенденция критического осмысления историографии Минского гетто. С одной стороны, заметно расширение информационной и проблемной стороны проблемы, а с другой – осмысление немалого числа введенных в научный оборот чисто авторских представлений о геттоизации населения Беларуси. К сожалению, в большинстве своем, в академических белорусских изданиях по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн такого рода важная информация отсутствует³.

¹ Улитенок Г. Хозяева Теплого дома // Советская Белоруссия. 29 января 2008; Улитенок Г. Слово о добром белорусском сердце // Советская Белоруссия. 2008. 19 сентября. С. 6–7.

² Альтман И. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С. 452.

³ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Мн., 2005.

Розенблат Евгений

Спасение евреев Беларуси в годы Холокоста: некоторые теоретические аспекты темы

В отличие от многих аспектов темы Холокоста, которые имеют отражение в документальных источниках, изучение проблемы оказания помощи евреям в годы немецкой оккупации практически полностью основывается на использовании нарративных источников (воспоминаний переживших Холокост и материалов устной истории). Эта ситуация объяснима: в немецких документах фиксировались только неудавшиеся попытки спасения евреев, которые заканчивались уничтожением спасителей, их семей и прятавшихся евреев, а советские органы и подразделения не вели целенаправленную работу по сбору информации о фактах спасения евреев. Отдельные случаи оказания помощи евреям упоминаются в свидетельских показаниях, записанных Чрезвычайной Государственной Комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК).

Воспоминания и свидетельства, написанные и рассказанные в различные годы евреями-узниками гетто и теми, кто помогал им спастись, разные по своей информативности и содержательной ценности, имеют некоторые общие черты, на которые хотелось бы обратить внимание:

- 1) субъективность и эмоциональность восприятия событий, свидетелями или участниками которых этим людям пришлось быть;
- 2) запись многих воспоминаний и свидетельских показаний была осуществлена через значительный временной промежуток, что, безусловно, приводит к некоторым искажениям событий (абберация памяти) и передаче информации в виде определенных мифологем. В данном случае на рассказ очевидца влияет социальный миф, присущий обществу, в котором информант живет;
- 3) отсутствие целостности восприятия картины происходившего;
- 4) зависимость сообщения от образовательного уровня информанта и его социального статуса.

Следует учитывать те противоречия, которые обнаруживаются в нарративах евреев и неевреев о помощи еврейскому населению. Многие евреи высказывают стереотипную точку зрения об антисемитизме со стороны полиции и местных жителей. У большинства переживших Холокост сложилось впечатление о том, что вся окружающая среда была враждебна им. Нередко приведенные примеры оказания помощи со стороны горожан и крестьян бежавшим из гетто объясняются незнанием помогавших о том, что к ним обращались евреи. В целом, заметна негативная оценка местного населения, в сообщениях отчетливо чувствуются страх, отчужденность и предубежденность евреев по отношению к местным жителям (особенно эти черты присущи воспоминаниям евреев, которые были опубликованы в Израиле в 1950–1980-е годы).

Воспоминания местных жителей в этом аспекте существенно отличаются от свидетельств евреев. Часть очевидцев пытается нарисовать идиллическую картину взаимоотношений между еврейским и славянским населением, особо выделяя сочувствие, солидарность и добровольную помощь евреям со стороны местных жителей. Другая часть информантов не отрицает проявлений

антисемитизма, жестокости по отношению к евреям, факты выдачи их немецким властям и использование сложившейся ситуации в целях личного обогащения некоторыми людьми. Однако при этом респонденты подчеркивают единичность подобных случаев, одновременно приводя примеры оказания помощи и спасения евреев.

В сообщениях евреев о людях, помогавших им и укрывавших узников гетто, чувствуется некоторая недоговоренность. Иногда проскальзывает явно неприязненное отношение к тем, кто оказывал им помощь. Вероятно, объяснение следует искать в особенностях тех сложных личных взаимоотношений, которые устанавливались между спасителями и спасенными. В данном случае на полноту сообщений влияет необходимость соблюдения этических норм, своего рода табу. Во-первых, как правило, людям неприятно вспоминать о ситуации, характеризовавшейся состоянием полной зависимости от определенного человека в течение длительного времени. Во-вторых, информанты умалчивают о жертвах, на которые им приходилось в отдельных случаях идти для поддержания хороших отношений со своими спасителями (обычно спасенные не говорят о фактах вымогательства денег и ценностей, шантажа и склонения к сожительству со стороны спасителей).

Неевреи имеют свое видение проблемы спасения евреев в годы оккупации. Часть респондентов, непосредственно не имевших отношения к спасению евреев, высказывает убежденность, что люди, прятавшие евреев, получали от них золото и другие ценности, т. е. отрицает бескорыстные мотивы поведения спасителей. Спасители долго оставались живым укором и вызовом для других – тех, кто безучастно наблюдал за трагедией евреев.

Проблема коллективного выживания еврейского населения Беларуси в годы Холокоста имела решение только до проведения массовых акций уничтожения. До этого евреи даже в самых жестких условиях оккупационного режима достаточно успешно, насколько это было возможным, решали задачи жилищного размещения, продовольственного снабжения, медико-санитарного обеспечения, поддержки наиболее незащищенных групп (сирот, престарелых, многодетных семей и пр.). В период существования гетто еврейское сообщество выбирало один из трех путей выживания: коллаборация, сопротивление и выжидание. Но внешние обстоятельства оказались сильнее, поэтому спасение происходило на индивидуальном уровне (в некоторых случаях пережить Холокост сумели небольшие группы евреев и отдельные семьи).

Спасение евреев Беларуси в годы Холокоста зависело от ряда факторов. Многие условия и обстоятельства являлись своего рода фоном, на котором разворачивалась трагедия еврейского населения, евреи не могли существенно повлиять на их изменение (объективные факторы):

1. Политика нацистского руководства в отношении еврейского вопроса.
2. Ситуация на фронтах.
3. Принадлежность местности к той или иной оккупационной зоне.
4. Конкретная деятельность местных руководителей оккупационных властей, имевших возможности внесения определенных корректив получаемые директивные указания о мерах в отношении еврейского населения.
5. Активность национальных элементов в данной местности (польского, украинского, белорусского и т.д.), степень распространения антисемитизма среди местного населения.

6. Экономический потенциал региона.
7. Половозрастная и профессиональная структура еврейского населения.
8. Активность движения Сопротивления в регионе.
9. Природные условия и время года.

Кроме названных, существовали некоторые условия, в определенной степени контролируемые самим еврейским населением и зависящие от евреев (субъективные факторы):

1. Наличие лидеров, консолидирующих еврейское население, группирующих вокруг себя наиболее активную часть еврейской общины.
2. Экономический потенциал еврейского населения (благополучие еврейской общины, наличие запасов).
3. Медико-санитарная ситуация в гетто.
4. Прочность и характер контактов, установленных евреями с местным населением.

При самых благоприятных объективных и субъективных факторах, существование еврейских общин (коллективов) могло продлиться только до определенного предела – проведения акции массового уничтожения еврейского населения. Но борьба за выживание еврейских общин была плодотворной, так как представляла отдельным уцелевшим евреям возможность успешно решать проблему выживания после ликвидации гетто.

Путей индивидуального или группового спасения было немного:

1. В период существования гетто наиболее типичной тактикой спасения стало сооружение укрытий, накопление запасов воды и продовольствия, изготовление фальшивых «арийских» документов, заключение предварительных договоров с неевреями о помощи в случае ликвидации гетто. Особой изобретательностью отличалось создание так называемых «схронов» – убежищ, оборудованных в зависимости от возможностей той или иной семьи для кратковременного или продолжительного проживания. Укрытия сооружались в подвалах, чердаках, хозяйственных пристройках или огородах. В донесении о расстреле евреев м. Долгинова было указано, что евреи сумели построить настоящие бункеры для укрытия во время погромов, среди них имелись подземные убежища, насчитывающие три этажа¹. В г. Барановичи замаскированные убежища с двойными стенами в комнатах, сараях, подвалах, с подземными тоннелями, с входами через клозеты или печки имелись почти в каждом еврейском доме². После проведения акций уничтожения нацисты производили тщательный поиск укрывавшихся, используя собак, взрывая запертые двери и ощупывая с помощью шестов приусадебные участки. Территория гетто некоторое время после проведения акций была закрыта для местного населения, охранялась и патрулировалась полицейскими. Однако есть примеры, когда отдельные евреи и даже целые еврейские семьи сумели переждать в убежищах этот «карантин» и впоследствии выбраться за пределы гетто.
2. Одним из наиболее эффективных путей спасения являлись побеги, которые можно подразделить на несколько видов:

¹ Трагедия евреев Белоруссии (1941–1944 гг.). Сборник материалов и документов / Отв. ред. Р.А. Черноглазова. – Минск: Издатель Э.С. Гальперин, 1997. С. 97.

² Мельник Н. На виду у всех. – Б. м., 2001. С. 55–56.

3. Уход отдельных лиц или небольших групп евреев в период существования гетто с помощью фальшивых «арийских» документов и переход на легальное положение, либо присоединение к партизанским соединениям, создание отдельных еврейских партизанских отрядов или семейных лагерей.
4. Побег в ходе проведения акций уничтожения посредством организации сопротивления.
5. Обращение за помощью к друзьям, соседям, бывшим коллегам по работе или незнакомым людям с просьбой о предоставлении убежища.

При принятии решения о присуждения звания Праведника народов мира, Яд Вашем учитывает 4 вида помощи евреям:

1. Предоставление убежища в собственном доме, либо укрытие в таком общественном или религиозном учреждении, которое могло обеспечить достаточно надежное, защищенное от внешнего мира и скрытое от посторонних глаз убежище.
2. Обеспечение еврею возможности выдать себя за нееврея – посредством предоставления ему фальшивого удостоверения личности или свидетельства о крещении.
3. Помощь еврею в осуществлении бегства в безопасное место или за границу. Содействие при этом в преодолении тех опасностей, с которыми были связаны поездки и переход границы.
4. Временное усыновление (удочерение) еврейских детей в период войны.

Этот перечень видов помощи евреям может быть дополнен рядом важных позиций:

1. Временное укрытие (спасение) еврейского имущества. Распоряжениями оккупационных властей еврейское население практически полностью лишалось прав собственности. Конфискации имущества и контрибуции, многочисленные целевые сборы предметов первой необходимости и ценных вещей превращали евреев в нищих, резко ограничивали их участие в обмене вещей на продукты и в более далекой перспективе – подрывали потенциал к спасению. Поэтому помощь евреям утайть часть имущества могла стать первым шагом на пути их спасения. Например: сначала соседи согласились спрятать ценности, а потом спрятали и еврейского ребенка. Или: соседи сохранили имущество евреев, те бежали из гетто, забрали имущество и затем спасались самостоятельно, но имели средства к существованию. Бывали случаи, когда соседи соглашались спрятать еврейское имущество, а затем присваивали его.
2. Помощь продуктами питания, медикаментами, одеждой и пр. предметами первой необходимости. Пожалуй, самый распространенный (возможно, даже массовый?) вид помощи евреям. Сама по себе такая помощь не могла обеспечить, так сказать, «окончательного» выживания, но без нее спасение евреев становилось проблематичным, если не сказать невозможным. Почти каждый из переживших Холокост в Беларуси может привести пример оказания подобной помощи-милостыни, которую оказывали не только евреям, но и беженцам, военнопленным, нищим. Иногда от вовремя полученной краюхи хлеба или одежды, благодаря которой еврей переставал выделяться среди крестьян, зависело сохранение жизни человека на определенном этапе пути спасения.

3. Сообщение важной информации и советы, ориентировавшие евреев искать пути спасения (например, информирование об акциях уничтожения еврейского населения в соседних населенных пунктах, предупреждение о подготовке проведения подобной акции в данном гетто, рекомендации бежать, прятаться и т.д.). Известны примеры, когда такого рода помощь оказывали полицейские. Люди, передававшие информацию и дававшие советы, как правило, не оказывали содействия в реализации планов спасения, но, тем не менее, бесспорно их влияние на процесс осознания евреями опасности (т.е. объективно – эта помощь, часто совет или предупреждение, служили своего рода толчком для отказа от тактики пассивного выжидания и начала активных действий евреев по спасению).
4. Заступничество перед нападавшими на евреев (свидетельство, что жертва не имеет отношения к евреям, или просьбы пощадить «хороших» евреев). Известны примеры, когда во время погромов первых недель войны такие заступники совершали действия, которые останавливали погромщиков или не давали им причинить значительно больший урон еврейскому населению. Установлено немало случаев, когда во время акции при попытке полицейского или эсесовца вернуть к месту акции беглеца, спаситель заявлял о нееврейском происхождении беглеца (утверждал, что еврей является родственником или соседом-христианином и т.д.).
5. Осознанное принятие на работу евреев, обладавших поддельными «арийскими» документами. Работодатель мог знать или догадываться о еврейском происхождении принятого работника, но предпочитал не выяснять этот вопрос. Таким образом, еврей получал легальные средства к существованию (продовольственные карточки, зарплату). Как вариант: помощь в том, чтобы перевести евреев из непроизводственного гетто в рабочее.
6. Публичное (открытое) или скрытое проявление сочувствия (приветствие, пожатие руки, общение и пр.). Чтобы понять, насколько важным является этот пункт, необходимо отметить, что евреи тяжело переносили свою изоляцию от остальной части общества и, особенно, разрыв отношений с соседями, знакомыми, друзьями, многие из которых опасались поддерживать прежние связи с евреями. Поведение людей, которые игнорировали распоряжения оккупационных властей о прекращении с евреями любых контактов, разрушало тот психологический вакуум вокруг евреев, к созданию которого стремились нацисты. Евреи, многие из которых пережили предательство со стороны друзей, знакомых и даже нееврейских родственников, благодаря такой психологической помощи получали сигнал (надежду) о том, что среди неевреев есть сочувствующие и к ним можно обращаться с просьбой о спасении.

Названные дополнительные виды помощи являлись менее рискованными, чем те, которые определены Яд Вашем. Но за нарушение распоряжений оккупационных властей в отношении лиц, которые оказывали любую помощь евреям, могли последовать самые жесткие санкции, вплоть до смертной казни.

Помощь евреям в годы Холокоста могла быть как разовой (единовременной), так и продолжительной по времени оказания (постоянной).

Следует различать безвозмездную и оплачиваемую помощь. Границу между этими двумя видами помощи зачастую бывает довольно сложно провести. Например, на гешефты с евреями в период существования гетто можно посмотреть под разным углом зрения. С одной стороны, это обогащение местных жителей, которые получили возможность за счет обмена продовольствия на еврейское имущество поправить свое материальное положение. С другой стороны – объективно это продлеvalo жизнь узникам гетто, ведь этого могло и не быть, истории известны случаи, когда евреи под влиянием пропаганды попадали в условия практически полной изоляции – бойкот еврейских товаров и пр. Следует учитывать стремление самих евреев отблагодарить своих спасителей, оплатить услуги или свое содержание в убежище (причем разными способами).

Спасение евреев могло быть спланировано заранее или происходить стихийно, с участием случайных людей.

Пассивное поведение окружающих зачастую также спасало еврейские жизни – осведомленность о местонахождении прятавшихся евреев и недонесение оккупационным властям.

Потенциал оказания помощи евреям со стороны неевреев был сильно подорван специальными действиями режима. После ликвидации гетто для поминки уцелевших оккупационными властями была разработана целая система мероприятий, направленных на лишение поддержки евреев со стороны местных жителей:

- За укрывательство евреев грозила смертная казнь всей семье, предоставившей убежище.
- За сведения о местонахождении прятавшихся евреев объявлялись вознаграждения: денежные (в размере до 500 рублей) или продовольственные (несколько килограммов соли или сахара).
- Медработники получили распоряжение немедленно сообщать в ближайшую жандармерию или полицейский участок обо всех случаях обращения за помощью лиц с огнестрельными ранениями.
- После проведения массовых акций уничтожения была развернута усиленная антисемитская пропаганда.
- Накануне проведения крупных акций истребления евреев вокруг города, где располагалось гетто, частично создавалась «мертвая зона» – уничтожались хутора и некоторые деревни.
- После проведения ликвидации гетто полиция устраивала облавы, производила прочесывание окрестностей в поисках сбежавших. Многих удавалось обнаружить.
- Евреи, так или иначе уцелевшие после «окончательного решения еврейского вопроса», были поставлены в крайне тяжелые условия. Страх перед оккупационными властями заставлял людей отказываться евреям в предоставлении убежища. Способность коллективов и индивидов оказывать любую помощь преследуемым резко снижалась после проведения массовой акции уничтожения местного гетто. Евреи в буквальном смысле оказывались в роли прокаженных – контакт с ними мог поставить под угрозу благополучие и даже жизнь нееврея. Жажда наживы или антисемитская настроенность подталкивала некоторых местных жителей содействовать поимке евреев. В некоторых случаях доносы соседей об укрывательстве

евреев являлись следствием враждебных личных отношений между доносчиками и спасителями.

- Еще одним мотивом, толкавшим на поимку и передачу евреев властям, являлась озлобленность сельских жителей из-за мародерства и краж, в которых зачастую участвовали евреи, избежавшие гибели и таким образом добывавшие себе средства к существованию. Менее низменной мотивацией доноса об укрывании евреев являлось стремление обезопасить родной населенный пункт и его жителей от последствий карательных действий нацистов по принципу коллективной ответственности за нарушение приказов оккупационных властей.
- Значительно снижало активность местных жителей по оказанию помощи евреям существование страха перед доносом, разобщенности, общего фона недоверия друг к другу, характерного для условий оккупационного режима.

Опасность положения усугублялась тем, что евреям, как правило, было тяжело скрыть свою национальную принадлежность. Их выдавали характерная внешность и акцент. Национальность задержанных по подозрению мужчин определял личный осмотр. Попытки евреев найти партизан и присоединиться к ним нередко были безуспешными. Людей без оружия партизаны принимали в свои ряды крайне неохотно. Спасению евреев способствовало создание партизанских зон, но в самих отрядах между представителями различных национальных групп зачастую происходили столкновения, к бывшим узникам гетто относились настороженно (страх провокации, внедрения немецких шпионов). Существовала угроза попасть вместо партизан к бандитам и мародерам. В семейных еврейских отрядах были свои проблемы: угроза карательных экспедиций, недостаточная мобильность, проблема снабжения продовольствием.

Эти обстоятельства способствовали тому, что на протяжении последнего периода ликвидации еврейского населения с осени 1943 г. и до конца оккупации были уничтожены сотни, а, возможно, и тысячи евреев. В донесениях жандармских постов о расстрелах отдельных лиц или небольших групп евреев спустя какое-то время после проведения местной акции отмечалось, что они «бесцельно бродят по лесам»¹. В г. Бресте, например, после проведения акции уничтожения ежедневно задерживались 70–80 евреев, которые старались пробраться в свои дома за вещами².

У определенных категорий узников гетто шансы на спасение были выше, с большей вероятностью они могли рассчитывать на помощь со стороны местного населения:

1. Евреи, говорившие по-польски, по-русски или по-белорусски без акцента, облик которых не указывал на их происхождение. Благодаря этому им было легче выдать себя за местных жителей. Нередко те, кто оказывал помощь таким евреям, не догадывались об их происхождении, принимали за беженцев, иногда за партизан или сбежавших военнопленных. Отсутствие внешних признаков еврейского происхождения могло сыграть главную роль в решении местных жителей пойти на спасение

¹ Трагедия евреев Белоруссии (1941–1944 гг.). Сборник материалов и документов / Отв. ред. Р.А. Черноглазова. – Минск: Издатель Э.С. Гальперин, 1997. С. 101.

² НАРБ. Ф. 4683. Институт истории партии (ИИП) при ЦК КПБ. Оп. 3. Д. 1043. Л. 141.

еврея, поскольку это значительно облегчало изготовление «арийских» документов, давало возможность выдать еврея за родственника, а также являлось своеобразной защитой от потенциальных доносчиков – соседей. К этой же группе можно отнести евреев, принявших обряд крещения, необходимый для получения фиктивных документов и продовольственных карточек.

2. Состоятельные в прошлом евреи, сумевшие сохранить часть имущества в виде драгоценностей, денег, ценных вещей. Спасение зачастую напрямую зависело от возможностей оплатить расходы на свое содержание (в некоторых местностях для евреев была установлена своего рода такса – 5 рублей золотом за ночлег)¹ или предоставить солидное вознаграждение за спасение. Следует отметить, что спасители, преследующие корыстные цели и получавшие вознаграждение за укрытие евреев, в той же степени рисковали своей жизнью и жизнью своих близких, как и спасители, оказывавшие такую помощь безвозмездно.
3. Евреи, чьи профессиональные умения представляли особый практический интерес для подпольщиков и партизан (медработники, военнослужащие, некоторые категории ремесленников, в первую очередь кузнецы, которые могли переквалифицироваться в оружейников, а также портные, сапожники и пр.). Следует учитывать дефицит подобных «кадров» среди местного населения, что повышало ценность еврейских специалистов. Поэтому, хотя для приема в партизанские отряды существовали жесткие ограничения, обрекавшие большинство евреев, бежавших из гетто, на дальнейшие скитания, для названных специалистов делалось исключение.
4. Дети – вызывали наибольшее сочувствие, стремление помочь. Чаще всего именно детям оказывалась бескорыстная помощь (но в ряде случаев родители детей имели предварительную договоренность со спасителями и представляли своего рода «предоплату» за содержание ребенка).
5. Молодые, красивые девушки (женщины) – вызывали не только сочувствие и желание содействовать их спасению, но и становились объектом особого мужского внимания. Их спасение зачастую зависело от готовности пойти на сожительство со спасителями. Это касается и ситуации, когда девушки попадали в партизанские отряды (их рассматривали как объект сексуальной эксплуатации).

Шансы евреев на спасение увеличивались, если они обладали определенным «набором» индивидуальных характеристик:

1. Осторожность;
2. Находчивость;
3. Уравновешенность;
4. Решительность, мужество;
5. Интуиция;
6. Умение приспособиться к окружающим обстоятельствам и людям;
7. Высокий личностный коэффициент преломления факторов внешней среды;
8. Физическое здоровье.

¹ Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Браслаўскага раёна / Рэдкал.: К.В. Велічковіч і інш. – Мінск: Паліграффармленне, 1998. С. 388.

Похожими личностными характеристиками должны были в большей или меньшей степени обладать люди, оказывавшие различные виды помощи евреям.

Безусловно, существовали еще и такие факторы, как случайность, везение, стечение обстоятельств.

Процесс спасения евреев в большинстве случаев был поэтапным:

1. Выход из гетто (как вариант: бегство во время акции);
2. Контакт со спасителем, который предоставлял убежище, содержал, в ряде случаев помогал оформить поддельные документы;
3. Изменение местонахождения из-за угрозы доноса (как вариант: уход к партизанам или скитания с места на место).

Очень часто в спасении одного еврея или еврейской семьи принимали участие несколько человек, передавая спасаемых друг другу как эстафету (обязанности спасителей распределялись: кто-то предоставлял убежище и содержал, кто-то занимался изготовлением поддельных документов, кто-то сопровождал к партизанам).

Укрыться в городах было сложнее, чем в сельской местности. В городе, где снабжение происходило по карточкам, более остро вставал вопрос о том, как прокормить спасаемых. В селах и деревнях кроме лучшей продовольственной ситуации для евреев были дополнительные преимущества: близость леса или болота, куда в случае опасности можно уйти, наличие многочисленных хозяйственных построек, где можно прятаться, упрощенные документы, удостоверяющие личность (без фотографии). Но в городе было легче затеряться, в деревне действия по спасению евреев было гораздо сложнее утаить от соседей (в этом смысле в западных областях Беларуси, где сохранились хутора, шансы у евреев были выше).

Мотивация спасения:

1. Интернациональное воспитание. Советская (коммунистическая) идеология насаждала доктрину равенства всех наций и их солидарность. Такая мотивация была более характерна для жителей восточных и центральных областей Беларуси. Приверженцы интернационального воспитания оказывали помощь евреям не как представителям определенной национальной группы, а как советским гражданам, попавшим в беду. Заметим, что при этом многие из тех, кто по долгу своей службы обязан был заниматься спасением советских граждан от преследований нацистов (партизаны и подпольщики), избегали участия в операциях по спасению евреев и под разными предлогами отказывали им в помощи.
2. Этническая толерантность. Исторически сложившиеся традиции совместного проживания различных этнических групп в Беларуси имели следствием установление достаточно тесных отношений между их представителями (от межличностных до деловых), накопление опыта этнической взаимопомощи.
3. Религиозная мотивация. Верующие различных конфессий видели в спасении евреев свой христианский долг.
4. Приверженность принципам порядочности (невозможность отказать человеку, попавшему в беду и обратившемуся за помощью, и тем самым обречь его на гибель).

5. Гуманистическое мировоззрение. В этих случаях спасители руководствовались высшими соображениями об уникальности и бесценности каждой человеческой жизни, об общечеловеческом долге взаимопомощи.
6. Личные симпатии к спасаемым (знакомство, соседство, дружба, любовь – начавшиеся до войны или образовавшиеся во время войны).
7. Благодарность по отношению к спасаемым (за помощь, оказанную евреями до войны).
8. Корыстные побуждения. Стремление к выгоде являлось мощным стимулом. Но редко единственным, иначе «платные» спасители избавлялись бы от своих подопечных, когда их содержание становилось «экономически» невыгодным (такие случаи известны, но в общей сложности их не много: например, на Витебщине в д. Пуница Стефан Шкляневич за деньги прятал евреев, а затем решил от них избавиться, привез на х. Рафаловка и сообщил об их местонахождении полиции¹). Скорее всего, материальные интересы могли сочетаться с идейно-нравственными побуждениями. В оправдание «платных» спасителей заметим следующее: в условиях военного времени нелегальное содержание одного или нескольких подопечных превращалось в сложно решаемый вопрос экономического характера. Необходимо было хотя бы частично за счет евреев компенсировать затраты на их содержание. В качестве платы за убежище могло выступать оказание евреями различных услуг (медицинских, сексуального характера, связанных с ведением домашнего хозяйства и пр.). Партизаны и подпольщики с этой точки зрения также стремились не столько к спасению евреев, сколько к определенной выгоде, принимая евреев в свои ряды (повысить боеспособность подразделений, воспользоваться профессиональными услугами медработников, ремесленников и пр.). Некоторые исследователи полагают, что «платные» спасители спасли больше евреев, чем «бесплатные».
9. Стремление к риску, экстриму, приключениям, желание чувствовать себя героем – вряд ли такой мотив существовал в чистом виде, но как часть мотивации могло играть роль то, что спаситель имел авантюристический склад личности. В этой связи отметим, что нередко инициатива спасения евреев исходила от детей и подростков, которые были охвачены желанием помочь и не всегда адекватно осознавали всю сложность и ответственность принятого решения, а также степень опасности для своей семьи.

Безусловно, что соизмерить удельный вес мотивов вряд ли возможно. Чаще всего наблюдалась некая совокупность мотивов, сугубо индивидуальная для каждого спасителя комбинация осознанных и неосознанных мотивов, обуславливавших совершение подвига спасения. Большинство спасителей двигали такие чувства, как сострадание, человечность, гуманность. Практически во всех случаях спасение евреев являлось протестом против несправедливости, бесчеловечности нацистских преступлений и оккупационного режима.

Мотивация спасителей зависела от:

¹ Рывкин М., Шульман А. Порождённые войной: Праведники народов мира. – Витебск: Олимп, 1997. С. 18–19.

1. Воспитания и мировоззренческих установок (влияние оказывала окружающая среда: семья, школа, трудовой коллектив, городское или сельское сообщество).
2. Принадлежности к определенным слоям общества (рабочие, крестьяне, служащие, лица свободных профессий, домашняя прислуга, монахи, священники и пр.).
3. Жизненного опыта (контактов с евреями, имевших место в прошлом).
4. Знал или не знал спаситель раньше спасаемых (по подсчетам историков, только около 1/3 переживших Холокост были спасены людьми, с которыми они не были знакомы раньше).

Спасители действовали в исключительно сложных условиях. Если сравнивать положение евреев, главной задачей которых на тот момент являлась задача выжить, и спасителей, которым надо было выжить самим и сохранить жизнь спасаемым, то очевидно – спасителям приходилось не легче, а, пожалуй, значительно труднее, чем евреям. Кроме многих бытовых проблем (найти помещение для проживания евреев, оборудовать спальное место, снабдить их продуктами питания и предметами первой необходимости, обеспечить обогрев/отопление в холодное время года, в случае необходимости найти людей, способных оказать медицинскую помощь, решить санитарно-гигиенические вопросы: туалет, стирка, купание) необходимо было обеспечить их полную конспирацию и безопасность. И все это нередко на длительный период – до 2 лет. В ряде случаев евреи находились в доме спасителя на легальном положении (выдавались за родственников или прислугу), но это полностью не снимало вышеназванные проблемы. Спасители должны были научиться вести двойную жизнь, не вызывая подозрения потенциальных доносчиков. Страх перед соседями, случайными посетителями, малолетними детьми создавал сильные психологические нагрузки. Иногда спасители не выдерживали напряжения, бывало, что в их семьях происходил раскол, и некоторые члены семьи требовали, чтобы евреи покинули дом. В случаях, когда отношения между спасителями и спасаемыми становились напряженными и враждебными, евреи чаще всего покидали свое временное убежище.

Но есть уникальные примеры того, как спаситель вел масштабную работу по спасению евреев, вовлекая в дело спасения узников гетто и лагерей своих родных и близких. В г. Барановичи партизанский связной поляк Эдвард Хотя, работавший ассенизатором и часто бывавший в гетто, вывозил в цистернах с мусором и нечистотами узников. Таким образом он помог спастись 35 евреям из рабочего лагеря, созданного при полиции безопасности и СД г. Барановичи. Многих евреев Э. Хотя, его жена Юлия **Гутырчик** и дети Алина и Ричард провозжали на хутор к связному партизану Михаилу **Зарецкому**. В общей сложности Э. Хотя помог спасти от 60 до 150 евреев. Сам спаситель погиб в 1944 г. в Колдычевском лагере смерти. В 1962 г. ему посмертно было присвоено звание Праведника¹.

В 2004 г. в Беларуси был издан справочник: Праведники Народов Мира Беларуси / Сост. И.П. Герасимова, А.Л. Шульман (Мн., 2004). В нем приводятся данные о людях, спасавших евреев в годы Холокоста, но, к сожалению,

¹ Шерман Б.П. Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти. Барановичи, 1997. С. 13, 14, 30; Bauer Y. Jewish Baranowicze in the Holocaust // Yad Vashem Studies. XXXI / Ed. by David Silberklang. – Jerusalem: Yad Vashem, 2004. – P. 141.

истории спасения излагаются очень кратко, не всегда можно понять мотивы спасителей и характер отношений, которые существовали между спасителями и спасаемыми. Из 508 случаев такому учету поддаются примерно 135 случаев. Соотношение мотивации примерно такое: спасители-друзья – 43 случая; знакомые – 18; соседи – 17; домработница, няня – 7 случаев; коллеги – 4; подпольщики – 9; спасение по религиозным убеждениям (православные, католики, баптисты) – 13; родственники от смешанных браков – 6; любовь – 4. Есть комбинации мотиваций.

На сегодняшний день в списке Праведников народов мира, получивших звание в Беларуси – 696 чел., готовится награждение еще 4 чел.¹.

Признание человека Праведником народов мира основывается на следующих критериях:

1. Нееврей помогал еврею в ситуации, когда тот был полностью беспомощен и ему угрожала смерть или отправка в концлагерь.
2. Оказание такой помощи представляло угрозу собственной жизни, безопасности или свободе спасителя.
3. Спаситель не обуславливал свою помощь материальным вознаграждением или какой-либо значительной компенсацией.
4. Факт спасения или помощи может быть подтвержден либо самим спасенным, либо достоверными свидетельствами очевидцев, либо же надежными документами.

Однако подвиг спасения евреев не всегда отвечает приведенным критериям. Но даже при критическом отношении по некоторым вопросам, нельзя не отметить, что Яд Вашем ведет огромную работу по установлению фактов спасения. Стоит напомнить, что советское государство полностью игнорировало вопрос о награждении своих граждан за подвиг спасения евреев (советских граждан), как, впрочем, и за спасение красноармейцев, бежавших военнопленных и др.

Заключение:

1. Белорусские евреи не могли выжить, не опираясь на помощь окружающего населения.
2. Процесс спасения евреев в Беларуси подчинялся законам военного времени. В начальный период оккупации побеги евреев из гетто были менее результативны – уход в лес зимой 1941–42 гг. был почти невозможен, даже партизанские отряды в этот период распадались (движение сопротивления не было развернуто, исключение составляет Минск с его мощным подпольем и некоторые белорусские города). Настроения местного населения во многом зависели от ситуации на фронтах. Массовые акции уничтожения еврейского населения вызвали сочувственное отношение к уцелевшим евреям. Поэтому в 1943–1944 гг. помощь по спасению евреев была более распространенной и эффективной.
3. В восточных и центральных областях Беларуси преобладали такие мотивы спасения евреев, как интернациональные убеждения, симпатии к знакомым евреям (дружба, любовь и т.д.). В западных областях большее распространение имели религиозные мотивы и корыстные побуждения.

¹ Улитенок Г. Слово о добром белорусском сердце // Советская Белоруссия. 2008. 19 сентября. С. 6–7.

4. Необходимо осознавать разницу между понятиями «хотели спасти» и «могли спасти». Население белорусских земель в период оккупации находилось в тяжелых условиях выживания. Для многих семей, несмотря на сочувственное отношение к евреям, их содержание и забота о спасении являлось непосильным бременем. Не следует забывать, что значительная часть людей, которые потенциально могли стать спасителями евреев, укрывали и по-разному помогали красноармейцам, военнопленным, беженцам, нищим, партизанам и подпольщикам.
5. Большинство спасителей в Беларуси были «обыкновенными людьми», не имевшие значительного имущества и образования. Могло быть противоречие между убеждениями человека и поступком спасения (например, спаситель недолюбливал евреев, но осуждал нацистскую политику тотального уничтожения еврейского народа). Женщин среди спасителей было больше. Политикой спасители мало интересовались. Ценность подвига спасителей многократно возрастает, поскольку, принимая решение о спасении, в большинстве случаев они действовали абсолютно самостоятельно. Государство, подполье, партизаны, церковь – все официальные структуры и подразделения по разным причинам никак не пытались влиять на ситуацию, не призывали население оказывать помощь евреям, самоустраились. Спасители руководствовались собственными представлениями о долге и совести. Возможно, большинство спасителей рднит то, что они были внутренне независимы от давления окружающей среды, обладали внутренней свободой, отличались моральной стойкостью.
6. Определяя масштабы оказания помощи евреям в Беларуси, необходимо понимать, что число официальных Праведников народов мира – это только ориентир. Хотя спасители были одиноки и практически изолированы в обществе, но почти всегда имели помощников – опирались на посвященных лиц, которым доверяли и которые могли оказывать содействие в спасении евреев. Поэтому спасение каждого еврея превращалось в «подземную железную дорогу», вызывало как круги на воде вовлечение в спасение других людей (от нескольких человек до нескольких десятков). Кроме того, как отмечалось выше, многие люди оказывали помощь евреям, которая непосредственно не приводила к спасению, но могла существенно облегчать их существование на разных этапах Холокоста. Поэтому уместно говорить о некоем сообществе спасителей.
7. До сих пор не собран и не систематизирован материал о людях, которые погибли при попытке спасти евреев или оказать им помощь.

Винница Г.Р.
(Нагария, Израиль)

Спасение евреев Праведниками на оккупированной территории Восточной Беларуси

Согласно нацистской программе уничтожения еврейского населения надлежало создать оккупационный режим, при котором исключались любые возможные пути к спасению потенциальных жертв от смерти. В первую очередь это касалось контактов узников гетто с неевреями. Оккупанты, преследуя цель последующего полного истребления, запрещали евреям общаться с населением, находившимся вне пределов мест изоляции. В то же время белорусам не позволялось контактировать с обитателями гетто. В тех случаях, когда еврею предоставлялась еда, одежда, разрешалось войти в дом или еще каким-либо образом оказывалась помощь, нацисты могли расстрелять всю семью людей, игнорировавших распоряжение оккупантов. Однако гуманизм нередко побеждал в людях страх смерти, и они смело шли на помощь евреям, обреченным на гибель. Часто в процесс спасения даже одного еврея вовлекалось несколько человек, которые оказывали ему содействие на том или ином этапе. Люди, помогавшие евреям, осознавали опасность, какой они подвергали себя и свою семью, и поэтому им требовалось для этого немалое мужество.

Процесс спасения предполагал, в первую очередь, инициативу одной из сторон, то есть Праведников или евреев. При этом евреям приходилось преодолевать деморализующее мнение о безысходности ситуации, когда немало обитателей гетто говорили, что ничего уже сделать невозможно, уходить некуда и бесполезно.

Весьма интересны следующие данные, полученные после исследования 129 случаев спасения евреев на территории восточной и центральной частей Беларуси, произошедших благодаря подвигу 258 неевреев, в большинстве своем белорусов, награжденных впоследствии израильской медалью «Праведник народов мира». Звание «Праведник народов мира» присваивается государственной комиссией Национального Института Памяти Жертв Нацизма и Героев Сопrotивления Яд Вашем (Память и имя), во главе с председателем Верховного Суда Израиля. Основным критерием, которым руководствуется комиссия при награждении, является наличие ситуации, когда спаситель рисковал собственной жизнью ради человека, национальность которого он знал, а помощь при этом оказывалась безвозмездно. Слово «Праведник» обычно означает – безгрешный, живущий правильно, соблюдающий законы Божьи¹.

После завершения Второй мировой войны значение слова расширилось и стало употребляться в отношении людей, спасавших евреев и подвергавших при этом свою жизнь опасности.

На основании полученных сведений отметим два вида спасения: индивидуальный и коллективный. Причем во втором случае речь идет о двух разновидностях спасения. К первой относится укрывательство несколькими Праведниками одного человека, а ко второй помощь группы спасителей двум или большему количеству людей. В 70 из приведенных 129 случаев праведники спасали детей, в 31 – взрослых, и в 28 – семьи.

¹ Иоффе, Э. Белорусские евреи: трагедия и героизм. 1941–1945 / – Смоленск: Прамптан, 2003. С. 193.

Исходя из степени взаимоотношений между спасителями и спасенными евреями, выделим несколько групп. Наиболее многочисленную группу составляют люди (75 случаев), знавшие ранее спасенных ими евреев. Как правило, спасители и спасенные жили по соседству, вместе работали и учились. Неверно утверждение И. Альтмана, приведенное в его монографии, что чаще всего в спасении участвовали те, кто имел еврейских родственников¹. Проведенное исследование дает основания утверждать, что группа, которую составляют нееврейские родственники, не является самой большой.

Ко второй группе относятся праведники, решившиеся спасти людей, не знакомых им ранее. В данном случае гуманизм брал верх над страхом перед будущим наказанием, причем решения принимались практически сразу.

В третью входят праведники, бывшие нееврейскими родственниками спасенных евреев. В этом случае евреи могли рассчитывать на поддержку не только своих родственников, но и их знакомых.

К четвертой отнесем работников детских домов. Спасение в этой группе предполагало единомыслие всего коллектива учреждения, как взрослых работников, так и юных воспитанников. Укрывательство узников гетто в детских домах являлось не только коллективной, но и более сложной формой спасения. Ситуация в этом случае сопряжена с большим риском для жизни спасителей.

Наиболее наглядно можно проиллюстрировать действия спасителей, спасенных к этой группе, на примере Минска, где в каждом из 9 детских домов, а также в детском приемнике-распределителе (заведующая Трубенюк Н.), находились еврейские дети, число которых, согласно свидетельствам В. Пафенюка и А. Шеврука, составляло примерно 500–600². Сотрудник отдела просвещения горуправы Минска Орлов В.С. знал о национальной принадлежности детей, однако, несмотря на строжайший запрет оккупантов, распределял несовершеннолетних узников гетто в детские дома³.

Кроме того, в рамках названного процесса спасения была проведена совместная операция. Обе стороны условились, что если в комнату № 20 городской управы будут приносить маленького «подкидыша», то этого еврейского ребенка надо отправить в один из детских домов Минска. С этой целью создали две женские группы, одну – из узниц гетто, другую – из белорусских женщин. Результатом этой операции стало спасение 70 детей из Минского гетто⁴.

Еврейским детям спасители давали славянские имена и укрывали их. Оккупанты, в свою очередь, проводили в детских домах регулярные облавы и проверки детей. Дети, с целью определения еврейского происхождения, подвергались оккупантами антропологической экспертизе. В Минске комиссия, занимавшаяся подобной нацистской селекцией, работала при детском доме № 5. Ее возглавлял офицер СД Ребигер. Специалист по расовой теории и практике – Кемпе – также входил в состав названной комиссии. Он курировал детские дома и занимался расовой экспертизой. Только благодаря мужеству сотрудников, скрывавших детей, как в самом детском доме, так и у местных жителей, немалое число из них уцелело.

¹ Альтман, И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. / – М.: Фонд «Ковчег», 2002. С. 440.

² Смилонский, Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 / – Тель-Авив: Библиотека Матвея Черного, 2000. С. 74.

³ Архив отдела праведников Национального института Яд Вашем. – Д. 7761.

⁴ Смоляр, Г. Мстители гетто / Г. Смоляр. – М.: Дер Эмес, 1947. С. 60.

Оккупационными властями рассылались распоряжения, касавшиеся пребывания еврейских детей в детских домах. Так, в одном из них, адресованном заведующим детскими домами Минска от 16 апреля 1942 г., говорится, что все еврейские дети «по тем или иным причинам попавшие в ваш детский дом, должны быть под вашу личную ответственность из детского дома выделены и переведены в больницу гетто». Кроме того, предлагалось сообщить о «наличии или отсутствии» в детском доме еврейских детей в Окружной отдел просвещения».

Инспектор городской управы Минска А. Шеврук, как правило, заранее ставил в известность директоров детских домов о предстоящем визите нацистов, чтобы они смогли подготовиться.

В минских детских домах № 2 (директор Воронич М. признана «Праведником народов мира» в 2005 г.) и № 7 (Спарнинг-Демидова В.Л. – «Праведник народов мира» с 2001 г.) укрывали 45 и 35 еврейских детей соответственно¹.

Спасение еврейских детей происходило не только в детских домах Минска. В благородном деле спасения евреев проявил себя коллектив детского дома в Быковщине Полоцкого района (директор Василевский Г.С.), где укрывались пять еврейских детей. Для сохранения их жизни коллектив детского дома предпринял ряд мер. Во-первых, были составлены два списка детей. Один – для оккупантов, другой – действительный. В Быковщине также разработали систему оповещения. Детские дозоры сидели на деревьях, на чердаках домов. После того, как кто-нибудь обнаруживал приближение нацистов, еврейских детей прятали в подвалы и сараи, а в теплую пору года уводили в лес. Кроме того, сообщали партизанам. Детский дом в Быковщине опекал партизанский отряд из бригады «Неуловимые» (командир Комлев)².

Помощь Праведников, поддержанная партизанским движением, являлась наиболее действенной в условиях оккупации. Жители деревни Поречье Пуховичского района предоставили убежище 40 еврейским детям (большую часть из них, за несколько дней до полного уничтожения Минского гетто, вывел юный И. Левин). Рядом с этой деревней располагался штаб 2-й Минской партизанской бригады. Командование бригады решило организовать детский дом для юных узников, бежавших из гетто. Разместили их в здании школы. Выделили воспитательницу. Однако партизанам сложно было заниматься детьми, и их распределили по крестьянским семьям. На время облав жители деревни вместе с еврейскими детьми уходили в лес и в болотистые заросли у реки Птичь³.

Большое значение для убежавших из гетто или с места расстрела имело удачное стечение обстоятельств. Евреи, искавшие укрытия у местного населения, встречали людей, совершавших подвиг ради спасения обреченных на смерть и во имя сохранения человеческой жизни.

Отметим, что всего на 1 января 2008 г. медалью «Праведник народов мира» иерусалимского Национального Института Памяти Жертв Нацизма

¹ Архив отдела праведников Национального института Яд Вашем. – Д. 7761b.

² Рывкин, М., Шульман, А. Породненные войной. Праведники народов мира / М. Рывкин, А. Шульман. Витебск, 1997. С. 58.

³ Памяць. Пухавіцкі раён. / укл.: А.А. Прановіч; рэдкал.: А.М. Карлюкевіч, Л.С. Котава [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2003. С. 304–305.

и Героев Сопротивления Яд Вашем, награждено 587 жителей Беларуси¹. По уточненным данным, в 2008 г. звание «Праведник народов мира» присвоено еще 14 белорусам (общая цифра на 1 января 2009 г. – 601 Праведник).

На основании исследования автором 151 случая спасения на территории восточной и центральной частей Беларуси, произошедших благодаря подвигу 296 мужественных людей, признанных Праведниками, получены следующие данные. В 59 случаях спасителями являются жители деревни, а в 92 – горожанами. Нередко горожане обращались к своим родственникам в деревне в связи с невозможностью укрывать евреев у себя. В 84 случаях спасителями были женщины, в 53 – супруги, и в 15 – мужчины.

Укрывательство евреев было сопряжено с высокой степенью опасности и не всегда заканчивалось благополучно. Немало жителей восточной и центральной частей Беларуси погибли, спасая обреченных на гибель.

Заключение

Замалчивание темы Холокоста неизбежно приводило к непризнанию подвига Праведников народов мира. Не учитывался огромный моральный и воспитательный потенциал поступка, совершенного спасителями. В последние годы число граждан Беларуси, получивших звание «Праведник народов мира», неуклонно растет, что является следствием изменившегося отношения к этой теме. К сожалению, обрели награду еще не все те, кто спасал евреев. Долгое время в Советском Союзе поиск таких людей и присвоение им звания «Праведник народов мира» были невозможны. В результате многие уцелевшие и их спасители ушли из жизни. Тем не менее, поиск и награждение людей, совершивших великий подвиг, продолжается до настоящего времени.

Отметим, что автор статьи инициировал награждение 7 граждан Беларуси, спасавших евреев. Пятеро из них признаны «Праведниками народов мира». В 1999 г. – Деревяго А., Шутиков Е. и Шутикова Н., за спасение Цетлиной А., а в 2004 – Гриц Н. и Гриц Е., укрывавшие Фейгельмана С.

¹ Из отчета начальника отдела праведников Национального института Яд Вашем Ирэны Штейнфельд за 2007 год.

Корсак А.І.

Стратэгія выжывання яўрэйскага насельніцтва ў гады нацысцкай акупацыі Беларусі: прыклад Дунілавіцкага гета

Стратэгія выжывання вязняў канцэнтрацыйных лагераў для асоб яўрэйскай нацыянальнасці і выратаванне яўрэяў ад нацыстаў і аказанне ім дапамогі з боку мясцовага насельніцтва – асобая старонка ў гісторыі Халакосту на Беларусі і Другой сусветнай вайны. Вялікае маральнае значэнне мела няўзброенае індывідуальнае і калектыўнае супраціўленне. Так званае «пасіўнае супраціўленне» заключалася ў імкненні выжыць ў нечалавечых умовах гета, насуперак не толькі палітыцы нямецка-фашысцкіх акупантаў, якія прыгаварылі ўвесь яўрэйскі народ да знішчэння. Большая частка вязняў імкнулася да канца існавання гета захаваць сваё жыццё і жыццё сваіх блізкіх. Гэтаму садзейнічалі арганізацыі яўрэйскай узаемадапамогі – аказанне садзеяння сіротам, старым і хворым людзям, а таксама пошук прадуктаў харчавання, наладжванне сувязей з мясцовым насельніцтвам.

Але без асабістых намаганняў вязняў, матывы якіх былі рознымі – пачуццё самазахавання, надзея на вызваленне, клопат аб старых ці малалетніх членах сям’і, імкненне адпомсціць акупантам – выжыванне не магло б быць магчымым. Некаторыя адмаўляліся хавацца, спрабуючы падтрымаць блізкіх і родных у час знаходжання ў гета і ў момант расправы над імі. Бацькі пры першай магчымасці аддавалі дзяцей ў дзіцячыя дамы і прыюты. Часта дзеці самі прыходзілі туды. Аднак іх прымалі толькі пры наяўнасці «арыйскіх» дакументаў, а таксама пры адсутнасці яўна выражанай семіцкай знешнасці і акцэнту.

У дадзеным артыкуле аўтар паспрабуе на прыкладзе Дунілавіцкага гета (цяпер Пастаўскі р-н Віцебскай вобласці) разгледзець стратэгію выжывання яўрэйскага насельніцтва падчас нямецка-фашысцкай акупацыі ў 1941–1942 гг.

Дунілавічы былі захоплены нацыстамі ў першыя тыдні ваенных дзеянняў – 4 ліпеня 1941 г. Згодна адміністрацыйнаму падзелу заходнія раёны Віцебскай вобласці былі аб’яднаны ў Глыбоцкую акругу, якая ўваходзіла ў склад генеральнай акругі Беларусь пад кіраўніцтвам В. Кубэ. Для больш інтэнсіўнай эксплуатацыі Глыбоцкая акруга была падзелена на дзевяць раёнаў: Глыбоцкі, Дунілавіцкі, Пастаўскі, Браслаўскі, Дзісенскі, Міёрскі, Пліскі, Шаркаўшчынскі і Докшыцкі [11]. Цэнтрам гебіта быў прызначаны г. Глыбокае на чале з гебітскамісарам Я. Карлам, а пасля яго забойства партызанамі 26 кастрычніка 1943 г. – П. Гахман. Тут знаходзіўся штаб дывізіі № 391 пад камандаваннем генерал-лейтэнанта барона фон Мантэйна, якой было даручана весці ахову канцэнтрацыйных лагераў, у тым ліку і для асоб яўрэйскай нацыянальнасці, размешчаных на тэрыторыі акругі.

Мясцовую ўладу прадстаўлялі прызначаныя нацысцкімі органамі ортскамісары. У раёнах ствараліся раённыя (павятовыя) управы на чале з бургамістрам. На тэрыторыі былых сельсаветаў былі створаны воласці на чале з валаснымі старшынямі, у вёсках прызначаліся старасты. Старшынёй Дунілавіцкай воласці быў выбраны з ліку мясцовага насельніцтва Баляслаў Ліпскі [3]. Існаваў узмоцнены кантроль за іх дзейнасцю з боку спецыяльна прызначаных шэфар – камісараў, камендантаў, раённых упаўнаважаных,

зондэрфюрэраў. Так, згодна распараджэнню генералкамісара ад 1 снежня 1941 г. у Дунілавічы для ажыццяўлення кантралюючых функцый быў прызначаны зондэрфюрэр Тэвес [4].

Практычна з пачаткам 1941 г. паводле распараджэння камандуючага тылам групы армій «Цэнтр» ад 7 ліпеня 1941 г. для арганізацыі паліцэйскіх мер бяспекі па ахове ваенных і іншых аб'ектаў, вядзення барацьбы з партызанамі, выканання карных мерапрыемстваў супраць мясцовага насельніцтва, уключаючы яўрэяў, бургамістрам пад наглядам жандармерыі дадзена права для фарміравання мясцовай дапаможнай паліцыі парадку, якая павінна дзейнічаць пад камандаваннем ваенных у цесным кантакце з мясцовым начальнікам паліцыі і СД. Усяго ў сістэме мясцовых акупацыйных органаў Дунілавіцкай воласці было задзейнічана каля 5 тысяч чалавек, а напачатку вайны Дунілавіцкі сельскі савет (у склад уваходзіла каля 25 вёсак) налічваў каля 3 тысяч жыхароў [7].

Ажыццяўленне «канчатковага вырашэння яўрэйскага пытання» на тэрыторыі Дунілавіцкай воласці, як і на ўсёй Беларусі, пачалося адразу пасля акупацыі яе тэрыторыі ў 1941 г. Адразу быў праведзены перапіс яўрэйскага насельніцтва. Хутка на агароджах, а таксама тэлеграфных слупах з'явіліся загады акупацыйных органаў улады: «Са згодай Дзяржаўнага Камісарыяту Усходняга Абшару ўстанаўліваюцца агранічэнні хаджэння вячэрняю парою ад часу сцяжнення да развіднення. Цывільныя асобы, якія ў агранічаным часе спаткаюцца на вуліцы, будуць асуджаны ваенным судом на расстрэл» [5].

Паводле адміністрацыйнага распараджэння № 1 камандуючага тылам групы армій «Цэнтр» генерала пяхоты М. фон Шэнкендорфа ад 7 ліпеня 1941 г. уводзіліся адметныя знакі для яўрэйскага насельніцтва: «Усе яўрэі і яўрэйкі, якія знаходзяцца на занятай рускай тэрыторыі і дасягнуўшыя 10-гадовага ўзросту, неадкладна абавязаны насіць на правым рукаве верхняга адзення і сукенкі белую паласу шырынёй да 10 см. з намаляванай на ёй сіянісцкай зоркай або жоўтую павязку шырынёй да 10 см. Такімі павязкамі забяспечваюць сябе самі яўрэі і яўрэйкі. Яўрэям катэгарычна забараняецца вітацца з іншымі людзьмі» [12].

Акрамя ўжо існуючых правіл паводзін, паводле дырэктывы Г. Лозэ ад 13 жніўня 1941 г. яўрэям таксама забаранялася: выязджаць з мясцовасці або мяняць месца жыхарства без належнага дазволу гебітскамісара ці штадскамісара; карыстацца тратуарамі, грамадскім транспартам, месцамі і ўстановамі адпачынку, наведваць тэатры, кінатэатры, бібліятэкі, музеі, школы, лякарні; валодаць аўтамашынамі і радыёпрыёмнікамі і г.д. [13, с.54].

У сувязі з загадам гебітскамісара ад 24 лютага 1942 г. строга забаранялася прымаць і лячыць хворых яўрэяў у амбулаторыях і лякарнях [2]. Урачам з ліку асоб яўрэйскай нацыянальнасці дазвалялася лячыць ці кансультаваць толькі яўрэйскіх пацыентаў. У створаныя гета яны павінны былі накіроўвацца для лячэння яўрэяў.

Рэгламентаваліся таксама і правілы стварэння сям'і. Згодна распараджэнню аб шлюбам ад 6 лістапада 1941 г. «шлюбы паміж яўрэямі і асобамі, прыналежнымі да іншых нацыянальных груп, забаронены і няважныя. За яўрэя зыходзіць той, хто належыць да яўрэйскай рэлігійнай супольнасці або тры яго дзяды з'яўляюцца паўнарасавымі яўрэямі» [6].

У выпадку невыканання ўсіх загадаў і распараджэнняў яўрэйскае насельніцтва каралася смерцю. Але пазбегнуць смяротнага пакарання было складана, нават пры прыкладных паводзінах. Яшчэ не было створана гэта ў Дунілавічах, а здзекі ўжо пачаліся, прычым рабілася гэта публічна. Так, нагайкамі-плёткамі збівалі да паўсмяротнага становішча, аблівалі халоднай вадой і працягвалі далей.

Згодна Акту Надзвычайнай Дзяржаўнай Камісіі па ўстанаўленні і расследаванні зверстваў і злачынстваў нямецка-фашысцкіх акупантаў і іх памагатых, здзейсненых на тэрыторыі Дунілавіч: «... у снежні 1941 г. усё яўрэйскае насельніцтва г.п. Дунілавічы павінна было з'явіцца да будынку жандармерыі. Акружыўшы іх, паліцыя пагнала да берага ракі Заражанка, дзе іх прымушалі ў адзежы апускацца ў ваду да шыі, а назад на бераг паўзці на жываце. Хто не хацеў гэтага рабіць, таго збівалі прыкладамі да паўсмерці» [9].

Усіх дарослых сярод яўрэйскага насельніцтва кожны дзень выганялі на прымусовыя работы. Працавалі шмат, без ежы і адпачынку. Таго, хто не вытрымліваў такой нагрузкі, збівалі плёткамі, кнутаў і г.д. З успамінаў А. Гордана: «Мой сусед Гірш, які вырашыў дапамагчы адной жанчыне закаціць тачку пад гару, быў за гэта расстраляны паліцаямі. Але перад гэтым ён выкапаў дзве ямы. Тыя салдаты, якія стаялі побач, суправаджалі акцыю музыкай – ігралі на гармошцы вясёлую мелодыю – на вачах усіх» [8, с. 70].

Наступным этапам было аддзяленне асоб яўрэйскай нацыянальнасці ад іншага насельніцтва і ўтварэнне гэта. Канцэнтрацыйныя лагеры былі адным з асноўных сродкаў правядзення палітыкі генацыду. Нягледзячы на тое, што прымусовае ўтрыманне яўрэяў ідэалагічна тлумачылася небяспечнасцю іх уплыву на мясцовае насельніцтва, на самой справе нацысты прадугледжвалі гэтым некалькі мэт: аблягчэнне далейшай ліквідацыі яўрэяў; прадухіленне іх супраціўлення, што згодна небеспаспэчнай асцярожнасці нацыстаў мела месца; атрыманне бясплатнай працоўнай сілы. Адкрытыя формы масавага знішчэння яўрэйскага насельніцтва маглі выклікаць адпаведную рэакцыю як у самой Германіі, так і ў сусветнай грамадскасці.

Загад нямецкага камандавання аб зборы яўрэйскага насельніцтва на цэнтральнай плошчы мястэчка, магчыма, быў выдадзены ў пачатку 1942 г. З сабой браць дазвалялася толькі самыя неабходныя рэчы. Утойванне інфармацыі і намераная дэзінфармацыя яўрэйскага насельніцтва перад правядзеннем масавых акцый з мэтай прадухілення пабегаў і аказання супраціўлення было нярэдкасцю. Збор яўрэйскага насельніцтва для знішчэння праводзіўся на падставе розных прычын. Адным з найбольш распаўсюджаных тлумачэнняў прычын збору, а затым і пераводу ў іншыя лагеры для яўрэйскага насельніцтва, з'яўлялася тлумачэнне аб перасяленні ў Палестыну або адпраўкі на працу ў Германію. Так паступілі і з яўрэямі Дунілавіч, якія і не думалі, што гэтая адпраўка будзе апошняй у іх жыцці.

Дунілавіцкае гэта колькасцю ў 903 чал. размясцілі па вуліцы Альцоўская. Вязні канцэнтрацыйнага лагера былі асуджаны на паўгалоднае існаванне. Іх прымушалі працаваць і выдавалі паёк у два разы меншы самых нізкіх нормаў, якія давалі за прымусовую работу. У гэта выдавалі на аднаго працуючага 150 гр. хлеба, 80 гр. мяса і 50 гр. круп на тыдзень [9].

Адной з найбольш распаўсюджаных формаў выжывання была эканамічная. Яна выражалася перш за ўсё ў абмене з мясцовым насельніцтвам і набыцці ў яго прадуктаў харчавання, у вырабах рэчаў на продаж. У нелегальных эканамічных узаемаадносінах з мясцовым насельніцтвам, а часта – з паліцаямі і нямецкімі салдатамі – ўдзельнічала вялікая частка вязняў многіх гета, бо выжыць было практычна немагчыма. Спачатку яўрэям дазвалялі на працягу некалькі гадзін рабіць пакупкі на базары, за выключэннем масла, мяса, яек і малака. Перадаваць прадукты харчавання на тэрыторыю лагера было складана. Каля прапускных пунктаў паліцаі падваргалі кожнага вобыску. Часта насыпалі муку і крупы ў мяшкі і перакідвалі праз агароджу. У некаторых гета цесляры, вяртаючыся з працы, неслі сякеры, уторкнутыя ў калодку, дзе былі схаваны масла і тлушч. Жанчыны апраналі на рукавы шасціканцовыя зоркі і праносілі такім чынам на тэрыторыю гета ежу. З успамінаў відавочцаў: «Калі беларуса заўважалі, што ён перадае ежу яўрэям, маглі расстраляць. Не дазвалялася размаўляць з вязнямі гета».

Гета ў в. Дунілавічы ў параўнанні з іншымі месцамі канцэнтрацыі яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі Віцебскай вобласці праіснавала нядоўга. Згодна Акту Надзвычайнай Дзяржаўнай Камісіі па ўстанаўленні і расследаванні зверстваў і злачынстваў нямецка-фашысцкіх акупантаў і іх памагатых, здзейсненых на тэрыторыі Дунілавіч, ад 10 красавіка 1945 г.: «У лістападзе 1942 г. пачаўся масавы расстрэл яўрэяў. Спецыяльны атрад колькасцю 35 немцаў, які прыехаў з г. Глубокае, за тры дні знішчыў 828 чалавек, з каторых 300 – ні у чым не вінаватыя дзеці. Ноччу 21 лістапада 1942 г. на чатырох машынах да месца, дзе размяшчалася гета, пад'ехала 35 немцаў і, паставіўшы кулямёты, пачалі абстрэліваць жылыя дамы. Калі пачало віднець, усіх вязняў гета пачалі зганяць ў хлеў, там іх распраналі і ў адной бялізне выганялі на вуліцу па 3–4 чалавекі, дзе яны расстрэліваліся п'янымі немцамі» [10].

Некаторым вязням гета в. Дунілавічы ўдалося пазбегнуць пакарання. Карнікі пасля ліквідацыі гета на працягу двух дзён расшуквалі бункеры, знішчаючы іх з дапамогай ручных гранат. Адным з самых распаўсюджаных спосабаў укрывацца ад пагромаў і акцый было ўладкаванне так званых «малін» (сховішч). Іх рабілі звычайна ў хаце (паддол, лаз пад печкай, двайныя сценкі шафы, радзей – на гарышчы) або на двары (у склепе, калодзежы, хляве). Пасля правядзення акцый знішчэння нацысты праводзілі шчыльны пошук схаваўшыхся яўрэяў: выкарыстоўвалі сабак, падрывалі зачыненыя дзверы, абмацвалі з дапамогай шастоў прысядзібныя надзелы. Тэрыторыя гета некаторы час пасля знішчальных акцый была зачынена для мясцовага насельніцтва, ахоўвалася і патрулявалася паліцаямі. Іншы раз людзям прыходзілася праводзіць у такіх сховішчах некалькі дзён – не маючы магчымасці есці і піць. Многія маленькія дзеткі не маглі вынесці гэтага, і іх плач часам станавіўся прычынай выяўлення такіх сховішч. У сувязі з гэтым часта былі драматычныя выпадкі, калі нехта з тых, хто хаваўся, нават часам і сама маці, душылі дзяцей, каб даць магчымасць выратавацца астатнім. Такія выпадкі спроб выратавання жыцця былі самымі распаўсюджанымі.

Некаторым вязням гета ўдалося пазбегнуць пакарання нямецка-фашысцкіх акупантаў, у тым ліку і сям'і Горданаў, якая выкарысталася загадзя пабудаванае сховішча. Уваход быў рупліва замаскіраваны. Але доўга там знаходзіцца

не было магчыма – ні паветра, ні свету, толькі цемра, імгла і смурод. Таму было вырашана вылезці на двор, агледзецца. Тое, што яны убачылі, іх збянтэжыла. Вакол валяліся людзі, знявечаныя да непазнавальнасці. Усё яўрэйскае насельніцтва, сабранае каля школы на плошчы, падверглася розным мучэнням і прыніжэнням годнасці. Паліцаі насільнічалі дзяўчат і жанчын. Забаўляліся тым, што разбівалі галовы немаўлят ударамі аб сцены дамоў або аб каменне. «Калі мы выбраліся са сховішча, – успамінае Абрам Гордан, – змярцвелі ад жаху. Доўга яшчэ мне снілася гэтая карціна і прасыпаўся ў халодным поце. Не памятаючы сябе мы кінуліся ў лес» [8, с. 71].

Пасля ліквідацыі гета ці напярэдадні вызвалення многія людзі шукалі сховішча ў лясах, балотах – практычна без шанцаў на выжыванне без дапамогі з боку мясцовага насельніцтва. Адсутнасць зброі, ваенных навыкаў, раптоўнасць знішчэння, асабліва ў першыя месяцы акупацыі, прадуманасць тактыкі масавых распраў рэзка абмяжоўвала магчымасці індывідуальнага супраціўлення ў ходзе масавых акцый. Для тых, хто змог выратавацца падчас акцый, адзіным шляхам выратавання было знайсці і прыбіцца да аднаго з партызанскіх атрадаў. Што і ўдалося зрабіць Горданам з Дунілавіцкага гета.

Перад тым, як папасці да партызан, сям’і Горданаў прыйшлося некаторы час знаходзіцца ў лесе непадалёк ад хутара Гараваткі, дзе на той час жылі Зямчонкі. З успамінаў Абрама Гордана: «Сілы былі на зыходзе. Страчваць не было чаго, бацька пастукаў у акно. Адчыніў дзверы гаспадар Браніслаў Зямчонак» [8, с. 71].

Выпадак, які здарыўся яшчэ ў 20-ыя гг. задоўга да вайны, магчыма, дапамог выратавацца сям’і Горданаў. Янкель Гордан трымаў лаўку ў Дунілавічах, дзе гандляваў самымі рознымі і ў той жа час неабходнымі рэчамі для мясцовых, куды неаднаразова заходзіў і Браніслаў Зямчонак. Аднойчы ён, памылкова, замест медных грошай за тавар заплаціў залатымі, царскімі, манетамі, якія ўзяў з дому, каб абмяняць іх у далейшым на польскія золотыя. Для небагатай сялянскай сям’і гэта было цэлае багацце.

Браніслаў без слоў упусціў у хату сваіх знаёмых, накарміў, малых дзяцей памылі – сям’я падтрымала рапэнанне гаспадара. Так працягвалася некалькі тыдняў. Зразумела, што трымаць у сябе яўрэяў было небяспечна, і не толькі таму, што могуць даведацца пра гэта немцы ці паліцаі, а хутчэй з-за суседзяў, ад якіх вельмі складана што-небудзь утаіць. Было вырашана Горданаў перавесці ў лес, дзе загадзя было падрыхтавана сховішча. З успамінаў Фларыяна Зямчонка (сына Браніслава): «Сям’я, каторую мы ратавалі, была такая – Гордон Янкель, яго жонка – Инга (ці Инда), дзеці – сын Абрам і дачка Ліба. Памятую, як будавалі шалаш (будан). Спачатку хацелі будаваць пад гарой, а пасля вырашылі будаваць наверх Лысай гары. Мы дзяліліся ежай, якая ў нас была. Памятую, як насілі ў будан гарохавыя бліны. Набару пад рубаху і бягом у лес... У пачатку зімы, калі яўрэйская сям’я магла загінуць ад маразоў, бацька мне прыказаў, каб я прынёс ад суседзяў Сівіцкіх вялікую чыгунную печку. Калі суседзі спыталі мяне, навошта спатрэбілася нам печка, я выкруціўся – самагонку будзем вырабляць для сугрэву. Гэтая печка значна дапамагла зімой...» [1].

Зіму перасядзелі ў будане, вясной стала лягчэй. Але паліцаі, магчыма, не абыйшлося без даноса мясцовых людзей, сталі падазраваць Зямчонкаў у схове яўрэяў, што тады каралася смерцю ўсёй сям’і. Браніслаў вырашыў далей

ад граху адвесці Горданаў у Мядзельскія лясы. Пасля вызвалення Беларусі ў 1944 г. яўрэйская сям'я з'ехала ў Польшчу, а затым у Злучаныя Штаты Амерыкі.

Хутар Гараваткі, дзе пражывалі Зямчонкі, у 1943 г. спалі дашчэнту – шукалі яўрэяў...

Некалькі дзесяцігодзяў Горданы шукалі Зямчонкаў, каб праз доўгі час падзякаваць за выратаванае жыццё. Вынікам калектыўных намаганняў стала прысваенне сям'і Браніслава звання «Праведнікі народаў свету».

Людзі, якія, рызыкуючы сваім жыццём і жыццём родных, ратавалі ад пагібелі яўрэяў, атрымалі званне «Праведніка народаў свету». Дадзенае званне прысвойвае Ізраільскі мемарыяльны музей памяці ахвяр і герояў Катастрофы еўрапейскага яўрэйства «Яд Вашэм». Пошукавыя работы праводзяцца ў розных дзяржавах свету, улічваецца кожны выпадак, кожны відавочца. Усе намаганні скіраваны на тое, каб знайсці і аддзячыць тым, хто, не шкадуючы свайго жыцця, не думаючы пра матэрыяльную выгоду, ратаваў сваіх суседзяў ці проста незнаёмых ім людзей. У свеце на сённяшні дзень вядомы імёны больш 20 000 такіх людзей. У тым ліку больш 500 – у Беларусі. На момант 1 студзеня 2004 г. на тэрыторыі Віцебскай вобласці выяўлена каля 105 праведнікаў. У 2004 г. выйшла ў свет кніга «Праведнікі народаў свету Беларусі». Гэта першае падобнае выданне, дзе прыведзены спіс праведнікаў і выратаваных імі людзей, месца падзей.

Такім чынам, важным фактарам выжывання вязняў гэта былі ўзаемадапамога і салідарнасць. Яны праяўляліся ў вырашэнні бытавых пытанняў, ад якіх нярэдка залежалі здароўе і жыццё іншых вязняў, – дапамога харчаваннем, вопраткай, лекамі, грашовымі сродкамі. Зразумела, што для кожнай сям'і такая дапамога азначала змяншэнне асабістых шанцаў на выратаванне. Не заўсёды нават блізкія родзічы гатовы былі гэта зрабіць. Аднак вельмі часта знаходзіліся людзі, якія дзяліліся апошнім.

Спіс літаратуры:

1. Асабісты архіў аўтара – запіс размовы з Ф. Зямчонкам.
2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). Ф. 2848. Воп. 1. Спр. 263. Л. 17.
3. ДАВВ. Ф. 2839. Воп. 1. Спр. 1. Л. 55.
4. ДАВВ. Ф. 2839. Воп. 1. Спр. 1. Л. 57.
5. ДАВВ. Ф. 2290. Воп. 1. Спр. 102. Л. 24.
6. ДАВВ. Ф. 2290. Воп. 1. Спр. 102. Л. 28–29.
7. Занальны дзяржаўны архіў ў г. Глубокае. Ф. 1183. Воп. 1. Спр. 646. Л. 18–20.
8. Корсак, А. «Кто спасёт одну жизнь – спасёт целый мир» / А. Корсак // Мишпоха. – 2006. № 11. С. 75–78.
9. НАРБ. Ф. 845. Воп. 1. Спр. 64. Л. 35.
10. НАРБ. Ф. 845. Воп. Спр. 63. – Л. 45
11. НАРБ. Ф. 4683. Воп. 1. Спр. 943. Л. 121–133.
12. НАРБ. Ф. 4683. Воп. 3. Спр. 952. Л. 1–5.
13. Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг.: сб. матер. и докум. / Р.А. Черноглазова, Х. Хеер; ответ. ред. Р.А. Черноглазова. – 2-е изд. – Минск: Гальперин, 1997. – 398 с.

Ганс-Ульрих

Пробст Эльзбет и Герман Целлер (Германия)

Спасенные: Макс и Инэс Кракауэр

2007. Год присуждения звания

В начале этого года по немецкому телевидению был показан фильм под названием «Кто спасет одну жизнь, спасет весь мир». В этом фильме шла речь о трех историях из жизни еврейской пары Макса и Инэс Кракауэр, которые во время войны получили приют и помощь у протестантских священников в Берлине и на юге Германии. Поводом для демонстрации фильма служило присвоение Израильским государством моим прабабушке Эльзбет и прадедушке Герману Целлер звания «Праведники народов мира». Они являлись участниками цепочки пасторов, которые четыре раза приютили Макса и Инэс Кракауэр.

Кто были мои прабабушка и прадедушка, о которых я так мало знал еще несколько лет тому назад? Кем они были? Чем занимались? Мой прадед был пастором в Вайблинген, городе неподалеку от Штутгарта. Его жена занималась домом и воспитывала шестерых детей. Тот факт, что все три сына пошли на войну, а родители ничего не имели против, подтверждает, что семья была патриотически настроена, и в 1933 году, как большинство немцев, желала для Германии сильного лидера. После войны только один из трех сыновей вернулся домой, остальные погибли на восточном фронте.

Однажды, в 1944 году, в доме моих прадедушки и прабабушки раздался звонок: их друг-священник просил о помощи для одной еврейской семьи Макса и Инэс Кракауэр. Так как было слишком опасно дальше называть евреев их настоящими именами, мои родные договорились, что к ним якобы приехала пострадавшая во время бомбежки в Берлине семья Акерманн. Рискуя жизнью, семью Акерманн приютила спустя несколько недель молодая супруга священника, с которым заранее договорился мой прадед.

В общей сложности 27 месяцев кочевала еврейская чета из одного дома священника в другой. Всего 46 священников приняли участие в опасном спасении.

Однажды в полицию поступил анонимный звонок с информацией, что в доме священника якобы прячутся евреи. Служащий полиции пришел к моему прадеду и сообщил о звонке. Тут же он посоветовал Кракауэрам перебраться в следующий дом священников. Они покинули Вайблинген, но спустя несколько месяцев снова вернулись в дом моих прабабушки и прадедушки. В конце войны, узнав, что еврейская пара прямо в Германии под носом у национал-социалистов не стала добычей фашизма, американцы просто не могли поверить в эту историю.

После войны Макс Кракауэр написал книгу «Лучи в темноте» как вечное напоминание о тяжелом периоде в жизни людей всего мира. В этой книге он детально рассказал обо всех убежищах во время их долгих скитаний. Но во вновь построенной Германии было тихо, лишь немногие говорили о режиме Гитлера. Мои прабабушка и прадедушка тоже молчали и не рассказывали об акциях спасения евреев.

Продолжение эта история получила благодаря далекому родственнику, Альфреду Целлеру, 63-х-летнему участнику акции «Знак искупления» службы миротворцев в Иерусалимском центре Холокоста Яд Вашем.

Он был членом именно той организации, благодаря которой я сейчас в Минске. Около года я работаю здесь в социальной области: помогаю детям-инвалидам и пожилым людям.

Альфред Целлер привез с собой книгу Макса Кракауэра, так как решил, что Яд Вашем мало занимался этой историей.

В начале 2008 года мои прабабушка и прадедушка посмертно получили звание «Праведники народов мира». 9 ноября 2008 к 70-й годовщине трагических событий «Хрустальной ночи» городские власти переименовали бывший школьный двор в центре города Вайблинген, где жили мои предки и спасли жизнь еврейской семье Кракауэр, в «Площадь Эльзбет и Германа Целлер».

Так память о великом поступке, благодаря которому были спасены жизни людей, будет жить дальше...

Ганс-Ульрих Пробст (Германия).

Минск, 2009. Перевод с немецкого Ольги Бежко.

Hans-Ulrich Probst (Deutschland)

Anfang diesen Jahres wurde im deutschen Fernsehen ein Film gezeigt, der den Titel „Wer ein Leben rettet, rettet die ganze Welt“ trug. Dieser Film handelte von der Geschichte des jüdischen Ehepaars Max und Ines Krakauers, die während des Krieges bei evangelischen Pfarrern in Berlin und Süddeutschland Unterschlupf und Hilfe bekamen. Anlass für den Film war die Verleihung der Ehrung des israelischen Staates „Gerechter unter den Völkern“ für meine Urgroßeltern Elsbeth und Hermann Zeller, die ein Glied dieser „Pfarrhauskette“ waren und vier Mal Max und Ines Krakauer beherbergten.

Wer waren meine Urgroßeltern, über die ich noch vor wenigen Jahren wenig Wissen hatte, wer sie waren, was sie taten? Mein Urgroßvater war Pfarrer in Waiblingen, einer Stadt vor den Toren Stuttgarts, seine Frau war vor allem zu Hause und zog insgesamt sechs Kinder auf. Die Tatsache, dass alle drei Söhne in den Krieg zogen und sich die Eltern nicht dagegen wehrten, unterstützt die These, dass die Familie deutschnational war, sich 1933 wie der Großteil der Deutschen einen starken Mann als Führer des Landes gewünscht hatten. Von den drei Söhnen, die in den Krieg zogen, kehrte nur noch ein Sohn gesund nach Hause – zwei Söhne waren an der Ostfront gefallen.

Eines Tages erhielten meine Urgroßeltern einen Anruf eines befreundeten Pfarrers mit der Bitte um Hilfe für die Juden Max und Ines Krakauer. Da, es zu gefährlich erschien das jüdische Ehepaar weiterhin beim richtigen Namen zu nennen, war die Sprachregelung, dass ein in Berlin ausgebombtes Ehepaar Ackermann zu Gast sei. Insgesamt vier Mal waren die Ackermanns im Pfarrhaus meiner Urgroßeltern zu Gast. Unter größter Gefahr zogen sie nach einigen Wochen dann zu einer jungen Pfarrersfrau weiter, die mein Urgroßvater angefragt hatte, das jüdische Ehepaar zu beherbergen. Insgesamt 27 Monate wurde das Ehepaar von einem Pfarrhaus in das nächste gereicht. Insgesamt beteiligten sich 46 Pfarrer an der riskanten Rettung.

Äußerst gefährlich wurde es für meine Urgroßeltern, als eines Tages bei der Polizei ein Anruf einging, dass im Pfarrhaus Juden versteckt würden. Der Polizeibeamte

meldete sich bei meinem Urgroßvater und berichtete von dem Anruf. Sofort gab er dem Ehepaar Krakauer die Anweisung noch nachts in das nächste Pfarrhaus weiter zu ziehen. Sie verließen Waiblingen, kehrten jedoch nach wenigen Monaten erneut ins Haus meiner Urgroßeltern zurück. Als bei Kriegsende die Amerikaner erfuhren, dass das jüdische Ehepaar direkt in Deutschland, Haus an Haus neben Nationalsozialisten, den Fängen des Faschismus entkommen sind, konnten sie diese Geschichte einfach nicht glauben. Nach dem Krieg verfasste Max Krakauer als ewiges Andenken, das Buch „Lichter im Dunkel“, in dem er detailliert von allen Stationen ihrer Flucht berichtete. Doch es wurde still im neu gegründeten Deutschland, wenige Menschen sprachen noch über das Hitlerregime. Auch meine Urgroßeltern schwiegen darüber und berichteten nicht von der Rettungsaktion der Juden.

Die Wiederbelebung dieser Geschichte kam durch einen fernen Verwandten, Alfred Zeller, 63 jähriger Freiwilliger der Aktion Sühnezeichen Friedensdienste im Jerusalemer Holocaustzentrum Yad Vashem. Ein Freiwilliger übrigens der gleichen Organisation, über die ich auch hier in Minsk bin. Insgesamt ein ganzes Jahr arbeite ich vor allem hier im sozialen Bereich und helfe behinderten Kindern oder älteren Menschen.

Alfred Zeller brachte mit sich auf die Arbeit das Buch „Lichter im Dunkel“ von Max Krakauer, da er feststellte, dass sich Yad Vashem noch nicht ausführlich mit dieser Geschichte beschäftigt hatte. Und so geschah es, dass Anfang des Jahres 2008 meine Großmutter und ihre verbliebenen Schwestern posthum die Ehrung „Gerechter unter den Völkern“ für meine Urgroßeltern entgegennahmen.

Meine Urgroßeltern waren schon vor langer Zeit gestorben, als die Stadt zum Gedenktag „70 Jahre Reichspogromnacht“ am 9. November 2008 einen ehemaligen Schulhof im Zentrum der Stadt Waiblingen, wo meine Urgroßeltern lebten und sich mit daran beteiligt hatten, das jüdische Ehepaar Krakauer zu retten, in „Elsbeth- und Hermann- Zeller-Platz“ umbenannten. So lebt die Erinnerung an eine menschenrettende Tat weiter.

Minsk, 2009

Раздел 2. Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси

2.1. МИНСК И ЕГО ПРАВЕДНИКИ

АНДРОСИК Александр Андреевич

1918, д. Междуречье Пуховичского р-на

Спасенный ЯНКИЛЕВИЧ Давид Исакович

18.03.1921, д. Ново-Полтавка Николаевской обл. (Украина)

Год присуждения звания 2000

Судьба моя сложилась следующим образом. В 1940 г. был призван Новобижским РВК Николаевской области в Красную Армию и направлен служить в Западный Особый Белорусский военный округ. Службу проходил в г. Волковыске в 7 отдельном батальоне связи, 6 дивизии. В комендантском взводе этой дивизии служил Андросик Александр Андреевич. Жили мы в одной казарме, питались в одной столовой. Подружились. Началась война. Дивизия выдвинулась на оборону рубежей западнее г. Минска. В ходе боев некоторые дивизии, многие офицеры и солдаты попали в окружение и были пленены, в их числе и я.

Немцы пригнали пленных в лагерь на окраине г. Минска. Однажды на построении военнопленных мы встретились с Александром Андросиком. Договорились держаться вместе. На территории лагеря не было воды. Немцы заставляли военнопленных на руках в бочках доставлять воду из ручья, который находился в 2-х километрах. Мы договорились достать гражданскую одежду. Вскоре удалось добыть брюки и рубашки. Гражданскую одежду носили под военной формой. Отправляясь в очередной раз тащить бочку (цистерну) в толпе пленных мы, незаметно для конвоя, зашли в туалет, потом ползком добрались до кустарника, укрываясь за ним, ушли в лесной массив и не останавливаясь, где лесами, больше проселочными дорогами, пришли в деревню Междуречье к родителям Александра Андреевича Андросика. Саша сказал родителям, что я его друг Клименко Иван Петрович, сбежали вдвоем из немецкого плена. Отец Саши рассказал об обстановке в деревне. После ужина отец отправил нас отдыхать на сеновал. На следующий день отец пришел за нами. Потом показал баню, подвал, куда нужно прятаться, и другие постройки. Мы стали жить вместе. Родители Саши относились ко мне как к сыну. Вместе ели, вместе спали, мылись в бане, помогали по хозяйству. В эту семью часто приходили родственники, соседи. Близкими моими друзьями вскоре стали Гавриил и Алексей Миккульчики. Я выдавал себя за украинца, хотя чувствовал, что эти люди знают о моей национальности. Жил и скрывался я в этой семье до ноября 1941 года. Чувствуя угрозу ареста меня и этой семьи, посоветовавшись с ними, 6 ноября 1941 года я ушел в лес и взял курс на восток. Дошел до деревни Гродзянка. Здесь был схвачен фашистами и доставлен в лагерь г. Осиповичи. Из г. Осиповичи немцами вывезен в Германию в лагерь Кейтен, затем был перевезен в г. Лейпцау. Содержался в лагере, работал на авиационном заводе до освобождения в апреле 1945 года Красной Армией. Пройдя полевой фильтрационный пункт,

был зачислен в 1088 стрелковый полк 2 Белорусского фронта. Демобилизовался 25 сентября 1945 года. Возвратился в Пуховичский район.

...Я ему обязан своей жизнью. Спасибо, что были и есть люди, настоящие друзья – интернационалисты.

Давид Янкилевич, 1998.

БАБИЧ Мария

Спасенные: ГАЛЬПЕРИН Марат, АЛЬПЕРОВИЧ Леонид, ДЕМБРОВСКИЙ

Год присуждения звания 1995

Марат Гальперин родился в Минске в 1932 г. Его мама знала Марию Бабич еще до войны – обе заведовали детскими садами.

Марат с матерью находились в Минском гетто со дня его образования. Когда у матери Марата была возможность выйти из гетто, она приходила к Марии Бабич, и та помогала ей продуктами.

7 ноября 1941 г. во время первого большого погрома в Минском гетто мать Марата была убита. По счастливой случайности в этот день Марат был у Марии Бабич и поэтому остался в живых.

После очередного мартовского погрома 1942 г. Мария Бабич достала для Марата фальшивые документы на имя Марата Калиновского и с этими «белорусскими» документами мальчика оформили в детский дом.

До конца войны пришлось Марату скитаться по детским домам, но всегда, когда ему было особенно плохо, он приходил к Марии, которая продолжала заботиться о мальчике, кормила его, давала одежду.

Кроме Марата, Мария заботилась о Леониде Альперовиче, мать которого тоже была знакома с Бабич до войны. Мария прятала Леню в течение месяца. Затем ей удалось снабдить его фальшивыми документами, по которым он был принят в детский дом, где и находился до 1943 г. После этого Леонида переправили в партизанский отряд, где уже была его мать.

Мария Бабич спасла также еврея Дембровского.

Праведница умерла в 1991 г.

Праведники народов мира Беларуси. С. 40–41.

БИРУЛЯ Викентий и Вера, их сын Альберт

Спасенные: семья ШУСТЕР

Год присуждения звания 1998

Еще в довоенные времена Вера и Викентий Бируля из Минска дружили с Яковом и Марией Шустер.

В августе 1941 г. после прихода немцев в Минск семью Шустер забрали в гетто. Яков Шустер попросил Викентия Бирулю и его старшего сына Альберта спасти их семью. Бирули согласились помочь. В течение последующих двух лет они предоставляли Якову Шустеру убежище и пропитание.

В октябре 1943, когда Альберт Бируля узнал, что гетто собираются ликвидировать, он сообщил эту новость Шустерам. Несмотря на огромный риск, Мария Шустер и ее старший сын Илья сбежали из гетто и направились к дому

Бирулей. Мать и сын укрылись в сарае, где провели почти месяц. Семья Бирулей оказывала всестороннюю поддержку беглецам.

Подозревая, что в скором времени участятся обыски, Бируля связался с партизанами и отправил Шустеров в одно из партизанских соединений.

Шустеры оставались у партизан вплоть до прихода соединений Красной Армии в начале июля 1944 г., после чего они вернулись к Бирулям и оставались там еще 4 месяца, так как их дом в Минске был полностью разрушен.

Семьи Бирулей и Шустеров сохраняли дружеские отношения еще долгие годы после этого.

Все желание Бирулей спасти жизнь семье Шустер исходило из глубокой привязанности между семьями.

Праведники народов мира Беларуси. С. 93–94.

БОВТ Иван Иванович

20.07.1932, г. Минск

Спасенная Майя РАДАШКОВСКАЯ (Смалкинсон)

Год присуждения звания Ивану и Екатерине (посмертно)

и их сыну Ивану 1995

Наша семья по тем меркам была небольшой. Мама Екатерина Тихоновна (1906) вместе с отцом Иваном Петровичем (1906) растили троих детей: Якова (1937), Тамару (1940) и меня (1930). Колоритной фигурой в семье был отец. Родился он в Дрогичине (Пинская обл.), но в период Гражданской войны пришлось ему эвакуироваться в Башкирию. По возвращении назад узнал, что данная территория отошла к Польше, и он вынужден был остановиться в Минске. Женился на красавице Екатерине. В их семье выросли трое детей. Она и посвятила им всю свою жизнь. Отец батрачил, потом стал рабочим. Одновременно учился в Минском архитектурно-строительном техникуме. Получив образование, стал главным механиком мясокомбината. Так как комбинат располагался по улице Маяковской, то в доме на две семьи недалеко от предприятия отцу выдели двухкомнатную квартиру. Этот обычный деревянный дом размещался на улице Борисовской недалеко от Червенского рынка. Тут же, рядышком, еще 20 семей этого комбината проживало. Ничего удивительного, в те времена это весьма широко практиковалось – располагать руководство и работавших вместе и недалеко от производства.

Помнится, как мы все вместе отдыхали по случаю советских праздников. Два или три семейства собирали небольшие угощения. Была и небольшая чакушка с белой головкой. Но, в отличие от наших времен, ее удерживали с содержимым до самого завершения вечера. Мы пели, танцевали, шутили и дружили. Так, что все крепче соседи ощущали друг друга. Это семейства Королевых (русские), Цоглиных, Смалкинсонов, Каноников, Цандлеров (еврейские). Немало из них было творческих людей. Так, в семье Смалкинсонов один был врачом, а другой инженер. У Цоглиных – отец главный технолог. Его жена Елизавета Моисеевна была статной и красивой. Одевалась всегда опрятно, пышная прическа и приветливый характер. Она мало чем напоминала еврейку, хотя была смуглой, но говорила чисто и без акцента. В то время мы все были дружны, а радостные и счастливые времена нас все больше увлекали.

Война изменила все наши планы. Вскоре Минск был оккупирован. Однако на первых порах немцы не проявляли жестокости и насилия над населением. Приказали евреям переселиться. Все в такое время весьма были послушны. Наши соседи также. Мужчин у них не было, так как они были призваны в армию. В основном женщины разместились на ул. Революционной. Вначале не было колючей проволоки, и это значительно облегчало нам общаться. Они часто приходили к нам, а я тоже в свою очередь заходил к ним. Со временем перемены приобретали тяжелый характер. Вот у них оккупационные органы начали изымать ценности, имущество. В ноябре провели два погрома. Тетя Лиза (Цоглина – К.К.) делилась впечатлениями о гамбургских евреях. Они достаточно высокомерны, не хотят с нами общаться. В Минском гетто стало недоставать питания. Для выживания они приносили нам некоторые вещи для обмена. Взамен получали скромные наборы продуктов, полученные в качестве обмена в близлежащих деревнях. Так продолжалось полгода.

За это время и в нашей семье произошли изменения. Отец из окружения под Могилевом сумел пробраться домой. Он стал организатором подпольной пятерки, наладил связь с партизанами и где-то с 1942 г. стал связным отряда «Дяди Коли». Наша квартира стала явочной. Родители, чтобы уберечь от угона на принудительные работы в Германию, смогли оформить для меня документы на 2 года моложе. Это потребовало и от меня больше организованности и целеустремленности. Я стал помогать отцу при выполнении различных его поручений. Часто проникал на территорию гетто, некоторых узников выводил в город. Так были спасены Цоглины, Канноники, Цандлеры и другие, к сожалению, фамилии которых уже не могу назвать.

Так ко времени приближения акций массового уничтожения знакомое нам семейство главного технолога комбината Цоглиных: мама и ее дочь Инна (1927) и Майя Смалкинсон (1932) по настоянию моих родителей перешли к нам жить. Оставшийся паспорт сестры мамы – Федюшко Софьи Тихоновны – она отдала Цоглиной. Мне пришлось проявить свои способности художника, тщательно наклеивая новую фотографию и дорисовывая печать на ней. Это сыграло положительную роль в жизни тети Лизы. Судьба ее дочери была более трагична. Она была похожа на своих красивых родителей и, живя с нами, чувствовала себя в большей безопасности. Уже после ликвидации Минского гетто она рискнула пойти за получением паспорта. Думала, что никто не узнает, что она еврейка. Однако вернуться назад ей уже не суждено было. Вышла из управы в сопровождении, успела еще рукой подать незаметно знак об опасности. Больше ее никто не видел.

Майя же оставалась с нами. Так как Минск нередко бомбили, то жильцы домов подготовили укрытия, этакие бомбоубежища. Я же дополнительно вырыл тайник, утеплив его сеном. Он не раз нас выручал с Майей во время многочисленных облав. Особенно опасно было после убийства генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе. Обыскивали тщательно. Мы, затаившись, ждали. Слава Богу, опасность миновала.

После этого стало очевидным, что совместное проживание весьма опасно. Мы, конечно, боялись, что соседи знали о том, что наш отец был коммунистом, да и в доме другие могли выдать нас. Было решено тетю Лизу вывезти из Минска. По договоренности летом 1943 г. мама, взяв нас с двоюродным братом Геней, усадила на телегу, и мы поехали. В пути с нами все могло случиться.

Успешно добрались до Столбцов. На месте нас уже ждали и приняли тетю Лизу местные баптисты. Помнится, что руководителем этой организации был Попов. Ранее он работал на мясокомбинате, затем переехал в Кобрин. Вот он и договорился о сохранении еврейской женщины в этой общине. Цоглина прожила в Столбцах до конца войны. Вот когда ее мы снова нашли, то она даже не хотела от них уходить. Привыкла. Потом вернулся и ее муж, который служил у легендарного Рокоссовского – командира Второго Белорусского фронта.

Для безопасности также перевезли и Майю. Где-то в начале 1944 г. она разместилась в д. Дворище, где проживала родная сестра отца. Когда снова опасность возникла, то ее перевезли еще дальше. Какие счастливые мы были, когда после освобождения Майя сама нас разыскала. После этого она жила у нас до 1945 г., а потом помогли устроить ее в детдом. Она часто приходила к нам и приносила оттуда маленькие радости-угощения. Даже когда Майя вышла замуж, то мама передала ей теплые вещи. Там, на Дальнем Востоке, где служил ее муж, они стали единственным утешением от холода. Образно, как сказала Майя, – это было второе их спасение.

Еще один мой друг Додик Каноник, после того как полицейские схватили его отца, некоторое время оставался у нас. Но мы и его переправили в партизаны. Уже после войны встречались не раз. Радовались, что для нас все закончилось благополучно.

Вот так и закончилась для нас война. Майя получила высшее образование, активно участвовала в жизни города Минска. Вырастила двух отличных сыновей. Проживает в Израиле. Именно она, приехав из Израиля, разыскала нас, оформила документы, и вся наша семья стала Праведниками народов мира.

*Записал Кузьма Козак.
г. Минск, 2009.*

БЫКОВЫ Иосиф и Елизавета, их дочь Спасенные: Людмила МАЧУЛЕНКО, Ася КАЗАКЕВИЧ *Год присуждения звания 1996*

Вспоминает Людмила Иосифовна Мачуленко:

– Мы помогали многим евреям: нашим довоенным друзьям, попавшим в Минское гетто. Моя сестра была замужем за актером Еврейского театра Борисом Фельдманом. И мы скрывали четверых моих племянников.

Диплом Праведника наша семья получила за спасение Аси Казакевич. Эту девушку и ее семью я хорошо знала. До войны у нас была веселая студенческая компания.

Я приходила в гетто к своим друзьям. И однажды встретила Асю. В 1942 г. фашисты убили Асину маму, и Асе надо было срочно уходить из гетто. Мы с Асей договорились, что она с сыном станет в рабочую колонну, выйдет из гетто и придет к нам.

Ася прожила у нас неделю, а потом ушла к знакомым на Червенский тракт. Жить у нас было очень опасно: наш дом находился около гетто, и каждый день полиция устраивала облавы.

Ася сумела сделать себе «русские» документы. Поменяла имя. Стала Марией. Позже ее забрали на принудительные работы в Германию.

После войны Ася вернулась в Минск. В начале 1990-х годов, когда начали собирать данные о евреях, бывших узниках гетто, она попросила меня дать свидетельские показания, и я смогла впервые без опаски рассказать о своей судьбе.

Праведники народов мира Беларуси. С. 56–57.

ВАЛЕНДОВИЧ Елена Спасенная ТОКАРСКАЯ Валентина

Год присуждения звания 1979

Валентина Токарская (Бер) с мамой и тетей находились в Минском гетто. Однажды матери удалось вынести Валентину из гетто и оставить в разрушенном доме. Девочке было в ту пору всего два года. Оставив малышку в разрушенном доме, мать спряталась недалеко, чтобы проследить за дальнейшими событиями.

Когда девочка заплакала, проходивший мимо мужчина заметил ее и взял на руки. Поскольку все происходило в районе гетто, мужчина подозревал, что это еврейский ребенок.

Мать издали следила за мужчиной, уносящим ее дочь. Она видела, как он зашел в жилой дом. После этого мать девочки вернулась в гетто и с остальными узниками ушла на работу.

Шесть недель не было связи между матерью и дочерью. За это время выяснилось, что мужчина, нашедший девочку (а им был Михаил Громов), принес ее в дом к Елене Власовне Валендович, у которой был пятнадцатилетний сын Евгений.

По соседству с домом Валендовичей находилась немецкая комендатура. Там работала еврейка Маня, которую каждый день привозили на работу из гетто. Один раз она рассказала в гетто о еврейском ребенке, которого видела в соседнем доме. Мать попросила Маню устроить ее на работу в комендатуру, чтобы хоть издали она могла видеть дочь.

За все время пребывания матери в гетто между ней и Еленой Валендович происходил постоянный обмен записками. В этом помогала Маня.

30 марта 1943 г. немецкий офицер-антифашист вывез группу евреев из гетто. Беглецы присоединились к партизанскому отряду им. Кутузова. Среди них была и мать Валентины. С момента побега из гетто прервалась связь матери и дочери.

Соседи начали подозревать, что девочка, живущая в семье Валендовичей, еврейка. Елена Власовна решила перебраться в деревню, подальше от людей, которые могли донести на нее.

Деревня находилась в 30 километрах от Минска в зоне расположения партизан. По счастливой случайности матери девочки стало известно новое местопребывание семьи Валендовичей.

Михаил Громов присоединился к партизанам. Он был ранен, и Елена Власовна выходила его.

Валентина находилась в семье Елены Власовны до июля 1944 г., и только после освобождения Белоруссии мать смогла забрать свою четырехлетнюю дочь.

Связь семьи Токарских с Еленой Власовной продолжалась и после репатриации семьи Токарских в Израиль в 1958 г.

Елена Власовна Валендович умерла в 1975 г.

Праведники народов мира Беларуси. С. 11–12.

**ВАРАКСА Эмилия, ее сын Вячеслав и дочь ЛИПЕНЬ Тамара
Спасенные: ДЕПЯРИК (КЛАЙНЕР) Инесса, КОЗЛОВСКИЙ
(МАРГОЛИН) Иосиф**

Год присуждения звания 1994, 2001

В Минском гетто четырнадцатилетнего Изю Марголина поместили в одну комнатуху с довоенными соседями Фаней Ефимовной Клайнер и ее дочерью Инессой.

Однажды к гетто тайно пробрались дети Эмилии Вараксы – Тамара и Вячеслав – и принесли узникам еду. С Изей и Инессой они до войны вместе играли, дружили.

За несколько часов до первого большого погрома в гетто, 6 ноября 1941 г., Эмилия предупредила довоенных соседей о грозящей опасности.

Клайнеры и Марголин сумели выйти из гетто и спрятались в доме у Эмилии Вараксы. Убежищем им стал погреб. Чтобы замаскировать его, на крышку люка постелили ковер, на котором играли дети. В дом с обыском пришли немцы, но, ничего не заподозрив, ушли. После окончания акции узники вернулись в гетто.

Эмилия Варакса помогла и во время второй акции по ликвидации Минского гетто в начале марта 1942 г.

Возвращаться в гетто было смертельно опасно. Эмилия достала Изе документы на имя Иосифа Казимировича Козловского и вместе с Фаней Клайнер отправила под присмотром своих детей в деревню Божковичи. Инесса Клайнер осталась в доме Эмилии.

В 1943 г. Изя Марголин-Козловский присоединился к партизанскому отряду «Грозный» и воевал с фашистами до освобождения Белоруссии.

Иосиф Козловский (он по-прежнему носит фамилию, благодаря которой сумел спастись в годы войны) с семьей живет в Израиле. Эмилия Варакса умерла в 1953 г.

Праведники народов мира Беларуси. С. 29.

ВЕЛИЧКО Анна

Спасенные: КАПЛАН Семен, ГУРЕВИЧ Анна и другие дети

Год присуждения звания 1997

До войны Анна жила в деревне Лошица недалеко от Минска. В 1941 г., когда ее муж был призван в Красную Армию, Анна с двумя детьми переехала в Минск. Во время войны она работала в городском детском доме № 3.

Из воспоминаний Анны Величко:

– В детском доме было много еврейских детей. Работники знали это, но не выдали никого. Немцы часто проводили проверки, они выстраивали всех детей в одну линию и по внешним данным искали евреев.

Было очень тяжело с едой. Хлеб выдавался по карточкам. А карточки могли получить только те, у кого было свидетельство о рождении. Поэтому позвали священника, чтобы он крестил детей и выдал им свидетельства.

Свидетельствует Семен Каплан:

– Моя мама и брат Гриша были убиты в Минском гетто. Меня и брата Романа, 1941 года рождения, взяли в городской детский дом № 3. В этом доме

было много еврейских детей. Учителя знали об этом, но скрывали от немцев. Одна из воспитательниц, Анна Величко, однажды уложила нас в постель, завернула в тряпки, испачкала лица сажеей и сказала немцам, что мы больны тифом. Они не стали проверять нас.

Свидетельствует Анна Гуревич:

– Моя мама была узницей Минского гетто. Когда она решила уйти из гетто, то поняла, что у нее нет шансов выжить в лесу с ребенком двух с половиной лет. Поэтому она оставила меня у входа в детский дом с запиской в кармане. Было написано, что меня зовут Аня Патеко. Немцы обыскивали детские дома. Воспитатели прятали детей в кладовках, в саду, учили, что можно говорить проверяющим.

Работникам детского дома удалось спасти не всех еврейских детей, а только небольшую часть.

Свидетельствует Лариса Лозовая (Каганович):

– В детском доме № 3 я была записана под фамилией Чернушева, а брат Эрик – под фамилией Бажанов.

Однажды немцы устроили проверку. Все дети были голыми выведены на снег и те, у кого были черные волосы, отправлены в душегубку. Анна Величко прошептала мне спрятаться за бочкой на складе. Я просидела там, пока немцы не уехали.

Свидетельствует Лидия Черткова:

– Анна Величко приносила мне еду и подкармливала. Иногда она брала меня к себе домой. Она учила, как надо прятаться от немцев. Однажды за еврейскими детьми приехала немецкая машина. Я спряталась так, как учила Анна. Никто из детей обратно в детский дом не вернулся.

Свидетельствует Евгения Печкова (Видерман):

– Я была в гетто с мамой и двумя братьями. Мама Ида Видерман ушла в партизаны, а меня оставила у входа в детский дом № 3, где я была до освобождения Минска в 1944 г.

Однажды немцы пришли забирать еврейских детей, хотели забрать меня, но воспитатели сказали, что это ошибка, что я – не еврейка. И это спасло меня.

Работники детского дома рисковали своими жизнями, потому что наказанием за сокрытие еврея была смерть.

Праведники народов мира Беларуси. С. 76–77.

ВИНОКУРОВА Эмилия Петровна, ЛАСИЦКАЯ Ядвига Петровна

1939

Спасенная Полина Смородина

Год присуждения звания 1997

– Куда я, туда и родители, а потом и Эмилия следом, – сказала старшая сестра Ядвига. – Перебралась я в середине шестидесятых годов в Витебск, и они за мной приехали сюда.

– Наши родители поженились в 1938 г. Мама была из Червеньского района. Звали ее Янина Ивановна Лиходиеская. Ее отец, наш дед, Иван Лиходиеский был по тем временам образованным человеком: садоводом, пчеловодом,

коневодем. У него был самый лучший в районе дом – светлый, просторный, чистый. Он построил его своими руками. Но его считали богачем и пытались «раскулачить».

А вот семью нашего отца Ласицких – выслали на Урал. Они жили в деревне Дубрава того же Червенского района. В семье было трое сыновей, и все работали от зари и до зари. Жили покрепче соседей, и это не понравилось советской власти.

Петр Ласицкий валил лес на Урале. Несколько раз пытался бежать из лагеря. Однажды его придавило падающее дерево, и он сутки с переломанной ногой лежал под завалом. После этого Петр Францевич долго лечился и, видимо, как человек бесполезный на лесоповале, был отпущен домой. Приехал в местечко Гродзянка. На работу его брать никто не захотел. Боялись. 1937 год – дата говорит сама за себя. И все же нашелся смелый человек, который предложил раскулаченному Петру Ласицкому работу. Им оказался председатель колхоза из Гродзянки еврей Загальский. Его за это вызывали в райком партии. Говорили, выгони с работы чуждого элемента, или себя загубишь. А он отвечал: Петр Ласицкий грамотный и работающий человек, мне такие в колхозе нужны.

Вскоре Петр Ласицкий познакомился с Яниной Лиходиевской. Соседи говорили: «одного поля ягоды». Его раскулачили и ее родители такие же.

Петр и Янина поженились и стали жить-поживать... Надо было обзаводиться хозяйством, строить дом. У Ивана Лиходиевского был в Гродзянке хороший знакомый-еврей, которого все звали Мисель. Напротив его дома был свободный участок. И Петр Ласицкий стал строить там дом.

Янина работала в колхозе кладовщицей. Но в местечке ее знали как перво-классную портниху. Шила, как говорили, без примерок. Янину любили и как доброго человека, и как отличного мастера. У нее было много заказов. Отказать она никому не могла. Да и деньги молодой семье были нужны. И Янина работала сутки напролет. Семья Ласицкого и Миселя дружили между собой покрепче иных родственников. Помогали друг другу, делились секретами.

Когда фашисты захватили Гродзянку, евреев согнали в гетто. Дети Миселя по ночам выбирались оттуда и приходили в дом к Ласицким. Янина кормила их, чинила одежду, давала еду с собой для родителей. Делилась последним, хотя понимала, что если фашисты узнают об этом, погибнуть может вся семья. Но иначе поступить она не могла.

Когда пошли разговоры, что в соседних местечках евреев расстреляли, Мисели попросили спрятать хотя бы одну их девочку. Даже трудно себе представить родителей, стоящих перед таким страшным выбором, кого из детей спрятать, чтобы сохранить жизнь. Спрятали Дашу. Ночью ее отвезли к Омеле Ласицкой – сестре Петра Францевича. Она жила на хуторе как отшельница. Да и вообще местным жителям казалось странной. У нее в доме было много книг. Она интересовалась медициной. Лечила травами. Кто-то ее называл знахаркой, а кто-то за глаза говорил, что она колдунья. Омеля очень много курила, не выпускала трубку изо рта.

По всей видимости, по местечку пошли разговоры, что Ласицкие помогают евреям. Петр Францевич и Янина решили от греха подальше уйти из местечка в деревню Дуброва, где когда-то жила семья Ласицких. Рассчитывали, что немцы ни в чем не заподозрят семью, обиженную советской властью, семью, у которой забрали все имущество, а мужчин выслали на лесоповал. Старый

дом, который принадлежал Ласицким, им, конечно, никто в Дуброве не вернул, но разрешили строится на окраине.

Новый дом поставили быстро. Рядом был лес. Петра и Янину постоянно тревожили то немцы, то полицаи, то партизаны. Несколько раз каратели сгоняли всех жителей деревни в хату, где жили Ласицкие, и пытались их сжечь заживо. Но каждый раз спасало чудо. Однажды в закрытой хате оказалась белорусская женщина, встречавшаяся с немецким офицером. Выпустили ее, а вместе с ней помиловали и всех остальных, но не отпустили на свободу, а отправили в концлагерь.

– То, что я выжила в годы войны – это случай или помог Бог, – рассказывает Ядвига Петровна. – У детей в концлагере брали кровь для раненых солдат и офицеров вермахта. Я очень серьезно заболела. И переводчица, незнакомая женщина, сказала маме, что нужно меня спрятать. Больных детей фашисты расстреливали.

А потом переводчица, мы не знаем даже ее имени, помогла нам бежать. Отец нашел какую-то деревню, где нас приютили чужие люди. За это отец с мамой помогали им по хозяйству. Там мы и жили, пока нас не освободила Красная Армия.

Омеля в это время прятала еврейскую девочку — дочку Миселя. Пошли слухи, что на хуторе кто-то живет. Омеля выдавала девочку за человека, у которого помутился рассудок, и старила ее – приклеивала к волосам седые пакли. Мальвина Лиходиевская – мать Янины – приходила из деревни на хутор, приносила еду. Однажды Мальвина простудилась и заболела. Спасти ее уже не смогли...

Петра Францевича Ласицкого забрали в Красную Армию. Но долго он не прослужил: открылась рана ноги, полученная на лесоповале. Его отправили домой и в Червене положили в больницу. Из больницы отца хотели выгнать после того, как он честно рассказал, что был «раскулачен» и травму получил на лесоповале. Но главврач, бывший фронтовик, пожалел его и оставил при больнице истопником. Ласицкого лечили, как говорится, по месту работы.

Даша, дочка Миселя, продолжала жить на хуторе у Омели. Ей было 16–17 лет. На хутор «прибился» какой-то молодой человек, который, впрочем, скоро исчез, так же незаметно, как и появился.

Вскоре Даша поняла, что она беременна.

А дальше и вовсе начинается история, которая, вероятно, могла бы стать сюжетом для голливудского кинофильма, в который трудно поверить.

Даша отказывалась уезжать с хутора. Она пряталась всю войну, и страх у нее еще прочно сидел в голове. Она боялась и за себя, и за будущего ребенка. Да и, кроме того, стеснялась показаться на людях: как сумеет объяснить, что нажила ребенка без мужа?

В это же время забеременела и Янина, которая часто навещала в больнице своего Петра Францевича. Разница в сроках у Янины и Даши была небольшая. Янина и на этот раз решила помочь Даше.

– Будешь рожать у Омели на хуторе, – сказала она. – А когда рожу я, то скажу всем, что у меня родилась двойня...

Через несколько недель в дом к Ласицким прибежал какой-то мальчишка и сказал, что тетке Омеле совсем плохо. Янина сразу поняла, что речь идет о Даше. Она тут же собралась и пошла на хутор. Ее не было целый день, а поздней ночью она вернулась и принесла завернутую в одеяльце маленькую девочку.

Даше во время родов срочно понадобилась медицинская помощь, а ехать в больницу в Червень она наотрез отказалась. Даша умерла во время родов.

Янина отнесла малышку к местной повитухе Журчихе и строго-настрою ей приказала: когда она будет рожать, чтобы в доме не было посторонних людей. При родах должна быть только сама повитуха и сестра мужа Аня. После родов Журчиха должна была всем сказать, что у Янины двойня.

Человек предполагает, а судьба... Время было послевоенное, по лесам прятались бандиты и недобитые полицаи. Однажды среди ночи они ворвались в дом к Ласицким и потребовали золото. Были уверены, что в доме у «раскулаченных» припрятаны драгоценности. Они наставили на Янину пистолет и сказали: «Не отдашь золото – уьем». Драгоценностей в доме так и не нашли, разве что пакет с чистой одеждой, которую держали «на смерть». А через несколько часов у Янины начались преждевременные роды. В больницу Янина не поехала, а, как и договаривались, ее повели к повитухе Журчихе.

– Что было дальше, тогда я не знала, – продолжает свой рассказ Ядвига Петровна. – Утром, когда проснулась, увидела маму с маленькой девочкой на руках. Мама сказала, что это моя сестричка, зовут ее Эмма. Потом из Червеня приехал папа. Родители долго о чем-то шептались и затем сказали, что мы уезжаем жить в Червень. Там и зарегистрировали девочку. Мама пошла работать санитаркой в больницу...

Только спустя пятьдесят два года Ядвига Петровна узнала правду. Ее мать уже лежала при смерти, ей было 87 лет. Она позвала старшую дочь и решила рассказать историю, которую семья хранила в тайне более полувека.

...Во время родов дочка Янины умерла. И Янина выдала Дашину дочь за свою. Сестры росли и не подозревали об этом, а родители ни словом, ни взглядом не выдали тайны...

Теперь уже Ядвига Петровна хранила тайну, боясь обмолвиться о ней своей сестре. Не знала, как отреагирует ее муж, дети, внуки. И только после смерти мужа Эмилии Петровны сестра рассказала ей всю правду.

...Они сидели передо мной. Две сестры, похожие друг на друга и чем-то разные.

– Может быть, кто-то из Миселей выжил, – сказала Эмилия Петровна, – помогите их разыскать...

Аркадий ШУЛЬМАН. Сестры // Авив. Январь-февраль 2004. С. 20.

ГАЛАХОВЫ Денис и Нина **Спасенная ГИНЗБУРГ Александра и ее семья** *Год присуждения звания 1994*

Свидетельствует Гинзбург Александра Максимовна:

– Семейю Галаховых я знала не очень хорошо (они были соседями моей подруги, и я просто здоровалась с ними, когда приходила к ней).

Во время погрома в Минском гетто я в отчаянии постучала в дом к женщине, которой за бесценок отдавала вещи и которая обещала меня спасти. Однако она не впустила меня в дом. Тогда я постучалась к Галаховым. Дома была Инна Степановна и ее трехлетняя дочь. Нина Степановна впустила меня, но на мою

просьбу спрятать меня ответила, что окончательное решение примет муж. Пришел с работы Денис Иванович и сказал, чтобы я оставалась.

Я пряталась у них почти месяц. Это было очень опасно и для меня, и для них, поскольку немцы, обнаружив меня, убили бы всех. Галаховы рисковали и своей жизнью, и жизнью своего ребенка. При любом стуке в дверь я залезала на чердак. Затем Галаховы отправили меня в деревню Осоку к своим родственникам со следующей биографией: я – племянница Дениса Ивановича, приехала перед войной в гости и осталась. Но в Осоке я пробыла не долго, так как меня «разоблачили» и привезли назад к Галаховым.

Праведники народов мира Беларуси. С. 30–31.

ГЕРАСИМОВИЧ Клара и ее дочь ХИЛЬКЕВИЧ Инна Спасенная КРАЙЗЕЛЬМАН Ася

Год присуждения звания 2000

Семья Клары Герасимович до войны жила в Минске по соседству с еврейской семьей Крайзельман.

Когда началась война, глава семьи Крайзельман был призван в армию. После организации фашистами Минского гетто его узниками стали Роза Крайзельман и ее дочь Анна, сестра Розы – Рая с ребенком, а также ее свекровь. Семилетняя Анна Крайзельман была свидетельницей того, как во время погромов погибли почти все ее родственники. Лишь ее тете Рае удалось бежать в партизанский отряд. В последний день ликвидации Минского гетто, 23 октября 1943 г., погибла мать Ани. Самой девочке чудом удалось спастись.

В тот роковой день ранним утром Аня с подругой проползли под проволокой, окружавшей территорию гетто, и отправились в город на поиски продуктов. Целый день провели девочки, прося подаяние, а когда к вечеру они приблизились к гетто, незнакомая женщина остановила их и предупредила о погроме. В ужасе дети бросились бежать прочь. Ночь они провели в развалинах. На следующий день детей приютили незнакомые люди. Через некоторое время подругу Ани, по доносу, забрали полицаи и расстреляли. Женщина, приютившая девочку, опасаясь за свою семью, попросила Аню уйти.

В конце 1943 г. Аня пришла в семью Герасимовичей, своих бывших соседей, и попросила спрятать ее. Клара Герасимович ужаснулась, увидев исхудавшую, оборванную девочку. Услышав ее грустную историю, она решила оставить Аню у себя и сказала, что никуда ее не отпустит. Аня прожила в семье Герасимовичей до июля 1944 г. Когда не было чужих, она могла свободно ходить по дому. В случае опасности ее прятали в погребе, под кроватью, в одежном шкафу.

Аня вспоминает случай, когда однажды внезапно в дом зашли немцы. Клара тут же придумала, что ее дети больны тифом. В это время ее дочери успели спрятать Аню в шкаф. Немцы, поверив хозяйке, побоялись обыскивать дом и покинули его.

Вся семья Герасимовичей заботилась об Ане, особенно внимательна к ней была старшая дочь Клары – Инна. Инна предупреждала младших детей, чтобы те никому не говорили об Ане. В минуты опасности она старалась быстро

спрятать Аню в надежное место. Инна следила, чтобы Аня была накормлена, делилась с ней своей едой.

После войны вернулась из партизанского отряда тетя Ани и забрала племянницу к себе. Вскоре пришел с фронта отец и увез Аню с собой.

Праведники народов мира Беларуси. С. 113–114.

ГЛАЗЕБНАЯ (Симон) Ольга Дмитриевна

25.06.1922, д. Корчмище Андрушовского р-на Житомирской обл.

Спасенные: ЗЕЛЕНКО Роза, СОКОЛОВА Люба

Год присуждения звания 1997

Мама Екатерина Антоновна, папа Дмитрий Андреевич да четверо детей до войны жили на Украине. Я была вторым ребенком. К тому моменту, когда мне исполнилось пятнадцать лет, моя старшая сестра, Варвара, уже жила в Минске, где служил ее муж. И так получилось, что квартира семьи наших односельчан, которые решили возвратиться из Минска в Корчмище, осталась сестре.

Сестра устроилась работать в торговлю, ее муж работал в милиции. Когда у них родился ребенок, они решили для ухода за ребенком забрать к себе меня и мою ровесницу Марусю – младшую сестру Варвариного мужа. Мы с Марусей ходили в школу. И по очереди смотрели ребенка. Через год Варвара родила еще одного, уже мальчика. Мы продолжали учиться и помогали сестре. Маруся потом пошла работать, а я продолжала смотреть за детьми.

Мы жили в центре Минска, на Комсомольской улице. Дом двухэтажный. Первый этаж из кирпича, а второй – из дерева. Мы располагались на первом этаже. В двухкомнатной квартире проживало 6 человек. Конечно, не так просто было. Из-за моего незнания русского и белорусского пришлось сменить школу. В школе № 1 по ул. Ленина училась с сыновьями Пономаренко и артиста Владомирского, двумя дочками солистки оперного театра Млодек. В школе № 2 – по ул. Энгельса, что напротив Дома пионеров, уже было легче. Освоилась, да и знакомых стало больше. Тут и состоялась встреча с моими будущими героинями. Со мной училась и Люся Цукерман – старшая сестра Розы, моей спасенной. У Люси с Розой был брат, близнец Люси, к нему часто мальчишки приходили, и нам тоже очень нравилось у них бывать. Был у Цукерманов и патефон какой-то, мы танцевали. Жили они на площади Свободы, от нас недалеко, транспорта тогда никакого не было, и мы бегали друг к другу. Так мы весело и дружно все жили. Никто и не задумывался, что тот украинец, а тот еврей. Даже не имели понятия никакого об этом.

Началась война. Мужа сестры сразу мобилизовали. Наш дом сгорел в первую же ночь. Все соседи куда-то уходили, сестра, собрав детей, пошла со всеми вместе по Червенскому тракту. Прошли около пятнадцати километров до деревни Королицевичи, а там нас и еще несколько семей из Минска поселили в школе. Варвара иногда возвращалась в Минск. Вот она и сказала, что наш дом сгорел.

Так как колхоз продолжал действовать, то и мы выполняли все работы в поле. За это нам давали картошку, овощи, пшеницу и молоко. Но зимой приехали немцы. Их было так много, все на машинах и мотоциклах. Вот тогда они нас и выселили, а сами заняли помещения. Нас же временно приютили соседи. Сестра, бывая в Минске, за это время присмотрела для нас комнату.

Когда евреев переселили в гетто, то освободились некоторые их квартиры. Вот тогда в одну из них, что по улице Советской, мы и вселились.

После возвращения в город встретила знакомого по школе мальчика Володю Матуса и стала спрашивать, где сейчас мои друзья и одноклассники. Он рассказал, что Роза и Люся живут на Обувной. Он мне объяснил, что немцы создали гетто, и всех евреев заставили поселиться там. Вот только с того момента я начала понимать, что вокруг происходит. И оказалось, что в нашем классе из 30 было только 10 русских и белорусов.

Я смелая была, ну ничего не боялась. Очень часто ходила в гетто к знакомым. Где-то летом 1942 г. пошла к девочкам на Обувную. На Немиге проволоку руками раздвинула, пролезла и пошла дальше. Роза с Люсей были очень рады мне. Жили они в большой тесноте, вместе две семьи. С ними две бабушки, дедушка и отец. По счастливой случайности перед войной мама с младшей дочкой была в гостях у брата, то он их сразу эвакуировал со своей семьей. Так постепенно налаживался контакт между нами. Я стала заходить в гетто и к другим девочкам. Роза и Люся тоже к нам стали заходить. Вот идет колонна из гетто, и они рядом. Выйдут в город, где больше народу, потихоньку снимут кофты с латами — и бегом в толпу. Для выживания в гетто Роза с сестрой собирали то, что можно было продать или обменять. Сестра увела в партизаны и Люсю Цукерман, Лилию Глейзер, Асю Копсторум и ее подружку Аню, и еще две девочки, фамилии которых, к сожалению, не могу припомнить.

Сестре Варваре приходилось крутиться, чтобы прокормить детей. Вот она смолотла ту пшеницу, которую мы принесли из деревни, пекла пирожки и продавала их на рынке. При такой ситуации она с Розой и Люсей быстро нашли общий язык: девочки приносили вещи, и не только свои, а моя сестра их меняла на продукты. Гамбургские евреи также отдавали вещи нашим евреям, а их вещи потом попадали к нам. Сосбрав возле себя 4–5 таких же, сестра уходила за 100 км для того, что бы обменять их или продать. Занятие не из легких. Для собственной безопасности они брали с собой водку, сало, яйца, и когда их останавливали, откупались. Уже дома и мне что-то вкусное перепадало.

Бывало, Роза и Люся прибежали и оставались у нас, узнав откуда-то, что будет погром. И другие девочки, мои подружки, тоже приходили. Соседи видели и понимали, кто и откуда они. Но никто не выдал. Как много было хороших людей! У соседей наших друг сына служил в полиции, но даже он помогал. Таким образом, они у нас были не менее 5 раз, оставаясь в подвале до 3 суток.

Вот еще одна история. Мама еврейской девочки Даша Глейзер жила на «русском» районе. Она через Розу и Люсю познакомилась с моей сестрой. Вот они и стали вместе ездить по деревням, менять вещи на продукты. Никто не знал, что она еврейка. Но когда она повздорила с одной из женщин группы, та выдала ее. На допросе Даша сказала полиции, что она наша сестра. Пришли к нам, чтобы проверить. Мы, конечно, это подтвердили, но полиция все-же не поверила, и ее увели. Оставаться в таком положении было опасно, и ее дочку моя сестра потом вместе с Люсей увели в партизаны. Надо сказать, что моя сестра была связана с партизанами. Для них она доставала и носила им какие-то бинты, а то и сами партизаны к нам приходили. В разное время многих мы к ним переправили из гетто.

В такой ситуации нам также было опасно оставаться дома, и мы, взяв корову (ее мы подобрали в Красном Урочище по Червенскому тракту летом 1942 г.),

всей семьей ушли скрываться на то место, в районе пожарища улицы Кирова. Прятались там, наверное, двое суток. Потом друг нашего соседа узнал, что ничего в полиции против нас не затевается, и мы смогли вернуться домой. Потом пришла и Даша, она в полиции как-то откупилась.

Чтобы понять, как все непросто было, даже для неевреев, приведу такой пример. Когда идешь по улице, то нередко немецкие солдаты останавливали, трогали за косы, говорили любезные слова.

Розу сестра увела уже после последнего погрома. Двоюродный брат Розы, Ленья, пришел к нам рано утром, сказал, что гетто уже нет и они сидят в какой-то «малине». Сестра моя как-то их забрала и, даже не заходя к нам, увела в партизаны.

Еще наша соседка по Комсомольской улице еврейка Рива Вишневецкая жила у нас с самого начала войны. В первых погромах в гетто погибла вся ее семья, вот она пришла к нам. Случилось так, что моя племянница очень тяжело заболела бронхоаденитом. Сестра пошла в гетто за лекарствами, ведь среди евреев было много врачей. И случайно встретила нашу соседку Риву. Варвара рассказала ей, что случилось с дочкой. Рива достала лекарство и принесла его нам. Но пока она находилась у нас, в гетто был погром. Рива переночевала, а когда вернулась в гетто, то узнала, что вся ее семья погибла: мать, сестра и ее девочка. Горю не было предела. Она со слезами к нам вернулась, и моя сестра предложила остаться у нас. Вот она и жила с нами около двух лет, пока ее случайно не увидел служивший у немцев бывший одноклассник. Он долго гнался за ней, но так и не догнал. После этого происшествия мы договорились со строителями, которые работали в нашем дворе и собирались ехать в Вильно, взять ее с собой. Для нее Варвара на рынке купила паспорт, и Рива стала Ирой. Она была спасена, и теперь Ирина Михайловна живет в Москве.

Сестра моя, Варвара, жила во Львове. Муж ее с фронта не вернулся.

И опять к истории моей семьи...

Моя мама жила уже в другом селе. Зимой по селам ходили евреи и шили, кто сапоги, кто одежду. И в наше село каждую зиму приезжал один еврей, Мошко его звали. Он был сам из Житомира. Как-то там был погром, и этот Мошко пришел в наше село, к нам. И мама прятала его...

С Розой мы поддерживаем дружескую связь. Как и раньше, она живет рядом. Ей тяжело. Болеет и из квартиры не выходит. Я как найду свободную минутку, сразу иду к ней.

г. Минск, 2009. См.: ...На перекрестках судеб.

ГОЛОЦЕВИЧ Екатерина, УЛАСИК Юлия и ее дочь Наталья Спасенные: семья ЛЕВИНЫХ, ЧЕРНАЯ Лариса

Год присуждения звания 1998

До войны жили по соседству и дружили две семьи – Уласиков и Левиных, белорусы и евреи. Делили общие радости и горести. Отец Наташи Уласик, рабочий-слесарь, по ложному доносу в 1938 г. был репрессирован и расстрелян... Левины, как могли, поддерживали Уласиков.

Когда началась война, обоих Левиных, врачей, сразу же призвали в армию. Троих маленьких детишек им пришлось оставить на попечение у бабушки.

Когда евреев стали сгонять в гетто, Юлия и ее дочь Наталья Уласик помогли Левиным спрятаться. Но соседи донесли в полицию, и еврейской семье пришлось переселиться в гетто.

Однажды ночью Владик Левин смог выбраться из гетто. Мальчик прибежал в дом Екатерины Голоцевич, которая много лет работала няней в семье Левиных. Он рассказал о тех издевательствах и мучениях, которым подвергаются узники гетто, о голоде и болезнях.

После этого каждый день Екатерина Голоцевич и Наталья Уласик стали приходить в гетто и приносить еду.

Через некоторое время Екатерине Голоцевич удалось достать поддельные документы для Ларисы Левиной, и белорусская женщина смогла забрать девочку из гетто.

До лета 1942 г. Владик и Лариса прятались в домах Голоцевичей и Уласик. А летом Екатерина с детьми ушла из города в деревню Зборск.

Однажды Владик и еще один еврейский мальчик, прятавшийся в деревне, решили пойти в лес и найти партизан. Но в лесу их поймали немцы и расстреляли.

После войны родители нашли Ларису Левину и вернулись в Минск. Екатерина Голоцевич продолжала жить в семье Левиных до самой смерти.

Праведники народов мира Беларуси. С. 94–95.

ГРЖИБОВСКАЯ-СЛЕПОВА Александра Спасенная ЦИММЕРОВА Татьяна

Год присуждения звания 1995

В 1941 г. Татьяне Циммеровой было чуть больше двух лет. Отец Тани, Марк Циммеров, был актером Еврейского государственного театра Беларуси, мать – Ольга Циммерова – работала в НИИ энергетики, а девятилетний брат Тани – Яков – учился в школе. Вместе с ними жила бабушка Ида.

Начало войны застало Марка Циммерова в Витебске, где гастролировал Еврейский театр. Вместе с театром он был эвакуирован в Новосибирск и на время войны утратил связь с семьей.

Ольга Циммерова вместе с детьми и бабушкой осталась в оккупированном Минске и в июле 1941 г. оказалась в гетто. Там же находилась и ее близкая подруга Лея Гуткович.

Александра Гржибовская до войны работала вместе с Ольгой Циммеровой и Леей Гуткович.

Когда подруги попали в гетто, Александра не оставила их и всегда старалась помочь, чем только могла: приносила и передавала им в гетто еду и, зная, насколько опасно там находиться, предлагала забрать к себе детей Ольги Циммеровой.

16 декабря 1942 г., когда полицаи, охранявшие гетто, патрулировали дальние участки, Ольге Циммеровой с помощью Леи Гуткович удалось передать двухлетнюю дочку Таню через забор из колючей проволоки Александре Гржибовской.

Соседям Александра сказала, что эта девочка – ее племянница.

Во время погрома все оставшиеся в гетто члены семьи Циммеровых – Ольга, ее сын Яков и бабушка Ида – погибли.

Чтобы избежать вопросов соседней о ребенке, Александра Гржибовская переехала из Минска в Гомель. Своих детей у Александры не было, и она заботилась о Тани, как о родной дочери. К концу войны Таня Циммерова носила фамилию своей спасительницы – Гржибовская.

В июле 1944 г., после освобождения Минска, отец Тани вернулся в город и стал разыскивать семью. Ему стало известно, что из всей семьи спаслась только Таня.

Марк Циммеров был знаком с Гржибовской еще до войны, и, узнав, что она находится в Гомеле, нашел ее и забрал дочь.

После войны Александра Гржибовская вторично вышла замуж и уже носила фамилию Слепова.

Таня много лет искала ее как Александру Гржибовскую, и только в 1993 г. – после рассказа Леи Гуткович в радиопередаче «Мост» истории спасения Тани – Александра Гржибовская-Слепова и Таня Циммерова нашли друг друга.

Праведники народов мира Беларуси. С. 42–43.

ЕВДОКИМОВА Мария Спасенный РЕВЗИН Федор

Год присуждения звания 1996

В далекие довоенные годы Мария Евдокимова была молодой, красивой, счастливой женщиной. Муж ее, начальник пограничной заставы, исправно нес службу. Рядом с ним подымались сыновья.

Война застала семью в Минске, куда она приехала к своим родителям. Отец сразу же ушел на фронт. Мать эвакуироваться не успела.

В город вошли фашисты. Что было делать? Ждать? Надеяться? Возможно, надо было ждать и надеяться, но Мария Петровна выбрала другой путь – бороться.

Дом ее был настоящей явочной квартирой подпольщиков – там хранилось оружие, боеприпасы, подпольная литература, скрывались спасенные военнопленные...

Там же нашел убежище еврейский мальчишка Федя Ревзин. Мария Петровна встретила его на улице – голодного, скрывавшегося от ужасов гетто, постоянно находившегося между жизнью и смертью – и приютила его у себя.

На квартире у Марии Петровны Федя прожил около месяца – срок огромный для войны.

В знак благодарности за спасение своей жизни и в память о героях-подпольщиках Гвидо и Борисе Евдокимовых – детей Марии Петровны, погибших в 1943 г., Федор Иделевич, ставший после войны скульптором, отлил памятники Борису и Гвидо, а также Марии Петровне, и установил их на могилах героев-подпольщиков.

Праведники народов мира Беларуси. С. 58–59.

ЕМЕЛЬЯНОВА Евгения
Спасенный ЭЛЬТЕР Григорий
Год присуждения звания 1993

22 июня 1941 г. десятилетний Григорий Эльтер отдыхал в пионерском лагере под Минском. Отец ушел на фронт, а мама с младшим сыном, так и не дождавшись Григория, эвакуировалась на одном из последних поездов, уходящих из Минска.

Григорий вернулся в город и нашел только бабушку. У нее он стал жить. Когда фашисты стали загонять евреев в гетто, мальчик вместе с бабушкой и другими родственниками оказался там.

В гетто часто приходила врач Евгения Константиновна Емельянова, носила передачи для своей знакомой, которая жила в одном бараке с Гришей и его бабушкой. У Емельяновой был сын одного с Гришей возраста, который пропал во время первых налетов фашистской авиации на Минск.

Евгения Константиновна уговорила Гришину бабушку разрешить ей забрать мальчика, и 16 декабря 1941 г. он перебрался к ней. Свою бабушку, оставшуюся в гетто, Гриша никогда больше не видел.

Все время оккупации Эльтер жил по документам пропавшего сына Емельяновой. Соседям же сказали, что Гриша — племянник, приехавший из деревни.

Родители Евгении Константиновны Емельяновой, которые жили вместе с ней, относились к Грише, как к внуку.

В 1944 г., после освобождения города, мальчика нашел родной отец.

Праведники народов мира Беларуси. С. 22.

ИГРУША Виктор Ульянович
Спасенный СТЕЛЬМАН Женья
Год присуждения звания 1996

Семья была у нас небольшая: отец, мать, я и младшая сестра. Отец до войны работал бухгалтером в облфинотделе. Мама не работала.

В самые первые дни войны, когда Минск очень сильно бомбили, отца ранило, и родители с сестренкой не смогли уехать. В то время мы с моим другом Женей Сельманом были студентами второго курса политехникума, и как раз перед войной, в мае, нас отправили на практику в Могилевскую область.

После объявления войны мы сразу решили вернуться в Минск. Впятером (четверо студентов – я, Женья, Толик, Леня и инженер) добрались до Осиповичей, но началась бомбежка, и отступавшие войска повернули нас в сторону Москвы.

Мы дошли до Березины, где скопились войска. Их бомбили, и мы решили вернуться назад. По дороге слышали шум моторов, и вскоре к нам подъехали немцы на мотоциклах. Пулеметчик, сидевший рядом с водителем, вытащил пистолет. Я первым шел, по телу пробежала дрожь. Он спросил, нет ли у нас оружия. Проверил карманы, котомки. А в это время мимо нас по дороге двигались танки, бронетранспортеры, мотоциклисты, немецкая пехота. После этой встречи мы решили сойти с дороги в лес.

Долго шли через лес и вдруг под деревом увидели вещмешок. Открыли его, а там бритва, машинка для стрижки, где-то килограмм селедки, две буханки хлеба и вермишель. Хорошая находка, а главное – вовремя. К тому времени мы уже порядком проголодались.

Добравшись до деревни, где жила тетка Толика Малькевича, мы с ним остались у нее. Все остальные, в их числе и Женя, решили вернуться в Минск. Тут же стоит сказать, что в деревне мы пробыли недолго и скоро присоединились к ребятам.

Вернувшись в город, Женя узнал, что мать и сестра уехали в эвакуацию. Отец его еще до войны погиб – попал под трамвай. Мать работала в магазине НКВД и вместе с работниками эвакуировалась. Женя сначала остановился у нас. Через некоторое время переселился к каким-то своим родственникам.

Через город шли колонны наших военнопленных. Это было ужасное зрелище: людей вели вдоль проспекта, на ходу расстреливая и оставляя горы трупов за собой. Гнали с лета до самых морозов. Все худые, страшные, небритые. У завода им. Мясникова была канава, сейчас ее засыпали, забор поставили, а тогда немцы сбрасывали в нее трупы. Пленные, шедшие в конце колонны, прыгали в эту яму, вырывали у трупов внутренности и ели. Страшнее я ничего не видел.

В то время уже было создано гетто. И Женя, конечно, оказался там вместе со своими родственниками. Бывало, приходил к нам. Мама и я, также через проволоку около еврейского кладбища, заходили в гетто. Когда начались погромы, Женя сбежал и пришел к нам. Куда ему еще было идти? Мы тогда жили на Грушевском переулке, около товарной станции.

До войны семья Жени жила рядом. Вместе с ним мы учились и с третьего класса сидели за одной партой. И в техникум с девятого класса пошли вместе. Он даже чаще бывал у нас, чем дома. Его настоящее, еврейское имя было Сюта. Женей его звали уже на русский манер.

Я нашел школьного товарища, у которого были связи в управе, и Жене сделали татарский паспорт на имя Серафимовича Евгения Иосифовича. Почему именно татарский? Потому что татары тоже делают обрезание мальчикам. Он не был сильно похож на еврея, курносый такой был. Паспорт – хорошо, но соседи-то знали, что Женя – еврей. Тем более, среди них появился один полицаи. Совсем мальчишка, только вчера со школьной скамьи. Мы побаивались. Надо было спрятать. Моя мама договорилась с бывшей женой дяди, которая жила на Цнянской, и наш друг попал к этой женщине. Там уже было легче скрываться.

Потом Женя устроился работать, уже по своему новому паспорту. Работал на железной дороге за мизерную зарплату и часто сбегал. В марте 1943 г. парня арестовали за саботаж и направили в тюрьму, а потом – в концлагерь Малый Тростенец. Из Тростенца его посылали работать на кирпичный завод. Как-то оттуда прибежал мальчик и передал, что Женя просит прийти к нему. Мама собрала продукты и отправила с этим мальчиком сестру. Потом и я, и мама ходили к Жене.

Моя мама договорилась о переводе Жени на скотный двор, где было легче работать. Оттуда Женя сбежал и опять скрывался у нас и наших родственников. Позже снова устроился на работу, где его случайно опознал охранник из Малого Тростенца. И опять СД, тюрьма, допросы, а потом – в Тростенец.

В конце концов, в 1944 г. всех заключенных Малого Тростенца отправили в Германию, в город Шлезберг. Женя попал к бауэру, крестьянину. И работал на него до освобождения. Когда пришла наша армия, никто не верил, что Женя еврей. Он рассказал, что в Минске у него знакомые, друзья, которые могут подтвердить это. Пришел запрос, мои родители (я сам тогда уже служил в армии) дали подтверждение.

Мать Жени, вернувшись с сестрой из эвакуации, сразу пришла к моей маме, чтобы узнать, как погиб сын. Она была уверена, что он погиб. И долго еще не могла поверить, что увидит его снова.

...На перекрестках судеб. С. 47–51.

КАЛИНИНА Мария и ФИЛИПОВИЧ Михаил Спасенные: ОЗЕРСКИЙ Борис, ШЕХМЕЙСТЕР Маня, ВЕЙНЕРОВИЧ Борис

Год присуждения звания 1997

С первых же дней фашистской оккупации минчанка Мария Калинина стала подпольщицей. Она вошла в состав подпольной группы, созданной в гараже городской управы, которой руководил Арнольд (Фриц) Фридрихович Арндт.

Подпольщики добывали для партизан оружие, боеприпасы, бензин, медикаменты, совершали диверсии.

Мария Калинина не только сражалась с врагом, но и спасала жизни многим людям. Среди них было немало узников Минского гетто – взрослых и детей.

Калинина спасла Зяму Озерского (в ноябре 1943 г. он был расстрелян одним из отрядов Армии Крайовой в составе группы партизан отряда № 106), его брата Бориса Озерского, их мать Рахиль Ефимовну.

Среди спасенных Марией и ее мужем Михаилом Филиповичем – Борис Вейнерович, Маня Шехмейстер. Позднее под чужими документами их приняли в детский дом.

В 1943 г. фашисты арестовали Марию Калинину и Михаила Филиповича. Пройдя сквозь тюрьмы и концлагеря, они вернулись в Минск только в октябре 1945 г.

С большими трудностями разыскивали собственных детей в детдомах Белоруссии и России.

Праведники народов мира Беларуси. С. 81–82.

КОВЗУС Мария Спасенные: семья ПУЧИНСКИХ

Год присуждения звания 2000

Мария была замужем за Абрамом Копелевичем. Это была счастливая семья. Росли трое детей. Старшему было шесть лет, младший еще не умел самостоятельно ходить. Потом грянула война. Абрам Моисеевич погиб в 1942 г. В Минском гетто оказались родственники мужа, его сестра – Геня Пучинская, ее сын Яша – 13 лет, ее дочь Неля – 5 лет. Мария, как могла, помогала им, приносила еду. Она жила в Минске по улице Революционной.

Яков хотел уйти к партизанам. Он бежал из гетто, пробыл в лесу несколько месяцев, но в отряд его не взяли. В Минске он вернулся к Марии. В октябре 1943 г. Яков предпринял новую попытку попасть к партизанам и оказался в отряде Зорина.

Геня Пучинская погибла, совершая побег из гетто.

Праведники народов мира Беларуси. С. 121.

КРЕЗО Анна и ее дочь СОЛОВЬЕВА Надежда

Спасенный РУДЕРМАН Леонид

Год присуждения звания 2000

Надежда Крезо до войны училась в Минском юридическом институте. Среди ее однокурсниц и подруг было немало еврейских девушек. И после оккупации Минска Надежда поддерживала связь со своими подругами. Однажды одна из них попросила Надежду спрятать сына ее двоюродной сестры Леи Самуиловны Рудерман. Так маленький Леонид Рудерман оказался в семье Надежды Крезо и ее матери – Анны.

Лея Самуиловна ушла в гетто, оставив два письма, завещанные сыну. Она догадывалась, что больше никогда не увидит его, и хотела, чтобы сын хотя бы из писем знал, кто были его родители. Лея Рудерман погибла в гетто. Позже Анна и Надежда узнали, что погиб и отец мальчика. Они оставили Леню у себя. В 1945 г. Анна Крезо была назначена его опекуном.

Праведники народов мира Беларуси. С. 113.

КУХТА Юлия Яковлевна

1913

Спасенные: ДВОРКИНЫ Алик и Марик

Год присуждения звания 1999

Родилась я в 1913 г. Потом мне в паспорте прибавили несколько лет. Это мне дядя сказал. Осталась без родителей рано. Не помню ни матери, ни отца. Мать умерла, у отца осталось четверо маленьких детей. Был, кроме нас троих, сын от первой жены – Ваня, потом шла я, Евдокия и Тимофей. Мы жили в деревне Кривое Село под Бешенковичами Витебской области. Теперь этой деревни нет, в войну много людей погибло, потом старики поумирали. Мама умерла, когда мне было лет пять. Отец взял новую жену. Потом умер отец, и мы остались с мачехой. А кому четверо детей надо? Когда был жив отец, она его женой считалась, а потом ее наши деревенские выгнали, потому что за нами совсем не смотрела, мы ходили голодные, раздетые, спали на полу. При отце было богатое хозяйство: и лошади, и коровы, и свиньи, а она со своей сестрой все это растранила.

Потом Ваня женился – нам в дом нужна была хозяйка. Но до этого мы успели натерпеться горя. Голод был страшный в тридцатые годы. Все голодали, а мы тем более. Мне, помню, было лет пятнадцать, я не могла выйти на улицу, вообще нечего было надеть. Вскоре после того, как Ваня женился, я ушла в Бешенковичи. Там жила моя двоюродная сестра с мужем, поселилась у них. Устроилась посудомойкой в столовую. На другую работу я бы не устроилась,

ведь даже в школу не ходила. Я почти неграмотная. Тогда же и познакомилась с Дворкиными, с Липой Соломоновичем и Саррой Борисовной. Они были врачами, закончили в Минске мединститут и работали в Бешенковичах. Я устроилась к ним домработницей. Потом они, как отработали, собрались опять в Минск, где жил отец Сарры Борисовны. Предложили мне поехать с ними, сказали, что помогут устроиться на работу и что пожить я смогу у них. Так мы вместе и поехали. Я осталась жить с Дворкиными – помогала по дому и смотрела за детьми – только родившимся Аликом и семилетним Мариком. Это был 1940 год.

Как началась война, появились сразу самолеты немецкие. Мы пошли за город, в Тростенец. С нами отправились сестра Сарры Борисовны Аня с мужем Феликсом, поляком. Вышли из города, и сразу налетели немецкие самолеты. Стали бомбы бросать. Все разбежались в разные стороны. Тогда мы и потеряли Сарру Борисовну. Она побежала вперед, думала, наверное, что мы там, мы же остались лежать. А муж ее сестры, поляк, говорит, что, мол, никуда не пойдем – ни в деревню, ни в лес, будем, говорит, помирать дома. Вернулись в Минск я с детьми, их дед, тетя Аня со своим мужем и ребенком. А Липа Соломонович до войны был в командировке где-то и оттуда попал на фронт. Погиб в первые дни войны, мне рассказали потом, что в машину, на которой он ехал, попала бомба.

Дворкины жили на Красноармейской улице, но дом разбомбили, и мы переехали на улицу Полярную. Дети были со мной.

Через месяц все евреи пошли в гетто. Сестра Сарры Борисовны с отцом взяли с собой и Алика с Мариком. Алику тогда исполнилось одиннадцать месяцев. Немцы всех евреев согнали в это гетто, просеивали, прямо как через сито.

Я сначала забрала Алика, а потом и Марика к себе. Подумала: что там с ними будет... Мне некоторые люди говорили, чтобы я Алика отнесла куда-нибудь в подъезд и под дверь положила. Но я этого не сделала, я его любила, как собственного ребенка. Я не могла так сделать. И три года прожила с этими детьми.

Евреев из гетто гоняли на работу. Выстраивали в шеренги, по бокам шли немцы с оружием. Дед работал на каком-то заводе и однажды оттуда не вернулся, Аня, тетка, погибла из-за своего мужа. Прошел слух, что если жену-еврейку стерилизуют, то она может жить со своим русским мужем. Он в это поверил, написал бумагу. Указал там адрес, Анину фамилию. Ее схватили полицаи, отправили в тюрьму, а потом и расстреляли, видимо.

Один раз в гетто я попалась. Передавала Ане корзинку с едой и только отошла от проволоки, как наткнулась на полицейских. Полицейские схватили меня, расспрашивали, к кому и зачем ходила. Я сказала, что носила картошку обменять на обувь. Тогда многие, кто посмелее, так делали, – в гетто жили гамбургские евреи, у них имелись хорошие вещи и обувь. На мне были старые прорезинки, все порванные, торчали пальцы. Отвели меня в какую-то хатку и закрыли. А дети одни дома. Я сидела там и все думала, что делать, как выбраться. Вдруг открывается дверь, и заходит толстый пузатый немец. Сел. И давай через переводчика меня расспрашивать. Выслушал. Посмотрел на мои ноги и... велел полицейским отпустить меня.

После того как все родственники мальчиков погибли, я забрала Марика. Дала ему какой-то узелок в руки, он пошел одной дорогой, я другой. По дороге мальчишки отобрали у него этот узелок. Я сначала отвела его в Ратомку, где жила родственница Лоскутовых, родственница мужа Ани. Он побыл там недолго, и я его взяла к себе.

Детей надо было кормить. За стеной у меня жила старушка, которая работала на мясокомбинате у немцев. Я у нее пол мыла, еще что-то делала, а она мне то косточки какие принесет, то обрезочки. Так жили. Купила картошки несколько мешков. И этим питались. Я устроилась на кухню в немецкий госпиталь. Нас было девять женщин. Картошку чистили, свеклу, лук. Помню, принесут лук, мы пару луковиц возьмем – и на хлеб вместо масла. Было очень вкусно. Немцы резали наших коров без конца. Мясо использовали, а кишки, желудки выбрасывали, а мы их делили и забирали домой. И кур они любили, нам доставались шеи с головами и лапы. Еще помню, холодное какое я варила! На работу бидончик приносила, на дно картошки положу, а сверху супом заливала. Так все делали, суп нам разрешали брать, он был травяной, никто из раненых немцев его не ел. Немцы особенно не проверяли. А если бы подняли эту траву, а там была бы картошка, то плохи были бы наши дела. И хлеба нам давали немцы немного.

Я берегла детей, верила, что кто-нибудь из родителей все-таки вернется: или отец, или мать. Многие знали, что дети эти нерусские. Стоило только пальцем показать, и все. Алик то был маленький, не разобрать, а Марик – черненький и кучерявый. Я его всегда коротко стригла машинкой. А потом надевала платочек. И больше дома сидел, я ему наказывала на улицу не выходить.

Обоих ребят отвела я в церковь и покрестила, чтобы иметь метрики, по которым можно было получить паек. В метрике Марика было записано Кухта Марк Иванович. Эти метрики не сохранились.

Пострадали мы очень от бомбежек. Три года по ночам наши бомбили город. 1 мая 1942 г. всю ночь так бомбили, что дома все покривились. Во дворе, в десяти метрах от дома стоял длинный деревянный сарай. Бомба попала в сарай. А у нас все стекла вылетели, двери перекошились. Все соседи с детьми сбежались на первый этаж. Сбились в кучку и ждем. Накрылись какими-то одеялами. А бомбы все взрываются вокруг! Страху было!

На Пулихова у нас была очень хорошая соседка, Ольга Степановна, поддерживала меня морально. Потом она с сыном и дочкой ушла в партизаны. Я так за них переживала. Единственный по-настоящему близкий человек был. Дочка ее, Галя, часто ко мне уже на Ивановскую приходила. Как-то пришла, одетая по-деревенски, платок с кистями на голове повязан. И сумка тяжелая. «Юля, – говорит, – дать тебе конфетку?» А «конфетка» эта взрывалась... Я не могла, на мне двое детей было, как я могла? Погибла Галя ужасно. Ехала немецкая подвода с обмундированием, Галя ее случайно увидела и решила убить сопровождающего немца и забрать в отряд обмундирование. Но тут подъехала немецкая машина, и ее на месте расстреляли.

Как-то зимой, то ли в 1942, то ли в 1943 г., вечером – дети уже спали – вдруг открывается дверь, и заходят два немца, патрульные, наверное, я перепугалась страшно... Но они только проверили мой «аусвайс», выдавали такие всем работающим. А на кухне и в коридоре было развешено немецкое белье, которое соседка стирала, поэтому они у нас особенно не смотрели.

Так мы прожили три года, и наконец-то наши освободили Минск. Уже после освобождения город стали бомбить немцы.

Было два больших немецких налета. Первый – на наш район, где находилось бомбоубежище. Все люди побежали туда, а мы с соседкой спрятались в огороде, накрыв себя и детей какими-то вещами. Бомбоубежище вмещало человек двести, немцы знали, где оно находится, и бомбили его по-страшному. Бетонный фундамент не выдержал и провалился, придавив всех людей.

После освобождения нашлась мать Алика и Марика. Она, как оказалось, добралась до Могилева и была отправлена в глубокий тыл. На каком-то заводе работала врачом. Алику уже три года было, он ее совсем не помнил. Считал мамой меня, а от нее убежал. Когда Сарра Борисовна приехала, она думала, что все живы: и отец, и сестра.

После войны я устроилась работать в аптеку. Работала уборщицей и всякие другие поручения выполняла – ездила по аптекам за лекарствами, фасовала порошки. Тридцать лет проработала там. Жила вместе с Саррой Борисовной и мальчиками. Когда они уже постарше стали, она вышла еще раз замуж, и я осталась с Мариком и Аликом. И так жила с ними, пока не получила в 1973 г. квартиру.

Да и сейчас они меня не бросают, помогают, в гости приходят.

Марк Липович Дворкин (Марик) рассказывает: «Нам для эвакуации дали лошадь и большую телегу. Немцы уже подходили к Минску. Мы и все Лоскутовы погрузились в эту телегу. Детей посадили, а взрослые пошли впереди. Подъехали к переезду у поселка Коминтерн. В этот момент шел поезд, и шлагбаум закрыли. А мама перешла дорогу. Началась немецкая бомбежка. Поезд прошел, а маме кто-то сказал, что белая лошадь поехала вперед, и она пошла дальше, а мы остались на месте и искали ее. Мама дошла до Могилева. А мы вернулись в Минск. Наши родственники, поляки, говорили, что надо вернуться, что немцы тоже люди, пережили же войну 1914 г., и ничего страшного не было. И они настояли на возвращении. Вернулись мы к ним в дом, на Ивановскую, потому что наш разбомбили. Потом было объявлено, что еврейское население Минска должно переселиться в отдельный район. Его огородили и назвали гетто. Я ходил туда-сюда под проволокой, полицейский отвернется, я пролезу и бегом к Юле. Однажды дед ушел на работу и не вернулся. Я подошел к заводу «Большевик», где он работал. Там стоял немец, который меня уже несколько раз видел, и сказал: «Вэк! Вэк! Гроссфатер капут!» После этого я уже стал жить у Юлии. Потом произошла та история, когда немцы объявили, что у кого жена-еврейка, то надо привести ее в гестапо, и... А она, тетя Аня, до войны была парторгом стекольного завода, коммунистка, да еще еврейка. У нее были все грехи, какие только можно было придумать. Муж ее отвел, и больше она не вернулась. Мы этого во время войны, конечно, не знали. Потом уже, случайно, проведали. Феликс, ее муж, носил кожаную куртку нашего отца, я уже подрос и тоже ее надевал. Как-то засунул руку в карман и нашел документ – заявление о том, что он просит принять его жену и тому подобное.

Рисковали мы каждый день и каждую ночь. Когда были бомбежки, Юля хватала нас, хватала свою приготовленную сумку, и мы бежали в яму, которая была специально выкопана для этого на огороде.

Мама в Чкалове работала на военном заводе и сразу после окончания войны написала письмо в Минск, в военкомат, попросив разыскать ее семью. Указала наш адрес и адрес Лоскутовых. Так она нас и нашла.

Я ее помнил, а Алик и не знал. Помню, шла она как-то с красным портфельчиком. Ему говорят: «Вон идет твоя мама». А он прячется и говорит: «Нет, моя мама Юля». Плачет и убегает.

...На перекрестках судеб. С. 88–95.

ЛОПАТИК Владимир и Мария, их сын Владимир Спасенная КУЛЬЧАЕВА Галина

Год присуждения звания 2002

За неделю до начала войны Галина со своими двумя маленькими дочерьми (Аней – 2,5 лет и Софой – 8 месяцев) приехала навестить своих родителей в город Узда.

Во время акции 17 октября 1941 г. фашисты расстреляли родителей и двоих маленьких дочурок Галины Релькиной. Галина и сама стояла у края расстрельного рва, и только бесстрашный побег большой группы узников дал ей шанс на жизнь. Спустя месяц скитаний по дремучему Негорельскому лесу она пришла в Минск и узнала, что здесь в гетто расстрелян ее муж и его родители. Галина Релькина связывается с подпольщиками и начинает выполнять их задания. Она мстит оккупантам за смерть семьи. Подпольщики изготовили для Гали паспорт на имя русской женщины. Это дало ей возможность беспрепятственно ходить по городу. Но потом случился провал. В условленном месте она не встретила своей давней знакомой Анной Романенко, которая связала ее с подпольщиками. Не знала Галя, что после ухода группы Фельдмана в лес гестаповцы выследили оставшихся в городе подпольщиков и многих арестовали.

Возвращаясь в гетто, Галина встретила довоенного знакомого Владимира Лопатика. Он торопливо сказал:

– В гетто нельзя. Там облава. Идемте к нам...

Так она оказалась в доме на улице Горбарной, 9, где жила семья Лопати-ков. Этот дом на долгие месяцы стал для молодой еврейской женщины надежным убежищем. Дети Владимира Владимировича – Владимир, Виктор и Тамара, его жена Мария Андреевна, вся семья стала родной на всю жизнь. Летом 1942 г. по их совету и с их помощью Галя Релькина ушла в родные Узденские леса, где была принята в партизанский отряд «Буревестник». Галина выполняла особые поручения, ходила на связь в Минск. И, приходя с заданием в город, останавливалась в доме у Лопати-ков.

Сейчас Галина Релькина-Кульчаева живет в Нальчике.

Праведники народов мира Беларуси. С. 137.

ЛУКЬЯНОВИЧ Никита и Софья, их дочь Светлана Спасенная РАБИНОВИЧ Наташа

Год присуждения звания 2000

Семья Лукьяновичей помогала маленькой Наташе Рабинович. Когда проводилась акция по уничтожению евреев в Минском гетто в июле 1942 г., немцы гнали по городу колонну евреев к месту казни.

Среди несчастных была мать с двумя дочерьми – двухлетней Наташей и ее сестренкой семи лет. По пути женщине удалось вытолкнуть младшую на тротуар. Оказавшаяся свидетельницей этого ужасного шествия Софья Лукьянович без раздумий забрала девочку и скрылась с ней в толпе. Наташу выдали за близкую родственницу, а сама она называла Софью и ее мужа – мамой и папой, а их дочь Свету – сестрой.

После войны настоящий отец вернулся с фронта в звании генерал-майора, разыскал Наташу.

Праведники народов мира Беларуси. С. 122.

КРЕЩЕНОК Михаил Гаврилович

1904, г. Новозыбков – 19.09.1951, г. Минск

КРЕЩЕНОК Анна Тимофеевна

8.03.1909 – 27.11.1992, г. Минск

Спасенная СМИРНОВА Вера

Год присуждения звания 2009

Начиная с 60-х годов по всему Советскому Союзу проходили встречи бывших узников «Освенцима», на которых Вера всем рассказывала о том, как мы встретились в этом концлагере. Эта история была всем уже известна, но она, тем не менее, повторяла ее вновь и вновь.

Работала Вера в парикмахерской и каждый раз, когда я приходила к ней, она рассказывала своим коллегам о нашей встрече в «Освенциме».

До войны мы с ней жили рядом, учились в одной школе и все перемены проводили вместе.

Во время оккупации, та часть города по улице Немига, в которой проживала я, оставалась русской стороной, а в той, где жила Вера Смирнова – находилось гетто, где постоянно происходили погромы. Эти бесчинства фашистов происходили на наших глазах. Вера иногда убегала из гетто и приходила к нам. Она часто вспоминает эти случаи, когда моя мама прятала ее и делилась всем, что было в нашем доме.

Потом наша семья вынуждена была выехать из Минска, так как нас подозревали в связях с партизанами. Вера тоже ушла в партизаны и связь с ней оборвалась.

Затем меня арестовали и вывезли в концлагерь «Освенцим». Потом я узнала, что повторила путь Веры Смирновой: сначала – тюрьма, потом – концлагерь. Когда в лагере я ее увидела, то очень обрадовалась, а Вера, наоборот, испугалась. Дело в том, что никто не знал, что она еврейка – знала об этом только я. Всех евреев уничтожали в крематориях. Вскоре я поняла, почему она испугалась. Мы об этом никогда не говорили, но по ее глазам я понимала,

чего она боится. Я даже своим подругам не могла сказать, откуда я знаю Веру и кто она такая. Даже во сне я боялась проговориться.

Когда я попала на рефир (госпиталь) по подозрению на тиф, ко мне приходила Вера и как могла поддерживала.

Теперь, когда она мне звонит и, плача, вспоминает те страшные времена, я ей всегда говорю: «А как бы ты поступила со мной, если бы я была еврейка, а ты – русская?».

18 января 1945 года началась эвакуация из «Освенцима», так как наши войска подходили ближе к лагерю, и уже 27 января лагерь был освобожден. Тех, кто мог идти, погнали дальше, т.е. в Германию, и мы опять оказались вместе с ней в концлагере «Равенсбрюк», затем – в концлагере «Нойнштадт». Нас освободили 2 мая 1945 года, после чего наши дороги разошлись.

И вот теперь, спустя столько лет, Вера говорит мне: «Почему ты меня не выдала, ведь мои муки были бы позади». Я знаю, что ее семейная жизнь сложилась не совсем удачно, и в минуты отчаяния она плачет и говорит, что жить не хочется, и снова повторяет: «Почему ты меня не выдала?».

Вот такие наши дела. Наверное, хватит. Я ее очень люблю и жалею. Но чем я могу ей помочь? Только словом, как могу, поддерживаю. Я тоже сейчас буду плакать, поэтому хватит. Я рада, что Вера жива, а совесть моя чиста.

Валентина Макарова.

Минск, 2009.

** Документы о присвоении звания Праведника народов мира Макаровой (Крещенок) Валентине Михайловне направлены в Яд–Вашем для рассмотрения и принятия решения.*

МАКРУШИЦ Надежда

Спасенные: ВЕЙЦМАН Елизавета и ее сын Иосиф, АФОНСКАЯ Татьяна, ИДКИНА Ирина и ее мать

Год присуждения звания 2003

До войны Надежда Макрушиц жила в Минске вместе со своей дочерью Татьяной и ее мужем Максимом (Максом) Эдельманом. В первые дни войны их дом был разрушен во время бомбежки, и все трое перешли в дом своих родственников Трусевичей (которые успели эвакуироваться).

Когда фашисты начали преследовать евреев, в этом доме скрывались пять человек (Идкина со своей дочерью Ириной, Елизавета Вейцман с сыном Иосифом и Татьяна Афонская) – все довоенные знакомые Надежды. Здесь прятался и Макс Эдельман (еврей по линии отца). Надежда работала главной медсестрой в больнице № 2 г. Минска. Она сохраняла документы умерших больных, в дальнейшем снабжая ими евреев и советских военнопленных.

В декабре 1941 г. Надежда Макрушиц была арестована гестапо прямо на рабочем месте. В том же месяце она была казнена. Ее дочь вместе с мужем убежала из Минска, и до конца оккупации они находились в Западной Белоруссии. О судьбе евреев, скрывавшихся в доме Макрушиц, ничего неизвестно. После ее смерти они покинули дом.

Праведники народов мира Беларуси. С. 146–147.

МАНОВЫ Александр и Маргарита Спасенная РОЗЕНТАЛЬ Муся

Год присуждения звания 1996

Война застала Мусю Розенталь в пионерском лагере, где она работала пионервожатой. Кругом говорили, что беспокоиться не о чем, врага скоро разгромят и не надо уезжать из лагеря.

В Минск Муся вернулась только в начале июля. Родителей она найти не смогла, дом был разрушен. Муся встретила подругу Ирину Манову, и та пригласила ее к себе домой. До августа 1941 г. Муся жила в семье Мановых, а потом, чтобы не подвергать опасности этих людей, ушла в гетто. Но семья Мановых продолжала ее поддерживать. Ира часто пробиралась в гетто, приносила еду, предупреждала о погромах.

После облавы 2 июня 1942 г. Муся пришла в семью Мановых. Ирина, родители Александр и Маргарита оставили 19-летнюю еврейскую девушку жить у себя в доме. Мусе достали «русский» паспорт.

Александр и Маргарита относились к Мусе, как к своей дочери. Однако все понимали, какая опасность угрожает им. В сентябре 1942 г. Муся перекрасилась в блондинку и ушла на восток. Она добралась до Смоленской области. В 1944 г. немцы за помощь партизанам отправили Александра и Маргариту Мановых в концлагерь «Азбрук».

После освобождения Минска вернулась в город Муся Розенталь. Она нашла чудом выжившую во время оккупации Ирину. Они поехали жить в Мозырь к родителям Муси. А потом вернулись в Минск из концлагеря родители Ирины – Александр и Маргарита Мановы.

Праведники народов мира Беларуси. С. 62.

МАРИНЕНКО Надежда Спасенная ВАЙНГАУЗ Соня

Год присуждения звания 1996

Когда началась война, Соне Вайнгауз было 15 лет. В первых числах августа 1941 г. вся ее родня, в том числе и она, были загнаны в Минское гетто.

В доме, расположенном напротив гетто, жила Надежда Мариненко с годовалой дочкой. Однажды Соня, преодолев проволочное ограждение, прибежала в дом Надежды с просьбой обменять вещи на продукты. Так состоялось знакомство Надежды Мариненко и Сони Вайнгауз.

В ноябре 1941 г. во время погрома в гетто Надежда прятала Соню у себя дома четыре дня, а в марте 1942 г., во время очередного погрома она спрятала девочку у себя в погребе, кормила ее, ухаживала за ней, пока все не утихло. В этом погроме погибли все родные Сони. Сама же она осталась жива благодаря Надежде Елисеевне.

Спустя некоторое время Соне удалось достать паспорт на имя Софии Судникович. Не задумываясь о грозящей опасности, Надежда договорилась с двумя женщинами из Западной Белоруссии и отправила с ними Соню в Раков, а от туда в Ивенец, к своей знакомой. Там Соня жила до 1948 г.

Праведники народов мира Беларуси. С. 62–63.

МАЧУЛЕНКО Людмила Иосифовна Спасенная КАЗАКЕВИЧ Ася

Год присуждения звания 1996

Я родилась в России, в Симбирске, но с раннего детства живу в Минске. Мой отец, Иосиф Адамович, работал на железной дороге, мама, Елизавета Леонтьевна, заведовала магазином. В нашей семье было четверо детей: два брата, которые погибли во время Великой Отечественной войны, сестра и я.

Сестра была замужем за евреем, одним из ведущих актеров еврейского театра – Борисом Фельдманом. Они жили возле железнодорожного вокзала. Когда началась война, муж был на гастролях с театром и не смог вернуться в Минск. Сестра осталась одна с четырьмя детьми: Родионом (1934 г. рождения), Фаиной (1935-го), Владимиром (1938-го), Юрием (родился 20 мая 1941 г.). У сестры были тяжелые роды, и она в то время очень плохо себя чувствовала.

Мы жили на Юбилейной площади, в самом центре будущего гетто. В нашем доме было двенадцать квартир, и только в трех или четырех жили русские семьи, остальные – еврейские. Во дворе говорили и на идиш, и на русском, вместе праздновали все праздники. Я до сих пор немного говорю на идиш, а тогда владела свободно. Ходила на все спектакли еврейского театра, водила с собой подруг, переводила для них. До войны я окончила первый курс физкультурного института. На второй уже не попала...

В июле 1941 немцы объявили о переселении евреев в гетто, и нам пришлось покинуть нашу добротную трехкомнатную квартиру и перейти во вросший в землю домик недалеко от еврейского кладбища на Втором Петровском переулке. До войны в нем жил портной Файтель с десятью детьми. Дом сестры сгорел в первые дни войны от бомбежки, и ее семья поселилась у нас.

Сестра носила фамилию Фельдман, дети – тоже, и, конечно, было опасение, что их могут выдать. Рядом с нами жила женщина, католичка, которая сдала в полицию жену своего брата, а через какое-то время – племянника, сына родного брата. И мы боялись, что на нас тоже донесут. Я даже слышала как-то разговор на улице, что у нас, мол, «еще четверо жиденят живут». За деток сестры страшно было. Но отец сказал, что если за ними придут, мы никого не отдадим, – подожжем дом и все вместе сгорим. В нашем доме было два выхода, и возле каждого стояла бутылка с керосином.

Мы с сестрой устроились работать на бывшую зеркальную фабрику, где в то время делали расчески и гребни. Я работала уборщицей, но вскоре меня уволили по сокращению. Жили трудно, особенно первое время. Запасов-то никаких. Был небольшой огородик, кое-что выращивали. Как сейчас помню, десятилитровая кастрюля со щавелем – и яйцо плавает. А едоков – полон дом. У меня тогда все зубы выпали из-за такого питания.

Кое-как устраивались. Папа начал клепать ведра, лейки. Он был мастер на все руки: сапожничал, крыши крыл, печки делал. Приезжали более зажиточные крестьяне из Западной Беларуси, привозили крупу, муку, масло на продажу. У нас часто останавливался один крестьянин. Папа мастерил для него ведра, а он расплачивался продуктами.

В гетто я бывала почти каждый день. Там оказались все мои подружки. Особенно я дружила с семьей Попковых, с моими ровесницами Розой и Ривой. Их старшая сестра имела уже троих детей, мать умерла до войны, а младшего

брата, Яшу, расстреляли в Дроздах в первые дни оккупации. Это был, наверное, один из первых массовых расстрелов евреев, в то время гетто еще не существовало.

До войны мы с Розой и Ривой смотрели фильм об издевательствах над евреями в Германии. Поэтому мы могли себе представить, что ожидает евреев в минском гетто. Но уходить было некуда, да и поздно. Их семья держала козу, и отец никак не хотел расстаться с ней. Получалось, что девочки не могли оставить отца, а отец – козу. Они попали в гетто и все погибли.

Я часто, пробираясь огородами, ходила к ним, носила продукты. Вместо латы какую-нибудь желтую бумажку прикалывала и шла. Идешь по гетто – вокруг люди: с опущенными головами, ни во что не верящие, ни на что не надеющиеся. Видела я и западноевропейских, как их тогда называли, «гамбургских», евреев. Когда их привезли на товарную станцию, иноземцы все спрашивали, где пристань: думали, что будут отправлены в Америку. Они сильно отличались от наших педантичной чистоплотностью. Живя еще более скученно, чем другие жители гетто, умудрялись каждое утро просушивать постельное белье. Продавали свои вещи нашим евреям за какие-нибудь продукты.

Однажды Роза решила меня проводить из гетто. На улице Флакса нас поздравил немец. Посмотрел на меня, на Розу и спросил мой паспорт. Полистав его, сказал, что Людмила – красивое имя. «Ну, все, – говорит, – тебе конец». Я была за себя спокойна, волновалась за Розу. Меня немец продержал минут сорок, потом отдал паспорт и отпустил, сказав напоследок, чтобы я больше не показывалась в гетто. А Роза осталась на том же месте. Весь остаток дня и всю ночь я переживала, что с подругой. Оказалось, что после моего ухода подошел еще немец, и они повели Розу домой. Семья выкупила ее, отдав все ценное, что еще оставалось.

Однажды перед христианской пасхой я чуть сама себя не погубила. Нам привезли из деревни кое-какие продукты. Мы начали готовиться к празднику, и вдруг – облава. К нам зашел немецкий солдат и начал говорить что-то о скорой победе. А я в ответ ему: «Наполеон тоже побеждал...» Немец как будто не заметил сказанного мною. Посидел еще, съел яичницу и, обращаясь ко мне, сказал, что сейчас придет офицер, и я должна буду пойти с ними. По-видимому, забирали молодых на какие-то работы. Набравшись смелости, я ему заявила: никуда не пойду, и пусть он передаст своему начальству, что в этом доме только маленькие дети. Немец вышел. Через окно мы видели, как, подойдя к офицеру, он что-то сказал, после чего оба удалились. В эту облаву с нашей улицы забрали только одного мужчину.

Из гетто к нам часто приходили люди. Перекусят, переночуют и уходят дальше. Партизаны тоже бывали. В нашем доме долго жила одна связная, которая до войны работала вместе с мамой. Однажды эта женщина принесла откуда-то две бутылки с ядом и попросила спрятать. Позже этим ядом в Заславле, где стояла немецкая часть, отравили офицеров.

Несчастий вокруг происходило много. Мы старались лишний раз не выходить на улицу – было небезопасно. Мамину подругу, которая подделывала документы военнопленным, повесили – кто-то донес. А самое страшное я видела однажды после погрома, проходя мимо еврейского кладбища. К нему подъехали две телеги с трупами, которые начали сбрасывать. Один полицейский схватил мертвого ребенка за ногу, ручки его опустились и еще пару секунд трепыхались...

Диплом Праведника я получила за спасение Аси Казакевич. Эту девушку и ее семью я знала давно. До войны у нас была очень хорошая студенческая компания: я, Ася, ее брат Мотик, другие девушки и ребята. Мы очень хорошо проводили время, бывало, слушали анекдоты ночь напролет.

Однажды в гетто я встретила Асю, от которой узнала о гибели всей семьи Попковых. Рассказала она мне, что Мотик в первые дни войны ушел на фронт, ее старшую сестру с двумя детьми расстреляли немцы, в первом погроме погиб отец, и Ася жила со своим маленьким сыном, сестрой Соней, только окончившей школу, и матерью. Я стала к ним заходить, когда бывала в гетто, что-то приносила, меняла.

Печально сложилась судьба у Сони. После очередного погрома она пришла к нам, переночевала, и наутро я вывела ее из Минска. Дальше девушка отправилась к своей первой учительнице, которая жила у родственников где-то в районе Заславля. Соне удалось найти нужную деревню, учительница приняла ее. Но кто-то из деревенских выдал, что Соня – еврейка. Она попала в полицию, была изнасилована, и какой-то крестьянин выкупил ее. Через некоторое время Соня вышла за него замуж. Все произошедшее сильно повлияло на нее. После войны она с мужем и ребенком поселилась в Минске, изменила имя. Теперь ее звали Зиной, и вспоминать свое прошлое она боялась. Избегала встреч со старыми знакомыми, и даже с сестрой и братом. Все это мне потом рассказала Ася, единственная, кому Соня доверилась. Дети ее тоже ничего не знали о прошлом матери.

В 1942 г. был еще один погром. Собрали всех стариков и старух, в том числе и Асину мать, и расстреляли. Надо было решать, что делать дальше. Из гетто уже уходили всеми возможными путями, куда угодно, лишь бы спастись. Мы с Асей договорились, что она с сыном станет в рабочую колонну, выйдет из гетто и придет к нам. Ася прожила у нас неделю, а потом ушла к знакомым на Червенский тракт. Жить у нас было очень опасно: наш дом находился около гетто, и каждый день полиция устраивала облавы.

Позднее Ася нашла свою сестру, работала у кого-то по найму, а позже ее забрали в Германию. Ася так же, как и сестра, поменяла имя, стала Марией. И в Минск вернулась уже русской.

После войны Ася работала в какой-то конторе машинисткой. Ей всегда грозило увольнение, хотя она, как могла, скрывала и свое еврейство, и то, что была в Германии.

И только в начале 1990-х годов, когда начали собирать данные о евреях, побывавших в гетто, она попросила меня дать свидетельские показания и смогла без опаски рассказать о себе. Я помогла ей через суд восстановить настоящие данные, подтвердила, что она еврейка и была в гетто.

В то время Ассоциацию узников возглавлял Феликс Липский. Ася пришла к нему на прием и начала рассказывать о нас, а Липский и Иосиф Исаков задавали вопросы. Особенно подробно мужчины расспрашивали обо мне. Как потом оказалось, я была их учительницей в 42-й школе. Это мои выпускники 1955 г. Мы были в очень хороших отношениях.

Еще в 1992 г. мои документы были посланы в Киев, – Ася очень хотела, чтобы я получила звание Праведника. Но документы как-то затерялись. И только в 1996 г. я получила диплом и медаль Праведника народов мира.

В середине 1990-х Ася с дочкой и внуками уехала в Израиль, а ее сын – в Австралию. Последнее письмо от нее я получила давно, оно было очень сумбурным. Она писала, что совсем плохо. Потом несколько лет писем не было совсем, и я подумала, что ее уже нет в живых. Как я узнала позже, подруга действительно очень страдала, перенесла несколько тяжелых операций, долго лежала в больнице. Ей было не до писем.

В 1998 г. я была членом делегации Праведников, приглашенных в Израиль на празднование 50-летия государства. Из Беларуси нас было двое: я и Виктор Игруша. Программа была интересная и насыщенная. В каждом городе нас очень хорошо встречали. И на один правительственный концерт приехала Авива, жена бывшего израильского посла в Беларуси, с которой я была хорошо знакома: очень милая, внимательная женщина. Она выслушала меня и пообещала найти подругу. Благодаря Авиве мы с Асей и встретились.

Сколько было радости и слез при встрече! И, как в годы молодости, мы всю ночь напролет вспоминали пережитое...

...На перекрестках судеб. С. 96–102.

**НОВИЦКАЯ Татьяна и ее дочь ЗЮЛИКОВА Галина,
ПУТАН Леонид и его мать ПУТАН Юзефа
Спасенные: РУХОВЕЦ Ирина, ЮРКЕВИЧ Инесса**
*Место спасения: д. Гузголови, Минский р-н, Минская обл.
Год присуждения звания 1998*

Ирину Семеновну Руховец хорошо знали в довоенном Минске. Она работала начальником курортного отдела Совета Министров БССР. И поэтому укрыть ее от чужих глаз даже в многотысячном городе было особенно трудно и рискованно.

С Леонидом Путаном Ирина Семеновна была знакома давно. И когда гитлеровцы стали загонять евреев в гетто, Леонид, случайно встретив Руховец на улице, сам предложил:

– Приходи с дочкой. Спрячу.

Так Ирина Семеновна с Инессой оказалась в доме у Путана.

Семья Леонида Адамовича жила в двухкомнатном деревянном доме с палисадником и огородом. Путан сделал два тайника для Ирины Семеновны и ее дочки. Один – на огороде, другой – в доме. А вскоре к Леониду пришли Софья и Рива Своятыцкие, с которыми он вместе учился в школе, и попросили его спрятать. Леонид Адамович и его мама Юзефа не смогли отказать людям, попавшим в беду.

Но вскоре соседи начали поговаривать о каких-то посторонних людях, которые поселились у Путанов. Надо было срочно уходить из Минска. Все отлично понимали, как быстро такие слухи могут дойти до полиции и гестапо. Найдется немало желающих за рейхсмарки или другое вознаграждение сдать еврейскую семью фашистам.

Ирина Руховец с дочерью Инессой перебрались в деревню Гузголови Апчакского сельского совета Минского района. Здесь они прожили с конца 1941 г. до 1945 г.

Праведники народов мира Беларуси. С. 90–91.

ОСИПОВА Мария Борисовна, ОСИПОВА Тамара Яковлевна Спасенные: КРЕЧЕТОВИЧ, БРОМБЕРГ

Год присуждения звания 1995

Мы – моя мама Осипова Марья Борисовна, я и мой младший брат Юра – жили до войны около аэровокзала (сейчас это в районе улицы Чкалова, тогда она называлась Койдановским трактом). Рядом был Кузнечный переулок. Вот там мы и жили. В двухэтажном доме барачного типа на три подъезда. Квартирка была маленькой: две комнатки и кухонька. Моя семья занимала только одну комнату, в другой жила тетя Лида с маленьким сыном. Ее муж был на фронте, а старший сын жил в Ленинграде и попал в блокаду, но выжил, его вывезли. Моя мама окончила юридический факультет и работала в прокуратуре.

Вообще, хочу сказать, что для нас такого понятия, как национальность, не существовало. До войны мы не задумывались, кто какой национальности. Моя тетя жила в Заводском поселке, недалеко от Осиповичей, я часто бывала у нее, каникулы каждое лето проводила, и во время войны жила, и только тогда узнала, что многие из заводчан – евреи. Мы с ними дружили, встречались, но никогда не придавали значения каким-то различиям между нами. Никогда никто не говорил, что тот – еврей, а тот – китаец... Жили обычные люди в небольшом поселке, работали на стекольном заводе. Молва судила людей только по их поступкам, а не по форме носа и цвету волос. А происходившее во время оккупации просто не укладывалось в голову.

Когда началась война, мне было всего-то двенадцать лет. Отдыхала летом у тети Тани в Заводском поселке. Мама из Минска дала телеграмму где-то 24 июня, чтобы я ехала немедленно домой. О войне в поселке уже, конечно, знали, так как в первые дни были страшные бомбежки. Все было очень внезапно, все думали, что вот побомбят, и опять наступит обычная мирная жизнь. Моего шестилетнего брата Юру мама отвела в детский сад, с ним его успели эвакуировать.

Тетя меня посадила утром на поезд, через пару часов я уже была бы в Минске, и она мне ничего с собой не дала. До Тихановичей мы ехали... до вечера, состав все время останавливался: то бомбили, то десант отлавливали. Все люди находились в состоянии неизвестности. Никто ничего не знал, даже военные. Я переночевала на вокзале. Сказали, что поезд дальше не пойдет. Все разбрелись. Пошла я в сторону Минска с двумя женщинами и мужчиной. Этого пути сейчас даже не помню, только знаю, что была очень голодна. Мои попутчики разошлись по деревням, и я подошла к Минску одна. Увидела горящий город, даже огня не видела, только дым. Страшный дым над городом.

Подхожу к Минску, а навстречу мне идет военный и спрашивает, куда я иду. Объясняю, что мама моя в Минске и дала телеграмму, вызвала меня. А он в ответ, что никого в городе не осталось, все разбежались... Минск бомбят, город горит. Стоит оцепление, и меня туда вообще не пустят. Поинтересовался, откуда я иду. И убедил, что мне надо вернуться к тете.

Я пошла назад. Шла по шпалам, это был самый надежный путь. Изредка мимо проходили эшелоны, переполненные, люди были па подножках, на крыше, влезть туда было невозможно, но на одной остановке военный буквально задушил меня в вагон. Увидел едва бредущего по жаре ребенка и затолкал в вагон.

Я в таком «взвешенном» состоянии уснула. Проснулась как раз, когда мы проезжали Заводской поселок. Увидела наш огромный мост через Березину. Поезд остановился за мостом, и меня вытолкнули из вагона. Рады стараться, хоть на одного стало меньше. Там был железнодорожник, который, ничего не спросив, повел меня к себе, накормил, уложил спать, а утром уже расспросил, кто и откуда я. Он же меня отвел к тете на завод.

Когда я пришла к тете, меня узнали только по сарафану. Я настолько за эти трое суток изменилась, что трудно было узнать. Тетя быстренько нагрела воды, обмыла меня, покормила. Жила то у тети, то у дяди Леша, маминого брата, который позже вместе с женой ушел в партизаны. Мужа тети Тани расстреляли в числе трехсот человек в первые дни войны. Об их судьбе никто в поселке не знал. В эту облаву попал один старик с двумя сыновьями. Всех расстреляли, а старика заставили закапывать трупы и приказали ему молчать. Всю войну он говорил, что их куда-то увезли, может, даже в Германию на работу. И все надеялись, что ребята живы и вернуться. А как только пришли наши, старик все поведал. Все родные ринулись к тому месту, которое он указал, копали руками, кто чем, и по остаткам одежды отыскивали погибших. Это трагедия случилась недалеко от вокзала. Сейчас там стоит памятник.

Через какое-то время за мной пришла мама. Мы пошли пешком в Минск, стараясь держаться леса. По дороге я видела много трупов, на каждом шагу. Наши военные: и солдаты, и офицеры. Кошмар... Я даже не задавала маме никаких вопросов, в такой обстановке дети очень быстро выросли. Все понимали.

Когда пришли в Минск, а это было где-то осенью, я город не узнала. Развалины, магазины все разграблены, наши скудные запасы закончились. Многие, кстати, успели столько нахватать, что прекрасно прожили всю войну. Но это не про нашу семью, которая всегда жила очень скромно, в доме было только самое необходимое.

К нам домой постоянно приходили то мамы однокурсники и сослуживцы, то люди, мне незнакомые. Мама некоторое время была секретарем партийной организации на факультете, студенты ее хорошо знали и стали к нам часто заходить. Все хотели что-то сделать, начать сопротивление. Среди знакомых мамы, конечно, было много и евреев. Бывал у нас Рафа, Рафаэль Эммануилович Бромберг, и мама с ним одними из первых начали подделывать документы будущим подпольщикам-евреям. Рафа с женой и маленькой дочкой жил в общежитии на Заславской улице, и я часто к ним ходила. У него жена была русской, и он в гетто не попал. По вновь сделанным документам Рафа стал цыганом. Также были сделаны документы тете Леле, Елене Давыдовне, маминой подруге. Она у нас вскоре поселилась. Муж ее тоже был русским, но Елена Давыдовна не могла продолжать с ним жить, так как соседи знали, что она еврейка. Муж с дочкой оставались долгое время жить на Заславской. Муж Елены Давыдовны, Николай Николаевич, устроился работать где-то за городом, где его никто не знал, чтобы можно было жить с женой. Причем там Елена Давыдовна жила не как жена, а как домработница, которая воспитывает девочку. И наша соседка по дому, Люба, попав в гетто, пропадала у нас. Как только в гетто намечался погром, она сразу бежала к нам. Был такой случай. Люба ночевала у нас, мы уже легли спать, было все спокойно. Среди ночи я проснулась от какого-то шума. Увидела, что мама забрасывает в шкаф

постельное белье с дивана, где спала Люба, соседка Лида что-то суетится. Люба набросила на себя одеяло и босиком выбежала на улицу. Я со сна ничего не понимала. Оказывается, соседка увидела через окно немцев и прибежала предупредить нас. Она знала, что у нас Люба спит. А Люба помчалась в деревянный туалет на улице, и я не знаю как, но она успела до него добежать за считанные секунды, а он был далековато. Немцы зашли к нам, все пересмотрели, под кровать заглянули, к тете Лиде зашли, посмотрели наши документы и ушли. Но Любы долго не было, мы же не знали, что она помчалась в туалет, а выходить боялись. Разволновались страшно. Но она все-же пришла. Потом мы поняли, что к нам немцы заходили не просто так, а по доносу. Мы ведь жили в среднем подъезде, если бы это был простой обход, они бы зашли в крайние подъезды, а так сразу к нам... Вот так повезло.

У мамы появилась еще одна знакомая – польская еврейка Франциска Яковлевна, она в 1939 г. приехала вместе с братом в Минск. Она очень хорошо знала немецкий и по документам значилась полькой. Мама и ее знакомые уговорили Франциску Яковлевну устроиться работать в управу. Нужны были «аусвайсы», да и поддельные документы надо было обменять на настоящие. Потом появилась необходимость установить связь с партизанами. Мы не могли долго прятать у себя людей. Дом то небольшой, и если появлялся посторонний человек, через пять минут об этом уже знали все в доме. Людей надо было чем-то кормить, и я ходила попрошайничать по деревням. Давали много, только тащи. Такие люди были... И куда ни придешь, тебя к столу приглашают. Короче говоря, поесть нам хватало. Но проблема была в другом...

Приходила к нам и девушка Валя, она жила в общежитии на Заславской, вместе с Рафой, и работала у немцев. Военнопленные, работавшие в оружейной мастерской, через нее передавали оружие подпольщикам. Я бывала на фармацевтическом заводе на Московской. Там работала знакомая врач, которая давала мне медикаменты, как будто бы на продажу. Я подходила часам к одиннадцати, у них как раз был перерыв, и она мне из окошка выбрасывала пакетик. Мне нужно было сориентироваться, когда полицейский зайдет за здание, улучшить момент, чтобы никого вокруг не было, и словить пакет. А потом мама снабжала этими медикаментами партизан. Страха я никакого не ощущала, да и если судить по поведению мамы и ее окружающих, они тоже вели себя спокойно.

Наладили связь с партизанами, сразу отправили к ним Рафу. Он все время жил в центре Минска, и хоть до сей поры его не выдали, хороших людей было больше, чем подонков, но риск был велик. Первый отряд, с которым установили связь минские подпольщики, располагался под Ло-гойском. Подготовила мама к отправке в отряд и Любу, да вот, на тебе, та в кого-то влюбилась. А как любили в это время, словами не передать! И женились, и замуж выходили.

Короче, Люба отказалась и погибла в гетто при погроме. У меня осталась фотография, где она снята вместе со своим кавалером, красавец мужчина, кстати, был.

Я не раз сама ходила в гетто. Там тоже были, к великому сожалению, свои полицейские, и приходилось также опасаться. А перестали в гетто ходить, когда на Немиге уже никого з живых не осталось, всех уничтожили.

Из гетто к нам перед одним погромом прибежали двое малюсеньких детишек, и мама отправила их в деревню. Тетя Лида, соседка, нам помогала. Какая была замечательная женщина! Никогда ни слова не скажет, а ведь у нее тоже был маленький ребенок. И рисковала так же, как и мама.

Мама устроилась в какое-то подсобное хозяйство на железной дороге, и нам стало легче. Что-то иногда перепадало, и мама приносила домой свой паек.

Тот отряд, в который попал Рафа, состоял в основном из военных-окруженцев, и они рвались в бой. Мама говорила, что не надо идти на фронт, уже доходили слухи, как встречают побывавших в оккупации. Но этих людей ничто не могло остановить... В общем, многие перешли линию фронта, в том числе и Рафа. И они все оказались в лагерях, еще в 1943 г.

Вскоре меня отправили опять к тете, потому что я осложняла мамину деятельность. Она, бывало, не ночевала дома, да и риск с каждым днем увеличивался. Мама налаживала связь с новыми партизанскими отрядами, часто туда ходила и не могла присматривать за мной. Знаю, что все отряды, вернее, все подполье получило задание уничтожить гауляйтера Кубе. Шла подготовка к этой операции. Приехала из какого-то отряда, из-под Червеня, за мной женщина. Галя ее звали, очень красивая, как помню. До войны она жила в нашем доме, и мама ее хорошо знала. До Червеня она меня довезла, а потом я сама шла пешком. Мне дали с собой что-то, за что можно было где-то жить и питаться по пути к тете. Помню только, что я несла иголки и нитки. И вот, я таким образом до тети и добралась.

Дядя Леша уже был в отряде. А мы с тетей тоже вскоре ушли в лес. Но не к партизанам, а просто подальше от поселка. Дошли слухи, что приезжают «ободранцы» – так называли армию всякого сброда из наших изменников-военных, поляков и прочих людей в разной форме и без нее, которые якобы помогали немцам, а на самом деле просто занимались грабежом и насилием. И жители, спасаясь от них, уходили в леса. Мы тоже ушли – тетя, я, тетины дети: Алла, на год старше меня, Коля, на год моложе, Виктор, еще младше, и совсем маленькая Света. Пришли в лес, где нам не пришлось ничего выкапывать, – землянки появились еще в начале оккупации. Там и печечка, и лежанки были. Целый день таскали в эту землянку теплые вещи. А напротив нашего дома жил начальник полиции, и он все видел, но не выдал, когда за нами пришли. Один его сын служил в полиции, а второй был партизаном. А наш дом немцы, когда пришли, сожгли.

Как только Кубе был убит и мама попала за линию фронта, в отряды, располагавшиеся около поселка, поступил приказ забрать всех родственников. Нас искали, не нашли, а мы были совсем рядом. Обнаружили нас только зимой, а переселились мы в лес, еще когда было тепло. Все время сидеть в лесу мы не могли, надо было раздобывать на такую большую семью еду. Мы ходили по соседним деревням и побирались.

Мама активно включилась в подготовку к убийству Кубе. Уничтожить его было задачей не из простых. Никто никогда не знал, куда и по какой дороге он направляется. Даже шоферы. Так что первые планы, например, где-то по пути врезаться в его машину, были неосуществимы. Тогда решили наладить связь с обслуживающим гауляйтера персоналом. Мама познакомилась с Галей Мазаник, она работала у Кубе, была одной из малочисленной группы людей, которых не обыскивали. До войны она работала официанткой. Мама

принесла мину, которую Галя подложила. Потом и Галю со всей ее семьей, и маму переправили за линию фронта. Но очень много людей все равно погибло. Когда отправляли тетю Мазаник с детьми, она не захотела оставлять свои вещи. Пришлось взять подводу где-то на окраине Минска, и эти шмотки отвезти к одной семье подпольщиков в сторону Заславля. А тетю с детьми отвезли в лес. И когда после убийства Кубе немцы начали поиски, очень быстро вышли на этого возчика с окраины Минска, который отвозил вещи.

Его били страшно. Он не был связан с партизанами, указал, куда отвез поклажу. И провалились несколько явочных квартир. Город был небольшим тогда, информация об арестах распространялась очень быстро, и на одной из явочных квартир, где жила семья с маленькими детишками, соседи мгновенно расхватили детей. А родителей забрали в гестапо. Арестовали и Галю, Рафика жену. Она попала в Германию, но ей посчастливилось выжить, вернулась после войны в Минск.

Я мыслила уже по-взрослому, мне доверяли буквально все. И если бы меня немцы взяли, я бы могла рассказать намного больше, чем многие из подпольщиков. Я знала все явочные квартиры, меня часто туда посылали. Я что-то переносила постоянно. Какие-то документы. Все наши знакомые постарались или сами устроиться на работу к немцам, или наладить контакты с уже работающими, так как отрядам нужны были сведения и документы. Я шла по городу, обернутая документами, чтобы руки были пустые и чтобы не вызывать лишних подозрений.

Из отрядов к нам партизаны приходили, переодевшись в полицейскую одежду, вернее, у полиции формы не было, а только повязки надевались на рукав гражданской одежды. Приходили, конечно, с документами, подтверждающими, что они действительно служат в полиции. Как-то пришел к нам Рафа с двумя партизанами, мамы не было дома, а я была на улице. Кроме того, что я выполняла мамины поручения, я еще жила обычной детской жизнью. Так вот, подбегает ко мне девочка и говорит, что, мол, меня полицейские спрашивают. Хорошо, что я сообразила, не первый раз приходили к нам «полицейские». Я поинтересовалась, как они спрашивают. Оказалось, что спросили мою маму, Марию Борисовну, или Тамару. Ну кто из настоящих полицейских так мог спросить? А соседка, Лида, чуть не обмерла, она-то и Рафу никогда не видела, а тем более этих двух с ним. Я тут же и помчалась. А девчонки мне: «Тамара, ты куда? Там же полицейские». Прихожу и вижу – Рафа. Я-то его очень хорошо знала. Приходивших из отряда я провозжала по городу, высматривала, нет ли опасности впереди, знала, какой дорогой лучше идти.

Мама была человеком, живущим для других, свои интересы у нее заменялись интересами знакомых и друзей, интересами государства. После войны было очень сложное время: аресты, постоянные вызовы в «органы»... Маму также арестовали, я об этом факте узнала не очень давно, она в то время давала подписку о неразглашении. Спас ее один генерал, он дошел до самого Сталина. А как только ее выпустили, она ринулась искать тех первых партизан, которые ушли за фронт. И нашла их... в лагере. Конечно, в поиске маме помогли военные разведчики, с которыми она была связана во время войны. Рафа и еще несколько человек были живы, и когда объявили перед строем, что они реабилитированы, один получил разрыв сердца. Представляете, сколько

им пришлось пережить: и гетто, и тяготы подпольной борьбы, и лагерные ужасы! Рафа был маме всю жизнь благодарен.

И после войны мама, работая в суде, продолжала многим помогать. Вернулся с детским садиком из эвакуации братик, она его устроила в суворовское училище.

Мама в 1943 г. была удостоена звания Героя Советского Союза.

Еще немало доброй памяти хранит история. Вот только некоторые из них.

Зинаида Шлемовна Притышена-Кронгауз находилась в минском гетто с июля 1941 г. по январь 1943 г., где погибли ее муж и двое детей. Сама чудом осталась в живых. Во время погрома в гетто 1942 г. каратели жестоко ее избили. Считая ее мертвой, оставили в луже крови. Узнав об этом, я взялась помогать ей: передавала продукты питания, медикаменты.

В январе 1943 г. Зинаиду Кронгауз удалось вывезти из гетто и переправить в партизанскую зону.

Спустя немало времени спасенная написала письмо.

26 октября 1995 г.

Дорогая, уважаемая Мария Борисовна!

Спасибо за все то, что Вы для меня сделали: лекарства, которые Вы мне передали в гетто, спасли меня от заражения крови, а продукты, которые Вы мне передали, спасли меня от голода, избитой и истерзанной в фашистском лагере гетто. Еще и за то, что организовали мой побег и вырвали меня из крошечного ада.

Дорогая, низкий поклон Вам от всех спасенных.

Буду богу за Вас молиться.

Благополучия, здоровья и счастья Вам.

Благодарная Зина Кронгауз.

...На перекрестках судеб. С. 137–145; Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997. С. 186.

ПАНАСЮК Михаил, АПАТСКАЯ Ольга и ее сын Владимир Спасенные: ЛИВШИЦ Хава, семья ПАНАСЮК

Год присуждения звания 1998

В 1937 г. Михаил Панасюк женился на Доре Лившиц. Они жили одной семьей: Михаил, Дора, их маленькая дочь Жанна и Дорина мама – Хава Давидовна.

В первые же дни войны Михаил ушел на фронт, попал в окружение, но сумел вырваться и вернулся в Минск, домой.

Когда евреев стали загонять в гетто, Михаил для спасения семьи пошел служить в полицию. Ему удалось сделать для жены новые документы на белорусскую фамилию и имя Даша. Но кто-то донес в полицию, что Михаил женат на еврейке.

Панасюки срочно перебрались жить в другой район города, где их никто не знал, и поселились в доме у Апатской.

Хава Давидовна, которая имела типично еврейскую внешность, днем пряталась в специально сделанном для нее убежище. Но однажды немцы обнаружили ее спящей в комнате. Для разбирательства вызвали в городское управление. Михаил уговорил Ольгу Апатскую, чтобы она пошла на допрос вместо его тещи. Ольга согласилась, хотя очень боялась этого.

Михаил Панасюк помогал евреям Кузнецовой, Левинсону сделать поддельные паспорта. Специально забирал евреев из гетто для работы в столовой, чтобы накормить их.

После войны Михаил Панасюк был осужден на 10 лет лагерей за службу в полиции. Отсидев срок, вернулся домой и жил в почете и уважении в своей семье.

Праведники народов мира Беларуси. С. 89–90.

ПЕТРОВИЧ Адам и Лидия, их дочь ПЕТРОВИЧ (ВЫХОТО)

Валентина

5.08.1922, г. Минск

Спасенная РОЗОВСКАЯ (МЕТЕР) Фаина

Год присуждения звания 1995

До войны мы жили на улице Красноармейской, кстати, наш дом сохранился до сих пор. Папа работал проводником-инкассатором в банке, развозил деньги в вагонах. А мама была домохозяйкой. Семья наша коренные минчане. Так получилось, что я осталась единственным ребенком у родителей. Старший брат тяжело заболел и умер еще до войны, в 1936 г. Я росла среди еврейских детей. Минск ведь до войны был такой интернациональный город: белорусы, русские, поляки, евреи, татары – мы все были одной большой и дружной семьей.

Когда началась война, я была уже вполне взрослым человеком, хотя, по правде говоря, немножко маменькиной дочкой. Мне как раз исполнилось 19 лет. Из-за частых болезней в 10 классе пришлось учиться два года, но школу я закончила на «отлично». Аттестат выдали 16 июня 1941 г. Планов было очень много. Мечтала учиться в институте. Правда, никак не могла определиться со специальностью. Но в те годы уже само слово «институт» звучало как музыка. Можно было поступать в любой вуз Советского Союза, стране были необходимы специалисты с высшим образованием. Война разбила все мечты, перевернула всю жизнь. Все мы пребывали в страшной растерянности, приходили в школу, чтобы услышать хоть что-то определенное и посоветоваться, что делать.

Поддавшись всеобщей панике, наша семья попыталась уйти из города. Но папа ведь работал в банке, его и управляющего оставили, чтобы уничтожить важные документы. А мы с мамой ушли вдвоем и еще прихватили корову – нашу кормилицу. Я часто болела, и молоко мне было необходимо. Шли по Могилевскому шоссе в толпе таких же беженцев. Боже ты мой, кругом гарь, дым, даже небо казалось черным. И трупы, сколько их лежало вдоль дорог!.. Самолеты кружили над самой землей, можно было рассмотреть лица немецких летчиков. Все смешалось – крики людей, рев скотины, грохот взрывов. В воздухе, казалось, стоял запах беды, огромной, страшной, непонятной и непоправимой. Дошли до Тростенца, дальше идти было просто невозможно, и мы вернулись.

Чтобы выжить в годы войны, необходимо было где-то работать. Специальности я не имела, но очень любила немецкий язык. В школе у нас была замечательная учительница Фрида Августовна. В нас, своих учеников, она

вкладывала всю душу. Я, между прочим, до сегодняшнего дня помню тексты, выученные в школе. Неплохое знание немецкого языка – вот и все, что у меня было для устройства на работу. Недалеко от нашего дома находился кожевенный завод. Как-то, проходя мимо, обратила внимание на объявление, из которого узнала, что на завод требуются работники. Выбирать особо не приходилось, единственное преимущество заключалось в том, что завод находился рядом с домом. В общем, я пошла, меня приняли и определили на работу в контору. Я получила «аусвайс» и, что особо важно в голодные военные годы, продуктовые карточки. Научилась печатать на машинке, стала неплохим секретарем. Одна из сотрудниц долго присматривалась ко мне, а потом и говорит: «Валечка, а почему бы Вам не научиться печатать по-немецки, мало ли как сложится жизнь». Эта женщина, сама того не зная, дала мне направление для дальнейшей деятельности. Работать на заводе пришлось более трех лет, вплоть до освобождения Минска. А потом навыки машинописи очень помогли мне в жизни, кроме того, такая работа сделала мой немецкий почти отличным. Я даже могла свободно говорить и читать своих любимых немецких поэтов в оригинале. Мое знание языка пришлось очень кстати в минуту опасности и спасло жизнь всей семье, но об этом позже.

Недалеко от завода находился огромный склад, на котором хранился еще довоенный запас выделанных свиных кож. Интересный факт: до войны ведь очень многие держали свиней, так вот, забывая животных, необходимо было сдавать шкуры изготовителям, в противном случае грозили исправительные работы сроком до 6 месяцев. Поэтому все в обязательном порядке сдавали свиные кожи. Такая «веселая» социалистическая действительность.

В мои обязанности помимо основной работы входило также сопровождение немецких офицеров на кожевенный склад, кроме того, я выполняла функции курьера – передавала документы из канцелярии на склад. Очень хорошо помню человека по фамилии Каждан, который занимался всей документацией. Жил он в гетто, великолепно знал немецкий, был и переводчиком и бухгалтером. Тогда очень много хороших специалистов оказались в гетто, их приводили или привозили на работу и на наш завод, и в другие места. Знаю, что во время одного из погромов Каждан погиб.

Я была молоденькая, хорошенькая и вполне могла подвергнуться домоганиям со стороны немецких офицеров, да и других не самых приятных субъектов. Очень переживала, на нервной почве у меня начался псориаз. Болезнь не такая уж и страшная, но никого не красящая. Поэтому приходилось зимой и летом носить платья почти до пят и прикрывать пораженные участки кожи всякими платочками и шарфиками. Мои ухищрения привели к тому, что я превратилась в невзрачную простушку, на которую никто не обращал внимания, но я из-за этого вовсе не переживала. Эта болезнь спасла меня от немцев, уберегла и от НКВД после войны, когда меня проверяли, как и всех, кто был на оккупированной территории. У «особиста» подозрение вызвало то обстоятельство, что я не была в партизанах. Я молча отвернула полу своего длиннющего халата и выставила на обозрение ноги, возникла неловкая пауза, но больше меня ни о чем не спрашивали и никуда не вызывали. Правда, потом еще пытались забрать меня в лагерь для военнопленных немцев переводчицей, но моя болезнь «помогла» и здесь. Псориаз и сейчас не особо поддается лечению, а тогда вообще вызывал ужас. Проверяли меня, конечно,

обстоятельно и долго, но, не найдя в моем прошлом никакой «враждебной деятельности», оставили в покое.

Попала к нам Фаня следующим образом. Ее отец был на фронте, а она с мамой оказалась в гетто. Там же находился человек со странным и смешным прозвищем, а может, это была фамилия, – Фунтик. Папа мой знал его еще со времен гражданской войны, оба после ранения и лечения служили в обозе, в полевой пекарне. Фунтик частенько навещал нас из гетто. Был он мастер на все руки, даже сложил нам печку. В один из визитов он сказал, что надо спасти девочку из гетто. Мои родители, ни минуты не раздумывая, согласились. Когда однажды вечером я вернулась с работы, Фаня уже была у нас. Так в доме под видом папиной племянницы и с новым именем Женья поселилась еврейская девочка. Ей было 14 лет, хорошенькая, настоящая барышня. Первое время Фаня немного стеснялась, но мы постарались, чтобы она почувствовала себя родной. Помню, я даже слегка ревновала, когда бабушка старалась подsunуть Фане все самое вкусненькое, мотивируя это тем, что она самая младшая. Папа мой Фаню просто обожал, ему почему-то казалось, что у них схожие судьбы. Отец ведь рос без родителей, он был незаконно-рожденным сыном очень богатого человека, и мать отдала его на воспитание чужим людям. Фаня замечательно пела, а отец при этом всегда плакал.

Соседи особо не вникали, кто эта девочка и откуда она взялась. У каждой семьи было полно своих забот. К тому же, каждый день приходило столько людей, которые просили то еду, то одежду. Помню, в один из дней насчитала аж 27 человек, которые заходили к нам во двор. В первые дни войны особенно много было военных, они просили хоть что-нибудь из одежды, армия ведь отступала, многие отбивались от своих и не знали, что делать, куда податься. Помогали всем, фактически спасали их. Все старались помочь, а моя мама вообще никому не отказывала. У нас ведь был свой огород. Отец в годы войны работал сторожем. При городской управе были так называемые управские огороды, их он и охранял. Кое-что перепало и нам.

Мы с Фаней очень подружились, стали настоящими сестрами, у нас появились свои девичьи секреты. Я уже была взрослой девушкой, и ей тоже хотелось везде поспеть за мной. Внешность у Фани была совершенно не еврейская. Папа и мама частенько говорили нам: «Девочки, вы бы пошли куда-нибудь в город, война войной, но и сидеть все время дома тоже нельзя». Упрашивать долго не надо было. Мы вместе ходили гулять в парк, иногда в кино. Об опасности, подстерегающей нас, думать не хотелось, просто гуляли как две подружки.

Фаня часто ходила в город, думаю, что и в гетто она навещалась. Каким-то образом ей удалось установить связь с партизанами. Прожив у нас больше года, Фаня ушла в партизанский отряд. Потом, уже после войны, она рассказывала о том, как принимала участие в боевых операциях, подрывала мосты, сидела в засадах.

Моя мама часто навещала ее маму, тетю Берту, которая осталась в гетто и работала в госпитале. Фаня очень скучала и частенько навещалась в город, чтобы отогреться душой и узнать, как дела у матери. В один злополучный день она пришла не одна, а с подружкой. Уставшие и голодные с дороги девчонки поужинали, расстелили кровати, да и заговорились. В комнатах горел свет, который пробивался через не очень плотные шторы. На этот свет

и завернул в наш дом немецкий патруль, который, как назло, именно в этот момент проходил мимо. Правильно говорят, что в экстремальных ситуациях человек мобилизует все свои силы, о которых даже не догадывался, может преодолеть любые препятствия. Кроме того, подтвердилась еще одна истина: в условиях войны надо знать язык врага, хотя знание иностранных языков никогда не бывает лишним. Не знаю, что придало мне отваги, может, страх. Я заговорила с немцами на их языке, быстро достала и показала свой «аусвайс». А наша фабрика находилась под началом военного ведомства, и, видимо, это произвело впечатление моей лояльности к новой власти. И тут меня понесло, захлеб стала цитировать Гете и Шиллера, вспомнила всю историю «великого» рейха. Дело в том, что когда-то, еще в школе, у меня была переэкзаменовка по истории, и уж историю Германской империи я знала хорошо. Видимо, это произвело впечатление и вызвало восхищение солдат. Девчонки все это время лежали, укрывшись чуть ли не с головой, делая вид, что спят. А проблема была еще и в том, что они заявили к нам с оружием. Страшно даже подумать, что могло произойти, если бы этот патруль захотел произвести обыск. Дом был полон людей: наша семья, бабушка, мамин брат. Я своей нескончаемой болтовней совсем сбила немцев с толку. А мама быстренько вынесла полный кувшин молока и принялась угощать «господ»-военных. Короче, ошарашенные немцы выпили молоко, поблагодарили и удалились. После их ухода в доме воцарилась полная тишина. Я-то по молодости очень быстро пришла в себя. Но сейчас, по прошествии стольких лет, могу себе представить, что пережили мои родители, да и девчонки, наверно, натерпелись страху. Вот такая история.

Фанина мама, тетя Берта, так и осталась в гетто. Я знаю только, что когда ликвидировали минское гетто, всех оставшихся в живых евреев вывезли на территорию 1-ой больницы, где образовалось своеобразное гетто № 2. Они там жили и работали, а потом всех уничтожили. Моя мама в то время умудрялась навещать Фанину маму, передавала ей продукты и одежду. Потом, после гибели тети Берты, маме выпала нелегкая миссия сообщить Фане, что она осталась совсем одна.

Папа мой по мере сил помогал партизанам. Но когда Фаня предложила ему оформить документы как бывшему партизану, он отказался. Не знаю причин отказа, но, возможно, он был прав, в те времена по-разному смотрели на партизан. После войны досконально проверяли и тех, кто был в отрядах, и тех, кто просто проживал на оккупированной территории, буквально в каждом видели врага и предателя.

После освобождения Минска Фаня еще некоторое время жила у нас. Ее дом, который находился в районе Юбилейной площади, каким-то чудом уцелел во время войны. Но кто-то из родственников вселился, полагая, что прежние хозяева погибли. Фаня предъявила свои права, но миром дело уладить не удалось, пришлось обращаться в суд.

Вскоре после войны Фаня вышла замуж за хорошего еврейского парня. Помню, она мне как-то сказала: «Знаешь, Валя, мне так не хватает мамы. Если я когда-нибудь выйду замуж, хочу, чтобы у моего избранника была мама. Думаю, что смогу ее полюбить». Так и получилось, они жили со свекровью душа в душу, как самые близкие и родные люди. Но надо отдать должное ее свекрови, это была замечательная женщина, настоящая еврейская мама.

А какая хозяйка! Я до сих пор помню чудный запах и вкус приготовленных ею кушаний. Особенно ей удавались блюда еврейской национальной кухни. С Фаней мы дружим всю жизнь семьями. И наши мужья стали закадычными друзьями, у них оказались на удивление одинаковые взгляды на многие жизненные вопросы. Так уж случилось, что Фаня с семьей много лет назад выехала в Америку. Когда Фаня уезжала, мы провожали ее на вокзале, все плакали, обнимались, прощаясь на всю жизнь. В те времена никто и подумать не мог, что когда-нибудь будет возможность встретиться.

Вот я частенько думаю: «Какое счастье, что мои родители спасли Фаню! Казалось бы, ну всего лишь маленькая девочка. А она выросла, вышла замуж, родила детей, появились внуки. Жизнь восторжествовала, свершилось маленькое чудо!» Воистину, справедливо сказано: «Кто спас одну душу – тот спас целый мир».

...На перекрестках судеб. С. 16–25.

ПОЛИКАРПОВИЧ Петр и Лидия, их дочери Татьяна и Валентина

Спасенные: ВЕНЧИКОВА Нина, ГИРШГОРН

Год присуждения звания 1997

Нина Венчикова с семьей оказалась в Минском гетто. Во время первого большого погрома 7 ноября 1941 г. Нине вместе с сестрой Эсфирь и ее маленькими детьми, а также с Софьей Зубаткиной удалось бежать из гетто. Сначала женщины хотели, чтобы русские люди спрятали их только на время акции. Они ко многим обращались за помощью, но только семья Поликарпович приютила их.

В течение недели беглянки прятались в квартире Поликарповичей. В это время по городу шли облавы на евреев. Когда немцы проверяли документы семьи Поликарпович, девушки Татьяна и Валентина, которым было 15 и 20 лет, заговорили с ними по-немецки. Петр Поликарпович был полиглот, знал много европейских языков, и его дочери свободно говорили на немецком литературном языке. Валентина даже прочла непрошеным гостям поэму на немецком языке. И это помогло избежать обыска.

Через неделю все более-менее успокоилось, но спасенные решили не возвращаться в гетто, а пошли на восток в надежде перейти линию фронта. Ночью Татьяна Поликарпович и ее будущий муж Ревенков вывели беглецов на московскую дорогу. В декабре 1941 г. женщины вышли к Можайску. По дороге умерла дочь Эсфири. Она испугалась, что маленький сын тоже не выдержит дороги, и отдала его женщине, которая обещала за деньги позаботиться о мальчике. Но, как только сестры ушли, женщина отдала мальчика в полицию, и ребенка расстреляли. Нина сумела раздобыть себе «русские» документы, у Эсфирь не было документов, она жила под вымышленным именем.

В апреле 1942 г. Нина и Эсфирь были отправлены на работу – сначала в Смоленск, а потом в Германию. С августа 1942 г. до апреля 1945 г. сестры работали в Германии, около города Неущетин. Там их и освободила Советская Армия.

Сестры вернулись в Минск.

Праведники народов мира Беларуси. С. 86–87.

ПРОКОПОВИЧ Александр и Мария, их дочь Софья КАРТАВАЯ Франциска и ее дети Виктор и Лариса Спасенные: БЛЮМКИНА Белла и ее дети

Место спасения Столбцовский р-н, Минская обл., г. Минск

Год присуждения звания 2000

Белла Блюмкина была замужем за белорусом Виктором Жидовичем. Они жили в Минске. В начале войны Виктор был мобилизован в Красную Армию, в 1944 г. погиб на фронте.

Белла Блюмкина не смогла эвакуироваться и осталась в Минске с двумя малолетними детьми. Очень скоро Белла и ее дети оказались в гетто. По счастью, они уцелели во время нескольких погромов. Когда Белла поняла, что очередного погрома они не переживут, она решилась на побег. Ранним июньским утром 1942 г. мать вместе с малышами бежали из гетто. Они проползли под колючей проволокой и направились в город. Сын Беллы, 5-летний Олег, имел типично еврейскую внешность. Белла привела его к своим друзьям, в семью Картавых. Те жили очень бедно, в опасном месте, где всегда было много немецких солдат и полиции (между аэропортом и товарной станцией), но согласились принять мальчика.

Картавые прятали Олега от соседей, крестили его в католической церкви и всем сказали, что это племянник Ларисы. До окончания оккупации и освобождения города мальчик находился в этой семье. Благодаря стараниям Франтишки и Бориса Картавых, их сына Виктора и его жены Ларисы он остался жив.

Белла с дочерью оставили Минск и направились к родным мужа. Те помогли им попасть в партизанский отряд, однако в отряде женщине с трехлетним ребенком не разрешили остаться. Мать и дочь начали скитаться по деревням и хуторам. Для того чтобы получить еду и ночлег, Белла выполняла любую работу. Здесь ей очень пригодилось умение шить.

Осенью 1942 г. мать с дочерью пришли в деревню Кучкуны на Столбцовщине. Им ненадолго удалось найти приют в доме Ольги Недорезовой. Белла работала портнихой. Однако по деревне поползли слухи, что она – еврейка, которая водит с собой для прикрытия русскую девочку. Только один человек из деревни, Александр Прокопович, пожалел их. Он предложил Белле спрятать ребенка в его доме. Белла так и поступила. Ей самой пришлось срочно скрыться. Она скиталась по деревням. Вернулась в Кучкуны в ноябре 1943 г.

Семья Прокоповичей обрадовалась, увидев Беллу. Они считали, что ее уже нет в живых. Белла с дочерью скрывались в доме Прокоповичей до окончания оккупации. Никто в деревне не знал об этом. В момент опасности мать и дочь прятались в сарае, за печью, либо в погребе. Дочь Прокоповичей, Софья, готовила и приносила им еду, заботилась о девочке, когда та заболела. После окончания войны Белла привезла к Прокоповичам на некоторое время сына Олега для восстановления здоровья.

Между семьями установились хорошие дружеские отношения.

Праведники народов мира Беларуси. С. 120–121..

ПРОСТАК Ирина Степановна

12.06.1930, г. Минск

Спасенная АЛЬПЕРОВИЧ Дора

Год присуждения звания 2001

Накануне войны наша семья: мама Елена Михайловна (1911), бабушка Анна Андреевна Гладкевич (1889) и нас трое детей: Лев (1932), Арик (1937) и я. Наш дом на ул. Островского (ныне Раковская). Росли без папы. Степан Павлович Павлов был репрессирован в 1937 г. (реабилитирован в 1959 г.). Я помню, как арестовывали отца. Была ночь. Присутствовали понятыми соседи и незнакомые военные. В комнате что-то искали. Бабушка плакала и собирала для папы узелок с продуктами. Испуганная мама стояла в сторонке. Братья спали. Я плакала и, когда папа наклонился над моей кроваткой попрощаться со мной, я его отталкивала. Я думала, что папа обидел бабушку, раз она так плачет. Соседи тогда сказали, что это хороший признак – значит, папа обязательно вернется...

Папа был из большой крестьянской семьи. До революции батрачил, после революции добровольцем ушел в Красную Армию.

Когда началась война, то мама срочно ушла на работу. Несколько дней ее не было дома. Город горел, люди стали взламывать двери рядом находящегося продовольственного магазина. И вот наконец-то приезжает на дезинфекционной машине мама, после чего грузят лучшие вещи. Она берет соседей в машину, и мы уезжаем из горящего города. Я видела через щелку закрытого кузова машины толпы людей, идущих вдоль дороги с детьми, с чемоданами, с узлами вещей за спиной. От дыма в машине было трудно дышать.

Вечером мы приехали в какую-то деревню, ночевали в погребе во дворе крестьянского дома, а утром увидели, что по шоссе ехали немцы. Возвращались в Минск лесом и проселочными дорогами. Вещи остались в деревне. Я помню на обочине дорог огромное количество оставленной разбитой военной техники и военных. Идущих навстречу. Я не знаю, что они говорили маме и бабушке – теперь можно догадываться. Но мы должны были возвращаться домой, ведь там в сарае оставался бабушкин поросенок...

Я сейчас помню, мы не старались эвакуироваться, а уезжали из горящего города. Не могла мама же на «врага» предположить, что будет страшная продолжительная война.

Не забыть первых увиденных немцев-мотоциклистов, которые заехали в наш густонаселенный огромный двор и попросили напиться воды. Соседи принесли им ведро с водой, кружки, но они стали пить только после того, когда попробовали воду соседи.

Так началась для нас оккупация!

Улица Островского, на которой мы жили, при организации минского гетто попала в еврейскую зону. Мы переехали на ул. Советскую и жили во дворе Политехнического института. Новыми соседями оказалась семья Вильнеров – Фейга Менделевна (1908) и ее сыновья: Бертольд (1931) и Володя (1936). Глава семьи – Яков Моисеевич – имел звание кандидата технических наук и был на фронте.

Рядом с нашим домом в общежитии института был размещен госпиталь для наших раненых военнопленных, а в главном корпусе института располагался

госпиталь для раненых немцев. Один и другой госпитали были обнесены колючей проволокой и охранялись немцами.

Мы, дети, как и наши санитары, видели, как расстреляли двух военнопленных за то, что они вышли из-за ограждения и в немецкой мусорке искали хоть что-нибудь поесть.

Наши новые соседи, семья Вильнеров, решили в гетто не идти. Фейга Менделевна была очень красивой женщиной и не похожей на еврейку. Устроилась на работу санитаркой в немецкий госпиталь, где можно было хоть какую-нибудь еду принести детям. Фейга Менделевна уходила на работу рано утром, чтобы ее никто не видел, и приходила поздно вечером. Целыми днями дети были одни. Сейчас можно себе представить, как опасно им было выходить во двор. Мы, ближайšie соседи, подружились. Бертольд, который был похож на свою маму, каждый день с удочками ходил к маме в госпиталь за едой. В начале 1942 г. он видел, как маму вывели из больничного корпуса немецкого госпиталя и бросили в крытую машину. Она погибла в гестапо. Бертольда и Володю отправили в гетто в детский дом.

Мама с июля по декабрь 1941 г. работала медсестрой в русскопленном госпитале. Я туда иногда ходила вместе с мамой. Я приносила домой окровавленные гнойные бинты, бабушка каким-то образом их стирала, ведь мыла и порошка не было, сушила, скручивала и опять относила в госпиталь. В декабре 1941 г. госпиталь был ликвидирован и с января 1942 г. уже жил на территории кожзавода «Большевик».

В 1941 г., уже после освобождения Минска, мама получила письмо от Никопоренко Николая Федоровича – бывшего командира танка, раненого, попавшего в плен в битве под Смоленском. Вот ему мама помогла бежать из госпиталя. Он писал: «Елена Михайловна, разрешите Вас поблагодарить за Вашу материнскую заботу, которую Вы проявили в русскопленном госпитале в 1941 г. Вы, не считаясь с проволочным окружением и с проклятым немецким режимом, помогли патриотической заботой жизнь многим бойцам нашей Родины, т.е. механику-водителю Скляру, связисту Рубису, красноармейцу Сидченко, в том числе и мне. Вы подавали материнскую помощь со своими подчиненными фельдшерами т. Платоновым и т. Зайцевым. Я пролежал под Вашей материнской опекой с 12 июля 1941 г. до 22 октября 1941 г., а в ночь с 22 на 23 октября, где Вы мне способствовали, бежал и залечивал свои раны у своих отцов в селе Тукаля Оболенского района Полтавской области.

Мне не забыть, когда заходили в палатку со своей дочерью, которая так похожа на мою сестру»¹.

После ликвидации русскопленного госпиталя с января 1942 г. мама работала врачом в здравпункте кожзавода «Большевик». Жили мы на территории завода, охраняемого немцами. С 1 апреля 1942 г. до освобождения города мама была связной партизанского отряда «Народный мститель». Принять участие мне предложил мастер отделочного цеха Лямперт. За участие в партизанском движении мама награждена Правительственными наградами.

Итак, с начала 1942 г. мы стали жить на территории завода. Чтобы меня, казалось бы, взрослую дочь, не забрали в Германию, мама определила меня в прогимназию, которая находилась на Немиге. Ходить нужно было через

¹ Письмо передано на хранение в Государственный музей истории Великой Отечественной войны.

весь город. Я прозанималась очень мало. Возможно, это было связано с моей болезнью, а может, закрыли гимназию или мама решила не рисковать.

Я помню, на территории завода работали наши военнопленные, которых охранял вооруженный немец. Бабушка послала меня в магазин купить по продовольственным карточкам хлеб. Возвращалась я с хлебом и карточками в руках. Наш военнопленный попросил у меня кусочек хлеба. И я ему протянула. Подошел немец. Забрал у меня из рук все продовольственные карточки и показал – заберу хлеб, возвратит карточки. Мы все на какое-то время застыли в ожидании. Я помню оцепенение мое и всех военнопленных. Голодный человек вернул мне кусочек хлеба, а немец – карточки. Прошло много лет, но этого никогда не забуду и никогда по-человечески не пойму и не прощу...

Выполняя какие-то задания партизан, мама ходила в гетто. Это были 1942–1943 гг., брала она и меня в гетто. По каким улицам города мы ходили, я не знаю. Вернее, не помню. Но хорошо помню, как мы раздвигали колючую проволоку в районе Танковой улицы и пролазили на территорию гетто, где мы никогда не прикалывали круглые желтые латы. Я очень хорошо помню безлюдные кварталы деревянных домов. А однажды в гетто услышали душераздирающий крик..., видели, как у проволоки меняли что-то на продукты...

В те годы войны я не знала о погромах, облавах и душегубках. Я видела убитых на улице, повешенных. Знала, что это война. Но что гетто – это район отчаяния, безысходности и огромного горя, я узнала позже.

Для меня сейчас остается загадкой, как мама в гетто нашла Бертольда и Володю. Мы помогли им выйти из гетто, привели к себе домой на завод, я и брат помогла им выйти из города и направили в д. Прежеры Пуховичского района, откуда партизанские связные отвели Бертольда и Володю во 2-ю Минскую Краснопартизанскую бригаду. Бертольд, 12-летний мальчик, работал в типографии подпольного райкома партии наборщиком.

И вот однажды из партизанского отряда в 1943 г. они пришли к нам на завод в гости! Они шли через какие-то деревни и кто-то им дал маленький клинковый сыр, желтого цвета, очень, очень засушенный и тоненький. Они принесли его нам в подарок. При общем недоедании этот сыр был чудом, а детский поступок – подвигом. Этого никогда не забыть. Мы, дети, встрече очень обрадовались. Днем с ними сидели на территории завода в камышах у реки, а на ночь приходили в дом. Мама и бабушка их опять нужно было выводить!

После освобождения Минска Бертольд и Володя возвращались из леса в город. Они ехали в обозе вместе с партизанами и знаменитой козой, кормилицей отряда, на партизанский парад, который состоялся 16 июля 1944 г.

Ехали буквально в 200 метров от нашего дома, но не зашли к нам, так как боялись отстать от своих и не знали, живы ли мы. А в это время у нас был их отец Яков Моисеевич, который приехал с фронта, чтобы узнать судьбу своей семьи. Мама о его детях, Бертольде и Володе, ничего не могла сказать, так как связь с партизанами перед освобождением города была прервана. Утром Яков Моисеевич уехал на фронт, а днем к нам пришли Бертольд и Володя... К счастью. Через некоторое время Яков Моисеевич приехал с фронта и отвез своих детей в Москву к родственникам. Мы переписывались. Несколько писем сохранилось. Приведу выдержки:

«Здравствуйте, моя дорогая тетя Лена! Мы уже живем в Москве, а не на даче. Ходили уже в школу, я в 4-й «б», а Вовка в 1-й «ж»..

Вовка все время скучает по Арику и все спрашивает, когда мы в Минск поедем...

Пишите, как вы живете, все ли здоровы, как бабушка, как Арик, как вы.

Привет от наших и от Вовки, Арику, Леве, Ире и бабушке.

До свиданья, Бертольд.

1.09.1944 г.

Здравствуйте, тетя Лена!

Вы на меня не обижайтесь... что я вам не писал, так как я не знал вашего нового адреса, а я писем восемь написал, но ответа не получил.

Учусь хорошо, Вовка тоже...

Пишите, как Вы живете, все ли у вас здоровы, учатся ли Лева и Ира, и как они учатся, что делает Арик. Вовка очень скучает без Арика. Мы часто ходим в кино. Я записался в читальный зал Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина.

Привет от всех наших Леве, Арику, Ире, бабушке.

До свиданья, целую. Бертольд.

23.09.1944 г.

Здравствуйте, Елена Михайловна, бабушка, Ира, Лева, Арик.

...Получил сегодня ваше письмо. Очень Вам благодарен, что Вы меня не забываете. Я послал Леве три книги. Учусь хорошо. У нас нового ничего нет. От папы имели недавно письмо. Он пишет, что скоро должен приехать. Думаю, что проездом, может быть, заедет к Вам.

До свиданья. Привет от всех наших Вам, бабушке, Ире, Леве, Арику.

Целую. Бертольд.

29.04.1945 г.

Жду от Вас частых писем.

Сохранилось письмо из Москвы от родственницы семьи Вильнеров А. Агроскиной, датированное январем 1945 г. Она писала:

Уважаемые Елена Михайловна!

Сегодня Бертольд получил от Вашей дочери Иры 2 письма. Меня всегда очень трогает и умиляет забота Вашей семьи о моих племянниках.

.. Бертольд и Вовочка каждый день вспоминает Вас и рассказывают, как Вы отнеслись к ним. Мы хорошо помним и ценим то, что Вы их скрывали от немецкой полиции, после бегства Бертольда и Володи из еврейского гетто. Если бы вы их своевременно не укрыли и не направили к партизанам, то они, конечно, погибли бы, что было бы безутешным горем для нашей семьи. Дети очень хорошо помнят это и видят в Вас вторую мать, что подтверждается фактом прихода их в Вашу семью по возвращению из партизан...

Бертольд, восхищаясь Вашей смелостью, рассказывает о том, как Вы помогли нашим советским военнопленным бежать из лагеря госпиталя, где их медленно приводили к смерти. Вся наша семья благодарна Вам и желает долгих и плодотворных лет жизни.

Уважающая Вас А. Агроскина.

27.01.45 г.

После войны продолжалась наша дружба и наша детская любовь. Бертольд закончил школу с золотой медалью, поступил в Мединститут и успешно его

закончил, защитил кандидатскую диссертацию. Володя закончил Политехнический институт. В 1989 г. они в семьями уехали в Америку. Время бежит, и 27.01.2004 г. Бертольда не стало.

В 1943 г., когда партизанскому отряду нужен был врач, мы помогли вывести из гетто Дору Борисовну Альперович 1910 г.р., бывшую мамину однокурсницу, которая в гетто работала в инфекционной больнице.

Ежедневно в День Победы, 9 мая, мы собирались всей семьей за праздничным столом и вспоминали все пережитое. Мама вспомнила, как помогали Доре Борисовне выбраться из города, как они несли в партизанскую зону сумки с медикаментами, прикрытыми вещами якобы для обмена в деревне на продукты, как ехали на попутной телеге с оружием, прикрытым сеном, как попали в облаву и мама съела свое партизанское удостоверение. Как во время облавы отправила Дору Борисовну с сумками, где были медикаменты, сесть под куст, надеясь, что немцы-мужчины постесняются к ней подойти и не увидят, что она еврейка. Как среди этих немцев оказался охранник кожзавода, который знал маму, знал, что она заводской доктор, что у нее трое детей, поверил и убедил остальных немцев. Что она идет в деревню за продуктами. Немцы не проверили, что в сумках, отпустили их. Мама вспоминала, как Дора Борисовна не хотела оставаться у разбитого танка, куда мама по партизанскому заданию ее привела для дальнейшей встречи с партизанами. Как Дора Борисовна плакала, как не хотела оставаться среди леса одна, но мама сказала «что будешь есть траву, грызть кору, но назад в гетто я тебя не поведу».

После освобождения города Дора Борисовна из партизанского отряда пришла к нам. Наши семьи были друзьями. Умерла Дора Борисовна в 2003 г.

Мама – персональный пенсионер. Она награждена медалями. Звание праведника присвоено в декабре 1995 г., посмертно.

Наша бабушка – Анна Андреевна Гладкевич – была очень добрым человеком и великой труженицей. Дома все держались на ней: накормить, постирать и за нами присмотреть. В то трудное послевоенное время мы все получили высшее образование. Я окончила БГУ, Лева – Радиотехнический институт. В декабре 1957 г. умерла бабушка. Вечная ей память.

В моих же поступках особо героического мало было. Я лишь выполняла мамины поручения: ходила в госпиталь к нашим военнопленным, приносила туда одежду, старалась помочь раненым. Ходила в гетто с мамой и одна, передавала то, что поручала мама. Я с младшими братьями помогала выйти из оккупированного города Бертольду, Володе и Доре Борисовне. В далекие военные времена не думалось о поступке-долге. Но можно представить, чем все это могло кончиться и как волновались бабушка и мама.

В марте маме, мне присвоено почетное звание Праведник Народов Мира. Присланное поздравление от Бертольда и Володи из Смесфильда (США) по своему значимое:

Если бы в Мире не было жестокости. Насилия. Как прекрасна была бы жизнь на земле! Увы, насилие и жестокость окружают нас.

Но, к счастью, Земля рождает людей, готовых помочь людям, защитить их от зла, прикрыть собой... и таких людей называют праведниками.

Вот и сегодня мы отмечаем признание заслуг перед евреями русской женщины Ирина Простак – Павловой. Так же, как ранее были признаны заслуги Ириной мамы – Елены Михайловны Павловой.

... Мы полностью разделяем вашу радость в связи с признанием Иры Праведником Народов Мира. И мы желаем всем вам доброго здоровья. Благополучия и успехов.

Ваши Владимир и Бертольд Вильнеры.

Ну, а я с 1996 г. остаюсь волонтером в благотворительном обществе Хэсэд-Рахамим. Впереди еще немало добрых дел.

г. Минск, 2009.

РОГАЧЕВСКАЯ-ДУЛЕВИЧ Александра Спасенные: ЭПШТЕЙН Владлен, БОТЯНОВСКИЕ Майя и Беба, семья РЕЗНИК

Год присуждения звания 2001

Это была женщина исключительной храбрости. Боец спецотряда НКВД БССР, который сражался с фашистами. Мужественная разведчица. Специально устроилась в управу, чтобы изготавливать фиктивные документы для подпольщиков, для евреев, скрывающихся от фашистов.

Ее предали, и в апреле 1944 г. Александру Рогачевскую-Дулевич расстреляло гестапо.

Но память об этом человеке останется у многих людей, обязанных ей жизнью.

Одиннадцатилетний Владлен Эпштейн дружил до войны с дочерью Рогачевской – Валентиной. Когда Владлен остался без родителей, Рогачевская забрала его жить к себе. А потом переправила в безопасное место в Западную Беларусь. По ночам у нее дома прятались Майя и Беба Ботяновские, семья Матвея Резника.

Праведники народов мира Беларуси. С. 134–135.

САКУРО Дарья Спасенный ПОДНОСОВ Игорь

Год присуждения звания 1995

Тамара Рубенчик родилась в 1921 г. Вышла замуж перед войной, и в 1940 г. у нее родился сын Игорь.

Когда началась война, муж ушел на фронт, а Тамара с сыном и с матерью оказались в Минском гетто. Каждый раз, узнавая об очередном погроме, Тамара с сыном выбирались из гетто и бежали прятаться к Дарье Сакуро. Не было случая, чтобы им отказали в помощи.

Летом 43-го, во время одного из погромов, погибла мать Тамары – Дарья Яковлевна спрятала подругу и ее сына в своей квартире. Тамаре удалось достать «русский» паспорт. Но 24 января 1944 г. ее арестовали по доносу, заключили в тюрьму. Там мальчик тяжело заболел воспалением легких и был передан в детский дом, а Тамара отправлена эшелонам в концлагерь в Германию.

Узнав, в каком детдоме содержится Игорь, Дарье Сакуро удалось забрать его оттуда, выходить и вернуть к жизни.

Праведники народов мира Беларуси. С. 48.

САЛТАНОВИЧ-ЛАВРОВА Людмила Спасенная РАЙХЕНГАУЗ Рахиль

Год присуждения звания 1996

Девятнадцатилетняя Людмила Салтанович (Лаврова) в 1941 г. стала членом молодежной подпольной группы. Они доставали оружие, медикаменты, передавали их партизанам. Хотя она и сама жила бедно, но относилась в Минское гетто еду, понимая, что там от голода могут погибнуть люди.

Людмила прятала Рахиль Ароновну Райхенгауз. В июле 1943 г. она вывела Рахиль в партизанский отряд.

Праведники народов мира Беларуси. С. 66–67.

СВЕТЛИКОВ Николай и его жена ГОЛУШЕНКОВА Стефанида

Спасенная ВСЕЛЮБСКАЯ Татьяна

Год присуждения звания 1999

Шестилетняя Таня Вселюбская 22 июня 1941 г. находилась в пионерском лагере под Минском. Родители забрать ее не смогли. Эвакуировать лагерь тоже не удалось.

Таню нашла тетьа, и вместе с ее семьей она оказалась в Минском гетто. Во время одной из облав Тане и ее двоюродному брату Лене повезло. Они успели спрятаться, и их не нашли. Дети пришли к дому, где жили до войны, но там уже поселился полицай. Соседи согласились приютить мальчика, но девочка выглядела слишком по-еврейски. И ей отказали.

Голодная, в лохмотьях Таня бродила по городу и собирала милостыню. Однажды на улице ее остановила женщина и спросила: «Кто ты и откуда?». Узнав, что Таня – еврейка, она привела ее к себе домой, вымыла, накормила и уложила спать. Таня проспала два дня. Проснувшись, услышала, что женщина и ее муж обсуждают, что с ней делать. Решено было девочку оставить и крестить как родную дочь.

Так Таню приютили Николай Светликов и Стефанида Голушенкова.

Николай вскоре умер. Соседка, все годы враждовавшая со Стефанидой, специально, чтобы обратить внимание, во всеуслышание обзывала девочку жидовкой. Испугавшись, Стефанида оставила дом и переехала жить в другой конец города, где их никто не знал.

В конце войны Таню разыскали и забрали к себе родственники.

Праведники народов мира Беларуси. С. 103–104.

СЕМАШКО Раиса Кирилловна

3.06.1930, г. Минск

Спасенные: БОРЩЕВА Ида, ЦЕЙТЛИНА Нина

Год присуждения звания: родителям посмертно в 1996, Раисе Семашко в 2001

Я родом из маленькой семьи. Отец – Семашко Кирилл Никитович, мама – Анастасия Лазаревна да я, вот и вся наша семья. Отец мой был очень интересный человек, владел многими специальностями, 12 лет жил и работал в Америке. Честно говоря, я не знаю, как так случилось. Были годы, когда

эта тема и разговоры о ней были под запретом. Потом отца не стало, и многие вопросы так и остались без ответа. В молодости он был моряком, плавал на американском торговом судне, торговавшем с Японией. В 1920 г. из патристических чувств, не зная и не осознавая, что такое революция, отец вернулся на Родину.

И отец, и мама родом из Брестской области, там они познакомились и поженились, чуть позже переехали в Минск. В 1930 г. родилась я. Родители мои к тому времени были не так уж молоды, папе – 44 года, а маме – 32 года. Жили мы в Минске на углу Сторожевской улицы и Пугачевского переулка, снимали однокомнатную квартиру в доме у хозяина по фамилии Либо. Вообще, наш поселок, расположенный в районе пивзавода и Комаровки, был известен в Минске как чисто еврейский. В районе Комаровского переулка даже была небольшая синагога. Все называли поселок Сторожевка. В нашем доме жили только две русские семьи – наша и семья Соколовских, остальные восемь семей – евреи. Рядом с нами жила семья врача Натана Клипцана. Его жена и сын Фима погибли в гетто, а он сам перед войной с дочерью Нюсей уехал в Москву. Оттуда его призвали в армию, он воевал, остался жив, а дочь жила у родственников в Москве. Только после войны, вернувшись в Минск, они узнали о произошедшей трагедии, позже уехали в Америку.

В 1937 г. я поступила в 11-ю минскую школу. Класс, в котором я училась, являл собой полный интернационал – белорусы, русские, поляки, евреи, татары. Никто никогда не интересовался национальностью соседа по парте, если возникали ссоры, то это были обычные детские проказы.

Война, так круто изменившая привычный жизненный уклад, на всю оставшуюся жизнь связала меня с двумя еврейскими девочками. Это были мои одноклассницы Ида Борщева и Нина Цейтлина. Случилось так, что, когда началась война, их семьи не успели эвакуироваться и девочки остались в Минске. Нина жила с мамой и младшей сестричкой. Ее отец был музыкантом, играл в оркестре оперного театра и перед самой войной уехал на гастроли. Мама Иды Борщевой работала в НКВД. Ее в срочном порядке эвакуировали с отделом, даже не позволив забежать домой и взять ребенка. Когда началась сильная бомбежка, вместе с тысячами других испуганных людей Ида с бабушкой ушли из города.

Дороги были забиты толпами беженцев. И не мудрено, что во время очередного налета, в суматохе, Ида отстала от бабушки и потерялась. Как впоследствии выяснилось, бабушку, которая буквально обезумела от отчаяния, посадили в какую-то попутную машину, и она с чужими людьми эвакуировалась из Беларуси. Ида, оставшись одна, не растерялась. Уйти далеко от города они с бабушкой не успели, и она вернулась в горящий Минск. Их дом был разрушен. Поплутав по городу, Ида пришла к нам. Мама оставила ее у нас.

Во время войны в школу я не ходила, уже были известны случаи, когда детей забирали прямо с уроков и отправляли неизвестно куда, поэтому родители не пускали меня. Честно говоря, сильно по этому поводу я не переживала. Даже по-детски радовалась затяжным каникулам. Но зато я очень много читала, а все свободное время я проводила с Идой и Ниной.

Вскоре в Минске развесили немецкие приказы, в которых предписывалось евреям в срочном порядке переселиться в специально отведенные места. Так в городе появилось гетто. Все наши соседи-евреи, которые не успели или не

смогли покинуть город, ушли туда. Большинство из них поселились на Замковой улице, а люди с этой улицы пришли в Сторожевский поселок, так как их выселили из квартир. Наш хозяин с женой также ушли в гетто. Уходя, он сказал моему отцу: «Кирилл, если мне будет суждено вернуться, я думаю, у нас с тобой проблем не будет, а пока занимай и мою половину дома». Из гетто они так и не вернулись, и наша семья еще много лет жила в этом доме. С новыми соседями нам очень повезло. Это были семьи Козловых и Ясинских, исключительно порядочные люди, которые помогали нам сохранить жизнь Иде и Нине.

Ида ушла в гетто вместе с довоенными соседями по квартире. Но эти люди не могли в тех условиях взять на себя содержание чужого ребенка, поэтому Ида жила в детском доме при гетто. Числилась она там лишь номинально. Практически постоянно Ида находилась у нас. Я частенько ходила на территорию гетто. Почти все наши бывшие соседи жили на Замковой улице. Мама давала мне продукты, и я носила их нашим друзьям. Однажды мама собрала мне узелок с передачей в гетто. Я пошла, встретила знакомых детей, заигралась. Видя, что уже стемнело, решила переночевать в гетто. Мне даже в голову не пришла мысль, а что же будет с моими родителями, если я не вернусь домой. Папа пришел с работы – меня нет. Мама, рыдая, рассказала, куда я пошла. Отец побежал меня искать. У входа в гетто его окликнул полицейский: «Jude!» и затолкал за проволоку. Отец божился и молился, объяснял, что ищет пропавшего ребенка. Все было тщетно, полицейский не верил. А потом, возможно, от скуки или из любопытства, решил проверить, еврей отец или нет. Завел его в помещение, позвал каких-то стариков и велел отцу снимать штаны. Старики посмотрели и сказали: «Этот человек русский». Вернулась я только утром. Мне, конечно, здорово влетело.

В гетто я навещала семью Нины Цейтлиной. Но после погромов в гетто Нина все чаще приходила к нам домой, иногда вместе с мамой, приносили кое-что из одежды, чтобы поменять на продукты. Соседи знали их, помогали, кто чем мог. Во время третьего погрома погибли мама и сестра Нины. Сама она спаслась, благодаря тому, что в это время была у нас.

Мне не пришлось пережить те ужасы, которые выпали на долю еврейских детей. Но я знала, что ждет меня и моих родителей, если немцам станет известно о нашей помощи еврейским девочкам.

Что мы делали в годы оккупации? Во время войны отец работал конюхом на «Эльводе» так называлась городская электростанция. При станции была столовая, где кормили немецкую охрану и людей, которых пригоняли туда на работу (в основном это были евреи). Папина работа очень помогла нам выжить. Дело в том, что ему часто приходилось забивать корову или свинью. Немцы забирали мясо, а внутренности выбрасывали. Отец всегда имел при себе какой-нибудь мешок, в который складывал это «богатство», и приносил домой. Кроме того, в те страшные годы было столько пожарищ, которые использовали под огороды. На них горожане, и мы в том числе, сажали картошку, капусту, морковь. Во дворе нашего дома имелся погреб, где мы хранили урожай. Это было хорошим подспорьем в голодное время. Таким образом мы кормились сами и помогали соседям и знакомым из гетто.

Как-то случилось, что слухи о том, что мы скрываем еврейских детей, просочились за пределы поселка. Тогда произошел один случай, который я запомнила на всю жизнь. Немцы очень любили делать обходы по улицам.

Обычно патрулировали по три человека — двое мужчин и одна женщина. Видимо, во время очередного обхода кто-то «надоумил» их завернуть в наш дом. Я в это время была на улице, но, заметив, что зашли в наш двор, побежала домой. У калитки стоял немец, он загородил мне дорогу, не пропуская в дом. Кое-как, по-немецки, объяснила, что я здесь живу, там мои родители. Все-таки хорошо, что мы жили в частном доме и калитка всегда была на запоре. Чтобы ее открыть, нужно было время. Кроме того, во всех дворах держали собак, которые поднимали лай, стоило чужому подойти к забору. Заслышав такое предупреждение, можно было через заднее крыльцо незаметно убежать к соседям. Ида с Ниной так и сделали. Соседи у нас были просто замечательные, и они спрятали девочек. Часовой впустил меня в квартиру. Мама, увидев меня, совершенно опешила и смотрела на меня дикими глазами. Немцы приняли меня, черноволосую девчонку, за еврейку и закричали: «Jude!». Мама, рыдая и крестясь, пыталась объяснить, что я — ее дочь, мы — белорусы. Слова не помогали. Начали обыск, но ничего не нашли. Тогда офицер поставил маму к стенке и приставил к виску пистолет. От ужаса я закричала. Слава Богу, прибежали соседи, объяснили, что никого в доме, кроме нашей семьи, нет. В тот раз все обошлось. Но у мамы на нервной почве начали выпадать зубы.

Был еще такой случай. Перед новым, 1943 годом, папа возвращался домой с работы. Было очень поздно. Обычно папу отпускали с работы затемно, но так, чтобы он успел добраться домой до наступления комендантского часа. «Эльвод» находился в районе Червенского базара, идти до дома было очень далеко, практически через весь город. Отец с друзьями решили отпраздновать Новый год, где-то раздобыли спирт. Но выпили на голодный желудок. Кое-как до площади Свободы папа добрался. А потом все... Голова вроде ясная, а ноги не идут. Отец поскользнулся, упал и не мог встать. Ползет, барахтается в снегу. А тут уж и комендантский час. На улице пустынно, и вдруг идет немецкий офицер. Заметил отца, прикрикнул на него, заговорил по-немецки. И тут на моего папу нашло озарение, он обратился к немцу на английском языке. К счастью, тот говорил по-английски, и они нашли общий язык. Вся комичность ситуации состояла в том, что немецкий офицер приволок отца к нам домой. Порядочный человек встретился. Это была и трагедия и фарс одновременно. В это время мы с мамой изводились, ожидая отца с работы. И вдруг с улицы донесся шум. Оказывается, от полноты чувств отец кричал и пел. А в доме находились и Нина, и Ида. Отец, будучи совершенно пьян и до конца не понимая, что происходит, не забыл о традиционном гостеприимстве. Он тащил своего спасителя в дом и кричал маме: «Настуся, собирай на стол! Будем угощать пана офицера!» Ида с Ниной от страха забились куда-то. Отец все-таки затащил немца в дом, долго уговаривал его посидеть. Но тот извинился, пообещал заглянуть завтра и ушел. Больше он у нас не появлялся.

В 1943 г., когда наши войска начали наступать, в Минск прибыли полицейцы из г. Людиново. Их поселили в нашем доме, пришлось уступить им даже ту часть квартиры, в которой раньше жил Натан Клипцан. Вот тогда стало небезопасно держать девочек в доме. Надо было что-то делать. У отца еще с довоенных лет был знакомый Орлов. Во время войны он курировал все детские дома. Благодаря ему отцу удалось пристроить Иду в детский дом для русских детей. Там она жила до освобождения Беларуси. С Ниной дело обстояло немного проще, она не была похожа на еврейку, в крайнем случае, ее

можно было выдать за обыкновенного приبلудного ребенка. В военное время очень много беспризорных детей ходило по дорогам. Однако риск оставался, следовало что-то предпринять. Отец дружил с профессором Прокопчуком, известным врачом-венерологом, работавшим во 2-й городской больнице. В годы войны профессор Прокопчук активно сотрудничал с партизанами, доставал медикаменты, которые мой отец переправлял в партизанский отряд, расположенный в Дзержинском районе. Из отряда часто приезжал оперуполномоченный Бордиловский Станислав Александрович. Папа уговаривал его забрать Нину. Он отказывался, мол, как же я привезу какого-то ребенка, я один это не решаю. В 30-е годы отец работал председателем коммуны, а затем председателем колхоза в Дзержинском районе – деревни Палково, Хомичи, Невеличи, примерно в 30 км от Минска. Во время оккупации, когда были особо сильные бомбежки, меня отправляли туда, несколько раз вместе с Ниной. Недалеко от деревни Невеличи жил брат Бордиловского Феликс Довнар. Там находились люди, которых удавалось переправлять из города в партизаны. Занимались они в основном хозяйственной деятельностью. Бордиловский договорился. Жена Феликса отправила Нину в партизанскую зону. Это было в 1943 г. Однажды полицаи, который жил в нашей квартире, зашел к нам и начал разговор с моим отцом. Он все выспрашивал о девочках, злился, кричал. Но в то время детей в доме уже не было. Полицай достал пистолет, угрожая отцу, а потом несколько раз выстрелил в пол. Когда началось наступление наших войск, людиновские полицаи ушли с немцами.

После освобождения Минска Нина вернулась домой. Здесь ее разыскал отец. Люди искали друг друга по объявлениям. В городе было несколько мест, где вывешивались записки с адресами и фамилиям. Отец вскоре женился, а Нина училась, закончила Институт народного хозяйства, вышла замуж, вырастила двоих сыновей. Оба получили высшее образование. Один из сыновей с женой уехал в Америку. Нина с мужем тоже собиралась переехать к нему. Но муж очень переживал скорую разлуку с младшим сыном и внуком. Незадолго до отъезда он скончался. Нина уехала одна. К сожалению, в Америке она тяжело заболела и умерла. С обоими сыновьями Нина и поддерживала связь.

Не самым лучшим образом сложилась судьба Иды. После освобождения вернулись ее мама и бабушка. Мама вышла замуж, а бабушка полностью посвятила себя Иде. Ида окончила курсы машинописи, вышла замуж за военного. С мужем они исколесили весь СССР. Детей в семье не было, жизнь не сложилась, и брак распался. Ида живет в Минске. Долгое время она работала машинисткой на авиаремонтном заводе, сейчас на заслуженном отдыхе. Мы до сих пор очень дружны, делимся и радостью и горем. Ида так и осталась энергичной и жизнерадостной женщиной. Ее обожают мои внуки, считают одной из своих бабушек.

Еще хочется рассказать такую историю. С Замковой улицы переселилась семья Козловых, в которой было двое детей, Зина и Володя, рожденные от смешанного брака – жена Козлова еврейка. Когда началась война, Володе было лет 18, а Зине около 20. Козловы были коммунистами. В самом начале войны собралась группа евреев, и они решили: «Мы коммунисты и евреи, нельзя дать себя уничтожить, лучше сделать это самим». Они где-то раздобыли яд. Первой выпила жена Козлова, больше никто не осмелился. Факт этот реальный, но мало известный.

Дочь Козлова Зина была очень хороша собой. В годы оккупации она была близка с немецким офицером Бруно. Он часто приходил к Зине в гости. Бруно запросто общался с соседями, не обделял вниманием нас, детей. Видел он и Иду, и Нину. И хотя считалось, что это дети из нашей семьи, он все отлично понимал.

В городе, на Комаровской улице (сейчас ул. Варвашени), перед войной располагались военные казармы (в настоящее время там находится военный госпиталь). В годы войны в одном из зданий квартировал немецкий батальон, в другом – литовский, в третьем – украинский. Литовский батальон обычно принимал участие в карательных операциях против партизан, украинский выполнял функции полиции, а немцы руководили. В казарме немецкого батальона жил Бруно. Он всегда знал об облавах и сообщал об этом через Зину. Володя Козлов был связан с минским подпольем, и все ценные сведения передавал подпольщикам. После того как разоблачили минское подполье, Володя ушел в партизанский отряд вместе с сыном еще одних наших соседей Геной Ясинским. Из отряда они не вернулись. Зину схватили во время одной из облав, но Бруно ее спас. Впоследствии ее угнали в Германию. После Победы она вернулась в Минск, совершенно больная, и вскоре умерла. Отец тоже погиб. Погибла и вся семья Ясинских. Их взяли вместе с другими участниками подполья. После допросов и пыток мать сбросили в колодезь, а судьба отца до конца не известна.

Нелегкая участь выпала моему отцу в послевоенные годы. Он после войны работал на хлебозаводе охранником. Больше его никуда не брали, так как мы были на оккупированной территории. Его часто вызывали на допросы, без конца проверяли. Не хотели даже верить документам, подтверждающим его участие в партизанском движении. На одном из допросов следователь его избил. Умер папа в 1952 г. от туберкулеза.

...Когда Нина уехала в Америку, она прислала письмо, в котором написала о том, что в одной из американских газет вычитала о Праведниках народа мира. В Минске за оформление документов взялась Ида.

г. Минск, 2009.

См.: ...На перекрестках судеб. С. 177–186.

СЕРОВА Зоя Яковлевна **Спасенные: КАРПИЛОВА, АЛЬПЕРОВИЧ**

Год присуждения звания 1996

22 июня, в день, когда началась война, мне исполнилось двенадцать лет. Моя семья жила в Минске на Московской улице. У родителей нас, детей, было трое, и все – девчонки. Маму нашу звали Анна Ивановна, а папу – Яков Фомич. Я была самой старшей, на два года младше – сестричка Галя, и двухлетняя Лена. Папа был железнодорожником, работал до войны в багажном отделении простым рабочим, мама до рождения Лены работала на стекольном заводе тоже простой рабочей. Училась она и на подготовительном отделении в юридическом институте, где познакомилась с Марией Осиповой, но так и не поступила в институт, потому что забеременела.

Война началась неожиданно. Буквально на третий день у нас появились беженцы, это были в основном жены военных с детьми и сами военные. С их слов мы уже знали, что наши войска отступают. А в официальных сообщениях

говорилось, что врагу не быть на нашей территории. Представляете, какая ситуация. Не надо было никаких сообщений, Минск бомбили, бомбили страшно и наши, и немцы, шли колонны беженцев, высаживался немецкий десант, и, конечно, мы все понимали. Дома рушились, появились раненые, началась всеобщая паника. Эвакуации организовано не было, а наоборот, если ты не выходил на работу, то уже считался предателем. А папа, работавший на железной дороге, с первых дней войны был как бы мобилизован, все работающие там приравнивались к военным. Пути бомбили, и рабочим приходилось восстанавливать их, работали круглосуточно. Числа 25 июня папа прибежал домой и говорит нам: «Знаете, уезжает наше начальство...». И сказал, чтобы мы немедленно собирали самое необходимое и уходили из города. А он пока останется.

Мы – мама, я и младшая Лена – пошли к маминной знакомой в Острошицкий городок. А средняя сестричка была в то время в пионерлагере под Оршей, папе как раз за неделю до начала войны дали на работе туда путевку. Потом все дети этого лагеря были эвакуированы, из них организовали детский дом где-то под Уфой. И так, у мамы нас осталось двое. Младшую она взяла на руки, у нас еще был велосипед, на него мы погрузили какие-то клунки и двинулись по шоссе в сторону Острошицкого городка. Там находился санаторий, где лечили туберкулезников, и мамина подруга Кроликова Александра в нем работала. Александра нам позвонила и сказала, что они стали госпиталем и, если будет необходимость, чтобы мы шли к ней. Вот мы и воспользовались ее предложением. Шли почти весь день. Бомбежки кругом, мертвые лежат вдоль дороги. Кто-то просит помощи, кто-то – воды. Я даже не плакала, все тогдашнее было очень похоже на происходящее сейчас в Чечне, ведь там дети не плачут... Ничего у мамы не спрашивала, мы двигались почти бегом, не чувствуя усталости. Лишь бы вырваться из пылающего города. Я сегодня, вспоминая Минск первых дней войны, постоянно провожу параллели с Грозным.

Уже почти подошли к Острошицкому городку, а там на развилке идет бой. То есть мы наткнулись на сражающуюся сотую дивизию, бой шел страшный, ребята бились с немцами врукопашную. И тут мы... Ну, куда-то спрятались, пересидели. К вечеру подошли к городку, а там уже немцы. Через пару дней они расстреляли всех, кто был в госпитале. Мама пошла в Минск, чтобы узнать, цел ли наш дом. И в этот же день мы вернулись домой. Папа во время нашего отсутствия, видя, что уезжает Пономаренко и вся партийная верхушка, и думая, что мы в безопасности, сел с еще несколькими рабочими в тамбур и уехал.

Рядом с нами жила еврейская семья Карпиловых. Семья эта была очень большая, и до революции они занимали аж четыре дома. Нас ЖАКТ как семью железнодорожника вселил в один из их домов где-то в 1926 г., меня тогда еще не было. И мы даже не знали, что этот дом когда-то принадлежал Карпиловым. Но, как ни странно, отношения между нашими семьями сложились прекрасные. Хотя поначалу, как рассказывала мама, мы были приняты «в штыки». Но, как говорится, Бог все предвидел. Они продолжали занимать три дома по нашей улице, и мы дружили со всеми детьми нашего возраста из этой семьи. Я дружила с Мирой, которая очень хорошо рисовала и часто к нам заходила, а папа все говорил, чтобы я у нее училась. Все Карпиловы говорили только на идиш, а мой папа во время первой мировой войны был в плену в Германии и знал немецкий. Наши семьи прекрасно общались, и все очень уважительно

относились друг к другу. Если какой праздник, мы хоть вместе и не праздновали, но было принято принести угощение. Мы с удовольствием ели мацу и цимус, а сами угощали соседней мамиными драниками. Хоть и мы, и они были людьми необразованными, но понимали, что самое главное – уважение.

В конце июля был приказ о создании гетто в районе улиц Юбилейной, Танковой, и Карпиловы перебрались туда. А в их дома вселились жители с улиц, определенных под гетто. То, что новые жители не знали, кого они сменили, и не знали нас и наших родственников, это нам впоследствии очень помогло. И Аня, и Мира Карпиловы прибежали к нам. Аня Карпилова работала вместе с Дорой Борисовной Альперович в гетто в клинике, и впоследствии они передавали партизанам очень много медикаментов и перевязочного материала. Как-то раз прибежали к нам из трудового лагеря военнопленные, надо было их срочно спрятать куда-то, и мы их переправили в гетто, к Доре Борисовне, в тифозное отделение клиники, куда немцы никогда не заглядывали. Потом почти всех врачей из гетто, вернее, всех, кто выжил, подпольщики переправляли в партизанские отряды. Я сама выводила из города Аню Карпилову. У нее были вьющиеся рыжие волосы и типично еврейские черты лица, и, чтобы это не очень бросалось в глаза, она так завязала платок, что виднелся только нос. Неброско оделась, взяли с собой какие-то вещи, якобы менять, и мы пошли. На выходе из Минска стояли полицейские, наши ребята, им положено было также заплатить, чтобы пройти. А на этот раз там такие стояли, что выйти нам не удалось. И пришлось Ане еще неделю просидеть у нас на чердаке.

Сразу, с первых дней войны, на Суражском базаре пошла бойкая торговля. Магазины не работали, немцы в первые дни дали их разграбить, я сама принесла домой какую-то муку, крупу, и только эти базарчики несколько месяцев спасали жителей Минска от голода. Потом появились и магазины, и хлебные карточки, которые немцы выдавали только работающим. После войны я не раз слышала вопросы, почему мы выжили. Мама во время оккупации не работала, у нее было трое детей, и она была еще не очень здоровым человеком. То есть работать она никак не могла. Но карточка на нее все равно полагалась, как и на нас, детей. Такое было только в отношении женщин, а мужчины, если они не могли выходить на работу, карточек не получали. И когда кто-нибудь говорит с возмущением о том, что как можно было работать на немцев, мне даже смешно... Как можно было не работать? А кормить своих детей матерям чем? Мы же жили в оккупации не один день, а три года. В Минске работала Академия наук, заводы, школы, и, кстати, я училась в школе. Мама моя, говорившая только по-белорусски, сказала: «Ідзі, вучыся, гэта ж трэба». Я училась в 12-й школе, на Мясникова. Там преподавали все предметы. Я очень любила немецкий, хорошо его знала и разговаривала. Хоть немцы и хохотали, когда мы с ними пытались говорить. И белорусский язык учили, по грамматике Тарашкевича. Училась все военные годы, закончила семь классов, а после освобождения перешла в восьмой. Нам даже аттестат выдали, на белорусском языке. До войны я училась в 1-й школе, на Чкалова, немцы сразу ее приспособили для своих целей, а под школу выделили какое-то плохонькое помещение. Учеников было немного, да и людей в городе вообще осталось немного. Порасходились по деревням, некоторые эвакуировались.

Через какое-то время с нами установила связь Мария Борисовна Осипова. Они с моей мамой одно время вместе работали на заводе и на подготовительном

учились, только Мария закончила институт, а моя мама – нет. Обе были членами партии и активно включились в организацию подпольной деятельности. Самое удивительное, что мама у меня спросила, готова ли я ей помогать в этой работе. Она привела к нам Веремейчик Анастасию Фоминичну, эта женщина до войны работала в мединституте, и та поселилась у нас как родственница. Мама сумела сделать ей документ, подтверждающий, что она больна эпилепсией и не может работать. В управе Анастасию записали как инвалида и прописали к нам.

Старшие ребята из семьи Карпиловых, Хаим и Мишка, попали в открытый трудовой лагерь, вместе с русскими. Хаим до войны окончил какой-то инженерный институт, а Миша не имел образования. Хаима сразу расстреляли, интеллигенцию уничтожали в первую очередь.

Евреев из гетто водили на работы. Рядом с нами была баня, женщины дезинфицировали там белье с убитых немцев, а на Московской, там, где сейчас университет культуры, был стадион, туда немцы свозили обломки военной техники, была свалка, и туда приводили евреев разгрести этот лом. Однажды мама проходила мимо этого склада и увидела Полю Сульскую, жившую до войны недалеко от нас. Мама отозвала ее в сторону, за работающими немцы не очень то наблюдали – один солдат на всю колонну. Полина прибежала к нам домой, они с мамой долго говорили. Хочу сказать, что сам процесс спасения не был таким простым, каким он порой представляется. Можно было взять какого-нибудь ребенка, но долго прятать у себя нескольких взрослых людей нереально, надо было переправлять их к партизанам. А последние никого не принимали без оружия. Простого желания бороться было недостаточно. Так вот, мама договорилась с Полиной, а та пообещала подключить еще нескольких надежных людей и с этой оружейной свалки выносить в гетто детали. В гетто были такие умельцы, которые из этого лома могли сделать что угодно. И это абсолютная правда, что в гетто имелось оружие, и понятно, откуда оно там появлялось. В гетто тоже пассивно не ожидали своей участи, а как могли пытались бороться.

За проволоку гетто попадали и листовки, и даже газета «Звезда». В Минске были подпольные типографии, и с Москвой существовала связь. У нас дома часто бывала одна десантница, выполнявшая какие-то задания. В том числе она доставляла литературу, которую в гетто переносили и сами его жители, и мы. Хотя я сама в гетто бывала только несколько раз, а чаще подходила к проволоке, где мне давали вещи на обмен. Это была и одежда, и медикаменты, а иногда и детали оружия для партизан. Я шла на рынок, вещи меняла на продукты и опять несла к условленному месту у проволоки гетто. Один раз с мамой даже ночевала в «малине» у Сульских. В гетто началась паника, все начали прятаться, и мы тоже. Куда нам бежать? Раньше, когда мы бывали у Сульских, я никакого укрытия не замечала. Оказывается, как только они попали в гетто, сразу расширили подпол, положили какие-то лежанки на полу и полочки закрепили по бокам. А сверху все было замаскировано так, что никогда не подумаешь. И в таких укрытиях люди переживали погромы.

У меня был невероятнейший образ жизни. Я и в школу ходила, и бегала по маминым поручениям, и ходила с другими детьми к Дому правительства просить у немцев еду. Кормить надо было и тех, кто сидел у нас на чердаке, а это случалось постоянно, и чаще всего это были евреи, бежавшие из гетто,

которых мы по несколько дней у себя скрывали. Потом приходили проводники из отрядов и их забирали. Мы знали, что ходим по лезвию ножа – и мама, и я, и эта Веремейчик.

Не всегда все шло гладко. Была такая Молокович, руководитель Колодищенского подполья, которая частенько бывала в Минске. Она выводила из города знаменитого врача Клумова и каких-то немцев, и где-то около Колодищ они попались. Посадили их в тюрьму, и моя мама подошла к какому-то полицаяу, который там работал, и спросила, что он хочет за то, что выпустит Молокович. Он потребовал кабана. А кабанчиков мы держали. Полицейский этот выкуп взял, но ничего не сделал. Мама ему потом высказала, а он в ответ: «Молчи! А то и тебя продам!» Конечно, Молокович расстреляли. И мы ничего не смогли сделать. Подлецов хватало. Но вот другой пример. Приходили как-то с проверкой из управы, а у нас на чердаке были люди. Мы думали, что все, конец. Но полицейский поднял голову, посмотрел на открытую дверку чердака... и ушел. Хотя было понятно, что там кто-то есть.

Я чуть было не отправилась в Германию. Попала в облаву, нас уже заталкивали в поезд, но я была девочкой мелкой, и какой-то немец вытянул меня, при этом смачно ругнувшись по-немецки.

После последнего погрома в гетто к нам пришли аж семь человек. Среди них – другая Аня Карпилова, теперь она носит фамилию Кристель и живет в Израиле, недавно к нам приезжал ее сын. В то время ей было лет пятнадцать, почти моя ровесница. Она очень хорошо вязала, передавала эти вещи мне, и я их продавала на рынке. Аня также ходила на работу как раз в эту баню па Московской. В карманах немецкой формы, которую они дезинфицировали, часто попадались боеприпасы, она их прятала и приносила в гетто. Почти одновременно с Аней к нам пришли две еще совсем маленькие девочки, и они рассказали, что из гетто выводили колонну, они шла с мамой, и вдруг, когда проходили где-то недалеко от нашего дома, мама вытолкнула их и сказала идти именно в наш дом. Я так до сих пор и не знаю, кто их мама и откуда она знала, что можно идти к нам. Девочки еще передали просьбу своей матери устроить их в детский дом. Но сделать это было непросто. Я ходила к заведующей два раза, договаривалась, и, наконец, та согласилась. Больше об этих сестричках я ничего не слышала. Сидели у нас тогда и Сульские, их дочка Эмма потом выходила из города по моим документам, хотя ей было лет восемь. Были связи с управой, и там доставали какие-то паспорта, может, и умерших. Вообще, технология была такова: по одним и тем же документам уходили разные люди, по моей метрике из города вышли еще две девочки. Мы всех, кого прятали, отправляли к партизанам. Принимать этих людей сразу не хотели, тогда мама пошла на хитрость – намекнула, что если она попадется, партизаны потеряют связную.

Минск освободили 3 июля, а 23-го была такая бомбежка! Об этом никто не говорит, но коренные минчане знают. Город опять чуть не сдали. Бомбили и наши, и немцы. И вот в этот раз наш дом сгорел. Представьте, всю войну простоял целешенек, а в последние дни разбомбили... Мама тогда работала в третьей клинике, на Ленина, это была клиника профессора Клумова. Вернулись Сульские, и мы некоторое время жили у них. По сути дела, они уже нас спасали.

СИДОРЕНКО Ольга
Спасенный ГОЛЬДБЕРГ Аркадий
Год присуждения звания 1990

Когда немцы захватили Минск, Аркадию Гольдбергу было 10 лет. Вместе с отцом и старшим братом он попал в гетто. Причем Аркадий оказался в детском доме, находившемся на территории гетто. В марте 1942 г. фашисты провели акцию по ликвидации детского дома. Дети и их воспитатели были расстреляны. Аркадию с несколькими друзьями удалось бежать. Немцы стреляли по убегающим, Аркадий был ранен в ногу. Потом мальчик оказался в другом детском доме, который вскоре постигла судьба предыдущего. И снова Аркадий бежал, на этот раз вместе с другом по фамилии Рувимович. Им удалось преодолеть забор из колючей проволоки, окружавший гетто, и проникнуть на территорию другого гетто, где были собраны евреи, привезенные из Германии. Немецкие евреи спрятали детей и заботились о них. Но настал час ликвидации и этого гетто. Аркадий Гольдберг вновь бежал и вернулся в старое гетто. Оттуда ему иногда удавалось выбираться в город. Там познакомился с одноклассниками. Они привели его к себе в дом. Мать одного из них, Ольга Федоровна Сидоренко, накормила Аркадия, и он вернулся в гетто.

С тех пор дети Ольги каждый день приходили к забору гетто и передавали Аркадию еду. Рана, полученная во время первого побега, не переставала тревожить мальчика, нога вспухла. Вскоре Ольга Сидоренко взяла мальчика к себе. Она прятала его, лечила, делилась последним куском хлеба. Но опасность не отступала. Соседка пригрозила, что сообщит немцам, что Ольга прячет еврея. Тогда Ольга дала Аркадию свидетельство о рождении своего сына и увела его в район Несвижа, где оставила у одного крестьянина. Аркадий остался там и некоторое время пас скот. По новой легенде, он был единственным сыном этого крестьянина, оставшимся в живых после того, как партизаны сожгли их дом. Ольга регулярно навещала Аркадия, справлялась о его здоровье. Через некоторое время она вместе с семьей была угнана в Германию.

После войны все они вернулись в Минск. Вернулся туда и Аркадий.

Праведники народов мира Беларуси. С. 16–17.

СПАРНИНГ-ДЕМИДОВА Вера
Спасенные: воспитанники детского дома № 7 г. Минска
Год присуждения звания 2001 (посмертно)

Во время войны Вера Спарнинг была директором детского дома № 7 в Минске. Этот детдом находился в переулке Красивом. Подвергая опасности свою жизнь и жизни своих сотрудников, Вера Спарнинг взяла под свою опеку 35 еврейских детей-сирот из Минского гетто. Она изменила им имена и подделала их личные дела с тем, чтобы никто не догадался, что они – евреи.

Вспоминает Эмма Дулькина-Шафар:

«О том, что в детском доме много еврейских детей, знали и сотрудники детдома, и дети. Но Вера Леонардовна создала такую обстановку среди детей и персонала, что никто никогда не проговорился.

Когда ожидался приход комиссии (а она приходила только для выявления еврейских детей), Вера Леонардовна старалась любыми способами скрыть

детей с семитской внешностью. Она делала все возможное и невозможное. Это была божественная женщина с чутким и добрым сердцем, полным тепла и доброты. В основе ее подвига порядочность и мужество. Это благодаря ей и Владимиру Семеновичу Орлову мы сегодня живы. Некоторые из ее воспитанников живут в Минске, пятеро – в Израиле, а некоторые – в США.

Праведники народов мира Беларуси. С. 135.

КАНАПАЦКАЯ Фатима и ее дочь (ТРОФИМОВА) Анна Сулеймановна

24.12.1926, г. Минск

Спасенный ДАВИДСОН Исроэл

Год присуждения звания 2003

Перед войной папа Сулейман Асанович (1894 г.р.) работал связистом, но в период репрессий он ушел на работу, и больше его не видели. Перед войной получили ответ на розыск, что будем искать за пределами Беларуси. Лишь в 90-е годы историк И.Б. Конопакский принес нам документ о том, что папа был расстрелян. Мама Фатимо Мустафовна (1891 г.р.) проживала с бабушкой Фуршан Матвеевной (1857 г.р.) и мной на Залинейном переулке около Кальварийской. Дом деревянный, по тем меркам большой. Хозяйственные постройки, красивый сад.

Когда началась война, то недалеко от нас создали гетто. Вот тогда и прибежала наша хорошая знакомая Фрума Давидсон. С ней муж Исроэл и трое детей, которые проживали на Канатном переулке. Родители Фрумы жили отдельно, и в июле 1941 г. отец Меер для спасения смог купить татарский паспорт. Он стал Мироном. Выехал в Западную Беларусь, купил там лошадь для получения заработка. Иногда приезжал, чтобы поддержать семью. Привезенная им мука, крупа, сало хоть как-то поддерживала семью. Конечно, останавливался у нас. Сам немного изменил внешность. Отпустил бороду, но грассировал. Многие понимали, что к чему, и стали говорить: «Фата жыдоў хавае. Глядзіце, нас за гэта спаляць ці заб'юць». В один из приездов Меера мама сказала, что опасно его видеть, и тогда с весны 1942 г. он перестал бывать у нас. Все продолжалось своим же чередом.

Когда евреев гоняли на работу, так Фрума отправляла Рахэль и Миру к нам. Вова был маленький, и его оставляли в гетто. Но когда проводились погромы, тогда все они прибегали к нам. Прятались в сарае, чердаке, погребу, присклепнике. Были по два-три дня. Иногда оставляли малыша на неделю. Он плакал. В гетто становилось все опаснее. Фрума видела, что акции уничтожения стали учащаться, особенно в отношении мужчин. В июне 1942 г. она попросила маму, чтобы ее муж смог остаться у нас. Определили для него малину – место в сарае, замаскировав под поленицу. Мама носила еду, одежду из бывшего гардероба своего мужа. Зимой на ночь ему давали стеганку и теплые штаны. Когда было особенно холодно, то прятали на печке дома.

Время шло. В дом заходили и соседи, но не замечали, что кто-то еще живет у нас. Мальчика-то видели, но мы отговаривались, что кто-то подкинул, и не бросать ребенка же. А мальчик был светловолосый. Голова в завитках. Маленький Ленин, и все.

Положение изменилось, когда немцы потеряли много солдат под Сталинградом. Вот и к нам нагрянули немцы. Где-то шестеро. Молодые, здоровые. Бросились они в сарай и стали разбирать поленицу, а офицер зашел домой. Заинтересовался дымоходом. Потом вышел и увел солдат с собой. Вот какая была ситуация.

В июне 1943 г. все прибежали снова к нам, а через сутки вместе с отцом ушли в партизаны. Мы ничего о них не знали. Но как только Минск освободили, как они снова к нам. Плакали, целовались, радовались. Все живы!

Исроэл пошел на работу. Дети начали учиться в школе. В их счастливой семье в 1947 г. получено прибавление – девочка Геня. Наши отношения только крепки. И когда нам было непросто, так они нас поддерживали и материально тоже. Рахель поступила в мединститут и стала врачом. Будучи студенткой, вышла замуж за Шмайловича. В конце 1958 г. они всей семьей уехали в Польшу, а вскоре и в Израиль.

Переписка продолжалась, но после арабо-израильского конфликта наши отношения прекратились. Доходили слухи, что они нас не забыли и спрашивали, но найти друг друга не удавалось. Вот в 1994 г. во время празднования Дня освобождения Беларуси кто-то рассказал историю об укрытии во время погрома на протяжении одного дня одной еврейки. Тогда я рассказала И.Б. Конопацкому, как мама укрывала еврея в течение одного года. Он был потрясен и предложил написать в ежеквартальный татарский журнал «Байрам». Статья вышла, а затем на ее основе он опубликовал еще одну в независимой еврейской газете «Аннах-ну канн» под названием «Лёсы яўрэйскія, лёсы татарскія». Вот тогда на мое имя пришло письмо из Иерусалима. Внучка прочитала, что в Израиле нашли Шмайловича, которая подтвердила рассказанное и сделала ходатайство о присвоении маме и мне диплома «Праведник народов мира». Это высокое звание мы получили в 2003 г.

Была еще одна радостная новость. Журналистка Лена Гинзбург из Тель-Авива заинтересовалась и организовала 1 апреля 2004 года встречу на телевидении. Проведена она была таким же образом, как наша «Жди меня». Прямо на сцене мы и встретились. Находилась там трое суток. Впечатление до сих пор остается в моей памяти, а наши встречи продолжаются.

г. Минск, январь 2009.

Записал Кузьма Козак.

ФИЛИПОВИЧ Варвара **Спасенные: ФРИДЗОН Розалия, Элеанора** *Год присуждения звания 1999*

До войны Филиповичи и Фридзоны жили в Дзержинске и хорошо знали друг друга. Глава семьи Давид Фридзон был секретарем исполкома, его жена Розалия заведовала райздравотделом. Варвара Филипович работала заведующей детским садом. Встретились женщины в июле 1941 г. в Минске. Давид Фридзон в это время уже был в Красной Армии. Его жена с детьми пыталась уйти от гитлеровцев на восток, но добралась только до Минска.

Фашисты загоняли евреев в гетто, и Розалия Фридзон попросила подругу спрятать ее дочь Элеонору. Варвара Николаевна забрала девочку и вписала

в свой паспорт как дочь под именем Елена Филипович. Розалия сменила фамилию и находилась в Минске до июня 1943 г., затем ушла в партизанский отряд им. Тимошенко бригады им. Пономаренко. Попала к немцам, была отправлена в Германию, бежала и снова сражалась в партизанском отряде – теперь французском. 16-летняя Элла стала бойцом десантной группы отряда специального назначения «Родные».

Варвара Филипович в годы войны работала в Минске в инфекционной больнице, помогала пленным красноармейцам медикаментами и одеждой.

Праведники народов мира Беларуси. С. 110–111.

ХАРЕЦКАЯ Мария Спасенный ЭТИНГЕР Яков

Год присуждения звания 1997

Семья Ситерманов переселилась в гетто, где к середине августа уже находилось около 100 тысяч человек. Все это время Мария Харецкая, которая до войны работала домработницей у Ситерманов, но фактически была членом этой семьи, ежедневно пробиралась в гетто, приносила еду, которую ей удавалось доставать. В сентябре гестаповцы увели Лазаря Ситермана. Больше его никто из родных не видел.

7 ноября 1941 г., в день годовщины Октябрьской революции, немцы устроили первый большой погром в гетто. Мария Харецкая узнала об этом заранее и предупредила Ситерманов. Тем удалось выйти за пределы гетто, и Мария отвела их к своим знакомым, которые на время дали убежище. Потом Ситерманы вернулись в гетто.

2 марта 1942 г. немцы устроили очередную большую акцию по уничтожению евреев. Они называли ее «Пуримский карнавал», так как происходила она в дни еврейского праздника Пурим. Погибли тысячи ни в чем не повинных людей. После «Пуримского карнавала» Вера Соломоновна Ситерман решила, что сыну надо бежать из гетто. Через Марию Харецкую она договорилась с доктором Владысиком, который поддерживал контакты с партизанским подпольем и его агентурой в городской управе.

Яшу вписали в паспорт Марии Харецкой как сына и выдали фальшивое свидетельство о рождении на имя Якова Кастусевича Харецкого. В конце июля 1942 г. Вера Соломоновна Ситерман погибла в гетто во время очередного погрома.

Мария Харецкая сняла небольшую квартиру на Мопровской улице и поселилась там с Яшей. Большую помощь им оказывала Ольга Иванец. Когда 3 июля 1944 г. части Красной Армии штурмом взяли Минск, Яша впервые за два года вышел на улицу.

Яков Ситерман после войны переехал в Москву. Его усыновил близкий друг отца – профессор Этингер. А спустя несколько лет по предложению Якова и Мария Харецкая переехала в Москву. Она умерла в 1961 г. Похоронена на Восгряковском кладбище. На ее могиле установлен памятник с надписью «Дорогой и любимой нянечке. Ты всегда вместе с нами».

Профессор, известный историк, политолог Яков Яковлевич Этингер живет в Москве.

Праведники народов мира Беларуси. С. 87–88.

Семья ХАЧЕВСКИХ **Спасенные: ГАЛЬПЕРИНА Клара и ее сестра, ЛАЕВСКАЯ** **Нелли**

Год присуждения звания 2003

Сестры Майя и Клара Гальперины жили в Минске. Мать их, Роза Гальперина, умерла в 1934 г., и отец женился во второй раз на Эсфири Беренштейн. У них родилось двое совместных детей. Глава семьи Самуил Гальперин служил на Кавказе, откуда в первые дни войны был отправлен в действующую армию. Мать с детьми не успела эвакуироваться: она и четверо детей остались в оккупированном Минске.

Эсфирь достала для Майи свидетельство о рождении на фамилию Хачевская (подлинные свидетельства были уничтожены или спрятаны) и отправила ее и Владимира (родной сын) в поселок Октябрь Минского района в сопровождении своей знакомой. Майя, как и вся остальная молодежь поселка, была угнана на принудительные работы в Германию. Её брат Владимир остался в поселке.

Мать – Эсфирь Беренштейн, известный в городе врач-хирург (многие жители города знали ее в лицо), поняла, что поддельное свидетельство ей не поможет. Она пришла в гетто, где и погибла. Две другие дочери – Клара и Нелли – остались у соседей, супругов Хачевских.

Вениамин и Анна Хачевские были оперными певцами. Их 16-летняя дочь Светлана до войны училась в одном классе с Кларой Гальпериной. Девочки прятались, так как их спасали в том же доме, где они проживали до войны. Светлана и Клара были связаны с партизанами. В 1943 г. Светлана, выполняя задание, попала в засаду, была арестована полицией, отправлена в гестапо, где и погибла.

В этом же году были арестованы и ее родители. Маленькая Нелли была арестована вместе с Хачевскими. Клары в момент ареста не было дома. Позднее Нелли отдали в детский приют как русскую. Клара, обеспокоенная судьбой своей младшей сестрички, явилась на квартиру Хачевских, попала в засаду и была повешена Минским гестапо вместе с отцом Светланы 25 апреля 1944 г. Анна Хачевская была отправлена на принудительные работы в Германию. После войны вернулась в Минск.

Отец Нелли в конце 1945 г. нашел ее в детском приюте с тяжелой формой дистрофии. Нашел отец и Владимира. Майя после войны вернулась из Германии.

Праведники народов мира Беларуси. С. 144–145.

ЧАПЛАНОВА Ольга **Спасенная НЕМЧЕВСКАЯ (БРОМБЕРГ) Светлана**

Год присуждения звания 2002

Когда супругов Бромберг заставили переселиться на территорию гетто, Светлану – свою дочь – они оставили у Чаплановой Ольги. Она в предвоенные годы смотрела за девочкой, была ее няней. Бромберги знали эту женщину как исключительно честного, порядочного и доброго человека. На протяжении

всего времени немецкой оккупации Ольга Чапланова заботилась о Светлане и выдавала ее за свою внучку.

До конца войны Ольга не знала ничего о судьбе родителей Светы и была уверена, что они погибли. Но родители выжили. Мать была угнана в концлагерь «Майданек» в Германию. Отец Рафаэль Бромберг убежал из гетто и присоединился к партизанам. В конце 1942 г. он и еще трое партизан были направлены в Москву в Генштаб. Но в январе 1943 г. их задержали и отправили в Сибирь. Только после войны Рафаэлю Бромбергу удалось наладить связь с Ольгой Чаплановой, которая в свою очередь наладила связь между ним и его женой, которая тем временем вернулась в Минск.

Праведники народов мира Беларуси. С. 140.

ЧЕРНАЯ Анна Алексеевна, брат Виктор и сестра Валя

10.1929, хут. Могильное Борисовского р-на

Спасенные: ЭПШТЕЙН Мария и Рая

Год присуждения звания 1997

В нашей многодетной семье я была четвертым ребенком. Позже мама родила еще двоих и вскоре умерла. Я даже не помню ее. Наш отец был очень хорошим человеком и заботливым отцом. Представьте: и хозяйство было на нем, и нас шестеро! До 1939 г. наша семья жила на хуторе, а когда хутора ликвидировали, мы переселились в близлежащую деревню Высокий Берег. Отец тогда потерял много здоровья, ведь пришлось перевозить дом, заново обстраиваться.

Старшая сестра, Надежда, рано вышла замуж, жила с мужем в соседней деревне и в самом начале войны родила четвертого ребенка. Врачей рядом тогда, конечно, не было, у нее открылось кровотечение, и она умерла.

Моя сестра Соня вышла замуж за парня из Высокого Берега как раз в тот день, когда началась война – 22 июня. Наш старший брат Петр в 1939 г. пошел служить в армию. Уходил на два года, а вернулся через семь, в 1946 г. Мы даже и не надеялись снова увидеть его. Петр был ранен, остался на всю жизнь инвалидом, но понемногу управлялся с хозяйством.

Когда началась война, мне было всего двенадцать лет. Отец с самого начала стал помогать партизанам: носил им продукты, одежду. И через несколько месяцев за связь с партизанами его расстреляли. Так я, мои младшие брат Виктор и сестра Валя остались одни.

Конечно, жили мы очень бедно, ничего в доме не было. А если что и появлялось, так ненадолго – приходили партизаны и отбирали. Картошка у нас была спрятана за домом, в ямах. Они искали ее везде, штыками землю ковыряли и все-таки нашли. Когда я увидела, что забирают картошку, подбежала, плакала, просила: «Не берите, не берите, что мы будем есть?!» Забрали всю. Позже мы приспособились: складывали наши скудные запасы в коробки и прятали под навоз. Вот так и спасались.

В том же 1941 г. к нам попросилась жить тетя Маня, Эпштейн Мария Хаймовна, со своей дочкой. Вот и прожили мы одной семьей – до самого освобождения. Я тогда о них почти ничего не знала: ни откуда они, ни как попали к нам в деревню. Да и не расспрашивала, не была любопытной. Тогда много

беженцев было, а они, когда пришли к нам, тоже назвались беженцами. Позже Мария рассказала про гетто в Борисове, о том, как погибли ее муж и два сына, как она с маленьким ребенком прошла около 30 километров до нашей деревни. Но, кроме меня, она никому ничего не говорила, даже моим родственникам.

Когда людей выводили из гетто на расстрел, знакомый полицейский помог ей бежать. Сказал: «Мария, я буду стрелять вверх, а ты с дочкой убегай». Образования у Марии не было. До войны она продавала пиво в буфете, поэтому многие мужчины ее знали. Вот и этот полицейский Марию помнил и помог.

Недалеко от Борисова в деревне Брусы жила ее сестра, которая была замужем за русским. Конечно, Мария пошла к сестре. А та испугалась за своих детей, побоялась, что и ее семью могут расстрелять. Поэтому Марии пришлось идти к знакомым сестры, жившим в нашей деревне. Их приняли, но когда узнали, что Мария еврейка, отправили к нам, мол, там дети одни живут, к ним и идите. Правда, сначала предложили им жить в бане, раз в доме опасно. А что за жизнь в бане? Особенно зимой. Ведь там холодно и нет ни окон, ни кроватей – пришлось бы спать на полу.

Сначала я тоже не знала, что Мария – еврейка, она и не сказала. Позже мы это поняли, потому что по-русски она говорила с акцентом, например, произносила не «бык», а «бик». Да и слух по деревне пошел, что у нас живет еврейская семья.

Постепенно Мария мне начала доверять. Увидела, наверное, во мне доброго человека. Я, действительно, не смогла бы их прогнать, оставить на улице. Хотя и была тогда совсем девчонкой, но все понимала. Даже нашу единственную подушку отдала Марии. И один из соломенных мешков, на которых мы спали, отдала. Жалко мне их было, особенно пятилетнюю Раю, дочку тети Марии. Моя сестра была чуть старше Раи. Из тряпочек мы шили им кукол, и девочки целыми днями возились с этими самодельными игрушками. Мы с Марией следили, чтобы дети не отходили далеко от дома, конечно, очень переживали за них.

Жили мы очень тяжело: голод, холод, одеть нечего. Ходили вместе с Марией собирать траву на луг. Не знаю, как та трава называется – колосочки с зернышками, на гречку похожа. Вот ее мы и собирали, сушили, потом толкли и пекли лепешки. Весной ходили собирать гнилую картошку. Тоже лепешки пекли. Засевали огородик. Сами с Марией тянули плуг и по этой борозенке сажали картошку. Лошадей не было. Все вручную. Все вместе. Нам немного помогали родственники. Мария оказалась рукодельницей, занялась вязанием на спицах: вязала носки, варежки. Потом мы все это меняли на продукты.

Приходилось жить в постоянном страхе. Немцы приходили днем, а партизаны – ночью. Мы знали, что немцы сжигают целые деревни. Поэтому приспособились спать на полу, чтобы быстренько встать и выбежать, если деревня будет гореть. Когда раздавался стук в дверь, мы прислушивались, на каком языке говорят, русском или немецком, чтобы понять, чего нам ждать. Если приходили немцы, Мария садилась на печку, натягивала платок, и, не поднимая головы, вязала или выполняла еще какую-нибудь работу.

Как-то летом мы чуть не попали в облаву, которую устроили немцы на жителей соседней деревни Шамки. В этой деревне жили только евреи. Когда стало известно, как расправляются с евреями в городах, жители стали прятаться

в лесу. Как раз в день облавы Мария, я и еще одна девочка из нашей деревни пошли за ягодами. И на лесной дороге наткнулись на два трупа. Идти дальше было опасно. Мы вернулись домой.

Однажды на наших глазах произошла трагедия. В деревне Бешанки, находившейся километрах в двух-трех от нас, рос щавель. Мы решили сходить за ним. Идем и видим, что две еврейские девочки тоже направляются в деревню. К ним навстречу вышел полицай, начал расспрашивать детей. Они объяснили, что идут домой, в Бешанки. Но оказалось, что полицай был именно оттуда и знал всех местных сельчан. Как сейчас помню, он крикнул: «Юдэн, юдэн!» и у нас на глазах расстрелял их.

Я не понимала, почему так происходит, они ведь такие же люди, как и мы. Те евреи, которые жили в Шамках, были очень работящими: и сельским хозяйством занимались, и горшки делали, и портняжничали. Мастера там жили.

В нашей деревне, я думаю, многие знали, что у нас живет еврейская семья. Но не выдали. Наверное, пожалели нас, сирот. И жители в нашей деревне особенные были – никто не пошел ни в партизаны, ни в полицию. Но был староста, который служил у немцев. Их гарнизон стоял в трех километрах от нашей деревни. Нас часто выгоняли на работу. Например, когда немцы прокладывали дорогу через лес, рубили деревья, то нас заставили собирать ветки. И Мария ходила с нами на эти работы. Но вела себя очень осторожно: платок надевала и, если немец или полицай проходили мимо, наклонялась, чтобы не было видно лица. Староста, который выводил всех на эти работы и наверняка знал, что Мария – еврейка, пожалел, не выдал нас. Ведь он понимал, что если заявит, – погибнем и мы. И пусть меня простит Бог, он недолго пробыл старостой – его убили партизаны.

А вообще, мы были оптимистами: верили, что скоро все страшное закончится. Веру нам внушала Мария, говорила, что мы все выживем и что она обязательно вернется в Борисов. Она была очень умной женщиной, и мы ее слушали, как маму.

Прожили мы так три года. Немцы, отступая, сжигали за собой деревни. Как-то утром мы проснулись, вышли на улицу и увидели вокруг сплошное пламя – пылали окрестные деревни. Нам пришлось две ночи провести в лесу: боялись, что и нашу сожгут. Взяли с собой мешочек сухарей, какую-то одежду и ушли в лес. Смастерили шалашик из еловых лапок и впятером просидели в нем два дня.

Через несколько дней после отступления немцев Мария с Раей пошли в Борисов. Там им дали комнату. Когда мой старший брат демобилизовался и приехал домой, я переселилась к Марии. Устроилась работать на молочный завод, а жила и питалась вместе с семьей Эпштейнов. В то время тоже было нелегко: мы жили втроем в маленькой комнатухе, удобств никаких, даже горячей воды не было. Я жила с Марией до тех пор, пока ее дочка не выросла и не вышла замуж.

В 1993 г. Мария с дочерью и двумя младшими внучками уехала в Израиль. Связь с ними я поддерживаю через старшую внучку, которая сейчас живет в Борисове.

...На перекрестках судеб. С. 211–216.

2.2. ИЗ МИНСКОГО ГЕТТО В ПОИСКЕ СПАСЕНИЯ

ВАСИЛЕВСКИЕ Иван и Зинаида Спасенная БОТВИННИК (ЛЕВИНА) Елизавета

Место спасения г. Липовец, Клецкий р-н, Минская обл.

Год присуждения звания 1997

Лизе Ботвинник было 10 лет. Внешне она не была похожа на еврейку, и именно поэтому ей удалось выжить во время первых погромов в Минском гетто. Вместе с другими детьми она была отправлена в Клецк, и уже оттуда убежала в деревню Каплановичи.

В этой деревне жили Зинаида и Иван Василевские. У них было две дочери – Нина и Надя.

Зная, что Лиза – еврейка, они не испугались взять девочку в свою семью. Так они и продолжали жить вместе, одной семьей: Иван с Зинаидой и три девочки – Нина, Надя и Лиза.

Елизавета Ботвинник пряталась в семье Василевских с 1943 до августа 1945 г. За это время выяснилось, что ее мать Сара и сестра Майя были замучены фашистами.

Елизавета Ботвинник (Левина) выросла, вышла замуж и вместе с мужем и двумя детьми уехала в США. Она приезжала в семью своих спасителей, чтобы еще и еще раз поблагодарить этих великодушных людей за свое спасение.

К сожалению, ни Ивана, ни Зинаиды уже нет в живых.

Праведники народов мира Беларуси. С. 75–76.

ЗУЕВСКАЯ Анна, ХАРИТОН Елизавета Спасенный ЦЕРЛЮКЕВИЧ Владимир

Место спасения д. Макавчицы, Дзержинский р-н, Минская обл.

Год присуждения звания 2001

Вспоминает Анна Петровна Зуевская:

– Во время войны, в марте 1942 г., поздно вечером, кто-то постучал в дверь моего дома. Когда я спросила: «Кто там?» – мне ответил детский голос.

Я позвала мальчика в дом, накормила его. Он рассказал, что родных убили немцы. Сам сбежал из гетто и пришел сюда из Минска. Я знала, что рискую быть расстрелянной за помощь еврею.

Утром я отвезла мальчика в деревню Макавчицы в дом, где родилась, и попросила моих родных, членов семьи Харитон, приютить у себя беглеца.

На семейном совете мой отец – Харитон Петр Петрович, мама – Харитон Марфа Антоновна, братья – Константин и Петр – решили, что мальчик останется в семье.

Мы стали называть его русским именем Володя. Он питался вместе со всеми, спал в доме, работал.

В январе 1943 г. мой брат Петр женился на Елизавете Даниловне Юшкевич (Харитон). Она тоже помогала Володе скрываться. Однажды пришел полицейский и потребовал у мальчика документы. Елизавета Даниловна сказала, что они куда-то запропастились и их скоро найдут. Полицейский дал на это несколько дней.

На следующий день Елизавета Даниловна отвезла мальчика в Дзержинск в церковь и крестила. Он стал Церлюкевичем Владимиром Адамовичем. Ему выдали справку. Документ предъявили полицейскому, и тот оставил семью в покое.

Володя прожил у нас до освобождения Белоруссии. Потом он ушел в Минск.

Праведники народов мира Беларуси. С. 126.

КУЛИНА Ольга

Спасенный ЛЕВИТАН Борис

Место спасения пос. Радошковичи, Минская обл.

Год присуждения звания 1995

Девятилетний Борис Левитан вместе со своей матерью бежал из Минского гетто 6 октября 1942 г. В дороге мать заболела и не смогла идти дальше, и мальчик был вынужден продолжить путь один.

Он добрался до дома Ольги Кулиной в Радошковичах. У Ольги Кулиной было пятеро своих детей, но, тем не менее, мальчик нашел в ее доме не только убежище, но и тепло, и заботу.

К счастью, матери Бориса удалось спастись и также найти убежище. Однако из-за болезни она не в состоянии была ухаживать за сыном даже после освобождения Белоруссии от немцев.

Борис остался в доме Ольги Кулиной и жил там до 1951 г.

Праведники народов мира Беларуси. С. 43.

ПОДБЕРЕЗКО Любовь

Спасенная СВЕРЖИНСКАЯ Люба

Место спасения д. Малое Залужье, Минская обл.

Год присуждения звания 1995

Люба Свержинская пережила в Минском гетто страшные погромы, во время которых погибли все ее родственники.

Она не ждала безропотно смерти. Вместе с другими молодыми узниками была организована подпольная группа, которая добывала оружие и переправляла людей в партизаны.

После ареста друзей Любе пришлось срочно уйти из гетто.

До войны она училась на бухгалтерских курсах вместе с Любой Подберезко и подружилась с ней. Родители Подберезко жили в деревне Малое Залужье. Свержинская решила пойти к ним. Они встретили ее без страха и поселили у себя в доме.

Вся семья, 11 человек, рисковали жизнью. В деревне жили немцы, которые узнали, что у Подберезко живет незнакомая девушка. В тот же вечер хозяев предупредили, что завтра Любу Свержинскую заберут и будут разбираться, кто она.

Подберезко были связаны с партизанами. И рано утром младшая сестра Любы – Октябрина – отвела Свержинскую в д. Тадулино, где на задании находились партизаны. Так Люба Свержинская оказалась в партизанском отряде «Коммунар» бригады «Дяди Коли» и сражалась с фашистами до освобождения Белоруссии.

Праведники народов мира Беларуси. С. 47.

ПОЖАРИЦКИЕ Бронислав и Алима Спасенные: семья ГРИНГАУЗ

Место спасения Гиневичи, Воложинский р-н, Минская обл.

Год присуждения звания 1999

Семья Грингауз жила до войны в Минске. Когда город заняли фашисты, Арон, Ривка и трое их детей были отправлены в гетто. Во время первой облавы в августе 1941 г. глава семьи Арон был расстрелян. В ноябре 1941 г. погибли родители Ривки и семья брата. Чтобы достать детям еду, Ривка каждый день выходила за территорию гетто и, встречаясь со знакомыми, старалась выменять на продукты немногие оставшиеся у нее вещи. Дети оставались одни и ждали ее. Так было во время второго погрома в гетто в марте 1942 г., который длился 3 дня. Дети спаслись чудом, спрятавшись на полуразрушенном чердаке. Их мать, будучи в это время в русском районе, даже не надеялась, что они останутся живы.

После этих страшных дней Ривка начала искать возможности для спасения детей. Через знакомых русских людей она встретилась с минской подпольщицей, которая предложила уйти в партизаны, но при условии, что та возьмет с собой лишь одного ребенка.

Стремясь обезопасить детей, Ривка отдала младшего сына, трехлетнего Леву, одной белорусской семье. Через месяц те вернули мальчика, потому что он все время плакал, а это представляло опасность.

Однажды, меняя продукты, Ривка познакомилась с Алимой Пожарицкой, приехавшей в Минск из деревни Гиневичи, что возле Радошковичей. Алима, выслушав ее грустную историю, предложила помощь.

Ривка просила о спасении 8-летней дочери Пени. На следующий день супруги Пожарицкие прибыли к воротам гетто, чтобы забрать ребенка. Ривка, обливаясь слезами, нарядила дочку и дала ей куклу в детской колясочке. Гене удалось вырваться из гетто.

Супруги Пожарицкие заботились о черноволосой девочке, как о своих собственных детях, которых у них было трое. Когда в деревне появлялась полиция, Геню прятали в печи либо на огороде; часами лежала она в борозде, пережидая опасность. О том, что семья Пожарицких укрывает еврейского ребенка, знали некоторые жители деревни, но они оказались порядочными людьми и не выдали тайну полиции.

В 1944 г., после ухода фашистов, Бронислав и Алима Пожарицкие вернули Геню ее маме, которая вместе сыновьями спаслась в партизанском отряде.

Праведники народов мира Беларуси. С. 109.

СЕМЕНОВИЧ Мария и Надежда Спасенные: ПЛОТКИНЫ Элла и Людмила

Место спасения г. Слуцк, Минская обл.

Год присуждения звания 1996

До войны семья Плоткиных жила в Минске. В первые дни войны отец Михаил Исаакович был призван в армию и пропал без вести в 1944 г. Маме Розе Ильиничне вместе с маленьким сыном Борисом удалось эвакуироваться и добраться до города Мелекса Ульяновской области, где она работала на заводе до конца войны.

А вот детскому садику, в который ходили сестры Элла и Людмила Плоткины, эвакуироваться не удалось. В июне-июле 1941 г. воспитанники детского сада отдыхали на даче. Пока их привезли в Минск, пока посадили в поезд, чтобы эвакуировать на восток, было уже поздно. Фашисты перерезали железнодорожные пути. Девочкам ничего не оставалось, как вернуться в родительский дом, куда, к счастью, заглядывала их бывшая домработница Семенович Мария Прокопьевна. Она пожалела детей и осталась жить вместе с ними до октября 1941 г.

Потом Мария Семенович вместе с сестрой Надеждой сумели определить детей в детский дом под фамилией Семенович и новыми именами – Валя и Люба. Детей часто переводили из одного детского дома в другой из-за болезней и истощения. Никто ни разу не усомнился в подлинности их имен и фамилий. А дети дошкольного возраста настолько прониклись ситуацией, что не давали повода для этого. Даже во время игр с самыми близкими подругами девочки не рассказывали своих биографий. Страх за собственные жизни и жизни своих спасителей брал верх над детской непосредственностью и искренностью.

После освобождения Минска в 1944 г. Роза Ильинична Плоткина узнала, что ее дети живы, и разыскала их.

После войны Мария Семенович жила под одной крышей с Плоткиными.

Праведники народов мира Беларуси. С. 67–68.

СИВАКОВ Павел **Спасенная ПАЛЕЙ Софья**

Место спасения Смолевичский р-н, Минская обл.

Год присуждения звания 1995

Накануне погрома в Минском гетто 6 ноября 1941 г. Софье Палей (Ботвинник), ее отцу Борису и сестре Лизе удалось выбраться из гетто. Они спрятались на чердаке полуразрушенного здания и провели там ночь. Утром сестры пошли в город найти продукты, теплые вещи, узнать обстановку и решить, что делать дальше. Отец остался их ждать. Когда вернулись, его не было на месте. Больше они отца не видели. Немцы и полицаи вели по всему городу, а особенно в прилегающих к гетто районах, обыски и облавы. Искали евреев, которые убежали из гетто. Софья пришла в дом к Марии Яскевич. Женщина спрятала беглянку в диване, а потом, когда за Соней пришла сестра, дала им продукты, теплую одежду и свое брачное свидетельство. Она же посоветовала идти в Смолевичи, где жил ее родственник врач Яскевич.

В Смолевичах сестры разыскали родственника Марии Афанасьевны. Он вместе с профессором Письмаревым, который знал отца Сони и Лизы до войны, и переводчиком военной комендатуры, дали свидетельские показания, что знают одну из сестер как врача Яскевич Марию Афанасьевну и прикладывают к этому ее документ – брачное свидетельство. С временным паспортом сестры уехали в деревню Жажелко, где Лиза стала работать акушеркой в медпункте. Соня пошла на торфоразработки. Но нашелся человек, который знал до войны Лизу. Он написал донос, что «она хорошая женщина, но – жидовка». Сестры поняли, что надо срочно уходить. С помощью подпольщиков им удалось узнать местонахождение партизанского отряда. И они ушли в лес.

Партизаны, а в то время это была маленькая группа вооруженных людей, не были одного мнения, принимать еврейских девушек в отряд или нет. Но командир отряда, кадровый офицер, служивший до войны в Брестской крепости Павел Сиваков настоял, чтобы было сделано все возможное для спасения девушек. Со временем отряд превратился в партизанскую бригаду «Смерть фашизму». Павел Сиваков принимал в партизаны евреев, бежавших из гетто, что делали далеко не все партизанские командиры. В бригаде воевали Соня Боднева, Володя Долгий и другие бывшие узники гетто. У Сивакова было прозвище «жидовский батька». Многие люди обязаны ему своим спасением.

Праведники народов мира Беларуси. С. 49–50.

ХМЫЗ Прасковья

Спасенная ЛЕВИНА (ГОРАДКЕВИЧ) Алла

Место спасения д. Вишневка, Минская обл.

Год присуждения звания 2003

До войны четырехлетняя Алла Горадкевич жила в Минске со своими родителями. В августе 1941 г. семью переселили на территорию гетто. В один из ноябрьских дней 1942 г. родители Аллы не вернулись домой. Она осталась одна и перешла жить к соседям. По-видимому, соседям (их имена нам неизвестны) удалось сбежать из гетто вместе с Аллой, и в августе 1943 они появляются в деревне Вишневка Минской области. Они оставляют девочку у крестьянки Прасковьи Хмыз, которая не была им знакома, но обещала заботиться о еврейской девочке-сироте. Алла оставалась у Прасковьи до освобождения местности в июле 1944 г. Девочку на улице гулять не пускали, ей только разрешали выходить во двор.

У Прасковьи была дочь – ровесница Аллы, ставшая впоследствии ее подругой-сестрой на всю жизнь. После войны Аллу передали в детский приют. А в ноябре 1945 г. девочку удочерила еврейская семья Шапиро.

Праведники народов мира Беларуси. С. 145–146.

ХУРС Анастасия

Спасенная КРАПИНА Майя

Место спасения Поречье, Пуховичский р-н, Минская обл.

Год присуждения звания 1994

Вспоминает Майя Крапина:

«Война застала меня и мою семью в г. Минске. В августе 1941 г. нас, как и всех евреев, переселили в район гетто. Здесь во время погромов погибли мой отец Исаак, мать Сима, две маленькие сестренки – Сарочка и Любочка. Сестру Валентину знакомые минчане вывели из гетто и под видом белоруски устроили в детский дом. В гетто остались я и мой тринадцатилетний брат Иосиф. Нам удавалось прятаться во время погромов. Брат время от времени выбирался за колючую проволоку. Он знал, где находятся партизаны, и помогал выводить к ним малолетних узников гетто. Я была очень слабая, больная. Но в октябре 1943 г., после последнего погрома, во время которого нам с братом удалось спастись, Иосиф вывел меня и еще группу уцелевших детей в район вокзала, где мы прятались, Потом мы вышли за город и направились

по два-три человека по дороге в сторону Пуховичей. Меня старшие мальчишки несли на плечах. Так мы добрались до деревни Поречье.

Меня забрала к себе Анастасия Зиновьевна Хурс. Она вышла замуж незадолго до войны, муж ее вскоре погиб, детей у них не было. Жила она со свекровью, которую я называла бабой Верой, а Анастасию Зиновьевну – тетей Настей.

Наверное, я бы не выжила, если бы не тетя Настя. Она отнеслась ко мне, как к родной дочери. Сама недоедала, но меня старалась накормить. Лечила, как могла, выхаживала. Часто приходил к нам мой брат Иосиф, который жил на другом конце деревни у одиноких стариков. Тетя Настя и его старалась чем-нибудь угостить. У нее очень добрая душа.

Время от времени над деревней Поречье нависала опасность – преследуя партизан, сюда приближались немцы и полицаи. Но партизанские разведчики успевали предупредить жителей деревни, и все мы убегали из Поречья за неширокую в тех местах реку Птичь. Тетя Настя и баба Вера уводили меня с собой. Мы прятались в болотистой местности, в зарослях.

Когда летом 1944 г. нашу местность освободила Советская Армия, тетя Настя решила передать меня в детский дом, который находился в деревне Талька того же района. Я не хотела от нее уходить. Она успокаивала меня, говорила, что в детдоме меня скорее найдут родственники. Так оно и случилось – меня нашел родной дядя, военный, который устроил меня тоже в детский дом, но уже в Минске. Училась, окончила физкультурный техникум. Навещала тетю Настю. Когда вышла замуж, то сразу же вместе с мужем Игорем Алексеевичем поехали к ней. Она пожелала нам счастья и благополучия».

Праведники народов мира Беларуси. С. 36–37.

ХУРС Емельян и Кристина, их сын Василий Спасенный НОВОДВОРСКИМ Михаил

Место спасения Поречье, Пуховичский р-н, Минская обл.

Год присуждения звания 1994

Когда началась война, Михаил Новодворский был маленьким ребенком. Вместе с мамой и другими родственниками он попал в Минское гетто. Миша чудом уцелел во время первого большого погрома 7 ноября 1941 г. В этот день погибла его мать. Во время последующих погромов погибли сестра, брат...

В октябре 1943 г. Миша Новодворский с друзьями решил уйти из Минска. Они двинулись по Могилевскому шоссе. Около деревни Узляны они увидели партизан. Партизаны обогрели, накормили ребят, а утром отправили в деревню Поречье. Там оказалось еще около 40 ребят из Минского гетто. Их расселили по домам, и местные крестьяне приняли детей в свои семьи.

Миша оказался в семье Кристины и Емельяна Хурс. Они приняли мальчика, как родного, заботились о нем так же, как и о своих детях: Марии и старшем сыне Василии, которому тогда уже было около 16 лет.

Чувствуя свое неизбежное отступление, немцы решили уничтожить партизанскую зону. Они ворвались в партизанские деревни. Мирных жителей расстреливали, угоняли в Германию. Крестьяне и дети, которых они прятали, ушли в леса, на болота.

Миша Новодворский жил в д. Поречье до освобождения Минска.

Праведники народов мира Беларуси. С. 37.

**ЦИЕХАНОВИЧ Винсент и его жена Мария, их дети
Александр и Станислава
Спасенный ЗАЛЬЦМАН Марат**

Место спасения д. Петриловичи, Гродненская обл.

Год присуждения звания 1993

Восьмилетний Марат Зальцман в июне 1941 г. отдыхал в пионерском лагере. И с первых же дней оказался в руках у фашистов: на лагерь был сброшен немецкий десант. Родители Марата успели эвакуироваться.

После создания Минского гетто мальчик был брошен туда. Во время первого большого погрома 7 ноября 1941 г. Марат был среди тех, кого отправили на расстрел. Пуля задела голову. Раненый, он упал в яму, ночью вылез и ушел из Минска. Долго бродил, обходя все населенные пункты. Оказался в ста километрах от Минска в Налибокской пуще в районе деревни Петриловичи. Здесь в конце ноября его и встретил в лесу Александр Циеханович. Привел в свой дом. На войне дети взрослеют удивительно быстро. Восьмилетний мальчик придумал легенду, что он поляк Миша Добрицкий, убежал из детского дома, а шрам на голове – от падения с дерева.

Циехановичи не поверили ему, но оставили у себя дома. Через два месяца его перекрестили в костеле деревни Камень и дали свою фамилию. Так Марат Зальцман стал Михасем Циехановичем.

В 1943 г. немцы, ведя борьбу с партизанами, выселили Циехановичей с хутора. Потом их забрали в полицию, посадили в Минскую тюрьму, а оттуда отправили на работы в Германию. Циехановичи знали, кто на самом деле Михась. Но при каторжном труде и голодном пайке не выдали его.

В начале 1945 г. Циехановичей освободили американские войска. Марат вернулся в Советский Союз, разыскал родителей, учился, работал. Циехановичи остались в Германии.

Станислава сейчас живет в Канаде. В начале 1990-х гг. Марат разыскал ее.

Праведники народов мира Беларуси. С. 25.

**ШАШОК Афанасий и Прасковья, их дочь Анастасия
Спасенная СУРКОВА (Равницкая) Вера**

Место спасения д. Поречье, Пуховичский р-н, Минская обл.

Год присуждения звания 1997

Вера Ильинична Суркова (Равницкая) родилась в 1932 г. До войны перешла в третий класс средней школы.

Попала в Минское гетто. Жила у родственников на улице Сухой. Помогала женщинам ухаживать за детьми. За это ее кормили. Время от времени ходила в «русский» район, обменивала вещи на продукты. Мама погибла во время погрома летом 1942 г.

В июле 1943 г., вместе с другими еврейскими детьми, была переправлена из гетто в деревню Поречье, которая находилась в зоне, контролируемой партизанами.

Через некоторое время девочку удалось переправить в семью Афанасия и Прасковьи Шашок, которые поддерживали с партизанами постоянную связь. Афанасий и Прасковья заботились о девочке, кормили ее, одевали, а в дни

операций, проводимых немцами против партизан и мирного населения, прятали Веру.

Риск был двойной – ведь за укрывательство еврейского ребенка и за связь с партизанами грозил расстрел.

Праведники народов мира Беларуси. С. 89.

ШАШОК Михаил и Евгения, их сын Александр Спасенный МАЧИЗ Евгений

Место спасения Поречье, Пуховичский р-н, Минская обл.

Год присуждения звания 2002.

Вспоминает Евгений Савельевич Мачиз, бывший узник Минского гетто:

«Война застала меня в пионерском лагере «Дрозды». Лагерь распустили, и я пешком пришел в Минск. Наш дом сгорел в самом начале войны. Я пошел к бабушке Вигдорович Елизавете. Я у нее остался жить. Отец ушел на фронт, а мать с сестрой Ольгой эвакуировались. Нас с бабушкой переселили в район гетто. Мы сначала все жили по ул. Ратомской, потом на Замковой, потом на Сухой, а позже на Коллекторной. Гетто все время сужалось. При первом погроме погиб мой дядя с семьей. Это было 7 ноября 1941 г. Мы с ребятами спрятались на еврейском кладбище по ул. Сухой. 20 марта 1942 г. я был на работе, а когда вернулся с работы, то бабушки уже не было. Во время погрома ее убили.

В конце сентября 1943 г. я с ребятами стоял возле проволоки. Появился немец с собакой и Эпштейн, комендант еврейского гетто. Мы поняли, что ночью опять будет погром, и решили убежать. Я, Миша Пекар, Иосиф Левин, Миша Новодворский, Монька Шапиро, Мустафа и Лупатый ночью убежали под проволоку. Было еще несколько ребят, но их фамилии я не помню.

Переночевали мы в бетонной трубе по улице Чкалова. Рано утром мы вышли из Минска в сторону Пуховичского района. Шли мы около 4-х суток. Старались идти по проселочной дороге, обходили большие деревни и ночевали в стогах сена. Шли в основном вечером и рано утром. Иногда заходили в небольшие деревни и просили что-либо поесть. Так мы добрались до дер. Поречье. В этой деревне мы остановились в пустой хате. Там уже были такие же дети, как мы. К нам приходили местные крестьяне и приносили продукты. Потом нас стали разбирать по семьям,

Я попал в семью Шашок Михаила Степановича и Евгении Якимовны. Своих детей у них было двое – сын Александр, 1930 г.р., дочь Надежда, 1939 г.р. В семье еды было немного, но все делилось поровну. Относились ко мне, как к своему сыну – сами недоедали, а нас, детей, старались накормить. Когда немцы устраивали «блокаду» в этой зоне, то партизаны нас всех предупреждали. И жители деревни прятались в зарослях реки Птичь. Михаил Степанович уводил нас всех в заросли, чтобы немцы не убили меня и всю его семью. Ведь если бы немцы схватили меня, то погибла бы вся семья Михаила Степановича. Но он не испугался, и я жил в их семье до освобождения Советской Армией. Когда в июле 1944 г. Минск был освобожден, я вернулся в город.

Я буду помнить эту семью до конца своей жизни и преклоняться перед ней. С риском для своей жизни они спасли меня от фашистов. Михаил Степанович и Евгения Якимовна уже умерли. Но их сын Шашок Александр Михайлович живет в д. Поречье до сих пор. Я его часто навещаю».

Праведники народов мира Беларуси. С. 137–1138.

ШАШОК Пелагея Спасенная РЕЙЗМАН Фрида

Место спасения д. Поречье, Пуховичский р-н, Минская обл.

Год присуждения звания 2002

До войны семья Лосик – родители и трое детей – жила в Белостоке, куда Вольфа Лосика отправили работать инженером на обувную фабрику. С трудом семье удалось уехать из города, захваченного в первые же дни войны, и добраться до Минска.

Вскоре всем пришлось перебираться в гетто. Вольф Лосик связался с подпольщиками, руководил группой, занимавшейся сбором оружия. Однажды с обыском нагрянула полиция, но Вольф успел за несколько минут до них уйти. Однажды во время облавы Фриду Лосик (Рейзман) спрятали на фабрике игрушек. Недалеко от нее лежала мертвая женщина с откушенным носом: кругом бегали крысы. Девочка тряслась от страха, но молчала.

В апреле 1942 г. Вольф Лосик ушел в партизаны. Его сын Лазарь уже воевал подрывником в отряде имени Кутузова. В январе 1943 г. средний сын Миша ушел в «русский» район и не вернулся. Во время четвертой акции (июль 1943 г.), которая продолжалась четыре дня, Фрида и ее мать спрятались в «малине». В ней укрывалось около 60 человек.

После этого погрома Фриду и еще одного еврейского мальчика – Мишу Шнейдера – вывез из гетто крестьянин из деревни Узляны. Его прислал старший брат Лазарь. Лосик работала в партизанском госпитале. Фриду поселили у Пелагеи Андреевны Шашок в деревне Поречье Пуховичского района.

В годы войны в этой деревне сорок еврейских мальчиков и девочек нашли приют и убежище. На время облав жители деревни вместе с еврейскими детьми убегали в лес и в болотистые заросли у реки Птичь.

Праведники народов мира Беларуси. С. 137–138.

2.3. БОБРУЙСКИЕ ПРАВЕДНИКИ

Данный подраздел подготовлен на основании литературно-художественного издания председателя Бобруйской городской еврейской общины Леонида Рубинштейна «Они спасли мир» (на русском и английском языках. Минск, 2006. – 107 с.)

БЕЛЯВСКИЕ Ефросинья и Александр

г. Бобруйск

Спасенная МИНЦ Мария

Год присуждения звания 1997

Дальше – больше. И вот уже траншея длиной сто метров и шириной примерно десять метров, вся заполненная останками гражданского населения и военнопленных.

Это район деревни Еловики. Здесь летом 1942 г. расстреливали еще оставшихся в живых евреев и военнопленных, которые копали этот бесконечный страшный ров.

Он был раскопан случайно, о нем не знали, не помнили. Расстрелы, по видимому, производились ночью. Свидетелей этих преступлений было мало, и, вероятно, они не дожили до наших дней.

Что делать с останками? Их перезахоронили в братских могилах русского и еврейского кладбищ. Фрагменты этих останков Меер Зелигер, часовой мастер из Бобруйска, на велосипеде в бумажных пакетах перевез в братскую могилу на месте массового расстрела еврейского гетто в деревне Каменка.

Название этой деревни символично. Надо иметь каменное сердце, чтобы представить себе, что здесь творилось в ночь с 6 на 7 ноября 1941 г.

Ночь, холодно, дует промозглый ветер, дождь. Плачет лес, плачет город, кажется, плачет вся Белоруссия. Людей колоннами гонят из гетто по дороге на Старые Дороги в сторону деревни Каменка. Редкие жители вышли, чтобы посмотреть или хотя бы мысленно попрощаться со своими друзьями и знакомыми.

Вышла и Ефросинья Белявская. Вдруг она увидела на дороге соседку Фаню с дочкой Маней, ровесницей ее сына Саши. У Белявской словно оборвалось сердце. Вспомнила, как однажды Маня подралась с Сашкой. Он разбил ей глаз, а Фаня кричала:

Что, ты не видишь, что это *бурила* (здоровяк (*идиш*)). Не могла плюнуть и убежать домой? Нет, ей надо обязательно подражаться.

Где сейчас Саша? Ушел в лес, и не видно его с первых дней войны.

А Маня идет по дороге вместе с Фаней. Нет с ними Яши, Фаниного мужа, и слава Богу. Его в первый день войны вызвали в военкомат. Где он сейчас, жив ли?

Но вот и Фаня увидела соседку, толкнула Маню и шепнула:

– *Лэйф* (беги (*идиш*)).

Стася, как величали соседи и друзья Ефросинью, выхватила девочку из колонны и... сразу за дом. Ни немцы, ни полицаи не заметили этого.

– Куда девать Маню? Ведь если узнают немцы, расстреляют всю семью.

Но живое дитя – должно жить.

Освободила в сарае в стопке дров место и спрятала там девочку.

Откуда-то слышны выстрелы, крики. Неужели заметили, что нет девочки? Нет, не может быть. В такой темноте заметить невозможно. А люди идут, и идут, и идут. Слышен только детский плач и вздохи матерей.

– Куда нас ведут? Сказали собраться с вещами, отправят куда-то на работу. Нет, не может быть. Зачем тогда гонят стариков? Неужели это конец? – спрашивали люди друг у друга и не находили ответа.

А дождь, как и люди, – идет и идет. Плачет небо. А как оно не будет плакать, когда столько людей гонят неизвестно куда!

Хотя бы Стася спасла Маньку. *Готэлэ хот а рахмонэс. Гиб ир абисэлэ мазул* (Боженька, пожалей. Дай ей немножко счастья (*идиши*)).

– Яша, где ты, хоть бы ты остался жив и нашел Маньку, – повторяла про себя Фаня.

А люди идут, тащатся со своими пожитками в никуда. Станция Бобруйск осталась справа, прошли Киселевичи. Вот уже и Каменка. Что-то кричат немцы. Колонна поворачивает в сторону леса...

...Маня осталась у Стаей.

Дни тянулись как вечность. Только ночью можно вылезти из своего укрытия и размять затекшие ноги и *руки*. Жизнь как будто остановилась. Только солнечный лучик иногда пролезет сквозь стопку дров, и тогда мы, обнявшись и согревая друг друга, вспоминаем о маме.

– Где она сейчас?! Увидимся ли мы еще когда-нибудь? – думала Маня.

– Ночью заглядывала Стася, и тогда они шептались, как быть дальше.

Манька! Зайтра прыйдзе адзін хлопец і ты ўцячэш з ім у лес. Тут доўга хавацца нельга. Могуць штосьці праведаць паліцаі, і тады канец і табе, і ўсёй нашай сям'і, – сказала однажды Стася.

– Я и сама понимаю, что надо бежать из города. Полицаи обходят все дворы и ищут оставшихся евреев. Что мы им сделали?! Почему они нас убивают?! Уйду к партизанам и отомщу за маму, за папу, за дядю Фиму, за тетю Мусю, за всех, – сказала Маня.

Даже погода решила помочь бежать. Дождь лил днем и ночью. Холодно. Немцы сидят в домах и стараются не выходить на улицу. Не слышно даже лая собак.

...Вдруг в огороде промелькнула тень, и молодой парень в плаще тихо постучал в окно.

Стася ойкнула, быстро побежала в сенцы и впустила парня в дом.

– Сашка! Как ты похудел! Садись к столу. Есть картошка, немножко соли и огурчик. Погляди, это Манька, Яшина дочь. Трэба яе забраць у лес.

Маня тоже посмотрела на Сашку и не узнала в этом молодом красивом парне друга детства, с которым вместе играла, а затем ходила в школу.

– Манька, быстро собирайся, и, пока темно, пошли. Они ушли с Сашкой в ночь, как в преисподню...

Маня Минц всю войну провела в диверсионной группе партизанского отряда, мстила за своих родных и близких. Награждена орденами и медалями за участие в Великой Отечественной войне. После Победы много лет работала воспитателем в школе олимпийского резерва города Бобруйска.

Мария Минц вместе с Меером Зелигером создала мемориальный Знак в деревне Каменка.

Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 46–52.

ЗВОННИК Александра

д. Макарычи Стародорожского р-на

Спасенный СВЕРДЛОВ Владимир

Звание присвоено в 2004 г.

Место спасения – д. Крынка

...Шел 1941 год. Семья Самуила Нонусовича Свердлова жила в городе Рогачеве, где он работал первым секретарем райкома партии. Жили счастливо, с верой в будущее. Война, которая бушевала в мире, казалось, их не коснется.

В июне Самуил Нонусович получил путевку в пяти километрах от железнодорожной станции Дараганово на берегу реки Птич в детский санаторий «Крынки» для лечения сына Володи, которому шел одиннадцатый год.

...Как же все были удивлены, когда утром 22 июня их никто не разбудил. Все проснулись, как обычно, в семь утра, но лежали и переговаривались.

– Что случилось?

Никто ничего не мог понять.

Яша молча встал, оделся и пошел в домик, где жили воспитатели и врачи. Когда он вернулся, все были одеты и умыты. Какое-то беспокойство заставляло делать обычные дела без указаний.

– Ребята, началась война. Гитлер напал на нашу страну.

Стало страшно и захотелось быстрее домой.

Завтрак и обед прошли в установленное время, а затем воспитатели и врачи куда-то засобирались и уехали на подводе, которая была в санатории. Больше их никогда не видели. Они покинули санаторий навсегда. Остались Раиса Яковлевна и тетя Надя, которая взяла на себя обязанности повара и воспитателя.

Яша держался молодцом.

– Не бойтесь, ребята, за нами пришлют машину и отправят к родителям.

Но время шло, а никто не приезжал. Телефон тоже не работал. Казалось, что ребята остались одни на всей земле.

Раиса Яковлевна отпустила старших детей на железнодорожную станцию, чтобы они сами добрались домой. Осталось сто шестьдесят детей и два воспитателя.

В суматохе первых дней войны про санаторий просто забыли, и дети остались один на один со своей судьбой.

Через пару дней закончились продукты, и стало совсем плохо. В это время в санатории появились немцы. Они всех построили. Приказали евреям пришить желтые тряпки на грудь и рукава одежды. О чем-то минут двадцать беседовали с Раисой Яковлевной, а затем отвели ее в сторону и расстреляли.

За порядком в санатории оставили следить нескольких полицейских. Выдавали по сто граммов хлеба на человека в день и иногда отварную свеклу и морковь. Ходить в лес за ягодами и в деревню просить продовольствие не разрешали.

Наступила глубокая осень. На улице и в домиках стало холодно. Зимней одежды не было. В конце ноября стали выдавать по три полена в день на каждую комнату. Такое топливо мало помогало. Вначале заболели и слегли младшие дети. Некоторые из них уже совсем не поднимались.

Яша собирал для них у старших по кусочку хлеба и отдавал совсем слабым, но это мало помогало. В январе смертность резко увеличилась.

Все настолько похудели, что казались дистрофиками. Полицейские, которые остались в санатории, сбрасывали трупы под лед в реку Птич.

Так в голоде и холоде прошла зима. Наступил апрель 1942 г., выглянуло солнышко и стало тепло. 2 апреля неожиданно появились немцы, приказали собраться и объявили, что ночью всех переведут в другой лагерь, где будут лучше кормить.

Все ждали, что скажет Яша.

– Ребята, нас поведут на расстрел, поэтому выгоняют из санатория ночью.

Володя Свердлов предложил Яше бежать.

Яша ответил:

– Ты похож на русского, а я типичный еврей. Меня сразу поймают. Кроме того, я не могу оставить детей одних. Кто за ними присмотрит?

Часов в пять утра, уже стало светлеть, всех построили и приказали идти по дороге в сторону леса. Младшие ехали на подводах. Возле сосняка дорога поворачивала, и здесь Володя рванул в лес.

Он бежал и бежал до изнеможения. В лесу было еще темно. Не замечал веток, которые раздирали лицо, руки и одежду. Скорей подальше от этого ужаса. Вдруг наткнулся на какую-то корягу и сильно поранил ногу. Больно, кровь, но он ничего не замечал.

Володе казалось, что он бежит по кругу. Но в это время деревья расступились и показался свет, еще чуть-чуть, и все – конец леса. В изнеможении он упал и потерял сознание. Сколько так пролежал?

Постепенно сознание стало возвращаться, открыл глаза и не сразу понял, где находится. Его била дрожь, ужасно болела голова, разорванные в кровь руки, лицо и нога. Снял рубашку и кое-как замотал рану. Солнышко уже совсем поднялось, было теплое весеннее утро.

Володя осмотрелся и вдали увидел хутор. Превозмогая усталость и боль, боясь себя обнаружить, дополз до сарая. Почувствовал запах еды. Огляделся и обнаружил корытце с вареной картошкой для свиньи. Дрожащими руками стал хватать варево, которое казалось ему бесконечно вкусным лакомством. Но свиньи подняли визг.

Пришел хозяин.

Володя подумал, что это конец. Но хозяин осмотрелся по сторонам, сделал вилами в сене дырку и сказал:

– Залезай туда. Никуда без меня не уходи.

Через некоторое время он вернулся, осмотрел рану на ноге и сказал:

– Надо обязательно к врачу, иначе умрешь. Вечером я отведу тебя в соседнюю деревню.

Вот как вспоминает Владимир Семенович дальнейшие события:

– Ближе к ночи мы двинулись в путь. Дошли до деревни, дальше хозяин не пошел со мной, но рассказал, как найти дом врача. У меня сильно болела нога, кружилась голова. Зашел, как мне казалось, в нужный дом, но это оказалась совсем другая хата. Дверь открыл пожилой, сурового вида мужчина, завел в дом:

– Что случилось, пацан?

Я показал ему рану на ноге. Он молча ушел. Через некоторое время вернулся с кружкой молока и краюхой хлеба. Это была моя первая настоящая еда с лета прошлого года. Я боялся, что это сон. Протянул руку, потрогал кружку, понял, что это наяву, и жадно начал пить и заталкивать в рот кусок хлеба.

– Нет, малец, так нельзя, хватит на первый раз.

И забрал молоко.

Затем внимательно осмотрел и промыл рану. Целую неделю он возился с моей ногой, смазывал заячьим и барсучьим жиром, а когда убедился, что рана не гноится, сказал:

– Здесь тебе оставаться нельзя. Схватят полицаи и убьют. Уходи.

Я снова оказался в лесу, питался старыми желудями, заячьей капустой, ягодами. Много раз хотелось лечь и не подниматься, болела нога, но что-то гнало вперед. Сколько бродил по лесу – не помню, может быть, месяц или больше?!

Неожиданно в глаза ударил солнечный свет, и я вышел на поляну. Мне казалось, что со всех сторон бегут немцы, полицаи. Сейчас схватят и расстреляют. Я сжался, ожидая ударов, но было тихо, так тихо, что зазвенело в ушах. Я понял, что теряю сознание. Когда очнулся, яркий солнечный свет бил прямо в лицо. Явь это или сон?! На сон не похоже. Кругом лес и дорога, по которой, как в тумане, идет какая-то женщина. Солнце ласкало, не хотелось никуда идти. Так я сидел, закрыв глаза и погрузившись в нежный запах травы, пока не вздрогнул от чьих-то шагов. Ко мне приближалась та самая женщина, которую я, как во сне, видел на дороге. Она подошла, положила свою нежную руку мне на голову:

– Хлопчик, ты чей? Как тебя зовут?

– Володя.

Я со страхом смотрел на нее. Она дала мне поесть.

– Сможешь идти?

– Тетенька, миленькая, я на край света пойду, только не бросайте меня одного в лесу.

Возможно, она увидела в этом замученном мальчике своего ребенка. А если бы вот так оказался брошенным и голодным в лесу ее ребенок?! Она сказала:

– Тогда пошли, идти нам далеко.

Хромая, медленно я побрел за ней. Быстрей идти не мог, сильно болела нога. До деревни Макаричи, где был ее дом, мы дошли только к вечеру.

Кончились мои скитания. Меня нашла мама – Звонник Александра Кириловна. Еще много дней я провел в полузабытьи. Помню только, как она промывала и делала мне перевязки на ноге, что-то понемногу давала есть. Какой это был риск! Ведь у нее на руках было трое своих маленьких детей, а за спасение еврея полагалась смерть для всей семьи.

Постепенно я окреп. Стал помогать по хозяйству, растить детей.

Мы находились в партизанском крае. Ни немцев, ни полицаев в деревне не было. Когда же они появлялись, меня прятали в погреб, и никто за два года не проговорился, не выдал меня.

Много теплых слов о своей спасительнице сказал Владимир Семенович. Он ее всегда называет «баба Алесья». Почему? Вот что говорит об этом сам Владимир Семенович: «Она всю жизнь страдала головными болями, она даже

в летнее время, в жару носила два-три платка шерстяных. Если она снимала платок, она от боли не могла ни уснуть, ничего. Она была как «баба» и вот это имя так и прижилось, хотя это была молодая женщина, очень красивая». Действительно, в ту пору ей было всего 36 лет.

Что знал о деревенской жизни 12-летний городской мальчик? Но баба Алеся всему его научила. Она говорила Володе: «Дитятко мое, в жизни надо все уметь». Он и лапти плел, и рожь жал, и снопы вязал, и картошку копал, и грибы собирал, дрова колот. Баба Алеся была очень работающая. Сама косила, стригла овец. Была мастерица по ткачеству. Владимир Семенович вспоминает, что «она ткала очень много. Пряла вручную. Моя работа была обеспечить ее светом в помещении, нужно было смоляков нарубить и засушить. Лучины втыкаешь, одна сгорит, другую сажаешь, вот такое было электричество. К нам в дом собирались женщины, они пряли, человек по 15–20, в основном зимой, когда полевые работы заканчивались».

Баба Алеся отличалась художественным вкусом. Она ткала «простилки», это такие самодельные покрывала. Может и неделю над одним просидеть, но рисунок получится необыкновенный. Свои изделия не продавала, иногда только дарила кому-нибудь.

Зимой из дома почти не выходили. Одежды не было, бывало, «за жаром» даже приходилось к соседям босиком бегать. Жить было очень трудно. К 1943 г. не осталось даже кур. Ели картофель, капусту, морковь, свеклу. Володе баба Алеся старалась все лучшенькое давать. Ее дочь Настя была очень этим недовольна. Часто говорила матери: «Что ты ему все лучшее отдаешь?» Владимир Семенович говорит о бабе Алесе, что «человек она была замечательный. Если бы все такие были, не было бы никаких убийств, ни воровства, была бы одна доброта на Земле».

В деревне Макаричи я прожил до 1945 г. Здесь навсегда мои родные мама и сестры, здесь недалеко в лесу остались лежать мои друзья.

...1947 год. Я приехал в город Рогачев, чтобы восстановить документы. Пришел в милицию, которая находилась в одной большой комнате. Обратился к инспектору и стал рассказывать свою историю. В это время поднимается офицер, который сидел за другим столом, и спрашивает:

- Мальчик, тебя зовут Володя?
- А откуда Вы знаете, ведь я еще не назвал себя?
- Тебя уже второй год ищет отец. Он живет в поселке Березино.

И вот я дома, снова в родной семье. У мамы, когда она меня увидела, отнялась речь, и она полчаса не могла сказать ни слова...

Жизнь началась вновь. Но я уже был совсем другим человеком. Мое сердце «расколосось». Когда я был в Березино, меня тянуло в Макаричи к маме Алесе, а из Макаричей я стремился в Березино.

У меня два дома, где мне всегда хорошо и где меня всегда ждут...

Сейчас В. С. Свердлов живет в Минске. У него в семье сын и двое внуков.

Александра Кириловна Звоник ушла из жизни в 1989 г. и похоронена в д. Макаричи Стародорожского района.

Рубинштейн Л., Цыганок Н. См.: Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 20–30.

ЛАГУН Феодосия

г. Бобруйск

Спасенная ДОДАШЕВА Дарья

Год присуждения звания 2000

...Двадцать пятого июня она эвакуировалась вместе с институтом, где до войны работал ее муж.

...От долгого пребывания дома и волнений последних дней кружилась голова. Даша вышла на улицу и не узнала город. Совсем недавно шумный и красивый, он казался каким-то потухшим и безлюдным. Ей стало не по себе, по спине прошел холодок... Она вдруг поняла, что осталась совсем одна с больной мамой на руках. Помощи ждать совершенно неоткуда. Огляделась по сторонам, пытаюсь увидеть хоть кого-нибудь из знакомых. Улица была пустынна, на ней не было даже редких прохожих.

Но вдруг вдали раздались раскаты орудий и, словно туча, улицу стала заполнять вражеская техника. В город вступали немцы. Это было двадцать восьмого июня 1941 г.

Быстро вернулась домой, прижалась к маме. Она вся горела и не могла сдержать слез.

– Что с нами будет?

Ответ на этот вопрос не заставил долго ждать. Через два дня немцы вывесили приказ, по которому все евреи должны были зарегистрироваться в комендатуре и пришить звезды Давида на одежде. А еще через неделю – переселиться в специально отведенный район города: еврейское гетто. За невыполнение приказа – расстрел. Так Даша с мамой оказались в гетто. Первое время она еще ухитрялась кипятить шприцы и делать уколы. Но однажды в дом зашел полицейский и увидел коробку со шприцами.

– Что это у тебя?

– Шприцы. Я делаю уколы маме, у нее воспаление легких.

Ни слова не говоря, он забрал шприцы и вышел. Даша бросилась за ним.

– Отдайте шприцы, вы убиваете маму, – плакала и умоляла она.

– Уйди, жидовка, пристрелю, – и ударил ее кулаком в грудь. Даша упала и от бессилия и унижения готова была грызть землю.

– Мамочка, что нам делать?! – Мама подошла, поцеловала.

– *Ныт вейн, ыайн тохтэр. Ныт вейн, майи кинд. Брэхт эр ды коп!* (Не плачь, моя девочка. Не плачь, мой ребенок. Пусть он провалится (*идиш*). Они сели, обнялись и плакали от отчаяния. Уже не было лекарств, да и кушать было практически нечего. Иногда, правда, Даше удавалось вырваться из гетто на Комаровский рынок и обменять часы, серьги, кольцо – все, что удалось припрятать, на продовольствие. Неприметная с виду внешность позволяла Даше это делать. Но маме становилось все хуже и хуже. У нее появился сухой кашель, она сильно похудела. Даша раньше никогда не верила в Бога, а здесь стала каждый день молиться.

– Боженька, мой милый, помоги, спаси маму.

Наступила осень, а с ней сырость и холода. Топить печь было нечем. Мама уже совсем не поднималась, и в ноябре ее не стало.

А в гетто творился настоящий ад. Наступила суровая зима 1942 г. Морозы достигали -30°C. Людей расстреливали за малейшую провинность и без нее.

С каждым днем становилось все более ясно – подходит конец. Надо срочно бежать из этого ада – и будь, что будет.

В один из дней женщин погнали на работу расчищать снег. Их было человек тридцать. На Даше была фуфайка, бурки с галошами и старый серый платок. Она ничем не отличалась от окружающих. Днем зашла будто бы по нужде в один из дворов и решила не возвращаться: идти на юго-восток в сторону Бобруйска. В Дукоре зашла в деревню попросить хлеба и воды. И здесь совершенно неожиданно к ней подошел полицейский.

– Куда идешь, девка? Ты откуда? – Даша не была похожа на еврейку.

– Дяденька, иду из Минска в Бобруйск. Там в крепости, в плену, мой отец. А сейчас хочу попросить кусок хлеба и воды. Уже два дня ничего не ела. Может, люди пустят переночевать.

От страха Даша плакала, заливалась слезами:

– Дяденька, помоги. Пусть Бог хранит тебя всю жизнь. – И Бог, видно, услышал молитвы и помог.

– Иди за мной, – полицейский отвел ее в хату.

– Ганна, пускай эта девка у тебя переночует, а утром идет дальше. – Ганна напоила чаем, дала поесть картошки, уложила спать на полатах.

Утром Даша пошла дальше. Неделя пути, неделя слез и уговоров – то полицейских, то немцев. Но, видно, Бог действительно в этот раз решил за нее заступиться.

Вот и долгожданная деревня Еловики, что на входе в Бобруйск со стороны Минска. Зашла в первую попавшуюся хату – там одна женщина и дети.

– Люди добрые, я иду из Минска. Здесь в крепости, в плену, мой отец. Можно у Вас согреться?

Хозяйка впустила в хату,

– А чего ж, заходи. Раздевайся. Сейчас поставлю чай. Достала вчерашнюю картошку и поставила на стол.

– Ешь. Как тебя зовут?

– Даша.

– А меня Маня. И где ж ты будешь жить? Оставайся сегодня у меня, а там что-нибудь придумаем.

На следующий день хозяйка оставила Дашу дома, а сама ушла в Бобруйск. Вернулась вечером довольная.

– Завтра я отведу тебя к моей двоюродной сестре Феодосии Лагун. Она согласилась принять тебя в свою семью.

Феня одна поднимала троих детей: Николая (1931 г.р.), Володю (1936 г.р.) и Александра (1941 г.р.). Муж был на фронте, и жилось семье очень нелегко, тем более, что старшему было только 11 лет, а младшему не было и года. Что-бы прокормить детей, Фене пришлось идти работать к немцам прачкой. Даша сразу взялась помогать по хозяйству и в работе. Соседи знали, что у Феодосии живет ее сестра. Дети тоже называли Дашу тетей.

Феня знала, что у нее живет еврейка. Это был огромный риск для всей семьи. Не раз в своих молитвах, а она была глубоко верующим человеком, обращалась к Богу.

– Боженька! Я спасу эту девушку. Спаси и ты моего мужа. Не останутся мои дети сиротами в этом мире.

Так Даша прожила у Феодосии Лагун весь 1942 год, а в начале 1943 г. ушла в лес, в партизаны. Началась новая жизнь. Даша воевала в диверсионной группе. Мстила фашистам за мучения и горе, за смерть мамы, за слезы своего народа. Но молодость берет свое. Она полюбила и вышла замуж за своего командира Додашева Виктора Сергеевича и с ним дошла до Победы.

Видно, Фенины молитвы действительно дошли до Бога. Ее муж прошел войну и вернулся домой.

Феодосия Адамовна на всю жизнь осталась для Даши любимой старшей сестрой. Часто она с мужем гостила у Фени, а когда та заболела, ухаживала за ней.

В 1993 г. Феня умерла от инсульта у Даши на руках. Ушли из жизни старший сын Николай и младший – Александр. В Бобруйске живет жена Николая – Лагун Нина Павловна.

Сейчас Дарья Васильевна Додашева с сыном и внуками живет в г. Ашдод (Израиль).

Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 74–78.

ЛЫСЮК Нина

Место спасения – д. Елизово Осиповичского р-на

Спасенные: БАРШАЙ Сарра, Белла, Миша

Звание присвоено в 1994

Семья Баршай родом из красивейшего уголка – п. Свислочь Осиповичского района. До 1941 г. из тысячи человек, населявших местечко, девятьсот были евреями.

Незадолго до войны семья переехала в пос. Елизово, где строился стекольный завод.

...Родители Миши Баршай эвакуироваться не стали, а отец сказал:

– Если суждено умереть, то только в своей постели.

Через неделю немцы были в поселке. Сразу же появились полицаи. Это были в основном местные жители и жители прилегающих деревень. Немцы сразу стали выявлять еврейское население. Сделать это было легко, так как полицаи знали всех. Как и везде на оккупированных территориях, евреям приказали нашить желтые звезды Давида на одежду. Как это было унижительно! Вначале, для устрашения, без всякой причины, немцы вывели на луг к Березине и расстреляли пять еврейских парней. А 21 января 1942 г. устроили первый погром – расстреляли 28 мужчин. Среди них был отец Миши Иосиф Баршай и его брат Ицхак.

Вот как описывает в своих записках эти события Михаил Баршай: «3 января, часов в восемь утра, еще было темно, в квартиру вошли двое полицейских. Короткое: «Собирайтесь!». Мать машинально спросила, не сознавая наивности вопроса: – Куда? – На собрание в клуб... – и оба весело рассмеялись.

Нас – мать, отца, меня, сестру Беллу – гнали по пустой и морозной улице и сзади упирались дула автоматов: – Быстрее, плететесь еле-еле, жидовье!

Нас действительно привели в клуб. Мы были последними из 56 еврейских семей поселка, согнанных сюда. Велели придвинуться к сцене и отгородили нас от зала стульями.

Когда открывались двери клуба, был слышен шум моторов машин – двигатели не выключали, чтобы не замерзли. Несколько человек по нужде полицейские

вывели на улицу и, вернувшись, евреи рассказали, что у клуба стоят машины и толпятся местные женщины. Вскоре стало понятно их присутствие. Полицейским шли заявки: «Принеси мне кофточку..., а мне ботики..., а мне – сережки...». И полицейши, упиваясь своей властью, шли по толпе, хватая и срывая по живому... Мама глянула на ноги сестре и облегченно вздохнула – припомнилось, как в свислочском погроме передрались две местные такие же добытчицы: полицейши закидывали девушку в кузов грузовика (евреев грузили на машины и вывозили за местечко на расстрел), а на ногах девушки были блестящие резиновые ботики. Так одна из «добытчиц» схватила девушку за одну ногу, а другая – за вторую. Не поделили. Хорошо, что не было золотых зубов, их просто выбивали...

В страхе стояли на половине зала дети, женщины, старики. Заплакал грудной ребенок. И тут же окрик: – Или успокоишь, или об угол! Все знали, что такое «об угол» – когда берут ребенка за ноги и с размаху бьют головой о стену. Со всех сторон зашептали молодой матери: «Успокой, успокой – нас всех здесь сейчас прикончат». Мать с отчаянием в глазах трясла ребенка, наклонялась к нему, пытаясь успокоить.

Некоторые полицейши, из молодых, прохаживаясь вдоль стульев, вдруг вскидывали автоматы, взводили затворы и направляли их в толпу, люди в испуге шарахались, и это доставляло полицейшам удовольствие.

Наступил вечер. И вдруг двери распахнулись, и в зал вошла большая группа немцев. Старший офицер вышел вперед, выдержал паузу и произнес: – Пойте «Интернационал»! Толпа застыла. – Пойте, – рявкнул офицер.

И вдруг вперед вышел Марголин – рабочий завода – и запел еврейскую песню. Песня была очень печальная, и пелось в ней о еврейской судьбе. Немцы молчали. Когда песня закончилась, офицер скомандовал: – А теперь танцуйте, живо! Полицейши навели на нас автоматы. И люди схватились друг за друга и начали танцевать... Это был страшный танец отчаяния – старые и молодые тряслись, взявшись за руки, кто с кем, лишь бы не стоять на месте – стоявшего могли застрелить.

Наконец, офицер произнес: – Идите сегодня домой!

И все бежали по пустым морозным улицам, плача и радуясь: – Живы! Живы!

И никто не знал, надолго ли живы – насовсем или нет. А следующий расстрел уже дышал жаром в лицо...

21 января 1942-го года согнали всех мужчин поселка на окраину в ельник. Евреев было 27 человек. Их отделили, разбили на четыре партии и заставили рыть яму. Затем велели раздеться. Каждую группу подводили к яме и открывали огонь... Мой отец был в последней группе...».

Было ясно: если ничего не предпринять, расстреляют скоро всех. Но что делать? Кругом немцы и полицейши. Единственной более-менее близкой душой была Нина Лысюк. Сарра ее знала по школе и уважала. Прекрасный и внимательный педагог, она всегда тепло отзывалась о Белле с Мишей.

Сарра особенно боялась за Беллу, которой было уже шестнадцать лет.

– Доченька, беги к Нине Лысюк.

Она даже не вспомнила в это мгновение, что Яков Лысюк, отец Нины, не отличался мягкостью в выражениях, говоря о евреях.

Красивая, стройная девушка, с большими черными выразительными глазами прибежала к дому Якова. Он стоял у калитки, сложив на груди руки.

– Спасите меня, дядя Яша!

Он посмотрел на это божье создание и не смог отказать. Оглянувшись, быстро завел в сарай и спрятал за стопкой дров. Никто из соседей этого не заметил.

...Шел март 1942 г.

Через несколько дней к Лысюкам пришла Сарра с Мишей. Яков, когда их увидел, только пробурчал:

– Смотрите на них, идут, как генералы.

А сам осторожно огляделся по сторонам и тоже спрятал их в сарай, где уже была Белла.

Пятого апреля в поселке был очередной погром. Полицаи удивились, когда не нашли в доме Сарру с детьми. Перевернули весь поселок. Не стали проверять только у Якова Лысюка – он был вне подозрений. Дом, в котором жил Лысюк, был на две половины. И во второй жила семья полицаев. Ему и в голову не пришло, что тот самый Яков, который, казалось бы, ненавидел евреев, может прятать их у себя дома. Но оставаться долго у Лысюков было опасно. Надо было уходить в Кличевские леса, а значит – перебираться на другую сторону Березины.

К этому времени уже начался ледоход. Березина гудела и бурлила. Огромные льдины, как пароходы, двигались по реке и сталкивались друг с другом. Но делать было нечего, надо было уходить. Поздно вечером Нина вывела Сарру с детьми к реке – и где по льдинам, где по тонкому льду они перебрались на другой берег.

– Не могу поверить, как нам это удалось. Это был ужас, – вспоминал Миша много лет спустя. – Нам действительно помог Бог. Когда мы обернулись, чтобы посмотреть, как мы шли, не поверили своим глазам. Кругом по реке двигался лед. Она была черная и словно злилась, что пропустила людей. Такое можно совершить только один раз в жизни и то под страхом смерти. Мы в изнеможении упали на землю. Смерть прошла рядом. Небо с удивлением смотрело на нас. Лес добродушно шумел. Даже ему не верилось, что такое можно совершить.

От усталости и страха мы не совсем поняли, что же произошло, и уснули на опушке леса. Теплое, ласковое весеннее солнце разбудило нас. Начинался день новой жизни.

Долго еще Сарра с детьми скиталась по Кличевским лесам. Ночью заходили в деревни, просили что-нибудь поесть, собирали и ели старые желуди. Партизаны не принимали беженцев, так как боялись, что они снизят боеспособность отряда. Только через месяц они взяли Беллу и лишь много дней спустя, уже умирающих от голода, подобрали Мишу с мамой. Сарра до Победы была в отряде поваром, стирала белье, Миша стал связным, а Белла воевала в диверсионной группе.

Полицаи все же узнали, что Яков Лысюк спас еврейскую семью. Уже в 1944 г. его убили.

Дочь Нины, Любовь Ивановна Скавыш, живет с детьми в Бобруйске. Сарра Баршай умерла в 1986 г.

Н.Я. Лысюк похоронена в г. Бобруйске.

Рубинштейн Л., Цыганок Н. См.: Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 82–90.

МАСЮКЕВИЧ Ирина

д. Добасны Кировского р-на

Спасенные: Вера Паперина с детьми Яшей и Мишей

Год присуждения звания 1995

Деревня находится в стороне от больших дорог, рядом с лесом и озером. И если кто-нибудь хотел на время «уйти от людей» и отдохнуть, приезжал сюда. Летом грибы, ягоды, можно посидеть с удочкой у воды... Кто хоть раз побывал здесь, никогда не забывал эти места.

Здесь женились и выходили замуж, привозили в примы своих любимых. Никто не уезжал из деревни.

Дом Ирины стоял на хуторе. У них было подворье – корова, куры, гуси, поросята. И хлеб был свой. Когда его пекли в печи, запах облетал всю деревню и возвращался обратно, он тоже не хотел уходить из этого дома. И молоко было свое – вечером и утром теплое, с пенкой. Дети любили крошить хлеба в миску с молоком и кушать его ложками. И даже самогонка была своя – хлебная, всегда самая светлая и чистая, как слеза.

Жили по соседству с братом и сестрой – дружно и хорошо. Но вот в начале тридцатых годов нагрянула беда – Ирининых сестру и брата разорили или, как говорят, раскулачили и отправили в Сибирь. Больше от них не было весточки – пропали, растворились, как соль в воде, а вместе с ними их жены и дети. У каждого была девочка и мальчик – все плотные, крепкие, чернявые, как боровички, и исключительно работающие. Почему их вдруг посчитали кулаками? Все, что было нажито в доме, добывалось своим трудом и потом. Вставали ни свет ни заря – и в поле. Дети с малолетства знали цену хлеба. Детей даже рожали в поле.

У каждого был свой конь – крепкий, кудлатый, как его хозяева. Люди и кони были словно братья. У них даже взгляд был одинаковый – исподлобья. И только близкие люди знали, что, несмотря на хмурый вид, у хозяев доброе большое сердце.

Так, с радостями, с верой в людей и заботами, шла жизнь. Дети подрастали и, как птенцы из гнезда, улетали из дома, а Ира, как жила, так и осталась жить на хуторе.

Весной сорок первого года у нее родилась младшая дочь Тоня, а старшей уже шел седьмой годок, и она была первой маминой помощницей – и корову подоит, и поросятам даст поесть, и в хате уберет. В мае сорок первого Колю, Ирино мужа, забрали на военные сборы куда-то на границу, и с тех пор от него не было никаких вестей. Осталась Ирина одна со своими заботами, хозяйством и семьей.

Она даже не знала, что началась война и мир в один миг перевернулся.

...Совсем в другой стороне Белоруссии, на границе с Польшей, жила еврейская семья Папериных. Но как война переплела судьбы этой семьи и семьи Ирины Ивановны Масюкевич!

В Гродно война пришла, словно снег в жаркий день. На второй день немцы сбросили десант, и их видели то в одной, то в другой стороне города.

...Вера Паперина со своими мальчишками Яшей и Мишей, старшему было шесть лет, а младшему – четыре года, осталась наедине со своими заботами. Мужа дома не было. Офицер Красной Армии, он служил на границе.

– Где он сейчас? Жив ли? – спрашивала Вера сама у себя. По городу упорно ползли слухи, что немцы убивают евреев.

Вера побежала к подруге, которая работала в паспортном отделе милиции.

– Тоня, помоги. Немцы сразу убьют нас. Сделай документы на русскую фамилию.

Она даже не надеялась, что Тоня сможет решить этот вопрос, но отчаяние и страх за детей привели ее к подруге.

Тоня, которая всю жизнь стояла на страже закона, поняла, что в данной ситуации только она может спасти семью Веры от неминуемой смерти. Она дала согласие сделать документы. Как это было неожиданно! Люди действительно познаются в беде, ведь на кону стояла жизнь.

Вера быстро собрала кое-какие вещи, кое-что поест и двинулась с детьми в путь. Остаться в городе, даже с документами на русскую фамилию, было нельзя: многие знали, что она еврейка и муж у нее офицер. Попутным транспортом добралась до Бобруйска. Но здесь уже были немцы. Они организовали гетто и евреев со всего города сгоняли в специально отведенный для них район. Вера понимала, что гетто – это смерть, и решила искать убежище где-нибудь в деревне. Знакомых и родственников нет. Пошла на восток в сторону Рогачева. Крутом двигались люди по дороге в том же направлении.

Откуда-то слышны звуки стреляющих орудий. В небе появились самолеты с крестами. Раздался душераздирающий крик женщины, и все бросились врассыпную. Свист падающей бомбы, взрывы. Ноги стали ватными, но сознание продолжало работать. Надо бежать, бежать подальше от этого скопления людей! И она с детьми пошла в сторону леса. К утру оказалась на каком-то хуторе у деревни Добасна. Хозяйка дома, чернявая молодая женщина, впустила Веру с мальчиками в дом. Немецкого гарнизона в деревне не было всю войну. Они наезжали изредка за продуктами и для того, чтобы забрать женщин для работы в Германии.

В селе был староста Данил Юрочка и несколько полицаев из местных. Все знали, что к Ире на хутор пришла родственница с детьми. Ирины дети, две девочки, и она сама были в чем-то схожи с Верой и ее мальчиками – все чернявые, плотные. Некоторые в деревне подозревали, что это евреи, но на протяжении двух лет никто не выдал семью. Больше того, староста Данил помогал семье топливом и едой.

Однажды в Добасна нагрязнул немецкий отряд. Один из немцев оказался на хуторе и стал заглядывать в окна дома. Ира в это время пекла блины. Увидев немца, она не растерялась и сказала Вере:

– Он, наверное, хочет есть. Возьми блины, молока и вынеси ему. Так и сделали.

– О, гут, гут. Даньке, matka.

А после того, как поел, сказал Вере:

– Здесь два matka. Одна беги. Заберут работа Германии.

Вера побежала и спряталась в жите, а мальчиков Ира посадила в погреб.

В трудные годы войны Ирина Ивановна делила с Верой и ее мальчиками последний кусок хлеба. Однажды заболел Миша, его звали сейчас Димой, а Яшу – Пашей, неизвестно откуда и как подхватил воспаление легких. Лежит ребенок, горит, а вместе с ним сидит Ира (они разделили сутки с Верой пополам),

прикладывает к голове тряпки с холодной водой, поит чаем с малиновыми веточками.

С 1941 по 1944 гг. Вера с мальчиками прожила у Ирины Ивановны, которая спасла их от смерти. Так на всю жизнь она осталась для них мамой и сестрой, ближе и дороже которой нет на свете.

Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 66–70.

МИХОЛАП Стефанида и ее дочь Галина

г. Бобруйск

Спасенная МАЦ Гиня

Год присуждения звания

В 1941 г. Галя окончила школу.

22 июня стоял прекрасный солнечный день. Вчера с родителями договорились пойти отдохнуть на речку. Пляж был в конце Социалки. Теплая вода, желтый шелковый песок так и манили.

Не хотелось ни о чем думать. Не беспокоили даже разговоры о войне, которые велись повсюду. Германия заняла Австрию, Чехию, Францию, Польшу. Это было где-то далеко-далеко, в другом мире. Хотелось жить, смеяться, любить и не верилось, что жизнь может измениться в одно мгновение.

Собрали поесть и хотели идти – было десять часов утра. Вдруг открылась дверь, на пороге появился соседский мальчик Миша, весь какой-то испуганный, глаза широко открыты. Стоит, смотрит и ничего не может сказать.

– Мишенька, что случилось? Почему ты молчишь?

– Тетя Маша, – выдал он. – Вы ничего не слыхали? Война, война. Немцы напали на Советский Союз.

Напряженное молчание повисло в воздухе. Вмиг, в одно мгновение, мир изменился. Галя побежала домой. Мама без сил опустилась на стул, капельки пота выступили у нее на лбу. Немного погодя, она тяжело поднялась и прошла в соседнюю комнату, где работал папа. Он был портной.

– Хаим, ду герст, а мелхоме! (Хаим, ты слышишь, война! *(идиш)*). А мелхоме, Хаим, а мелхоме! Вое дафмен тон? (Война, Хаим, война. Что будем делать? *(идиш)*).

К удивлению, это известие не вывело папу из равновесия.

– Малка, успокойся. Все будет хорошо.

Он, как и многие, считал, что немцы никого не тронут, а Красная Армия быстро всех освободит. Но мама не могла успокоиться, она нервно ходила из угла в угол, и все валилось у нее из рук.

Уже двадцать четвертого июня немцы бомбили Бобруйск. День начался с душераздирающего воя сирен воздушной тревоги. Разрывы бомб сотрясали воздух. Страх, ожидание неприятностей сковали Гениных родителей. Всегда такие энергичные, они почему-то ничего не предпринимали. Люди бежали, бросали все и уходили куда-то из города, а на них будто нашло оцепенение.

Двадцать восьмого июня немцы вошли в Бобруйск. И сразу приказ: «Евреям пришить на рукаве, спине и груди желтые шестиконечные звезды Давида». Еще через неделю приказали переселиться в гетто. Оно находилось по Шоссейной улице (сейчас улица Бахарова), с левой стороны по ходу движения

в сторону Слуцка, от мармеладной фабрики до выезда из города. По Бобруйску поползли слухи о первых расстрелах. Галя прибежала в дом к подруге.

– Генька, немцы к вам не приходили? Возьми мой крестик, пусть Бог спасет тебя.

Они обнялись, расплакались и даже не могли предположить, что гроза разразится так быстро. Начались облавы и погромы. Немцы-жандармы и полицаи обходили каждый дом. Остаться незамеченным было нельзя.

– *Тохтэр, лэйф цу Стеше* (Дочка, беги к Стеше (*идиш*)).

Геня выскочила в огород и побежала. И здесь, неожиданно, как из-под земли, перед ней оказался немец: – *Юде?!* (Еврейка (*немецкий*)).

– Нет, нет, дяденька, я русская, – сказала Геня и показала крестик на шее.

Он недоверчиво посмотрел и отпустил. Бог на сей раз помог Гене. А маму с папой расстреляли. Но Геня этого не знала. Тетя Стеша, увидев ее, схватила за руки:

– Доченька, заходи быстрее в хату. Хавайся в подвал.

У них в доме в это время жил немец – денщик коменданта. Мама очень боялась, что Неля, младшая сестра Гали, Неле было 7 лет, проговорится кому-нибудь, что в подвале прячется еврейская девушка.

– Прикуси язык, Неля, если ты только проболтаешься, всех убьют!

В это время в дом зашел жандарм:

– Матка, есть юде?

Стеша побледнела, у нее отнялась речь. Она смотрела на жандарма, качала головой и не могла вымолвить ни слова. Благо, дома находился немец-постоялец, который слышал этот вопрос и видел немой ответ. Он поднялся, вышел из своей большой комнаты и подошел к жандарму. О чем-то они недолго переговорили, и тот ушел.

Три долгих месяца Геня просидела в подполе, выходила только ночью.

За это время Галя смогла достать для подруги документы на фамилию Бородич.

Медсестра Таня Бородич работала на «Скорой помощи» и будто бы потеряла паспорт во время бомбежки, оказывая раненым помощь. Через знакомых и за деньги Галя договорилась в канцелярии, чтобы Тане выдали справку взамен утерянных документов. Бородич хорошо знала Геню: вместе учились в медучилище и затем работали. Она отдала ей справку. Галя с Геней переклеила фотографию, и еврейка Гиня Мац стала русской Таней Бородич.

Но оставаться в Бобруйске было нельзя. Поэтому друзья переправили Гиню в Минск. Здесь ее никто не знал, и она устроилась работать в немецкий госпиталь – вначале кухонной рабочей, а затем санитаркой. Была связана с партизанами, передавала им медикаменты, а затем стала связной...

После войны Гиня жила в Саратовской области. Никогда не теряла связь со своими спасителями – писала письма, неоднократно приезжала в Бобруйск.

В 1950 г., во время очередного приезда, она узнала, что Неля, младшая сестра Гали, заболела туберкулезом. Гиня нашла знакомого врача туберкулезного диспансера, который долго лечил девушку, и она поправилась.

Умерла Гиня в 1986 г. Галина Филимоновна Михолап живет с дочкой в Израиле. Галине Филимоновне в 2005 г. исполнился 81 год.

Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 38–42.

МОРОЗ Антон и Мария

г. Бобруйск Могилевской обл.

Спасенная БЛАГУТИНА Майя

Год присуждения звания 1999

...Семья Благутиных перед войной жила в поселке Телуша, где отец, Рахмел Иосифович, работал заместителем директора машинотракторной станции, а мама, Мария Ивановна, – директором детского сада. У них было четверо детей – Майя, (1933 г.р.), Валера (1935 г.р.), Лиля (1938 г.р.), и Тома (1940 г.р.).

Рахмеела Иосифовича в начале 1941 года забрали в армию на строительство оборонительных сооружений. Мама осталась с четырьмя малышами на руках. Хорошо, что было свое хозяйство. Молока с картошкой, яиц и творога было достаточно – от голода не умрешь.

Маечка подросла и была первой помощницей. Мама занималась хозяйством и маленькой Томой, а все заботы о младших легли на худенькие Майины плечи. Она была для них, как маленькая мама – и в садик отведет, и в конце дня встретит. Жизнь наладилась, ждали, когда вернется отец из армии. Июнь подходил к концу, стояла ясная солнечная погода. Радоваться бы каждому наступившему дню. Но началась Великая Отечественная.

Что делать? Мария Ивановна решила идти с детьми в деревню Бирча, где жила ее сестра, где никто не знал, что папа у ее детей – еврей. Уже 24 июня, взяв с собой самое необходимое, а хозяйство оставив соседям, Мария Ивановна отправилась в путь. В районе деревни Бирча, вместе с другими беженцами, семья попала под бомбежку.

Мир словно раскололся. Свист падающих бомб, треск пулеметных очередей, крики людей – все смешалось. Мария Ивановна схватила детей, бросила их на землю и накрыла своим телом. Сейчас только так она могла защитить их от смерти. Страх за жизнь детей сковал ее тело. Сколько длился этот кошмар? Вдруг мир словно утратил звук, все замерло. Кругом установилась мертвая тишина.

– Мама, что случилось? Ты прижала мне ножку! Но мама молчала.

– Мама, мама, – стали плакать Валик, Лиля и Тома.

Ответом была только тишина.

– Майя, помоги мне, – попросил Валик.

Майя так испугалась, что было слышно, как стучит ее сердце.

– Мама, мама, встань, – заплакала и Майя.

Затем она выбралась из-под тела матери и вытащила братика и сестричек. Вся спина у мамы была в крови. Девочка поняла, что случилось что-то страшное. В следующее мгновение она закричала:

– Мама-а-а!

Упала на землю, обхватила ее голову руками и стала тормошить.

– Мама, вставай, вставай, мама!

Слезы душили ее. Она уже не могла кричать, прижалась к маме и только всхлипывала. Лиля с Томой прижались к Валику и испуганно смотрели на Майю.

Сколько прошло времени?

Вдруг Майя услышала женский голос:

– Девочка, что случилось?

Майя оторвалась от мамы и подняла голову.

Женщина все поняла, подала руку и подняла Майю с земли. Молча постояла некоторое время с детьми и сказала:

– Пошли, мы еще сюда вернемся.

Взяла на руки Тому, и они направились в сторону деревни Бирча, которая виднелась вдали. Дети шли, и все время оглядывались назад – туда, где осталась лежать их мама...

У тети Ани, маминой сестры, были свои две девочки, и сказать, что она обрадовалась приходу детей, было нельзя. Но больше всего негодовал ее муж Иван.

– Как, мы еще должны кормить это жидовское отродье? Ни за что. Не дай Бог, кто-нибудь узнает, что мы скрываем евреев, нас всех расстреляют. Я этого не допущу!

Он бегал из угла в угол, кричал и не находил себе места. Немного погодя успокоился, приняв какое-то решение. Тетя Аня тоже отводила глаза от детей и старалась не находиться с ними рядом. Затем дядя с тетей и Майей сели на подводу и поехали в поле, где осталась мама...

Через день, ничего не говоря, Иван посадил детей на подводу и отвез в Бобруйск в полицию.

– Что за дети, откуда ты их привез?

И только здесь у Ивана, по-видимому, дрогнуло сердце.

– Я подобрал их в поле возле убитой мамы. Кто они, я не знаю. Так дети оказались в тюрьме.

Но свет не без добрых людей. В камере сразу поняли, да Майя и не скрывала, что они евреи.

– Ни в коем случае на допросе не говорите, что вы евреи, – учили детей.

– Если спросят, на каком языке говорили дома, скажите – на белорусском. Как называли папу – говорите тата. Не проговоритесь. Если немцы узнают, что вы евреи, сразу расстреляют.

Детей привели на допрос. Гестаповец усадил их за стол, дал чаю, булочку.

– Как вас зовут?

– Валик, Майя, Лиля.

Томочке был всего годик, и она не говорила.

– Как звали вашу маму?

– Мария.

– Как звали папу?

– Тата.

– Как?

– Тата.

Отвечал Валик, а девочки молчали. Как гестаповец не хитрил, дети себя не выдали. Их вывели во двор, где находились другие заключенные. В основном это были евреи, которых должны были отправить на расстрел.

В это время к ребятам подошел полицейский, усадил их на подводу и отвез в город в детский дом. Так этот человек спас детей от смерти.

Соседи привыкли к этой девочке, и за долгие три года оккупации никто не проговорился и не донес на нее.

Детский дом был переполнен, и его работники обратились к людям с просьбой взять часть детей на воспитание. Поэтому никто не возражал, когда Мария Павловна попросила отдать им Майю. Лилю забрала молодая супружеская пара из

деревни Титовки, Валика перевели в Рогачевский детский дом. К сожалению, Тома не перенесла тяжелых условий жизни в детском доме и умерла.

В 1945 г., после тяжелого ранения под Кенигсбергом, в звании старшего лейтенанта вернулся из армии Рахмеел Иосифович. Он отыскал вначале Валика, затем Майю и Лилю.

...Валик долгое время работал на мебельной фабрике имени Халтурина электросварщиком, старшим мастером, заведующим инструментальным хозяйством. Лилия окончила медицинский институт и работала в городе Дивногорске Красноярского края. Майя вначале окончила лесотехникум, а затем лесотехническую академию в Ленинграде и была направлена на работу в Свердловскую область в поселок Сосьва, где живет сейчас. У нее трое сыновей. Долгое время работала инженером леспромхоза по оборудованию, избиралась депутатом поселкового Совета.

После войны Рахмеел Иосифович вновь женился. От второго брака у него трое детей. Он скончался в 1981 г.

Давно не стало Антона Терентьевича и Марии Павловны. В Бобруйске живут их старшая дочь Надежда Антоновна и трое послевоенных детей – Лида, Зина и Петр.

До самой смерти Антона Терентьевича и Марии Павловны Майя Благутина (Касьянова), поддерживала связь с этой семьей. И сейчас связь между двумя семьями вновь установлена.

Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 54–62.

ПЕТРАШКО (ХАМУТОВА) Ядвига и дочь Александра

п. Щедрин Могилевской обл.

Спасенные: Софья и дочь Белла (Галя) АКСЕЛЬРОД

Год присуждения звания 1995

Щедрин – обычное еврейское местечко, каких было много в черте оседлости...

На следующий день пришли немцы. Назначили старосту и сформировали полицейскую команду. В тот же день вывели на площадь Хаима Горелика и расстреляли. Всем евреям, от мала до велика, приказали пришить к одежде желтые звезды Давида. Они, как свет изнутри, высвечивали еврейское население. Затем приказали евреям и неевреям поменяться домами. Еврейский район был гораздо больше нееврейского, и евреям пришлось по несколько семей селиться в одной хате. Этот район объявили еврейским гетто. Злобствовали полицаи. Если немец мог пройти мимо и сделать вид, что не заметил, что вместе играют еврейские и русские дети, то полицаи..? Эти мимо не пройдут! Какая мама их родила? Где они жили и воспитывались? Им не терпелось завладеть еврейским добром.

Начались массовые расстрелы. Доставалось и нееврейскому населению.

Немцев все больше волновал вопрос: «Где партизаны и кто им помогает?»

В клуб согнали мирных жителей.

– Скажите, где партизаны?

Все молчали. По-видимому, действительно не знали, где партизаны. Тогда немцы отобрали несколько парней, вывели за околицу и расстреляли.

Конец лета 1941 г. В Щедрин приехал карательный отряд. Это был самый страшный для евреев день. Их заставили вырыть ров за местечком, и для многих еврейских семей это был последний день жизни.

Казнь потрясла всех жителей местечка. Долго еще висели в воздухе душераздирающие крики женщин и детей. Нет уже милых Арона и Зельды с детьми – приняла их родная земля...

Как жить дальше? Как растить детей? Правда, Шурка уже стала во всем помощницей – и приготовит, и постирает, и за Людкой с Юзиком присмотрит.

...В эти тяжелые и страшные дни в дом Петрашко (он стоял на краю Щедрина) постучала женщина с ребенком на руках. Это была Софья Аксельрод, жительница города Борисова. До войны у нее была хорошая, дружная семья – муж и две дочери. Старшая Зина училась в школе, а младшей Белле недавно исполнилось шесть лет. Жизнь, как цветок, только начала распускаться. Гриша обожал своих детей. Они были как березки – беленькие, стройные.

Еще 20 июня 1941 г. всей семьей ездили за город. Девочки бегали, смеялись, и, казалось, вся роща бежит и веселится вместе с ними. Гриша лежал на траве, смотрел в голубое безоблачное небо и мечтал о будущем. Солнышко ласкало и обнимало их... Но как уходит день и наступает ночь, так закончились эти счастливые деньки.

Вдруг, как ураган, нагрянула война.

Соне удалось в Борисове сделать фальшивые документы, и они все стали считаться русскими. Надо было срочно уходить на восток, устраиваться жить, где их никто не знал.

В Бобруйске по улице Пушкинской у Сони жила сестра Геня. Они направились в Бобруйск. Но по дороге случилась страшная беда: во время бомбежки погибли муж и старшая девочка. Жизнь будто кончилась. Она продолжала идти с Беллой как во сне.

Как дошла до местечка Щедрин, как попала в эту глушь?!...

Ядя приютила у себя несчастную женщину. Знакомые знали, что к ней пришла родственница из Бобруйска, но соседи стали подозревать, что это еврей. Было опасно оставаться: в любой момент их могли выдать. В это время немцы начали угонять людей на работу в Германию, и Соня решила ехать...

Белочка осталась у Яди. Ее крестили, назвали Галочкой, и девочка думала, что Ядя ее мама.

Сколько раз немцы и полицаи вызывали Ядю на допросы.

– Чей это ребенок, как он к тебе попал?! Ядя плакала и говорила, что девочка русская.

– Посмотрите ее документы. Я подобрала ее на дороге после бомбежки. Ребенок плакал и ползал возле погибшей мамы. Побойтесь Бога, не трогайте дитя, девочка и так осталось сиротой.

Так у Гали появилась вторая мама.

Закончилась война. Соня, слава Богу, осталась жива и вернулась из Германии.

– Галочка, вот и вернулась твоя мама....

Но девочка еще долго не могла понять, почему у нее две мамы.

Сейчас Соня Аксельрод и Галя живут в Израиле. В Бобруйске живет старшая дочь Яди – Александра Хомутова.

Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 16–18.

РУСЕЦКАЯ-КОТ Дарья

г. Бобруйск

АНУФРИЕВЫ Гавриил и Кристина, СЕМАШКИНЫ Григорий и Феоктиста

д. Святое Жлобинского р-на

Спасенные: Нина и Анна ЗАЙЦЕВЫ

Год присуждения звания 1998

...Максим Зайцев жил в Бобруйске. Женился на самой красивой девушке Мусе Белинкиной. Правильные черты лица, отличная фигура, приятная улыбка заворожили парня. И он в своей Мусе души не чаял.

Еврейская семья приняла Максима как родного сына. Он того заслуживал – не пьющий, работающий, все, что заработает, только в семью. Муся оказалась хорошей хозяйкой и отличной женой. И вот уже в доме, как колокольчик, заливается маленькая Нина, а затем и Анечку не пришлось долго ждать.

Максим работал всю зиму в городе на заводе, а летом – в поле, трактористом, чаще всего в деревне Святое, где жили двоюродные братья и сестры. Здесь все его знали, он был свой. Знали про красавицу Мусю и про девочек.

– *Максім, трэба Сцешы прывезці дроў.*

И как бы ни был занят Максим, он никогда не откажет.

Но пришли немцы, и горе заполнило дом Зайцевых, как и все еврейские семьи. В первые дни войны Максим, спасая семью, перевез ее в местечко Городец Жлобинского района, где жили его родители. Евреев местечка Городец стали сгонять в Рогачевское гетто. Максим бросился в деревню Святое, которая находится недалеко от Городца.

– Люди, спасите. Убьют немцы Мусю и девочек.

Как отказать Максиму, когда столько лет прожито вместе?! Семьи Ануфриевых и Семашкиных согласились спрятать еврейскую семью. Вначале Мусю с девочками приютили Гавриил и Кристина Ануфриевы. Время было тяжелое, голодное, да и прятать троих в одной хате было опасно – вдруг кто-нибудь проговорится или что-нибудь узнают полицаи. Тогда конец всей семье.

Максим договорился с семьей Семашкиных, чтобы они спрятали Мусю с Анечкой, а Нина, она ведь старшая, останется у Ануфриевых. Жить стало немного легче.

К этому времени практически все в деревне знали, что еврейская семья прячется у Гавриила Ануфриева и Григория Семашкина. Люди помогали, чем могли. Кто принесет картошки, кто соли или кусочек сала. Но Максим чувствовал, что опасность висит над всей деревней и, когда было ликвидировано Рогачевское гетто, забрал семью и переехал в Городец. Но нашелся предатель и донес немцам о семье Зайцевых.

Им сразу приказали перебраться на территорию ликвидированного гетто. Жизнь становилась невозможной. Максим понял — надо срочно что-то предпринять, иначе погибнут дети и Муся. Как быть? И тогда он решил доказать немцам, что у них с Мусей не было своих детей, а девочки рождены от других женщин. В Бобруйске жила Даша Русецкая-Кот, с которой Максим дружил с детства. Он срочно поехал в Бобруйск.

– Даша, помоги. Необходимо доказать немецкому коменданту, что Нина не Муськина дочь. Надо убедить его, что у меня до Муси в Бобруйске была

женщина, на которой я хотел жениться. Она и родила Нину, но при родах умерла.

Нина была светленькая девочка и очень похожа на Максима. Поэтому придуманная от отчаяния история выглядела правдоподобно.

Даша не могла отказать своему другу. Она со слезами на глазах умоляла и доказывала коменданту, что девочка русская.

– Посмотрите на нее, гер комендант, ведь у девочки ничего нет еврейского. Она беленькая, разве такого ребенка может родить жидовка?! Ее мама умерла при родах.

По-видимому, в жизни бывают чудеса, и комендант поверил. Нину отдали Дарье и девочка была спасена.

Как быть с Анюткой?! И тогда Максим придумывает другую историю. Он опять едет в деревню Святое.

– *Людзі, ратуйце. Трэба даказаць* коменданту, что Муська бездетная, а Аннушка – наша приемная дочь.

Никто в деревне не смог отказать Максиму. Все семьдесят взрослых жителей поставили подписи под заявлением. Максим бросился с ним в полицию. Сколько стоило ему труда, слез и денег, чтобы уговорить шефа полиции.

– Господин бургомистр, спасите мою дочь. Девочка русская, вот видите, все семьдесят человек подтверждают, что мы взяли ее из детдома. Ниночка не Мусина дочь, поверьте. Мы живем с женой семь лет, старшей девочке сейчас одиннадцать, и у нас не было детей. Посмотрите на Анечку – она совсем не похожа на нас, и уж никто не скажет, что она еврейка.

Далеко не сразу бургомистр отдал отцу его дочь. Но Бог и деньги помогли. Аню отдали отцу. От сердца отлегло, обе девочки были спасены. Но Муся, как спасти жену? И Максим снова идет в полицию к бургомистру. Как он его ни уговаривал, но на этот раз никакие просьбы не помогли.

– Жидовка – она и есть жидовка. Уходи, а то расстреляем тебя вместе с ней.

Но Максим продолжает бороться за жизнь Муси. Он едет в Бобруйск и ему удается сделать документы, что Мусина мама русская. Но было уже поздно. Когда он вернулся в Рогачев, Мусю уже расстреляли. Это было в 1943 г.

Партизаны в Белоруссии освобождали целые районы. Деревня Святое оказалась в партизанской зоне.

Максим после расстрела Муси вновь перебрался жить в деревню. Здесь было легче, всегда можно было для девочек заработать кусок хлеба. Руки у него были золотые. Про таких, как Максим, говорят, что у них две руки правые.

А когда пришли партизаны, он со своими девочками ушел в партизанский отряд. Воевал с фашистами, мстил за любимую Мусю.

Закончилась война. Максим Алексеевич со своими девочками вернулся в Бобруйск. Они поселились в небольшой комнатухе по улице Карла Либкнехта. Он поступил на заочное отделение Белорусского государственного университета и окончил его по специальности «биолог». Работал завучем вечерней школы для офицеров летного состава, а затем завучем и преподавателем химии в 22-й средней школе Бобруйска.

В 1945 г. женился на Дубровской Вере Васильевне. У них родились двое сыновей. Юрий сейчас живет и работает в Бобруйске, Алексей – в Минске.

Нина окончила математический факультет Белорусского государственного университета. Много лет преподавала математику в Могилевском машиностроительном институте. Сейчас на пенсии, живет в Минске.

Анна тоже окончила Белорусский государственный университет. Доцент, кандидат технических наук. Живет в Минске. Преподает физику в родном университете.

Максим Алексеевич скончался от инфаркта в 1971 г.

Нет уже в живых Русецкой-Жот Дарья Максимовны. Она ушла из жизни в 1988 г. В Бобруйске живет с семьей ее сын Степан.

Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 94–98.

ЯЛОВИК Юлия и Виктор

г. Бобруйск Могилевской обл.

Спасенная Бронислава АЛЬТШУЛЕР (ЭПШТЕЙН)

Год присуждения звания 1999

Еще совсем недавно Броня Альтшулер ходила в медицинский институт, сдавала экзамены, строила планы на лето. Мама звала домой в Гомель, а она с подружкой Идой и знакомыми ребятами хотела идти в туристический поход по родной Белоруссии.

Кажется, еще вчера Лева пришел с букетом ромашек прямо на последний экзамен. Как это было здорово и красиво! Броня, светловолосая, голубоглазая, шла с букетом цветов по улице и, кажется, все мужчины оборачивались и смотрели вслед. А она, гордо подняв голову, шагала – стройная и красивая. Лева, если его не отправить домой, мог сутками находиться у них в общежитии. Для него Броня была богиня. Если сказать правду, и Лева ей нравился. Он был невысоким, черноволосым, симпатичным парнем. Его нежные, настойчивые ухаживания приводили в восторг Брониных подруг. Ида вообще считала, что Броне везет в жизни больше всех – такого парня не часто встретишь.

Прошел месяц, всего один месяц, но где сейчас Лева, где мечты?

Все перевернулось. Началась война. Ида сразу уехала в свой родной Бобруйск. А Броня...? Вот она сидит на лавочке возле дома в Минском гетто. Что делать? Одно ясно, в гетто оставаться нельзя, надо бежать. Но как и куда? Пробираться домой в Гомель далеко и опасно, да еще неизвестно, где сейчас родители.

Надо идти к Иде в Бобруйск. Вместе что-нибудь придумаем. Был бы Лева рядом – совсем другое дело. Он всегда мог принять единственно правильное решение. Но Леву на второй день войны вызвали в военкомат, и с тех пор они больше не виделись. Где он теперь?

Броня только сейчас поняла, как надежно, когда такой друг рядом.

Решила идти в Бобруйск следующей ночью. Из гетто еще можно было выйти. Двигаться по шоссе опасно. Молодую, красивую девушку сразу заметят и схватят немцы. Единственный выход – идти ночью, лесом, вдоль железной дороги. Здесь немцев было мало, идти проще, а железная дорога, как компас, не заблудишься. Да и с голода летом в лесу не умрешь.

...Броня шла в сторону Бобруйска. Легко сказать – идти ночью лесом. Как это страшно! Вот кто-то завыл, а затем застучал в лесу – и сердце готово выскочить из груди. Дороги нет, и ноги постоянно проваливаются в невидимые

ямки. Еще не дошла до Рудинска, а туфли уже порвались, пришлось подвязать их веревками, чтобы не идти босиком.

Днем заходила подальше в лес и отдыхала, чтобы не встретить незнакомых людей: это могли быть полицаи или немцы. Так, боясь неосторожно ступить, чтобы лишним звуком не выдать себя, Броня за две недели добралась до Бобруйска.

Здесь тоже хозяйничали немцы. Они, как саранча, везде.

Ночью пробралась к Иде Гельфанд. Какое счастье, она оказалась дома! До утра проговорили, думали, как спастись. В Бобруйске уже организовали гетто, и, чтобы туда не попасть, надо было сделать новые документы.

Рядом с домом разместился немецкий госпиталь, где работал врачом дядя Ваня – муж Идиной тети Фани. Они хотели устроиться к нему на работу, но без документов это сделать было невозможно. Как быть? Положение с каждым днем становилось все более сложным. Надо срочно уходить из дома. Это же настоятельно советовал дядя Ваня.

И вдруг Ида вспомнила о подруге своей мамы – о Юлии Яловик.

Они жили на краю города за лесокombинатом. Здесь было легче спрятаться в частном доме, а в случае опасности – проще уйти в лес. Тетя Юля работала завхозом во второй школе, где учились Ида и Виктор – сын тети Юли. Светленькая Броня чем-то была похожа на тетю Юлю, и она согласилась забрать ее к себе. Друзья Виктора сделали ей документы на фамилию Козелко.

Но соседи... Им всегда надо все знать.

– Виктор! Что это за девушка у Вас появилась?! Откуда и кто она?

Похоже, поверили, что Броня – Юлина племянница и пришла из деревни.

Юля к тому времени устроилась в прачечной стирать солдатское белье. Броня оказалась хорошей помощницей. С утра берет белье – я на речку, она рядом. Целый день стирает и лишь к вечеру приходит домой. Работа всегда вызывает уважение, и соседи постепенно привыкли к этой симпатичной работающей девушке. Виктору она очень нравилась, и он полюбил ее.

Когда немцы устраивали облавы, Броня уходила к Юлиной сестре Ане в деревню Луки (она находилась неподалеку), а через несколько дней возвращалась к Юле и Виктору.

Три года совместной, тяжелой, полной тревог жизни... Броня полюбила Юлю и ее сына, как маму и брата.

Закончилась война. Броня Альтшулер вернулась в Минск, в 1949 г окончила медицинский институт. Виктор стал инженером-строителем. Вернулся из армии Лева Эпштейн. Броня стала его женой. В конце семидесятых годов XX века они уехали на постоянное место жительства в Соединенные Штаты Америки.

Мне довелось вместе работать с Виктором Федоровичем Яловиком на строительстве шинного комбината в Бобруйске. Он работал прорабом, начальником участка, главным инженером строительного управления. Это был исключительно честный, порядочный, исполнительный человек.

После войны Виктор Федорович женился на Педоренко Зое Кузьминичне. У них родились дочь Люда и сын Игорь. Жена и дети живут в Бобруйске, работают учителями в школе.

Юлия Савельевна умерла в 1967 г. В 1993 г. ушел из жизни и Виктор Федорович.

Броня все послевоенные годы поддерживала самые теплые отношения со своей второй мамой Юлей и Виктором.

Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 100–104.

2.4. ОСИПОВИЧСКИЕ ПРАВЕДНИКИ

Цыганок Н.Л.

Праведники Осиповичского района: история и современность

Очень многие люди до сегодняшнего дня не знают, что Холокостом называется массовое уничтожение нацистами в годы Второй мировой войны еврейского населения Европы. Наши земляки не являются исключением.

В этом мы убедились, когда начали заниматься изучением проблем Холокоста в нашем районе. Данная таблица подтверждает вышесказанное.

Таблица 1

Результаты социологического опроса «Что такое Холокост?»,
проведенного в мае 2006 г. среди жителей г. Осиповичи

Возраст респондентов	Социальное положение	Кол-во опрошенных (чел.)	Дали правильный ответ		Имеют какое-то представление		Не знают	
			Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
15-18 лет	Учащиеся 8-11 классов	126	25	20	7	5	94	75
23-60 лет	Служащие (в том числе учителя)	22	5	23	-	-	17	77
35-44 года	Рабочие	10	-	-	-	-	10	100

Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод, что из 158 опрошенных ничего не знали о Холокосте 77% (121 человек). А ведь Осиповичский край – это еврейский край. Многие местечки на 60–70% были заселены евреями. Среди них Лапичи, Липень, Дараганово, Гродзянка. Не является исключением и г. Осиповичи. Так, согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., все население г. Осиповичи составляло 4015 человек, из них евреев – 1126 (28%), м. Лапичи – 821 человек, евреев – 709 (86%), м. Липень – 762 человека, евреев – 441 (58%), д. Свислочь – 1825 человек, евреев – 742 (41%), д. Ясень – 701 человек, евреев – 293 (42%).

Почему же сегодня мы не называем эти местечки еврейскими? Потому что их коснулась война. Но даже в книге «Памяць. Асіповіцкі раён» сведения об уничтожении еврейского населения Осиповичского района практически отсутствуют. Да, там есть небольшой материал об Осиповичском гетто, списки погибших евреев в Липени, Лапичах, Гродзянке, Дараганово... Но этого, конечно, совершенно недостаточно для восстановления объективной картины произошедшего в годы войны.

Очень мало знают наши земляки и о Праведниках Народов Мира. Убедиться в этом помогает социологический опрос, результаты которого представлены в таблице 2.

Данные таблицы показывают, что из 366 опрошенных дали отрицательный ответ 333 человека (91%).

А ведь эти простые белорусские крестьяне, горожане, о которых сегодня практически забыли, знали, что рискуют своей жизнью, жизнями

собственных детей, но помогали несчастным людям, спасали их. Это высочайший человеческий подвиг!

Таблица 2

Результаты социологического опроса «Кто такие Праведники Народов Мира?», проведенного в ноябре 2007 г. среди жителей г. Осиповичи

Возраст респондентов	Социальное положение	Кол-во опрошенных (человек)	Дали правильный ответ		Не знают	
			Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
14-17 лет	Учащиеся 9-11 классов	146	7	5	139	95
18-20 лет	Студенты	32	1	3	31	97
20-30 лет	Студенты, служащие	41	5	12	36	88
30-40 лет	Служащие	45	7	16	38	84
Старше 40 лет	Служащие	58	11	19	47	81
20-40 лет	Военнослужащие	44	2	5	42	95
Всего:		366	33	9	333	91

Выступая 20 октября 2008 г. на траурном митинге в связи с 65-летием уничтожения Минского гетто, Президент нашей республики А.Г. Лукашенко отметил: «Неимоверно страдая от фашистских захватчиков и их пособников, белорусы близко к сердцу приняли огромное еврейское горе. Об этом говорят имена сотен наших соотечественников – Праведников Народов Мира, которые спасали от неминуемой гибели тысячи евреев – взрослых и детей. Говорят, что для спасения города достаточно и одного праведника, а их в Беларуси было очень и очень много. Больше, чем в каком-либо другом тогдашнем государстве Европы».

Не стала исключением и наша Осиповичская земля. На сегодняшний день нам известно 15 документально подтвержденных случаев оказания нашими земляками помощи евреям в годы Великой Отечественной войны. На самом же деле их было гораздо больше. Восемью из этих мужественных людей присвоено почетное звание Праведника. Вот их имена: Нина Лысюк, Кирилл и Нина Ракович, Федор Метлицкий, Лидия и Михаил Михадюк, Александра Звонник, Алексей Денисов.

Повторюсь: о том, кто такие Праведники Народов Мира, люди знают очень мало. Их награды неизвестны (в некоторых случаях) даже родственникам.

Чтобы изменить положение дел, в октябре 2006 г. была создана лекторская группа из числа старшеклассников СШ № 2 г. Осиповичи. В нее вошли Викторчик Виктория, Грунтов Дмитрий, Зайцева Валерия, Копытовская Анастасия, Михадюк Ирина, Новик Вита, Старостенко Сергей. Позже к ним присоединился Балюк Андрей, ученик 9-Б класса той же школы. Главная цель группы – проведение просветительской работы среди детей и взрослых Осиповичского района.

За полтора года мы побывали во многих школах нашего города, несколько раз выступали в СШ-2, СШ-3 перед учащимися 9–11 классов. Внимательно слушали нас ученики и педагоги СШ-4, гимназии г. Осиповичи. 25 апреля 2008 г., накануне Дня Катастрофы и Героизма еврейского народа, члены

лекторской группы выступали перед участниками Краеведческой школы в Исторической мастерской г. Минска. В мае 2008 г. – перед рабочими вагоноремонтного завода (ВЧД) в г. Осиповичи, а 16 ноября 2008 г. – в Минском еврейском общинном доме (МЕОД).

Для более сильного воздействия на слушателей мы создали большую фотовыставку «Холокост – память и предупреждение», состоящую из девяти планшетов: «История Холокоста», «Из истории Минского гетто», «Музей истории и культуры еврейского народа», «План довоенного г. Осиповичи по воспоминаниям старожилов», «Еврейские местечки», «Осиповичское гетто», «Память о жертвах фашизма», «Кадиш евреям Осиповичского района», «Конференция в Бресте», а также компьютерную презентацию из 58 слайдов.

В январе 2007 г. ребята из лекторской группы участвовали в районной конференции школьников «Холокост. История и современность». Они не только познакомили присутствующих с историей Холокоста, но и пригласили на встречу свидетелей и жертв Холокоста в нашем районе: Л.И. Разумова, Л.Т. Верещагина, Н.Н. Аббакшинок. Их рассказы никого не оставили равнодушными.

За время работы лекторской группы в республиканской и районной прессе было опубликовано немало материалов по изучаемой теме. Кроме того, созданы:

- видеотека из 15 художественных и документальных фильмов по Холокосту;
- два фильма по Холокосту в Осиповичском районе;
- небольшая библиотека художественной, научно-популярной и методической литературы по Холокосту.

Усилия членов лекторской группы не пропали даром. Предложенная таблица показывает, как изменились знания о Холокосте среди тех, кто слушал выступления членов лекторской группы:

Таблица 3

Результаты социологического опроса
среди жителей г. Осиповичи «Что такое Холокост?» (октябрь 2008 г.)

Возраст респондентов	Социальное положение	Количество опрошенных (человек)	Дали правильный ответ		Имеют какое-то представление		Не знают	
			Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
15-18 лет	Учащиеся 9-11 классов	185	100	54	40	22	45	24
20-40 лет	Служащие (в том числе учителя и студенты)	22	3	14	10	45	9	41
30-60 лет	Рабочие	31	16	52	-	-	15	48

Результаты отличаются от тех, которые были получены весной 2006 г. (см. табл. 1). Из 238 опрошенных только 69 (29%) человек ничего не знали о Холокосте.

Особую роль в просветительской работе среди населения Осиповичского района сыграла статья «Войну победили человечность и милосердие» о восьми Праведниках Осиповичского района¹.

¹ Асіповіцкі край. 13–27 января 2009.

Праведники народов мира Осиповичского района

МИХАДЮК Лидия

1900–1998, д. Селец Осиповичского р-на

МИХАДЮК Михаил

1888–1945, д. Селец Осиповичского р-на

Спасенные: Лора и Оля Стоцкие

Место спасения – д. Селец

Год присуждения звания 1999

Их мать – Бася Стоцкая (в девичестве Лившиц) – работала в д. Селец учительницей начальных классов. Жила на квартире у Лидии и Михаила Михадюк. Когда фашисты стали расстреливать евреев, она решила идти в партизаны, а детей оставила у своих хозяев. Всю войну дети прожили в этой семье. О том, что это еврейские дети, знали все жители деревни, но никто не выдал.

В одной семье сразу трем присвоено звание Праведника: Лидии Михадюк, Михаилу Михадюку и Федору Метлицкому. Какими же были эти люди?

В 1885 г. в д. Заполье родилась девочка Мария Крес. Семья была зажиточная, переселенцы из Прибалтики. Дома Марию называли Матрена, очень любили. Росла она красавицей, румянец во всю щеку – хлопцы на нее заглядывались. Замуж Матрена вышла очень рано, первенца – Лидочку – родила в 1900 г., когда самой было всего 15 лет. Молодые жили в любви и согласии, и скоро в семье уже подрастали трое детей: Лида, Лена и Василь. В семье был достаток, но революция 1905–1907 гг., потом мировая война все изменили. Многие белорусы искали лучшей доли, вот и муж Матрены подался на заработки в Америку, да не вернулся. Осталась молодая женщина одна с тремя детьми.

К счастью для Матрены, вскоре она познакомилась, а потом и вышла замуж за Федора Метлицкого. Был он среднего роста, темноволосый, чем-то похожий на еврея, очень обстоятельный. Все в округе знали – золотые руки у Федора, да и деньги водились. Работал подрядчиком у помещика Кологривого, был грамотный, «культурный», как говорили о нем. Его дочь Ольга Вандарьева рассказала нам, что дома он учил детей грамоте: «Мы до школы умели читать, писать. У нас доска такая была, стирать и писать». Приучал он их и к чистоте: «Мать не запрещала, а отец всегда говорил: «Пошла руки мыть!» Я с котами играла, руки не мыла, а отец заставлял». Позже, когда Кологривый стал свое имущество распродавать, прикупил у него землю и Федор. И хоть был он уже «сталага ўзросту», как говорили в деревне (в 1918 г. было ему 42 года), но семьи своей не имел. Однако давно заглядывался на красавицу Матрену: то долги за нее заплатит, то продуктами поможет... Вскоре и свадьбу сыграли.

Но в 20-х годах XX в. началась коллективизация. Всем приказали вступить в колхоз, а дома перевезти в деревню. Так образовался Остров. Федор дом поставил на краю деревни, и половину его отдал под школу, чтобы не конфисковали.

Постепенно семья Федора и Матрены увеличилась. В 1925 г. родилась Ольга (сейчас она одна проживает в д. Фаличи Стародорожского р-на), в 1929 г. – Антось (он уже умер).

Дети Матрены от первого брака жили отдельно: Лида с мужем Михалем и сыном Андреем в д. Селец в 4-х км от Дараганово, Лена с семьей – в Макаровке, а Василь – в Гороховке. Антось и Оля – на Острове вместе с родителями.

Война обрушилась на них как гром среди ясного неба. Михаль с Федором призыву не подлежали по возрасту, а большинство мужчин даже до военкоматов не дошли – началась вторая немецкая оккупация.

Очень скоро в Сельце узнали, что в Дараганово уничтожают евреев. А в Сельце только одна еврейская семья была. Жили они на квартире у Лидии Михадюк. Бася Моисеевна Лившиц работала учительницей в школе, там познакомилась с Сидором Стоцким, тоже учителем. Они поженились, и к началу войны у них были две девочки-погодки: Лора и Оля. В 1939 г. Сидора призвали в армию, а Бася с детьми оставалась в Сельце.

Расправа в Дарагановскими евреями напугала ее ужасно. Нужно было спастись. Уже решено: она будет искать партизан. Но как быть с детьми? Кому их оставить? Хоть Басю любили все в деревне, но брать девочек боялись: еврейки. И только Лида с Михалем сразу согласились: не бойся, с ними ничего не случится. Положившись на судьбу, ушла Бася на Остров к Метлицким, а дети остались у Михадюк.

Зоя Константиновна Краснощек, невестка Лидии Михадюк, рассказала о том, сколько страха натерпелась ее свекровь в войну: «В Птушичах были полицаи, и один «продал», что это не ее дети, что это еврейские дети. Лидию Карповну забрали в Дараганово в комендатуру. Забрали вместе с девочками, допрашивали, но она все отрицала. Ей помогла переводчица. Она говорила: «спросите у людей, я докажу» и т. п. Лиду выпустили, она поехала в село, собрала взятку, и ее с детьми отпустили. И когда полицаи наезжали в деревню, все люди подтверждали, что это дети Лиды». Но Зоя Константиновна не знала, что во время войны Лидия и Михаил удочерили девочек. Об этом рассказала Полина Васильевна Тереш, коренная жительница д. Селец. Ее отец немцами был назначен старостой, вот он и дал бумагу, что это родные дети. Возможно, этот документ сыграл важную роль в освобождении Лидии. Многие свидетели подчеркивали, что дети спаслись благодаря всем жителям деревни.

Бася после войны вернулась в Селец, построила новую школу (все в деревне горят – это только ее заслуга), работала в ней до пенсии. Сначала жила у Лидии, а потом переехала в построенный с помощью сына Метлицких Антоса новый дом. Люди в селе говорили, что когда Бася Моисеевна построила дом, девочки с неохотой шли туда. Они все время были у «мамы Лиды». А к маме настоящей ходили в гости.

Почему же Лидию так любили? Каким она была человеком? Вот что рассказывает о своей свекрови Зоя Константиновна Краснощек:

«Свекровь мою очень любили в селе. Она была очень трудолюбивая, ей все хотелось работать, чтоб у нее было хозяйство, чтоб помочь нам как-то. Она очень долго ходила в колхоз на работу, хотя Миша (сын) не разрешал ей этого. А она говорила: «Как же так, все люди идут, а ты у меня забираешь грабли, чтобы я не шла сено грести». В деревне все скажут, что Лидия Карповна была доброй души человек, спокойный, ей было всегда все хорошо. Никаких обид на людей она не держала».

МЕТЛИЦКИЙ Федор

1876–1943, д. Селец Осиповичского р-на

Спасенные: Бася Моисеевна Стоцкая и Эсфирь Левитина с детьми Меером и Асей.

Место спасения – д. Остров

Год присуждения звания 1999

Эсфирь Левитина жила в Дараганово с мужем Лейзером и тремя детьми: Янкелем, Меером и Асей. Вместе с ними жила русская девушка Евдокия Иванова, которая и детей смотрела, и хозяйство вела. Евдокия Андреевна и рассказала подробности о семье Левитиных.

Лейзер Левитин работал механиком на спиртзаводе, Эсфирь была домохозяйкой. Затем они переехали в д. Крынка, в детский санаторий. Дуся тоже пошла работать, сначала в столовую, потом на спиртзавод. Теперь она жила отдельно, только иногда навещала свою прежнюю хозяйку.

Когда началась война, Эсфирь пришла к Дусе в Ковгары и попросила вернуться. Так девушка опять оказалась у Левитиных. Евреев еще не расстреливали, и, казалось, беда обойдет их стороной. Но этого не случилось. В один из черных дней во двор дома Левитиных зашли немцы и приказали Лейзеру показать дорогу на Мезовичи. С ними пошел и Янкель. Вот как рассказывает об этом Е. А. Иванова: «Начинается ночь, а Янкеля нет. Она плачет, и я с ней, жалею и плачу. Назавтра пришли пастухи и сказали, что коровы нашли яму, где лежали расстрелянные люди. Они сами вырыли себе яму, потом немцы замаскировали ее, но коровы учуяли и нашли. Тела там так и остались. Мы боялись их забирать, только ходили близко от ямы, смотрели. Потом она попросила в Крынке, чтобы похоронили».

Но ведь верно говорят, что беда не приходит одна. Пытаясь спастись, Эсфирь, Дуся и дети переезжают в Дараганово. Но здесь уже создано гетто, и всех евреев сгоняют на Песчанку. Однажды ночью раздался стук в дверь. Эсфирь босиком, раздетая, бросилась в потайной лаз. Дети спали на печи. Дуся открыла дверь. «Где Эсфирь?» – «Не знаю, наверное, пошла в Ковгары принести хлеба для детей». Они пошарили, полазили, – с тем и ушли.

Недели через полторы приходит Матрена Метлицкая и приносит записку от Левитиной: «Дуня, ты скажи Корзунам (соседи через дорогу), хай забяруць карову, а сваю аставяць. На днях немцы ўсе забяруць. Шукай сабе места, а дзяцей, наймі падводы і прывязі мне на Востраў».

Так Эсфирь с детьми оказалась у Ф. Метлицкого.

Дочь Ф. Метлицкого Ольга Федоровна Вандарьева рассказала о появлении у них Левитиной: «Лейзериха, как к нам пришла, купила слущкий андарак, лапти, платок – стала бабой деревенской. Жила она у нас зиму 1941/42 г.г. С ней были четырехлетняя дочь и мальчик. Мальчик темный, а девочка белого волоса. Теперь бы перекрасили, а тогда, видно, не сообразили. Батка с ними еще до войны знался».

Держать у себя еврейскую семью было очень опасно, поэтому решили переправить Эсфирь к партизанам. Она ушла на Глуск. Матрена Метлицкая очень просила оставить Асю, говорила, что у них она будет в безопасности. Но как матери оставить ребенка? Забрала Эсфирь детей с собой, да только не смогла уберечь.

О том, как погиб Меер, доподлинно не известно, а вот о том, что случилось с Асей, все рассказывают одинаково.

Весной 1943 г. в отряд, где воевала Левитина, должен был прилететь самолет «с Большой земли» и забрать детей. Всех детей собрали в доме недалеко от партизанского аэродрома. Кто-то из партизан по неосторожности оставил заряженную винтовку. Ее взял мальчик, выбрал себе мишень, нажал на курок. Прозвучал выстрел – и Асеньки не стало.

Не пощадила война и Федора Метлицкого. В 1943 г. перевозил вещи, ехал на подводе с Матреной и детьми Баси. Пошел дождь, он отправил всех вперед пешком, а сам поехал на подводе. Разразилась гроза, и Федора убило молнией. Нашли его люди, собиравшие ягоды в лесу. Осталась Матрена до конца своих дней одна.

К сожалению, и Михаил Михадюк до Победы не дожил. Он умер от тифа в конце войны. Ходил по домам, помогал больным, и заразился сам. Памятники им были поставлены сразу после смерти, конечно, сейчас в плохом состоянии. Никаких памятных табличек на них нет. Ухаживает за могилами спасенная Л.С. Стоцкая. Лидия прожила долгую жизнь, умерла относительно недавно. За ее могилой ухаживает невестка Зоя Константиновна Краснощек.

В 1999 г. по ходатайству Л.С. Стоцкой Лидии и Михаилу Михадюкам, Федору Метлицкому было присвоено звание Праведников народов мира.

Лидия, Михаил Михадюк и Федор Метлицкий похоронены в д. Селец.

ДЕНИСОВ Алексей

1943, г.п. Круглое Могилевской обл.

Спасенная Сарра Утевская

Место спасения – г. Осиповичи

Работая с архивом бывшей узницы Осиповичского гетто Сарры Утевской, я наткнулась на ее ходатайство в Яд Вашем о присвоении А. Денисову звания Праведника. Письмо не было датировано. В ее же дневнике я прочитала историю спасения: Денисов, работая в Осиповичах ветврачом, вывез за день до уничтожения Осиповичского гетто Сарру под видом своей родственницы в Старые Дороги, где уже «был решен еврейский вопрос» и их никто не знал (жена Денисова, Таня, тоже была еврейкой). Но нашелся человек, который узнал Таню. Пришлось бежать и из Старых Дорог. Утевская ушла в Быхов к свекрови (и осталась жива), а Таня – в Толочинский район, к семье мужа. В 1943 г. она, Алексей Денисов и их дочь Лиля (5 лет) были расстреляны фашистами. Уцелел только маленький сын, которого спасла мать Денисова.

Написав письмо в Яд Вашем, стали ждать ответ. Он пришел, но сотрудники музея попросили подтвердить, что Денисов действительно существовал. Дело в том, что Сарра Утевская письмо написала (в 1996 г.), но, будучи уже очень старой женщиной, не смогла собрать необходимые документы.

Что же делать? С чего начать? Я решила обратиться в СМИ. И вот здесь нас действительно ожидала удача! С помощью сотрудников газеты «Калінкавіцкія навіны» мы нашли родного племянника Татьяны – Яна Михайловича Комиссарчика. Как оказалось, из всей большой семьи он один остался в Беларуси, а остальные уехали в Израиль. Но, к счастью, сейчас есть электронная почта. Почти каждый день на протяжении полугода (с июля по декабрь 2007 г.)

шли письма из Беларуси в Израиль и обратно. Мы познакомились с родным братом Яна Романом Комиссарчиком и их двоюродной сестрой Светланой Миготиной. Они не только ответили на многие наши вопросы (например, мы узнали годы рождений Татьяны, Лили и Валерия – вот имя уцелевшего ребенка, место учебы и историю знакомства Тани и Лени, и многое другое о семье Комиссарчик), но и прислали фотографии! Все, о чем нам стало известно, мы сообщили в Яд Вашем. 17 декабря 2007 г. мы получили из Израиля письмо с информацией о присвоении А. Денисову звания Праведника.

В 2008 г. нам пришла еще одна важная весть. Дело в том, что мы искали и родственников самого А. Денисова. Нам очень помогали сотрудники газеты «Наша Талачыншчына», в первую очередь главный редактор В. Бирюков. Они напечатали по моей просьбе две заметки о событиях тех далеких лет. И вот в январе 2008 г. нашлась родная племянница Алексея, дочь его брата Дмитрия Алина Жарская. Оказалось, многие известные нам факты были неточны. В первую очередь это касалось гибели семьи Денисовых. Сейчас, наконец, стали известны достоверные факты.

После бегства из Старых Дорог Татьяна пряталась в глухой деревушке в Толочинском районе Витебской области, в Барашах, у Дмитрия, брата мужа. А Леонид с детьми и матерью жил в Круглом Могилевской области. В какой-то момент Таня успокоила себя: не трогают, значит и дальше так будет. Собралась и направилась в Круглое к мужу и детям. Там и была схвачена палачами. Леонида не взяли, заведомо рассчитав, каково ему будет без них. Но не мог бросить Алексей (дома его все называли Ленья) любимую жену и детей: пошел и сдался фашистам сам. На глазах матери Леонида, бабушки Фроси, и расстреляли их. Она так рыдала и кричала, что палачи не выдержали и бросили годовалого ребенка ей в руки. Так Валера остался жить. К сожалению, умер он относительно молодым (в 50 лет), и сейчас уже нет никого из дружной семьи Денисовых.

Алексею Денисову звание Праведника присвоено в 2007 г.

Место захоронения А. Денисова неизвестно.

РАКОВИЧ Нина

1902 - 06.06.1999 г., д. Татарка Осиповичского р-на

РАКОВИЧ Кирилл

1899 - 1944, д. Елизово Осиповичского р-на

Спасенные: ПИК Фаня Семеновна и ее дочь Вера (Эра).

Место спасения – д. Елизово

Год присуждения звания 2001

Вот что рассказала дочь Раковичей, Алла Кирилловна Шостак, об истории спасения еврейской семьи ее родителями: «Я родилась в 1927 г. в Полтавской области. Потом мы переехали в Елизово. Отец закончил Харьковский институт, и его прислали в Белоруссию работать. По национальности он белорус. Год рождения – 1899. Звали его Ракович Кирилл Алексеевич. Работал лесничим. Родом он из Любанского района. Был очень добрый, сердечный, очень любил маму. Был ей предан. Нас очень любил, мама больше наказывала, а папа нет. Непьющий был, компании не любил. В партии отец не состоял. Папа был из семьи простых колхозников.

Мама, Нина Денисовна, родилась в 1902 г. Окончила гимназию и учительствовала на Полтавщине... В Елизово до войны не работала, была домохозяйкой. Увлекалась чтением, была очень начитанная. Очень хорошо пела. Мы с ней, бывало, вдвоем как начнем петь, так у нас получалось хорошо. Преданная мужу была. Хорошая хозяйка, в доме все было. И корова была, и свиньи, все было. После войны работала делопроизводителем в лесхозе.

Я помню, мы прятали Лейберманов, Загальских, Фаню Семеновну Пик. Фаня Пик – учительница, преподавала немецкий язык. У Фани Семеновны была дочка. Звали дочку Эра, но когда немцы пришли, Фаня ее переименовала в Веру. Вера была маленькая, осталась жива.

Почему мы их прятали? Папа очень был сердобольный. Переживал за них, очень жалел их. До войны они были хорошими друзьями. У нас они стали прятаться сразу после прихода немцев. Жили не в доме, а в сарае на сеновале. Соседи не знали, что они прячутся у нас. Что вы! Они никуда не выходили, тут у нас и жили. Днем были в сарае, а на ночь приходили в дом. Соседи у нас были хорошие, учителя. Я не помню, интересовались ли они нашими жильцами. А может, и знали, но молчали. Люди очень хорошие были. Ну конечно, страшно. Так рисковали, так рисковали...

Тогда папа решил подделать документы на Фаню Семеновну. Вместо еврейка написать украинка. На еврейку она мало была похожа. И потом переправить через Березину. А там Кличевский район, там партизанщина страшная была. В один прекрасный момент, это было зимой, отец достал где-то большую бочку, посадил Фаню Семеновну в эту бочку, а Верочку прикрыл сеном и так вывез их за Березину. Папа ей дал денег на дорогу, снабдил продуктами». Фаня Пик осталась жива, и в 2001 г. представила своих спасителей к званию Праведника. В настоящее время ее уже нет в живых, а дочь Вера живет в США.

К сожалению, Кирилл Ракович не дожил до дня Победы. Будучи в партизанах, он погиб 11 июня 1944 г.

Звание Праведника Нине и Кириллу Ракович присвоено в 2002 г.

Похоронен Кирилл Ракович в поселке Елизово. Нина Ракович похоронена в поселке Татарка.

*Подготовила Неонила Цыганок.
г. Осиповичи, 2006–2009.*

2.5. ИСТОРИИ О ПРАВЕДНИКАХ НАРОДОВ МИРА БЕЛАРУСИ

АЛЕКСЕЕВ Петр Ефремович

18.10.1922, г. Гомель

АЛЕКСЕЕВА Анна Евгеньевна

02.12.1922, г. Быхов

ХОРОШИНА (ДЕМЬЯНКОВА) Анна Ильинична

04.02.1924, г. Гомель

МИХАЛКИНА (ПИЦУНИК) Лидия Ефимовна

21.09.1924, ст. Муляровка

Год присуждения звания 1998

18 июня 1941 года... Именно этого дня с радостным нетерпением и легкой грустью ждали выпускники всех белорусских школ. Вчерашние десятиклассники готовились к последнему школьному балу.

Готовились к нему и выпускники Новобелицкой школы № 8 г. Гомеля, среди которых были Петр Алексеев и Аня Деревяшкина. В отличие от многих сверстников, у влюбленных были не только мечты, но и общие планы: учеба в Москве, создание семьи. Их не пугали невзгоды. Петр и Аня были готовы вместе преодолеть любые трудности, но с бедой, черной тенью накрывшей родную землю, справиться вдвоем было невозможно.

22 июня началась война. Спустя 3 дня райком партии утвердил Алексева в должности начальника боепитания истребительного батальона Новобелицкого района, а в середине июля юноша вступил в ряды Красной Армии. Проводить добровольца Алексеева пришли его родные и юная жена Аня, так недолго побывшая невестой.

19 августа фашисты завладели Гомелем и установили в нем свои порядки. В районах были созданы гетто. Новобелицкое располагалось на улице Войкова, недалеко от дома, где вместе с родителями жила Аня Алексеева, а с недавних пор и Петр, направленный ЦК КП(б)Б в город с особой, секретной, миссией.

Новобелицкое гетто представляло собой двухэтажный деревянный дом, обнесенный колючей проволокой. Это было временное пристанище евреев – людей, у которых нацисты отняли право на жизнь.

Пока гетто не охранялось, обреченные могли беспрепятственно ходить по городу, и лишь желтые нарукавные повязки выделяли их из толпы горожан.

Однажды Аня Алексеева увидела возле гетто свою одноклассницу Аню Хорошину и без колебания отправилась навестить подругу, которая вместе с родителями и двумя младшими братьями ютилась в одной из комнат первого этажа. Хорошины понимали: шансов выжить у них нет. Знали об этом и Алексеевы, поэтому вскоре составили план спасения Ани.

Во время одного из посещений Алексеева предложила подруге тайком покинуть гетто и поселиться в ее доме, но Хорошина отказалась оставлять родителей, решив разделить их судьбу.

В октябре гетто было взято под охрану, и его жители стали узниками. Теперь девушки могли разговаривать только через колючую проволоку.казалось, шансов на спасение больше нет.

В ночь со 2-го на 3-е ноября Алексеевы проснулись от тихого стука. Под окном стояла бледная, растрепанная Аня и плакала. Девушка рассказала о том, что фашисты куда-то увезли всех узников гетто, а ей в суматохе удалось бежать. Так в семье Алексеевых-Деревяшкиных стало на одного человека больше.

Но и в этом гостеприимном доме беглянка не была в безопасности, как, впрочем, и люди, ее приютившие. У Хорошиной не было документов, а значит, любая проверка могла закончиться арестом и расстрелом. Но как раздобыть паспорт, если у Ани нет документов, удостоверяющих личность?

Этот вопрос Петр задал переводчице городской управы Марии Яковлевне Курзовой. Бывшая преподавательница помнила и любила всех своих учеников, но помочь им не имела возможности: подписывал документы бургомистр Новобелицы Витковский, который, в отличие от своей коллеги, помочь бывшим ученикам мог, но не хотел...

Между тем проверки документов ужесточились. Теперь Ане Хорошиной ради безопасности приходилось жить на два дома. Вторым пристанищем для нее стал дом школьной подруги Михалкиной Лиды.

Однажды к Алексееву пришел полицейай, лицо которого показалось Петру знакомым. «Вы брат Шурки Алексеева? — спросил он.

— Моя фамилия Барановский. Я, как и Шурка, был футболистом. Потом началась война. Я ушел на фронт. Во время отступления отстал от части, вернулся в Гомель и поселился у знакомой женщины...» Он ненадолго замолчал и неожиданно добавил: «Я хочу в партизаны».

Петр насторожился (пришедший мог оказаться провокатором) и о связи с подпольщиками умолчал.

С этого дня полицейай стал часто приходить к Петру. Он оказался одним из тех людей, которые не хотели быть пособниками оккупантов и поэтому охотно помогали землякам. Теперь Алексеев знал даты проверок и успевал надежно спрятать Аню. Но вскоре Барановский бесследно исчез из города, и Алексеевым опять пришлось задуматься о документах.

В начале января 1942 г. Петр с женой отправились на Украину за продуктами. На обратном пути Аня предложила съездить в Щорс к своей двоюродной сестре Вере, один из родственников которой через знакомого полицейая мог выправить документы, но для этого были нужны метрики.

Итак, было решено отправить Аню Хорошину в Жлобин, снабдив ее чужим свидетельством о рождении. Но где его взять? И тут вспомнили об однокласснице Оле, умершей от туберкулеза в 1938 году. Ее безутешная мать берегла метрики дочери как реликвию, как память о ней, но, узнав о трагедии семьи Хорошиных, без колебаний отдала документ. На нем была надпись «умерла», удалить которую было невозможно, и Петр подтер ее, сделав еле заметной.

Сначала в Жлобин съездил Виктор, брат Алексеевой, и, убедившись в возможности получить удостоверение, вернулся туда вместе с Хорошиной. Молодые люди поселились у Аграфены Савельевны Горошко, двоюродной тети Петра.

В назначенный час девушка пришла в комендатуру с метриками и заявлением. Полицейай долго изучал документ, потом вдруг, окинув просительницу пристальным взглядом, произнес: «На вашем свидетельстве есть надпись «умерла». Ну и когда же вы успели воскреснуть?» Изобличенная во лжи,

Аня похолодела... «Сейчас он арестует меня. Я пропала...» – пронеслось в ее голове. Но неожиданно тот тихим голосом добавил: «Немедленно уходите! Чтобы я вас больше не видел».

Очнувшись от оцепенения, девушка выскочила на улицу... Теперь у нее не было не только удостоверения, но и метрик. Топкий лучик надежды угас...

Анна и Виктор рассказали Аграфене Савельевне о своей неудаче, не рассчитывая на ее помощь, но женщина призналась, что у нее есть два документа, паспорт, который считала утерянным, и удостоверение, полученное взамен. Она отдала Ане удостоверение, и молодые люди вернулись в Гомель.

Поддела было сделано. Теперь осталось подправить дату рождения и фамилию. Подбрав чернила, Петр без труда исправил «14» на «24» и «Горошко» на «Горденко».

Так Хорошина-Горденко прожила у Алексеевых и Михалкиных до мая 1942 года. Несмотря на наличие удостоверения, Ане все же приходилось прятаться, опасаясь предателей, которые в угоду фашистам могли ее разоблачить. В конце месяца одноклассница Бляскина Катя познакомила Хорошину со слепой женщиной, мечтавшей вернуться на родину, в одну из деревень Брянской области, и Аня согласилась стать ее поводырем.

С большим заплечным мешком, полным всякой снеди, приготовленной матерью Ани Алексеевой, путницы покинули город.

... Хорошина вернулась в освобожденный Гомель в декабре 1943 г. Друзья не сразу узнали в статной и румяной девушке бедную Аню, тяжелая судьба которой была похожа на судьбы многих тысяч евреев Беларуси, братских республик и европейских стран, пострадавших от нацизма.

После войны Анна Хорошина окончила педагогическое училище, позднее – институт, вышла замуж за Николая Васильевича Демьянкова, вместе с ним вырастила троих детей и до пенсии проработала учителем русского языка и литературы в Парафьяновской средней общеобразовательной школе Докшицкого района Витебской области. Прожив счастливо и достойно, в 2000 г. она умерла.

Петр Алексеев незадолго до освобождения Гомеля ушел с товарищами в партизаны, в конце сентября 1943 г. попал в полковую разведку Центрального фронта. Во время освобождения деревни Печищи Паричского, ныне Светлогорского, района Гомельской области боец Алексеев совершил подвиг: вызвал огонь на себя, чтобы обнаружить огневые точки противника. Тяжело раненого в ноги, истекающего кровью героя доставили в госпиталь, где он, лишенный возможности ходить, провел 8 самых долгих месяцев своей жизни. За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, Петр Ефремович Алексеев был награжден Орденом Красного Знамени. После войны, будучи инвалидом 1-й группы, он закончил Минский юридический институт и около 40 лет проработал на руководящих должностях на Гомельском жироскомбинате. Несмотря на почтенный возраст (86 лет), ветеран и сейчас охотно делится воспоминаниями со всеми, кому дорого славное прошлое своего народа и своей страны.

В 1996 г. на заседании комиссии, созданной при национальном институте памяти катастрофы и героизма Яд Вашем в Израиле, Лидии Ефимовне Михалкиной и Анне Евгеньевне Алексеевой было присвоено звание «Праведник народов мира» и вручены именные медали. А в 1998 грамота о присвоении

звания Праведника и именная медаль были торжественно вручены Петру Ефремовичу Алексееву в Израильском посольстве в Минске.

...Уже нет среди нас Лидии Ефимовны Михалкиной-Пицуник и Анны Евгеньевны Деревяшкиной-Алексеевой, но память о трагических событиях минувшей войны хранят в памяти и сердцах их дети, внуки и правнуки, а также живые свидетели тех давних событий.

г. Гомель, 2007.

Подготовлено И.А. Коробовой.

КАСПЕРОВИЧ Юлиан и Мария Спасенные: семья СОШНИК и ФРИДМАН

Место спасения – г. Столин Брестской обл.

Год присуждения звания 1995

Немцы вошли в деревню Галина через 3 дня после нападения. Во время набегов разбойничьих банд семья Сошник скрывалась в доме своих близких людей Касперовичей. В 1942 г., в канун праздника Шавуот, в 20 километрах от деревни, было создано Столинское гетто. Сюда были согнаны евреи из всех близлежащих деревень. Каждое утро евреев выводили на работу, а вечером они возвращались в гетто.

В среду, накануне еврейского Нового года (Рош-а-Шана) в гетто стало известно, что через два дня немцы собираются провести акцию по уничтожению евреев. Ашер Сошник и его родственники обратились за помощью к семье Касперович. Ульян Касперович сразу стал искать возможность спрятать их. Он предложил два варианта: спрятать их на гумне в своем доме или на болоте. Остаться в доме Касперовичей было опасно, поэтому было принято решение бежать на болото. Семья Касперовичей обеспечила беглецов едой и одеждой. Сначала Ульян и Мария не знали о месте их нахождения. Но все это время носили на болото еду. Через некоторое время Касперовичи через сына Григория установили с ними связь. К концу декабря Касперовичи сумели переправить на болото еще трех человек. Все это время Ульян и Мария заботились о том, чтобы у беглецов всегда была еда и одежда.

Кто-то донес немцам о том, что семья Касперовичей помогает евреям, и их дом был сожжен.

*Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов.
2-е изд. Мн., 1997.*

КОРБУТ Мария и ее дети Вера и Павел Спасенные: семья РАБИНОВИЧ

Место спасения – д. Рахноавич Пинского р-на

Год присуждения звания 1996

До войны семья Рабинович и семья Марии Корбут, в которой было двое детей, Вера и Павел, жили в одной деревне.

В начале войны немцы согнали всех евреев в гетто. Этой участи не избежала и семья Хайи Рабинович. В сентябре 1942 г. партизанам удалось организовать побег евреев из гетто. Семья Рабиновичей укрылась в доме Марии Корбут. Вместе с ними

бежал Шепсель Кирзнер. В доме нашлось место для всех. Мария и ее дети тщательно скрывали беглецов от посторонних глаз. Прятали их то в сарае, то в лесу. Так Хайя Мойсевна, ее дочь два сына и Шепсель Кирзнер прожили в семье Марии Корбут около двух лет. Жили одной семьей, питались вместе из одного котла.

Дочь Марии Вера поддерживала связь с партизанами. Она помогла Любе и Михаилу Рабинович уйти в партизанский отряд.

Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997. С. 184–185.

ЛЕОНОВИЧ Игнатий и Янина, СИКЕВИЧ Костас и Мария Спасенный Итман ШЛОМО

Место спасения – д. Зябки Витебской обл.

Год присуждения звания 1991

Когда началась война, семья Итман (Шломо, его родители, брат и две сестры) проживали в деревне Зябки у Дисны. В 1941 г., после того как немцы убили отца Шломо, а его старший брат убежал в лес, оставшиеся члены семьи были угнаны в гетто в Глубокое. Вот тогда-то две семьи Леонович и Сикевич (обе католического вероисповедания) забрали Итманов из гетто и увели за 40 километров туда, где их можно было спрятать. Спасители разделили семью на две группы: в одной был Шломо с матерью, в другой – обе сестры. С тех пор никто не знал ни минуты покоя. Их прятали и перепрягивали, переводили то из подвала дома в хлев, то из убежища, что было за печкой, на чердак. При малейшем подозрительном шуме прятавшихся переправляли из дома Леоновичей к Сикевичам, что было очень нелегко, так как их дома разделяло озеро.

Обе семьи заботились об Итманах и делились с ними всем, что имели сами. Только убедившись, что путь безопасен, они переправили Итманов к партизанам. Там Шломо Итман дождался конца войны.

Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997. С. 185.

МАКАРЕНКО Пелагея Спасенные: семьи МАНКЕР и ЭНГЕЛЬМАН

Место спасения – г. Брест

Год присуждения звания 1998

В 1941 г., после занятия Бреста, немцы ходили по квартирам и собирали мужчин-евреев, мужчин, прибывших с востока на работу. Всех их более 20 человек фашисты расстреляли в форте № 2. Вскоре было создано гетто для еврейского населения. Оно было огорожено колючей проволокой. Из гетто евреи ходили на работу. На их одежде метки, желтые лоскутки, были нашиты на груди на спине. В середине октября гетто было закрыто. Людей не выпускали. Около выходов из гетто были установлены пулеметы. Началось уничтожение евреев прямо в гетто. Люди пытались спрятаться на чердаках, в подвалах, под полом. Их отыскивали и вывозили на Бронную Гору.

В это ужасное время по воле Бога и велению сердца я спасла от верной гибели шесть человек евреев. Из них первым из гетто прибежал десятилетний

Энгельман Мойша, сын портного Энгельмана Еселя, расстрелянного в начале оккупации Бреста, мальчик спрашивал о своей маме, которая ушла из гетто, чтобы узнать, что происходит вокруг и не вернулась. Ребенок остался жить у нас. Семья Манкеров (отец Израэль, сын Хемик и дочь Лиля) жила в нашем старом доме. Мне подсказали, что на нас донесли, как на спасителей евреев. Ночью я вывела их в другое место. А утром пришли гестаповцы искать евреев. Люди были спасены. Я передавала еду для них хозяину землянок по улице Железнодорожной. Через несколько месяцев семья Манкеров вернулась в наш дом. Вместе мы дожили до освобождения города.

В конце 1943 г. ко мне пришли две сестры Капаф Маня и Женя. До прихода ко мне они прятались на чердаке пекарни. У меня они прожили зиму. Весной 1944 г. они попросили помочь им добраться до Высокого. Я помогла им. Вскоре я получила от них записку: «Мы на месте. Все в порядке. Спасибо».

Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997. С. 184.

СМОРЦЕВСКИЙ Франциск и КИЙОВСКИ Мария, МОЗОЛЬ Степан и Агапа

Спасенные: семья РИД

*Место спасения – Столин, д. Хотомель Столинского р-на
Год присуждения звания 1979*

В 1942 г. в дни еврейского Нового года были уничтожены евреи Столинского гетто. Только несколько медицинских работников оставили в живых, так как были в них заинтересованы – эти люди работали в больнице и обслуживали весь район. Доктор Генри Рид, его жена Ева и трехлетний сын Александр также были оставлены немцами и проживали в подсобном помещении больницы. Вместе с ними там жили доктор Мариан Познанский и его жена Геня, а также ветеринар Ахаронгер с женой. Все они понимали, что рано или поздно их уничтожат и поэтому начали готовиться к побегу. Доктор Рид обратился к ксендзу местного костела Франциску Сморцевскому, и тот поддержал его идею организации побега. Более того, ему удалось добыть свидетельство о крещении для жены доктора Рида Евы.

Дата побега была назначена на 26 ноября 1942 г. сразу после заката. А утром того же дня стало известно, что в Столин прибыло подразделение СС. С наступлением темноты семья Рид пробралась в дом своего польского друга Сокольницкого. Там их ожидала запряженная телега с Марией Кийовски. Беженцы благополучно прибыли в одну из деревушек Столинского района. Их разместили в сторожке лесника Владислава Кийовски. Пробыли они там 5 дней, спрятанные от посторонних глаз.

В одну из ночей Владислав отвел беженцев в дом баптистов Степана и Агапы Мозоль недалеко от деревни Хотомель. Несмотря на то, что Степан и Агапа жили в одной комнате и очень бедствовали, они тепло встретили беженцев. В то время, когда беженцы находились в доме семьи Мозоль, немцы окружили дом Кийовски в поисках евреев. В середине февраля 1943 г. семья Рид покинула дом Мозолей и присоединилась к партизанам.

Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997.

2.6. СПАСЕННЫЕ О ПРАВЕДНИКАХ

БОРЩЕВА-ЛИПОВИЧ Ида

С 1937 г. я обучалась вместе с Раисой Семашко в 11-ой русской средней школе по ул. Куйбышева (до войны Широкой) т.е. с нулевого класса мы начали обучение. В 1941 г. я, а вместе со мной 3 класса закончили Раиса Семашко и Нина Цейтлина.

С начала Отечественной войны и эвакуации моей матери из Минска, я осталась одна на попечении своей бабушки. После неоднократных бомбежек Минска немецкими захватчиками я с бабушкой в числе других беженцев бежали из Минска в сторону Логойского тракта в лес, где я в 11-летнем возрасте в толпе беженцев потерялась и вернулась в Минск одна. После неоднократных бомбежек Минска мой дом на углу ул. Куйбышева и ул. Сторожевской был разрушен до основания и я, оставшись одна на произвол судьбы, обратилась в детский дом № 2, который до войны и после войны находился в Минске по ул. Куйбышева, по-соседству с довоенным моим домом. Я часто играла с детьми этого детского дома и была принята в этот детский дом.

Когда Минск оккупировали немцы, началось гонение и истребление лиц еврейской национальности. В сентябре 1941 г. меня в числе других детей еврейской национальности отвезли в еврейский детский дом по ул. Заславской, который находился на территории Минского еврейского гетто. Все время в период нахождения в детских домах я поддерживала отношения с Семашко Раисой, которая перелезала через колючую проволоку на территорию гетто и снабжала меня и Нину Цейтлину продуктами питания, хотя в их семье очень нуждались, но главное, что это было связано с большим риском для жизни семьи Семашко и самой Раисы. Во время же неоднократных погромов, в результате которых уничтожались семьи евреев, семья Семашко с огромным риском для своей жизни прятала меня и еще одну нашу одноклассницу Цейтлину Нину Евзоровну у себя в погребе. И таким образом на протяжении 2 лет мы находили спасение в этой семье.

В Минском еврейском гетто я находилась до сентября 1943 г. В сентябре 1943 г. отец Раисы – Семашко Кирилл Никитич – оформил через Минскую городскую Управу, которая в то время находилась в Минске по ул. К.Маркса, мой перевод в обычный русский детский дом № 7 по Красивому переулку в Минске, а Нина Цейтлина была переправлена в партизаны, что в конечном счете спасло жизнь мне и Нине. Для семьи Семашко наше дальнейшее пребывание и укрытельство меня и Нины создавало реальную угрозу для их жизни.

Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997. С. 188–189.

ВСЕЛЮБСКАЯ Татьяна

28.03.1935, г. Минск

До войны наша семья (я, родители и старшая сестра) жили на улице Торговой. В день объявления войны я была с детским садиком на даче за городом, в районе Уручья. Со мной были мои двоюродные брат и сестра – дети брата моего отца. Мои родители, Гуревич Калман Гиллерович и Магид Мера Хаймовна, узнали о том, что началась война, в тот момент, когда ехали на дачу навестить

детей. Они сразу хотели забрать меня домой, но заведующая садиком уговорила их не поднимать паники, дабы и другие родители не забрали своих детей, говорила, что за городом детям будет безопаснее. Это родителей убедило.

Когда они вернулись домой, отца уже ждала повестка из военкомата с приказом явиться туда 22 июня 1941 г. Он тут же ушел и, не заходя домой, отправился на фронт. Мама работала главным бухгалтером завода. Даже в той обстановке она пыталась как-то вести учет материальных ценностей, поэтому и на ночь не уходила с завода домой. Лишь когда бомба попала в соседнее с заводоуправлением здание, мама поняла, что нужно спасаться, и помчалась за мной в Уручье. Но к месту расположения садика ее не пропустили военные, сказав, что детей оттуда уже вывезли. Тогда мама двинулась в сторону Смоленска, где у ее сестры в это время гостила моя старшая сестра Аня (1932 г.р.). Дома осталась наша домработница Татьяна Петровна, которая не захотела уходить из Минска пешком.

Действительно, как сказали маме военные, нас на открытых платформах с дачи вывезли. По дороге, недалеко от Минска, железнодорожное полотно разбомбили немецкие самолеты. Нас высадили и отвели в лес, пообещав забрать после восстановления дороги, но позже, видно, забыли и уехали. Так мы, крошечные дети, остались только с воспитателями вдаль от населенных пунктов. Когда пешком добрались до ближайшей деревни, там уже были немцы. Разместив нас кое-как в сельской школе, заведующая садиком ушла в Минск, чтобы сообщить родителям, где мы. Вскоре за детьми стали приходить. А за нами никто не приходил, так как у меня дома никого не было, а мать моих брата и сестры, имея на руках двух малышей, не могла пешком добраться до нас. Видя, что наши родные не приходят, мы упросили маму соседской девочки взять нас с собой. С большими трудностями добрались до Минска.

Некоторое время я жила у себя дома с домработницей (у нас были еще кое-какие запасы еды). Вскоре евреев стали переселять в гетто, куда меня и забрала с собой тетя Иоха, так как боялась оставить с домработницей, которая была женщиной очень доброй, но немного не в своем уме.

В первый погром мы все уцелели. Нас выгнали из школы, где мы жили, но конвойный что-то сказал тете, и она с нами отошла в сторону. Теперь я думаю, что сердце у него дрогнуло, когда он увидел женщину с ребенком на руках, которому не было и двух лет, а вокруг еще четверых, держащихся за полы пальто. Тетя пошла в сторону Свислочи, отделявшей гетто от так называемого русского района. Мы с двоюродным братом Леней шли в нескольких шагах от нее. И вдруг эта необыкновенно добрая и душевная женщина, подойдя к реке, стала бросать одного за другим своих детей в реку. Мы с Леней отбежали в сторону и начали кричать. Мужчины, находившиеся на берегу, бросились в воду (а было уже достаточно холодно, мы были в зимней одежде, которая, по-видимому, и задержала детей на поверхности воды) и вытащили детей. Тут же, на берегу реки, стояли маленькие домики, куда отнесли несчастных детей. Мы с Леней завидовали им, пьющим горячий сладкий чай.

Я и сейчас с содроганием вспоминаю эту страшную картину, а в то время мне вообще не под силу было понять жестокий поступок тети. Но однажды в разговоре со своей знакомой она все объяснила. Утопив детей, тетя Иоха хотела раз и навсегда избавить их от издевательств фашистов, а главное, – от медицинских экспериментов. Бедная женщина уже не надеялась, что из этого ада можно выйти.

В этом домике мы остались жить до второго погрома. Когда немцы однажды рано утром ворвались к нам и стали всех выгонять на улицу, Леня помог мне быстро одеться, взял за руку и встал со мной в колонну семей рабочих (семьи, где были мужчины, считались рабочими, и их уничтожали в последнюю очередь). Тетю же с тремя детьми на наших глазах посадили в черную крытую машину, причем она видела нас, но не подала виду и не позвала к себе. Когда колонна рабочих семей двинулась, обнаружилось, что мы без родителей. Конвоиры хотели сдать нас в еврейский детский дом на территории гетто, но Леня твердо заявил, что мы туда не пойдём. Из колонны нам пришлось уйти, и мы остались одни. Вскоре Леня нашел небольшую дырку в проволоке. Так мы оказались за территорией гетто.

Сразу побежали ко мне домой. Но на окнах не оказалось наших красивых занавесок, и мы побоялись туда зайти. Соседка предупредила, что в моей квартире живет полицейский, и посоветовала как можно скорее уходить отсюда. Ведь во дворе меня знали и могли заявить.

Нас впустили соседи Лени, но сказали, что они попробуют спасти только его. Тогда Леня начал убежать от меня, а я поначалу не отставала, все бегала за ним. Но потом мне стало очень обидно, я перестала за ним бегать – и осталась одна! На улице было очень холодно. Я пыталась зайти в дворový туалет, но меня не пускали мальчишки, били и дразнили. Так что опорожнялась я прямо в штанишки, и на морозе все это подмерзло.

Очень хотелось есть. Я стала просить у прохожих милостыню. Ко мне подошла женщина и участливо начала расспрашивать о моих родителях. Почувствовав ее доброту, я открылась, сказала, что еврейка, что убежала из гетто (хотя я тогда знала, что быть евреем – это плохо, нужно скрывать), что хочу есть и у меня нет дома. И хотя в тот момент она искала свою сестру, которая ушла за хлебом и очень долго не возвращалась, женщина тут же взяла меня за руку и повела к себе домой. Дом ее был недалеко, на пересечении Кропоткина и Старовиленской. Она дала мне поесть, но я, не доев, уснула. Женщина вымыла меня, сонную одела в рубашку мужа и уложила в чистую постель. Я спала чуть ли не двое суток, не просыпаясь. Очнувшись, услышала их разговор с мужем. «Что будем делать с ребенком?» – спрашивала она. «Не выгонишь же живого человечка на мороз, на улицу, пропадет она без нас. Наверное, нужно оставить ее, хотя это, конечно, большой риск, но зато, может, и благодарность когда-нибудь получим за это», – ответил он. Так определилась моя судьба.

Я осталась жить в семье Светликова-Голушенковой. Это произошло зимой 1941 г. Муж, Николай Корнеевич Светликов, соответствовал своей фамилии – запомнился как необыкновенно порядочный, добрый и светлый человек. Имел дочь Валу от первой жены. Стефанида Кузьминична Голушенкова – очень умная и деловая женщина. Им было в ту пору лет по сорок. Детей в этой семье не было, и относились ко мне, как к родной дочери. Долгое время из-за отсутствия документов я не имела даже хлебной карточки. Но голода не испытывала: приютившие меня люди отдавали большую часть своего пайка мне. Для того чтобы получить хоть какой-то документ, летом 1942 г. меня окрестили. После крещения мне выдали свидетельство, по которому я получала хлебные карточки. Это свидетельство у меня сохранилось, на обратной стороне его есть отметки немецкой комендатуры о выдаче хлебных карточек. По этому метрическому свидетельству № 20, выданному Минской «Чыгуначнай» церковью,

я стала Татьяной Светликовой (имя мне сохранили), дочкой Николая Корнеевича и его жены Стефаниды Кузьминичны.

Соседи по двору (наш дом имел только две квартиры: одну на первом этаже, где жил священник, и на втором этаже, где жили мы) приняли меня хорошо. Все знали, что я еврейка. И поначалу страха, что кто-то меня выдаст, никто не испытывал. Вскоре к нам переехала жить дочка Николая Корнеевича Валя. Ей сказали, что мы родные сестры, но я, как и она, долгое время жила у тетки. Кстати, все говорили, что мы с ней похожи. Появление родной дочки никак не сказалось на отношении ко мне папы Коли. И даже зачастую он относился ко мне с большей теплотой, чем к дочери. Это объяснялось, по-видимому, тем, что я росла покладистым ребенком.

1 мая 1943 г. во время бомбардировки Минска советскими самолетами наш дом был разрушен ударной волной, Валя осколком ранена в руку, я – в ногу. Папа Коля тоже получил тяжелое ранение, очень болел. Но это не помешало ему побеспокоиться о том, чтобы осенью 1943 г. я пошла в школу. Валя успела к тому времени закончить первый класс и перешла во второй. Учеба ей давалась очень трудно, и папа Коля всегда делал с ней все уроки, приглашая меня посидеть возле них и послушать. Поэтому, когда я пошла в первый класс, то все знала. И через три недели меня перевели во второй класс, где училась Валя. Как был счастлив папа Коля, как он гордился мной! Из-за болезни он чувствовал себя все хуже и хуже и поздней осенью 1943 г. умер.

Вот тут-то началось самое трудное и опасное время. Жена моего крестного отца Ивана приревновала своего мужа к маме Фене и стала всюду кричать, что она «за золото жидовских детей понабирала и этим золотом чужих мужей приманивает». Валю тоже причислили к «жидовским детям». Оставаться на старом месте стало небезопасно, пришлось перебраться к знакомым Фени в небольшой одноэтажный домик на берегу Свислочи. В заборе было две калитки: одна выходила на берег реки, другая – в небольшой проулок. Мама Феня по секрету от Вали научила меня, как убежать, если к нам придут немцы или полицаи. В этот период я никуда не ходила, только в школу. Постоянный страх сковывал не только меня, но и мою маму Феню. И это чувство оставило нас лишь после освобождения Минска. Как обнимала, целовала меня и при этом причитала мама Феня! «Мы спасены, девочка моя!» – восклицала она. Да, она хорошо понимала, что мое спасение могло стоить ей жизни.

Вскоре меня отыскал мой дядя, Магид Анатолий Хаймович. Он вместе с нашими войсками прибыл в Минск, чтоб наладить здравоохранение в разрушенном Минске и области. Дядя был назначен начальником облздраводства.

Потом за мной приехала мама. До ее приезда я оставалась жить с мамой Феней. Мамы встретились, как родные сестры. Я обеих продолжала называть мамами, только добавляла к слову «мама» имя Феня, чтобы их отличать.

Из Свердловска, куда увезла меня мама, я еженедельно писала маме Фене. А в 1945 г. мы вернулись в Минск. Мои родители все время материально помогали маме Фене. Жизнь моей второй мамы была нелегкой из-за Вали, которая связалась с воровской компанией, обворовывала Феню до ниточки, а когда ее поймали и осудили, убежала из-под стражи и пропала навсегда. Так кроме меня у мамы Фени к старости никого и не осталось...

Я, закончив физико-математический факультет, преподавала математику и физику в школе, в техникуме, в пединституте, на матфаке университета.

В 1956 г. вышла замуж, родила трех дочерей. Первая (1957 г.р.) умерла от полиомиелита в шестилетнем возрасте. Вторая дочь, Людмила (1964 г.р.), окончив школу с золотой медалью, поступила в институт и на первых же студенческих сельхозработах трагически погибла в 1981 г. Третья дочь, Алла, живет в Минске, замужем, имеет двух сыновей.

Вот скольким людям обеспечили жизнь Стефанида Кузьминична Голушенкова и Николай Корнеевич Светликов. Все мои дети называли Стефаниду бабушкой. Я им объяснила, почему у них три бабушки, а не две, как у всех. Даже мой десятилетний внук хорошо знает историю спасения бабушки и роль в этом ее спасителей.

Всю свою взрослую жизнь я материально обеспечивала маму Феню, а когда она не могла больше жить одна, забрала свою вторую маму к себе. На руках у меня мама Феня и умерла в 1979 г. Хоронили ее с большими почестями, как спасительницу. Мои многочисленные ученики и коллеги знали нашу историю и относились к маме с большим уважением. Похоронена мама Феня на Северном кладбище в Минске. На ее надгробии я написала дополнительно «Светликов Николай Корнеевич, 1901–1943 гг.», чтоб хоть как-то сохранить память об этом светлом человеке.

Не только своим детям, но и в школе на уроках мужества в своих классах я рассказывала об их подвиге и духовном богатстве. Звание Праведников народов мира Стефанида Кузьминична и Николай Корнеевич получили посмертно в 1999 г. Их диплом и медаль я храню у себя. Это нужно для моей души. Я должна перед смертью знать, что все сделала для того, чтобы память о них сохранилась не только среди близких мне людей.

...На перекрестках судеб. Мн., 2001. С. 9–14.

ГРИНГАУЗ Ревекка

15.01.1905, г. Докшицы – 6.06.1999, г. Минск

...В погроме 7 ноября 1941 г. погибли мои родители, старший брат с семьей. Я осталась с тремя детьми... Чтобы спасти их, часто ходила в «русский район» за продуктами к довоенным соседям. Там я познакомилась с женщиной из деревни Гиневичи Воложинского района. Она предложила мне забрать к себе 7-летнюю дочь Генечку. Я уговорила девочку пойти к тете. Дала ей куклу в игрушечной колясочке, рассказала, куда идти. Идти было недалеко: от Юбилейного рынка до Тучинского переулка. Женщина ждала ее. Я осталась с двумя детьми. Накануне погрома в июле 1942 г. я ушла в город. Дети остались одни. Вернуться домой не могла: гетто было окружено. Сколько пришлось пережить! Через 3 дня я пришла к гетто и вместе с рабочей колонной вошла вовнутрь. В гетто со всех сторон слышны были плач и стенания по погибшим. Я бросилась в свой дом – все разбросано. Плакала в голос, звала детей. И вдруг они отозвались с чердака...

Видя мои страдания, Любовь Гончаренок из «русского района» предложила мне с младшим сыном уйти из города. А старший! Что будет с ним? Дома мы обсудили ее предложение со старшим сыном Шоломом. Он уговорил меня уходить с Левочкой. Дошли мы до деревни Козловка. Здесь нас не пустили в дом, боялись расправы. Пошли дальше. В деревне Скирмантово встретила

партизан из семейного отряда Зорина № 106. В отряде работала на кухне. Пережила блокаду. Вскоре с группой в 13 человек в отряд пришел и Шолом. Мы снова были вместе.

Отряд вел бои с отступавшими гитлеровцами. Оборванные, измученные, встретились мы с нашими освободителями. Добрались мы до Столбцов, а оттуда до Минска.

Оставила детей у соседей и пошла искать дочку. Нашла ее живой и здоровой. Благодарилась ее спасителям от всей души.

Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 282; Личный архив автора.

ГУТКОВИЧ Лея

В 1941-м мне было 24 года, я была замужем, имела сына. До войны работала на электростанции техником-теплотехником, муж Абрам Панес был скрипачом Белорусской филармонии. За неделю до начала войны я отвезла своего маленького сына (ему не было и двух лет) в Бешенковичи, где жили мои родители. Начались бомбежки, и мы бежали из города куда глаза глядят. Попали мы в бой и не знали куда деваться. Когда стихла стрельба, повернули к Минску. Он пылал, дома уже были разрушены, на улице лежали убитые, много обуглившихся человеческих тел. Наш дом возле завода имени Кирова сгорел. Пошли к родственникам мужа на Червенский тракт. Через несколько дней – приказ о создании гетто, и мы переселились на Обувную. В маленьком домике нас набилось человек двадцать, в основном родственники, спать приходилось сидя. Абрам Панес и его отец в первые же дни попали в облаву и были убиты. Начались черные дни гетто. Убийства происходили с первого же дня – одиночные и массовые, дневные и ночные. Я попала в первый же большой погром 7 ноября. Нас погнало по улице Опанского в Тучинку расстреливать. Колонну конвоировали эсэсовцы с овчарками. Когда нас вывели за пределы гетто, мы увидели толпы русских женщин по обе стороны улицы, которые недоумевали, куда и зачем нас ведут. Когда колонна придвинулась к ним вплотную, мне удалось незаметно проскользнуть в эту толпу и раствориться в ней. Меня никто не выдал. Из толпы я бросилась в первую же калитку какого-то двора и спряталась. Надо было уходить подальше от гетто, но там оставалась моя свекровь. Старую и больную женщину я не могла бросить. Решила незаметно вернуться. Ночью я перелезла через колючую проволоку обратно.

Вскоре за этим погромом последовал второй, но мне удалось его избежать. Был издан приказ выходить на работу.

Пришла к бирже труда. В числе 200 женщин меня направили в «люфтгаузкоманду», которая работала в летной части. Она размещалась в Доме правительства. Мы возили торф в котельную. По железнодорожной ветке, пересекавшей улицу Советскую, составы с торфом и дровами подавались к котельной огромного здания. Мы перегружали торф на вагонетки и толкали их до котельной. За это нам давали 200 граммов хлеба в день и баланду из кофенины. Кое-что подбирали и на помойке. Распоряжался там всем капитан Вилли Шульц. В его подчинении были солдаты, которые следили за нашей работой. Мы должны были работать не поднимая головы. Начнешь смотреть по сторонам – получишь плетью по спине. В гетто возвращались под конвоем. О том, что в гетто

существует подпольная организация, мы, конечно, не знали. Только позже я стала догадываться об этом, потому что мои знакомые Соня Садовская, Сарра Левина и Мотя Майзель вели себя так, будто они хозяева в гетто. Они, как выяснилось потом, и были подпольщиками, работали по заданию горкома.

В гетто появилось еще одно, его называли зондергетто – там поселили гамбургских евреев. Перед тем как их привезти, гитлеровцы очистили для них «жизненное пространство», лишив жизни примерно тысяч двадцать или тридцать аборигенов. Оно было изолировано от нас колючей проволокой, но общаться через нее мы имели возможность. У них было другое отличие – желтая шестиугольная звезда и на белом лоскуте номер дома. Мне захотелось поговорить с немецкими евреями, и я с Раечкой Эпштейн подошла к полицейям, стоявшим у колючки зондергетто, попросились туда, но нас не пустили. И все-таки мы в одном месте разорвали колючую проволоку, и Рая проскочила туда. Она должна была раздвинуть проход, но в это время нагрянули каратели. Я осталась в «русском» гетто. Началась стрельба. Уже было много убитых, снег залит кровью. Но в это время подъехала легковая машина, из нее вышел какой-то большой чин, и стрельба прекратилась. Офицер сказал, что евреи должны предъявить рабочие документы, что специалистов и рабочих трогать не будут. У меня в аусвайсе было записано, что я портниха и работаю торфовозом. Меня уже хотели было направить в сторону смертников, но офицер почему-то отвел от меня руку эсэсовца, и меня вытолкнули в сторону «специалистов». Смертников угнали на расстрел, к Яме. В тот день – это было 2 марта – убили пять тысяч человек. Нам велели убрать трупы, а затем раздался голос полицейая:

– Ну, жида, раз оставили вас жить – становитесь на колени.

Так простояли мы на морозе четыре часа. Была уже ночь. Ярko светила луна, купаясь в окровавленном снегу. Ног я не чувствовала – отморозила. Еще много лет после войны они были черными.

После четырех часов такого стояния отворили ворота, и нас загнали в гетто. Утром следовало идти на работу. На бирже гауптман Шульц набирал новую колонну. Взяли сто человек русских евреек и сто гамбургских. Когда нас пригнали на территорию Дома правительства, Шульц прошел вдоль колонны русских евреек, осмотрел всех и выбрал пятерых. Среди них оказалась и я. Потом он прошелся несколько раз мимо немецких девушек, вдруг остановился возле одной из них, поздоровался с ней за руку (случай небывалый!) и что-то сказал. Мы были ошарашены: немецкий офицер разговаривает с еврейкой! Кроме окриков, насилий и смертей, мы ничего от гитлеровских офицеров не ждали. Потом последовал приказ: гамбургских евреек поставить по пять человек на вагонетку, русских по три. «Своим» дали привилегию, ведь они не большевистские. Стали работать, возить торф. У немок ничего не ладится, они ведь раньше тяжелым физическим трудом не занимались. Не знаю почему, но вдруг захотелось во что бы то ни стало познакомиться с той немецкой девушкой, с которой поздоровался Шульц. Подошла к ее вагонетке, поздоровалась и стала показывать, как удобнее ее толкать. Звали ее Ильза Штейн, она из Франкфурта-на-Майне. На вопрос, откуда она знает Шульца, Ильза ответила, что абсолютно его не знает, что, видимо, просто ему понравилась. И это неудивительно: Ильзе было всего восемнадцать лет, и, несмотря на все страдания и лишения, которым подвергались мы все в гетто, она была хороша

собой – а в гетто это еще одна опасность. В обеденный перерыв нам раздали талоны на похлебку, а Ильзе Шульц принес полбуханки хлеба и миску супа из офицерской столовой.

К концу дня нас построили в колонну для возвращения в гетто. Шульц объявил, что Ильза назначается бригадиром колонны, а ее помощницей – я. Наше бригадирство заключалось в том, что мы ходили ежедневно к Шульцу за талонами на суп. Шульц сидел в цокольном этаже Дома правительства, у него там было что-то вроде конторы.

Однажды он затеял со мной такой разговор:

– Скажи, Лиза, почему убивают евреев?

– Вам лучше знать, ведь вы немецкий офицер, а я выросла в советской стране, у нас евреев не убивали и мы имели такие же права, как и другие. Можно было еврейке выйти замуж за русского, а русскому парню жениться на еврейке. И это не считалось чем-то необычным или преступным. И у вас при кайзере Вильгельме евреев не убивали. Это я знаю из истории.

– Ты хочешь сказать, что в этом виноват Гитлер?

– Я ничего не хочу сказать.

– Может быть, ведь я еще в ту пору не воевал в России, и мы даже ухаживали за еврейками.

И всякий раз, когда мы приходили за талонами, Шульц затевал опасные разговоры о политике. А однажды он спросил напрямую:

– Скажи, Лиза, как мне спасти Ильзу? Я люблю ее.

Что я могла ему сказать? И вдруг неожиданно выпалила:

– Если она уйдет из гетто, может, и спасется.

– А как уйти из гетто?

– Если иметь русский паспорт, то можно уйти. Я бы, например, могла бы жить в деревне, делать крестьянскую работу, она мне знакома, а Ильза была бы при мне как младшая сестра. Но достать русский паспорт я не могу, золота у меня нет, избавления от смерти ждать не приходится.

Вилли Шульц задумался и умолк.

Это было в июле 1942 г. Я запомнила даже дату – 28 июля. В тот день в гетто был страшный погром, который длился три дня. Из-за любви своей к Ильзе Шульц не пустил колонну в гетто. Всех он оставил в подвале Дома правительства, и когда через три дня утихла стрельба, он дает нам солдата якобы для конвоя, а на самом деле для того, чтобы с нами ничего не случилось, и говорит:

– Сходите в гетто и посмотрите, что случилось с вашими родными.

В тот день я осталась абсолютно одна. Моей свекрови уже не было, не было никого. Мы с Ильзой шли по обезлюдевшему гетто, лишь кое-где встречая группки людей, которым удалось отсидеться в «малинах». После этого погрома я жила в одной конуре с матерью и сестричкой погибшей моей подруги Раи Эпштейн.

Назавтра, когда мы пришли за талонами, Шульц сказал, что попытается достать два паспорта. При этом он поставил условие: Ильза будет как моя сестра. Поскольку русского она не знает, на все вопросы придется отвечать мне.

– Согласна! – сказала я.

Но паспортов он нам не достал. Не сумел. У него созрела новая идея: приехал из Германии его друг-летчик, который согласился на своем самолете перевезти нас по ту сторону фронта, в Россию. Это была безумная идея, но и с ней ничего не вышло, потому что летчика досрочно отправили на фронт.

Потекли обычные страшные будни.

Там, где мы работали, был слесарь Сергей Герин, с которым я работала на электростанции. Он был подпольщиком, потому что давал нам как бы невзначай листовки, сброшенные советскими самолетами, рассказывал о событиях на фронте. Однажды Сергей рассказал мне, что Красная армия успешно громит немцев под Сталинградом.

При встрече с Шульцем я намекнула ему, что спасти нас сможет только Красная армия, которая громит гитлеровцев на Волге и уже перешла в наступление.

– А ты откуда знаешь?

– Слышала. Вы можете послушать приемник, он же стоит на вашем столе.

– Если я буду слушать Москву, то знаешь, что произойдет? За это полагается расстрел. Москву будешь слушать ты. В котельной, куда вы завозите торф и дрова, есть комнатуха, где сидят трое немцев-железнодорожников. Там убирает русская девушка, но я ее оттуда уберу, и ты будешь там работать. Один час – с 12 до 13. Туда поставят мой приемник, и ты в это время будешь слушать Москву.

Я соглашаюсь. Комнатка маленькая: письменный стол, на нем приемник, на стенах стеллажи со всякими слесарными инструментами. В комнате трое пожилых немцев, старший из которых Фишер. Стираю пыль, мою пол. Немцы уходят. Я включаю приемник, слушаю Москву. Голос Левитана говорит о том, как громят немцев под Сталинградом. Давят слезы радости даже от одной русской речи, от хороших новостей. Быстро записываю их на клочке бумаги.

При встрече рассказываю Шульцу все, что слышала. И он вроде бы рад! Немец радуется поражению своей армии под Сталинградом!

Десять дней я слушала Москву и совсем забыла о том, где и среди кого нахожусь. Я только включила приемник и собиралась настроиться на Москву. Неожиданно открывается дверь. На пороге Фишер. И в это время:

– Внимание! Говорит Москва!

Фишер остолбенел и спрашивает: «Кто включил приемник? Почему Москва?»

– Понятия не имею. Сюда заходят всякие, берут инструменты, может, они и включили.

– Вон отсюда, фарфлюхте юде! Это ты включила Москву. Ты партизанка!

Бросаю тряпку и иду к дверям. И вдруг окрик:

– Стой! О чем они там говорят?

– Это не Москва, а белорусское радио. Диктор говорит, что немецкая армия прочно стоит под Москвой.

– Ты врешь, – говорит он неуверенно, и я понимаю, что русского он не знает. – Ты знаешь, кто я?

Он достает удостоверение, в котором написано, что Фишер – агент гестапо.

Я по-немецки не читаю. Только немного понимаю и говорю.

– Вон отсюда! – рычит он.

Выскакиваю и не знаю, что делать. К Шульцу нельзя, неурочное время. Но все-таки решила пойти. Из-за штабеля дров появляется Сергей Герин:

– Ты куда?

Говорю, что засыпалась, слушая Москву. Иду к Шульцу рассказать, как Фишер меня застукал.

– Кому ты рассказывала, что слушала Москву?

– Всем знакомым!

– Ты дура! Оставаться здесь тебе больше нельзя. Немедленно уходи отсюда, за тобой следит гестапо. Иди к Шульцу и все расскажи. Намекни, что уходишь в лес и больше не вернешься. Сегодня ночью за тобой придут люди. Все!

Шульц бледнеет, когда слушает мой рассказ.

– Я переговорю с Фишером, и ты опять будешь там убирать.

– Фишер – это гестапо. Вы с Ильзой как хотите, а я уйду в лес.

– Да ты с ума сошла, там партизаны-бандиты, их всех перебьют, туда направляется карательная экспедиция.

– Если мне суждено умереть, пусть это будет в борьбе!

Шульц просит меня подождать до завтра.

– Ночью за мной придут гестаповцы. Вы хотите меня выдать им.

– Если бы хотел, я бы это сделал давно. Я знаю, что ты не портниха, как это у тебя записано, а инженер, я многое про тебя знаю. Я люблю Ильзу и хочу ее спасти. Без тебя я это не сделаю.

В полночь ко мне пришли двое парней из подпольной организации гетто. Одного из них я знала, это был врач-доцент Матвей Майзель. Значит, Сергей говорил правду. Я им все рассказала.

– Вот что, Лиза. Решено использовать Шульца для организации побега из гетто большой группы людей. Завтра пойдешь на работу и поставишь ему наши условия: он должен достать грузовик и, если согласится, на этом грузовике поедет вместе с группой евреев-рабочих на станцию Руденск грузить цемент. Немцы часто возят евреев на работы за пределы города, так что это не вызовет подозрений. И ты поедешь. А там вас встретят.

После того разговора заснуть я не могла. С трудом дождалась утра.

Ведут нас на работу под конвоем. У Дома правительства нас встречает Шульц. Как только мы с Ильзой поравнялись с ним, скомандовал:

– Лиза унд Ильза раус фон колонне!

Колонна уходит на торф, мы остаемся втроем. И тут Шульц заявляет: если я уйду к партизанам, он тоже идет со мной. И Ильза.

Я говорю ему то, чему научили подпольщики. Он повернулся и ушел. Ничего не ответил. Мы пошли работать. Через два часа появляется Шульц и сообщает, что машина будет.

– Пишите путевку, — говорю я. — На 25 человек.

Шульц удивленно смотрит на меня:

– Я думал, что поедем втроем.

– Трое на грузовике на работу не ездят. Это вызовет подозрение. К тому же к партизанам едут с оружием, иначе туда не принимают. Мы повезем его.

– Где же я возьму столько оружия? Кроме личного, у меня ничего нет.

– А это уже не ваша забота. Пишите в путевке: 12 женщин и 13 мужчин (так сказали подпольщики).

Через некоторое время появляется Шульц и показывает мне выписанную путевку, оформленную по всем правилам.

Утром 30 марта 1943 г. в восемь утра трехтонка, крытая брезентом, вошла в гетто и подкатила к бирже труда. Мы садимся в кузов и заталкиваем подальше двух сестер Ильзы, пятерых, которых мне разрешили взять как организатору побега – в их числе и Раечка Эпштейн – остальные те, кого отобрало подполье. Все мужчины вооружены, у одного даже карабин под пальто спрятан. Мать и сестру Раечки Эпштейн взять не разрешили. До сих пор мне душа болит, что не удалось их спасти. Исключение было сделано только для Ильзы. Да и подпольщиков можно понять: они везли подкрепление для партизанского отряда – такая у них была задача. Накануне отъезда они приходили ко мне и сказали:

– На всякий случай запомни три деревни Руденского района: Русаковичи, Горелицы и Кобыличи. Если возникнут проблемы с проводником, будете самостоятельно добираться до этих деревень. Они входят в партизанскую зону.

Я запомнила на всю жизнь названия этих деревушек. И вот мы тронулись. На выезде Шульц отдает полицаяу документ о количестве рабочих, взятых им на бирже. На нашей одежде пришиты желтые латы и номера домов, в кабине Шульц и немецкий солдат-водитель. В кузове на всякий случай сидят два первоклассных водителя-еврея.

Выезжаем на Могилевское шоссе. Где-то на пятом километре машина останавливается и ко мне обращается Шульц:

– Где проводник, я ведь не знаю, куда ехать.

Отвечаю, что проводника не будет, но я знаю куда ехать.

Шульц разозлен, паникует:

– Ты обманула меня.

– У вас есть карта?

Он достает карту, и я показываю Руденск и три деревни.

– Поехали.

Он хлопнул дверцей кабины, больше ничего не сказав. Если бы нас вел проводник, мы бы добирались окольными, более безопасными местами. А так напрямую по шоссе. Проехали Дукору. Мост через Свислочь взорван. Объезд. Построен временный мост, его охраняют. Останавливают машину. Шульц объясняет постовому, что нам надо в Руденск. Начальник патруля говорит, что машина не пройдет, перед мостом дорога разворочена танками, и называет другой путь – через Шацк. Шульц разворачивает машину, выезжаем от моста. Мы в ужасе. Стучим в кабину, и я говорю, что надо ехать строго по маршруту. Зря мы, конечно, на этом настаивали: машина застряла, и пришлось всем сойти и толкать ее. Но все были обессилены. На наше счастье, неподалеку крестьяне строили переправу. Мы надумали Шульца позвать их на помощь. Они вытолкнули машину, помогли переправиться, и мы двинулись к Руденску. Но Руденск – конечный маршрут, который указан в путевке. А нам надо дальше. Шульц понимал это, машина шла на предельно возможной скорости. Очень важно было проскочить Руденск, потому что эта железнодорожная станция охранялась большим гарнизоном, и если нас здесь задержат – всем смерть. Все обошлось благополучно. Миновали Руденск, движемся к Русаковичам. Не доезжая до деревни, которая уже была

видна, Шульц останавливает машину у какого-то хутора. Зовет меня в хату. Там старуха, дети. Спрашиваю, далеко ли до Русаковичей. Нет, говорит старуха, деревня видна отсюда, но там взорван мост через реку Птичь. Этого я не перевожу Шульцу. Говорю, что едем правильно. И вот подъезжаем к Русаковичам. Взорван мост, а деревня на том берегу. За ней виден лес – густой, бесконечный. Река здесь глубокая, а в марте через нее не поплывешь. Кричим, зовем кого-нибудь. Никто не отзывается. Наконец видим на том берегу лодку и сельчан, бегущих из деревни в лес. Они, видимо, решили, что это карательный отряд, машина-то немецкая.

Что же делать? Шульц промеряет шестом глубину реки. Посоветовавшись, находим только один выход: кому-то надо переплыть реку и сообщить, что мы не каратели, а из гетто. И вот один еврейский парень по фамилии Токарский, который ехал вместе со своей женой Катей, говорит, что он поплывет. И поплыл. Как он великолепно держался в ледяной воде! Видимо, в таких ситуациях, когда на кон поставлена жизнь, человек ничего не чувствует. Видим, как он вылез из воды и пошел к деревенской хате. Через несколько минут из нее вышел старик, сел в лодку и направился к нам.

Начали переправу. В первый рейс отправились Шульц, шофер, Ильза, ее маленькая сестренка и я. Как только лодка уткнулась в берег, шофер стал допытывать Шульца расспросами. Шульц ему говорит, чтобы не мешал, не его забота, а мне незаметно показывает жестом, что прикончит его. Я ему отрицательно покачала головой, делать этого нельзя, потому что за одного убитого немца могут сжечь всю деревню. Идем в хату, где отогревался наш пловец. Ему уже дали сухое белье, он лежал на широкой печи. В хате оставляем Ильзу, ее сестренку Лизхен, шофера, а сами направляемся к реке посмотреть, как идет переправа. Шульц идет впереди меня, я немножко сзади и все время думаю: неужели это свобода?! Поворачиваюсь к деревне и вижу, как бегут люди из леса с красными лентами на шапках, с винтовками. Партизаны! Да, это свобода. Увидев их, я вскрикнула от радости, бросилась к ним навстречу. Кого-то обнимаю, целую. Командир взвода спрашивает, сколько с нами немцев. Двое, одного немного знаю – говорю – другого нет. Шульц, услышав мой крик, повернулся и все понял. Когда партизаны приблизились к нему, он вскинул руки вверх и на ломаном русском сказал: «Здравствуйте, товарищи!» Его тут же обезоружили и обыскали. Быстро переправили людей, сожгли трехтонку, на которой мы приехали. Потом обыскали всех. Пошли в хату. Когда шофер-немец увидел партизан, он поднял вверх руки, парабеллум лежал на столе. С перепугу у шофера началось расстройство желудка, и он крепко отравил атмосферу. Партизаны увели его в уборную. Было и смешно, и грешно, Шульц схватил Ильзу на руки, как ребенка, стал кружить с ней по хате, приговаривая: «Ты мой золотой ребенок, я спас тебя, я люблю тебя». И еще шептал какие-то нежные слова, которые я не могла разобрать. Поистине любовь творит чудеса, если только это все настоящее.

Потом всех нас провели через деревню на опушку леса, куда выскочили всадники, как мы потом узнали – командир, комиссар и начальник штаба партизанского отряда имени Сталина 2-й Минской бригады. Спешившись, командование начало со мной беседу. Расспрашивали в основном о немцах. Потом командир отряда приказал: Шульца, шофера, Ильзу и меня принять в этот отряд, всех остальных распределить по ближайшим деревням до особого

распоряжения, накормить и напоить. Распределили людей по разным отрядам бригады. Немцев и меня провели через болота по еле заметным тропинкам в маленькую деревушку Боровая. Там было всего пять или шесть хат. Привели нас в штабную хату. Партизаны все были молодцеватые, чистые. Шульц особенно удивлялся этому обстоятельству: он был убежден, что партизаны – это вшивые и грязные бандиты. Чувствовалось по всему, что он доволен жизнью. Только шофер молчал, не проявляя никаких эмоций. Принесли еду, очень вкусную, калорийную. Нам, узникам гетто, есть это сразу было никак нельзя. Но мы набросились. Потом пришлось расплачиваться за такое удовольствие кровавыми поносами. Шульца и Ильзу как семейную пару поместили в отдельную хату. Я спала с партизанскими девушками.

Когда нас немножко привели в себя, дали отдохнуть и поправиться, вскоре повели в штаб бригады. В штабе целый день допрашивали немцев, я была переводчицей. Оказалось, что Шульц многое знал: расположение штабов, гарнизонов, аэродромов, все полученные от него данные переносились на карту. Это была обыкновенная школьная карта Белоруссии. Эти сведения были отправлены в Москву, и потом наша авиация нанесла точные бомбовые удары по немецким военным объектам в Минске и вокруг него.

Комбриг задает Шульцу вопрос, состоял ли он в фашистской партии?

– Да, состоял, – ответил Шульц, – ведь я офицер. Но уже не фашист.

– Это она меня, – показал на меня, – коммунистом сделала.

– Не перешли ли вы к партизанам из-за любви к девушке? – спросили его.

– Да. Именно из-за любви. Но главное, что я понял: с фашистами мне не по пути. Сейчас я готов служить вам, выполнять все, что прикажете, но главная моя цель – попасть в Москву и кричать на весь мир о том, что Гитлер делает с евреями.

Допрос шофера ничего не дал.

И вот последовал приказ: Шульца и Ильзу отправили в отряд спецназначения Градова (Героя Советского Союза Ваупшасова), а меня – в отряд имени Сталина. Прощаемся. Шульц негодует: как мы будем обходиться без Лизы, ведь мы не знаем русского языка! Но приказ есть приказ. Ильза снимает свои красивые янтарные бусы (как она умудрилась их сохранить в гетто!) и дарит мне. Шульц благодарит за то, что я организовала побег. Он говорит, что не предаст свою Германию, что будет бороться с фашизмом. Мы расстаемся. В отряде я стала поваром, стирала, а если бой – помогала вытаскивать из него раненых, А шофер все-таки сбежал через неделю. Его нашли в деревне и расстреляли.

В отряде я была до конца 1943 г., а в декабре меня в качестве переводчицы перевели в 208-й партизанский полк, который совершал рейд на Пинщину. Мы шли с боями. Командир партизанского полка Роман Иванович Щербаков впоследствии стал моим мужем.

Никаких особых заслуг у меня нет, я была рядовой партизанкой в разведотделе полка. После войны мы нашли моего старшего сына от первого брака. А в 1985 г. я нашла Ильзу Штейн в Ростове-на-Дону. О судьбе Шульца ей ничего неизвестно. Германские кинематографисты в 1992 г. сняли фильм о любви Ильзы и Шульца. Мы проехали весь маршрут, по которому удирали на грузовике, сняли памятные места Минского гетто. Я снималась вместе с Ильзой.

Фильм этот в 1993 г. вышел на экраны Германии. В том же году умерла Ильза Леопольдовна Штейн.

Судьба Сергея Герина сложилась трагически. После нашего побега он был схвачен гестапо, отправлен в Освенцим. Прошел еще два лагеря смерти живым. Его освободили американские войска из Маутхаузена. После этого он прожил всего пять лет...

Да будут святы имена этих людей!

Гуткович Лея. Любовь гауптмана Вили Шульца // Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 139–150.

ЗАИНЦ С.Л.

В 1941 г. я окончила Минский медицинский институт. Сначала я работала в еврейской больнице, а отца гитлеровцы включили в команду рабочих генерального комиссариата. Я постоянно искала связь с подпольем: знала, что есть люди, которые что-то делают, борются. Но как мне их найти? Какие-то парни сказали: «Иди по Могилевскому шоссе, там встретишь партизан». Оделась как старушка и пошла по Могилевке. Это было в мае или июне 1942 г. Я долго шла. В лесу с трудом переправилась через глубокий ручей. Еле выплыла. Было очень страшно. Все тело болело, хорошо еще, что есть не хотелось. Я потеряла счет дням. Развалились башмаки. Когда боль в ногах стала невыносимой, зашла в какую-то деревню. Из окна одного дома на меня смотрела чернявая молодая и очень красивая женщина. Я подошла к ней. Попросила воды.

– Кто вы? – спросила она.

– Разве не видите?

Она дала воды, хлеба, сказала:

– Иди туда, в лесочек, жди вечера.

Где это было, кто она – не помню. Пытаюсь всю жизнь вспомнить – и тщетно. Не могу вспомнить свой маршрут и деревню ту. Я пришла в лес и стала ждать. Ночью пришел один парень, он хромал. Принес еду, поместил меня в какую-то яму. На следующую ночь он привел меня к той женщине. Мне постелили на печи. Утром меня снова повели в лес, несколько дней я провела в той яме. Затем пришла группа партизан, видимо, тот парень их привел. Это были подрывники из партизанского отряда Лapidуса. Меня повели в партизанскую зону. Когда мы пришли, по зоне разнесся слух: поймали еврейку-шпионку с золотым зубом. У меня была золотая коронка. В то время слухи о евреях-шпионах умышленно распространялись. Меня стали допрашивать. Но нашлись врачи-партизаны Женя Подоляко и Ядя Наливайко. Они меня знали. После этого меня поместили к крестьянам д. Поречье. Здесь было что-то вроде партизанского госпиталя и детского дома. Лечила больных, детей от дизентерии. Женя Подоляко снабжал меня медикаментами. Вскоре меня взяли в партизанский отряд имени Тимошенко Второй Минской партизанской бригады. Вместе с отрядом я совершила рейд под Белосток, где мы воевали до встречи с Красной Армией. Я работала врачом и участвовала во всех боевых операциях.

Вся моя семья погибла в гетто – мама, отец, сестры, все родственники.

Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 166–167.

КАГАН Григорий

20.04.1931, д. Заболотье Рогачевского р-на

Спасители: ЗАВАДСКАЯ Ефросинья Самойловна, ЩЕГЕЛЬСКАЯ Ядвига Викторовна, КУЛЕШЕВСКАЯ Екатерина Ивановна

Я родился в семье кузнеца. Первого июля 1941 г. в деревню вошли фашисты и сразу начали расправляться с евреями. Наша семья спряталась в заброшенном блиндаже. Однако в сентябре нас выследили и поместили в Рогачевское гетто.

Окончательную его ликвидацию (после нескольких погромов) немцы запланировали на 20 марта 1942 г. Под вечер голодных, раздетых людей – более трехсот человек – погнали к городскому кладбищу, которое находилось на берегу Днепра. На окраине города папа подтолкнул меня к кустам: – Беги, сынок, к тете Фросе...

Конвоиры не сразу заметили мое исчезновение. Я бежал изо всех сил. Грязь хлюпала под ногами... Вдруг я услышал автоматные очереди и одиночные хлопки винтовочных выстрелов. Я остановился и какое-то мгновение стоял, не в силах двинуться с места. Со стороны Днепра донесся душераздирающий крик. Он до сих пор стоит у меня в ушах. Мне кажется, это кричала моя мама...

Я снова побежал, размазывая по лицу слезы. Бежал долго. Начался противный дождь со снегом. Я поскользнулся, упал в холодную грязь и понял, что обессилел.

Добрал, как мне казалось, до какой-то деревни. Стал искать, где бы укрыться от непогоды. Увидел незапертый хлев. Зашел в него, забился в дальний угол, свернулся клубочком... В сарае пахло навозом, но коровы не было. Я сидел и дрожал – от холода и страха. Увидел остатки сена и соломы. Собрал, перетащил в угол, укрылся, немного согрелся и под drobный перестук дождя по крыше забился тревожным сном. Мне все время казалось, что за мной гонятся, стреляют вслед... Проснулся от собственного крика – кричал во сне...

В хлеву просидел весь день – благо хозяева в него не заглядывали. К вечеру дождь прекратился. Я вспомнил, что папа велел бежать к тете Фросе. Еще совсем недавно она приезжала к нам из деревни Ключи подковать лошадь. А потом мы с папой ездили к ней за яйцами и картошкой.

Я выполз из укрытия. Огляделся и понял, что все еще нахожусь в городе, только на другой его окраине. Надо было идти, и я, озираясь и оглядываясь, побрел в сторону деревни Ключи, которая находилась в десяти километрах, к Ефросинье Самойловне Завадской – тете Фросе. Добрался, совершенно продрогший, глубокой ночью. Постучал в окно. Загремели запоры... На крыльцо вышла тетя Фрося – женщина лет пятидесяти, в накинутом на плечи платке.

– Кто здесь? – окликнула она.

– Это я, тетя Фрося.

– Ой, Гришка! – заволновалась она и оглянулась по сторонам.

– Идем хутчэй у хату. Какой ты грязный: раздевайся и умывайся...

Принесла сухое белье, рубашку, брюки, фуфайку.

– Садись кушать.

Поставила на стол картошку, хлеб и молоко.

– Сынок, тебя ищут полицаи, – почти прошептала она, когда я поел. – Днем заходили ко мне. Сказали, придут еще. Ложись спать, а раненько утром

пойдешь в Сенажатки к Ядвиге Щегельской. Только никому не говори, что ты еврей... Спросит кто фамилию, скажи: Захарков.

Рано утром, еще не проснулось солнце, я уже был за околицей. Как я потом узнал, вскоре после моего ухода к тете Фросе нагрянули полицаи. Они перевернули весь дом.

– Где жиденок? Куда ты его схавала?

Тетя Фрося плакала и говорила:

– Я не знаю, кого вы ищете. Кто вам сказал, что у меня хавається жидовский пацан?

Так ни с чем полицаи и ушли.

...Я действительно не был похож на еврея – обычный деревенский пацан. Выдать себя за белорусского мальчишку не составляло труда. Но мне было всего десять лет, а надо было принимать правильные, взрослые решения! Сейчас, анализируя свое тогдашнее поведение, я не понимаю, как мне это удавалось.

Мой дальнейший путь пролегал через деревни Зеленый Кряж и Ухватовка. Погода наладилась, выглянуло весеннее солнышко. Я выломал себе палку из плетня в заброшенном дворе. Дорога подсохла, и идти было легче. В деревнях представлялся, как меня научила тетя Фрося, Григорием Захарковым.

Люди кормили меня, оставляли на ночлег, я помогал им по хозяйству – кому натаскаю воды, кому наколю дров. Иногда ночевал в заброшенных колхозных фермах и сараях. Так постепенно дошел до деревни Сенажатки Жлобинского района. Тетя Фрося рассказала, как найти хату Ядвиги Викторовны Щегельской, и я безошибочно нашел ее двор. Постучал, вошел в дом. На лавке у стола сидели трое детей – три девочки от двух до семи лет. У печки готовила обед пожилая женщина – мать Ядвиги Викторовны. Сама она, женщина лет тридцати пяти, сидя на табурете, штопала детское платьице.

– Хлопчик, ты чей, куда и откуда идешь? – обратилась ко мне Ядвига Викторовна.

– Из деревни Ключи... От Фроси Завадской... Она посоветовала идти к вам.

– А кто твой батька?

– Зяма-кузнец из Заболотья.

– А-а-а... Проходи, садись к столу... Скоро будем обедать.

Слух о расстреле еврейского гетто в Рогачеве уже дошел до Сенажаток. Ядвига Викторовна сразу все поняла и больше вопросов не задавала. Я остался жить у этих приветливых людей.

Жили голодно, но дружно. Я был старшим из детей, единственным мужчиной в доме, и постепенно многие заботы по хозяйству легли на мои плечи. Малыши слушались меня во всем, а Ядвига Викторовна заменила мне мать. Но – вот беда! – с едой становилось все хуже и хуже. Кроме картошки, у нас ничего не было, да и та подходила к концу. А тут еще соседи стали интересоваться: что за хлопчик появился в хате у Ядвиги?

– Племянник из города, – отвечала моя добрая спасительница.

В один из дней, когда есть уже было совсем нечего, она сказала:

– Гриша, сходи к бургомистру, попроси, чтобы выделили зерна и бульбы. Скажи, до лета не продержимся... А заодно попроси выписать тебе документы. Метрику, мол, потерял...

Немцев в деревне не было, но Ядвига Викторовна все же боялась, что они нагрянут и проверят мои документы.

Я пошел в контору. Шел и боялся: вдруг бургомистр в деревне был Виктор Михайлович Васильчик. (Как выяснилось после войны, он служил у немцев по заданию подпольного райкома партии). Он меня выслушал и говорит:

– Хлопчик, завтра вам привезут картошки и зерна. И документы выпишем тебе новые.

У меня от радости перехватило дыхание, и я побежал домой, к тете Яде. (После войны при встрече Виктор Михайлович рассказывал, что сразу понял, кто я, но виду не подал).

Так в заботах и хлопотах прошли весна и лето. Но в августе 1942 г. я встретил на улице жителя деревни Заболотье Станислава Сенаженского.

– Гришка, что ты здесь делаешь? Как ты сюда попал?! В Рогаचेве расстреляли всех жидов, а ты жив?

Это было так неожиданно, что я вначале онемел, а затем едва выдавил из себя:

– Здесь живет моя тетька, – и убежал.

Новость облетела деревню и дошла до Ядвиги Викторовны. Она, естественно, испугалась. За меня, за своих детей.

– Гриша, тебе надо срочно покинуть деревню.

...Близилась осень. Ее дыхание чувствовалось во всем. Листья на деревьях пожелтели, трава поблекла и тихо шуршала под ногами. На западе сквозь тучи проглядывала красная заря, и от этого уходящий теплый, но пасмурный день казался еще более печальным. Начал накрапывать мелкий, липучий дождь. Я вышел на дорогу, остановился, посмотрел по сторонам. Стало очень грустно. Вспомнил свою новую маму – когда я уходил, она хлопотала возле печки. Очень захотелось домой к маминому теплу, к своим заботам. Комок подкатил к горлу. Слезы сами покатались из глаз. Не помню, куда и как я шел. На дороге было пустынно.

Уже темнело, когда я пришел в деревню Красная Слобода. Постучал в какую-то хату. Дверь открыла немолодая уже женщина с приветливой улыбкой.

– Чего тебе, хлопчик?

– Тетенька, пустите переночевать.

Так я оказался в доме Екатерины Ивановны Кулешовской. Она жила одиноко и обрадовалась, что в доме появилась еще одна живая душа. Немцев в деревне не было.

Я открыто рассказал ей все о себе.

– Оставайся, хлопчик, – сказала она, всплакнув о моей погибшей в гетто семье. – Поживи у меня. В тесноте, да не в обиде...

И я остался в доме Екатерины Ивановны. Помогал ей по хозяйству: носил воду, наколот на зиму дрова. А в свободное время играл с тремя детьми соседки Марии Алексеевны Беляевой, которая тоже знала, что я еврей.

Екатерина Ивановна часто болела, и я ухаживал за ней. Она стала мне второй приемной мамой. Но недолго радовался я своему счастью. 26 ноября 1943 г. Екатерина Ивановна Кулешевская умерла. Я остался в доме один, и только соседи Беляевы помогали мне...

В д. Красная Слобода я прожил до 26 июня 1944 г., когда нас освободила Советская Армия.

Рубинштейн Л. Три подвига. Рассказ о белорусских женщинах, которые в войну спасли еврейского мальчика // Авив. Март, 2009. С. 7.

КРАПІНА (ЛЕВІНА) Майя Ісакаўна

1935, г. Мінск

Памятаецца толькі, што мы жылі вялікай сям'ёй: дзядуля, бабуля, бацькі – Ісак і Сіма Левіны, а таксама нас пяцера дзяцей: Іосіф, старэйшы брат (1929), Валянціна (1932), маленькія Сара (1938) і Люба (народжана толькі зімой 1941).

Не верылі, што здарыцца штосьці падобнае. Не верыцца. Нас перасялілі ў гэта летам 1941 г. Крыху пазней, 7–8 лістапада 1941 г. падчас першага пагрома ўжо хаваемся ў «маліне». Маці з маленькім дзіцём і нас чацвёрэ. Але акрамя нашай сям'і тут на паратунак сабралася шмат, паварушыцца і то цяжка. Менавіта ў гэты час заплакала маленькая сястрычка Любачка. Гэтым магла ўсіх выдаць, так як паліцыя тут побач, недалёка. Ей корку хлеба ў рот, вось яна і задыхнулася... Яе пахавалі на яўрэйскіх могілках, каля самых варот. Гэта я памятаю. Далей страты памнажаюцца: бацька, дзядуля, памерла, не вынесшы стратаў, бабуля.

У 1943 г., калі адбыўся замах на генеральнага камісара Кубе, падчас масавай акцыі карнікі схапілі маці. Узяць мяне з сабой ёй не дазволілі, а толькі малодшую Сарачку. Праз некалькі дзён маці павесілі на Юбілейнай плошчы з надпісам на шыльдзе «За сувязь з партызанамі». Тады шмат хто загінуў. Мы з братам падыходзілі да маці, але нам не дазвалялі яе зняць. Я нават не ведаю, куды яе потым адвезлі. Я не ведаю да сённяшняга моманту, куды падзявалася мая сястрычка. Разуваю толькі, што ў такіх абставінах практычна жывым ніхто не заставаўся. Якое гора!

Кастрычнік 1943 г. Заставаліся апошнія дні існавання Мінскага гета. Лёс застаўшыхся быў вырашаны. Мой вырашыў родны брат, які цэлую групу дзяцей вывеў з гета да партызан. У тым ліку была і я. Там нас прытулілі да сябе мясцовыя жыхары вёскі Парэчча. Настасся Хурс стала маёй другой маці. Разам з ёй у партызанскай зоне мы перажылі яшчэ не раз блакады, холад і голад. Тым часам брата Іосіфа акупанты схапілі і вывезлі ў канцэнтрацыйны лагер у Германію. Сястру Валянціну пад выглядам беларускі знаёмыя ўладкавалі ў дзіцячы дом. Я ж папала туды пасля вайны. Але выжылі. Часта думаю, чаму? Можна таму, што на свеце ёсць добрыя людзі. Можна яшчэ і таму, як мяркую, толькі дабрыня ўратае свет.

14 верасня 2000 г. у в. Парэчча Пухавіцкага раёна Мінскай вобласці збудаваны першы ў Беларусі помнік Праведнікам.

Моя жизнь и судьба тесно переплелась с историей моей семьи, где вечная радость сменилась вечной печалью. Гибель мамы в Минском гетто, трагедия моих родных и близких стали вечной скорбью.

Мінск, 2007.

Запісаў Кузьма Козак.

См.: Праведники народов мира Беларуси. Мн., 2004. С. 36.

МАРГОЛИНА Сіма

Помню, стоял удивительно теплый весенний день. После дождя яркое солнце растопило и согрело лужи, журчали ручьи. Это ласковое тепло чувствовалось сквозь прохудившиеся ботинки, заполненные просочившейся водой. Я брела по привычному маршруту, направляясь в сторону Суражского рынка. Здесь меня и заметила деревенская женщина. Она приехала в город

из деревни, что под Раковым, раздобыть немного соли. Но об этом я узнала позднее. А тогда она незаметно подошла ко мне и шепотом сказала:

– Дзяўчынка, ідзі за мной, не адварочвайся і не спыняйся. Я бачу, ты – яўрэчка.

Видно было, как она волновалась. И мы прошли с ней метров сто, туда, где, в стороне от рынка, стояла ее подвода. Там было безопасное, безлюдное место. Прикрыв меня собою так, чтобы я не привлекала внимание редких прохожих, она продолжала:

– Паедзеш са мной, дзетка. Я цябе выратую. Але, запомні, нікому аб тым, што ты яўрэчка. Нават майму мужыку Кузьме нічога не кажы. Ён можа, калі вып'е, па п'янцы можа прагаварыцца. Нікому нічога не раскажвай, сама забудзь, хто ты. Людзі ўсялякія ёсць. Ты на яўрэчку не падобна – вочы ў цябе блакітныя, я цябе выратую.

Во всем ее облике, в умении участливо слушать было нечто непередаваемое, материнское, вызывающее абсолютное доверие. Я готова была пойти за ней на край света. Я все рассказала о себе, сказала, что с радостью поеду с ней, только мне надо о своем решении сообщить дяде в гетто.

Мы условились встретиться через час на том же месте. В течение этого часа мне посчастливилось повстречать знакомого мальчишку из гетто, который так же, как и я, бродил по городу в тщетных поисках возможности вырваться на волю. Он пообещал передать дяде о моем решении. Это облегчило мою задачу: мне не надо было пробираться в гетто с риском для жизни. Как я узнала впоследствии, он выполнил мою просьбу.

В назначенное время я пришла на место встречи. Тетка Стефания (так ее звали) уже ждала меня, мы сели в повозку и поехали. Благополучно выехали из города и по Раковскому шоссе направились к хутору, расположенному в восьми километрах от Ракова. Там жили мои хозяева.

Стояли последние дни апреля. Уже всю зеленели поля, цвели сады, пахло согретой солнцем землей. Свернув с шоссе на проселочную дорогу, мы окунулись в объятия по-весеннему нарядного леса, простиравшегося по обе стороны дороги. Особенно красивы были березы. Их ярко-зеленый убор дрожал и блеснул на солнце. В природе все было разумно и гармонично. Странным казалось, что, соседствуя со смертью и горем, она не соучаствует в этом великом страдании. «Не может быть, – подумала я, – чтобы эти нежные хрупкие березки не чувствовали того же, что испытывала я».

– Трэба прыдумаць байку, дзе і адкуль я цябе ўзяла, хто твае бацькі, а пра гэта і пра ўсе, што з табою здарылася, нікому нічога не кажы. Ты скажаш, што твае бацькі загінулі ў бамбёжку ў Мінску, ты засталася адна і жыла ў чужых людзей. А завуць цябе Зося, ці Соня, як хочаш сама.

Такую она сочинила версию моей судьбы, в которую я должна была вжиться и поверить. Обо всем этом мы в дороге и договорились.

Она привезла меня на хутор, в свой большой, можно сказать, новый, еще пахнувший смолой и свежей сосной дом. Он состоял из трех светлых комнат и кухни с отдельным входом. Познакомила со своим мужем, дядькой Кузьмой. Детей у них не было. Меня сытно и вкусно покормили. Напряжение и тревога оставили меня. Я расслабилась и уснула тут же за столом, не дойдя до постели.

Меня разбудили рано утром. Стояла весенняя страда, мои хозяева на рассвете отправлялись в поле, а мне поручили работу по дому: истопить печь,

поставить на день обед, убратся. Я старалась угодить моим хозяевам. У меня не все получалось так хорошо, как хотелось бы, но они терпеливо учили меня, и мне казалось, были мною довольны. Где-то к обеду, закончив свои домашние дела, я ждала возвращения с поля тетки Стефании. Время ожидания тянулось долго, картины пережитого всплывали перед глазами, возвращали меня в гетто, тяжелые воспоминания не давали покоя.

К вечеру с поля возвращались мои хозяева. Доброта и внимание тетки Стефании вселяли надежду, что все образуется: мир не без добрых людей, кругом так много доброго и светлого, ради чего стоит жить. Но на следующий день начиналось все сначала, хозяева отправлялись в поле, я оставалась одна. Я жаждала общения, людей, друзей. Меня пугало одиночество, преследовали страшные картины пережитого.

Так прошел примерно месяц. Я никак не могла отойти, изжить страх, распрямиться, напоминала запуганного, забившегося в угол зверька. Тетка Стефа видела все это, понимала меня и, как могла, выхаживала и отогревала.

– Ты падобна на запужанае птушаня з перабітымі крыламі, апраўляй крылы, выходзь на волю, ты ж такая ж, як і ўсе, запомні гэта, ты такая ж, як і ўсе, – учила она меня, билась о мою замкнутость и отчужденность, как рыба об лед. Я поняла, что обязана выйти из своего внутреннего заточения только для того, чтобы тетка Стефания одержала надо мной победу. Тем самым я отблагодарю ее за все то, что она делает для меня.

Я старалась забыть пережитое, не вспоминать о нем, мечтала о том времени, когда наконец закончится война. Но каким оно будет, это послевоенное время, я не представляла.

– Вот сёння, дзетка, ты зусім другая, прыгожая, вясёлая, такой будзь. Радуйся, радуйся ўсяму – сонцу, кветачкам, ты живеш, ты жывая і дзякуй Богу, – подбадривала она меня. Время брало свое и возвращало к жизни.

Наш хутор стоял довольно далеко от дороги, а ближайšie деревни отстояли от него почти на 5–7 километров. Кругом ни души, только отдаленные выстрелы, отчетливо слышимые в ночи, возвращали в реальность, напоминали о страшной войне.

Однако вскоре этот относительный мир и покой были нарушены. В расположенный вблизи от хутора амбар привезли беженцев из Орловской области – женщин, детей, стариков. Были среди них и подростки, мои ровесники. Их привезли в крытых грузовиках, кого в чем, полураздетых и разутых. Полицаи и эсэсовцы выбросили людей из машин, как скот, оставили и уехали.

– До особого распоряжения, – как объявил полицейский.

Каким и когда будет это распоряжение, никто не знал. Поговаривали, что трудоспособных отправят в Германию, а остальных... Допускались страшные домыслы.

Я сразу подружилась с беженцами, нашла среди них настоящих друзей и подружек, искреннее сочувствие старших к моей судьбе. Старалась как можно скорее сделать положенную мне работу по дому и уходила к ним. Мы вспоминали довоенное детство (оно казалось нам безмятежным и счастливым), мечтали о том времени, когда закончится война и мы снова сумеем вернуться в тот, казавшийся нам теперь идеальным, навсегда ушедший довоенный мир.

Крестьяне из окрестных деревень тоже вскоре прослышали про беженцев. Помогали им кто харчами, кто одеждой. Василию Жуковскому из ближайшей

деревни Яцевщина подсказали, что среди них он найдет на лето няньку для своих малолетних детей. С этой целью и пришел на хутор. Я, как всегда, в послеобеденное время была среди своих новых подружек. Выбор пал на меня. Приняв меня за беженку, он спросил:

– Ты б хацела няньчыць маленькіх дзетак? У мяне іх двое: Коля – тры гады і Верачка – паўтара гадочкі. Будзеш жыць з намі, есці тое, што мы ядзім, апранацца ў тое, у што мы апранаемся. Што будзе з намі, тое і з табою. У абіду цябе не дадзім.

Мне так захотелось пойти с этим крестьянином в его деревню, познакомиться с его деток, помочь по хозяйству... Так одиноко и тоскливо проходили мои дни на хуторе. Но я сказала дядьке Василю, что согласна пойти к нему в няньки только с разрешения моих хозяев. Я не могла обидеть тетку Стефанию, и если она не позволит, я от нее никуда не уйду. Заручившись моим согласием, дядька Василь решил ждать.

– Мне спадабалася ваша дзяўчынка, можа б, вы яе адпусцілі на месяцы два–тры да мяне ў нянькі, а на зіму яна назад вернецца да вас? – деликатно спросил он, когда мои хозяева вернулись.

Тетка Стефа отозвала меня в сторону и шепотом сказала:

– Я думаю, што табе трэба ісці да яго. Бачу я, ён чалавек спакойны, харошы. Вёска, людзі. Сярод людзей лягчэй схавацца, выжыць. І гора тваё памаленьку забудзецца ў працы, што ты тут адна цэлымі днямі. Толькі, глядзі, нікому не кажы, хто ты есць на самой справе, людзі ўсялякія ёсць, не спадабаецца, вернешся назад да мяне. Я цябе заўсёды прыму.

Мы тепло расстались. Я направлялась к своим новым хозяевам, навстречу новой жизни, новой судьбе. Что она мне готовит? Шли мы не спеша, пришли в деревню в сумерки.

Дядька Василь и тетка Анця

– А вось і хата мая, прашу пані!, – указал дядька Василь на крытую соломой убогую хатку с маленькими слепыми окошками. Хата была на две половины, разделенные сенями. В передней, или парадной, жили бабка Марчиха, мать моего хозяина, со своим взрослым неженатым сыном Иваном, в задней – дядька Василь с семьей.

– А вось і мая жонка Анця, знаёмцеся, – сказал дядька Василь.

Мне навстречу шла красивая молодая женщина и приветливо улыбалась. На руках она держала полуторогодовалую девочку, светловолосую, кудрявую, с голубыми глазками, похожую на ромашку, а трехлетний Коля держался за ее широкую домотканую юбку.

– Гэта нашы дзеткі, Верачка і Коля, а гэта нашы цыпляткі (тут же вокруг тетки Анци на земляном полу рябая квочка водила семейство свежывулупившихся, как маленькие солнышки, цыплят). Завуць мяне Анця. Я думаю, мы з табой пасябруем. Ты, відаць, гарадская будзеш, сялянскую працу мала ведаеш. Але захочаш навучыцца, мы цябе навучым. А пакуль што ў цябе будзе адна работа – глядзець дзетак. Яны ў мяне добрыя, ласкавыя, мяркую, што ты з імі саўладаеш.

Меня поразила убогость жилища моих новых хозяев. Земляной пол, столкозлы, покрытый домотканой скатертью сурового полотна. В переднем углу (на куце) икона, увитая вышитым рушником. Простая, плохо отесанная деревянная кровать (ложак), аккуратно застеленная крестьянской постилкой.

Над кроватью – подвешенная за балку – люлька-калыска. Весь этот более чем скромный интерьер подавляла грубо сработанная, занимавшая полхаты русская печь с подпечником, где мирно, деловито квохтали куры. «А ні міскі, а ні лыжкі», – как поется в народной песне.

Но здесь, в этой бедной деревенской хате, в кругу моих новых хозяев и их застенчивых деток, я наконец почувствовала себя в полной безопасности, как у себя дома, спокойной и уверенной, надежно защищенной от всего страшного и жестокого, что было за ее стенами.

Теперь мне предстояло самое главное – расположить к себе детей.

– Ідзі, ідзі да мяне, Верачка, – ласково позвала я. Но Верочка отвернулась, обняла маму крепко за шею и горько заплакала. Я расстроилась. Подумала, а вдруг я их не приручу?

Маленький Коля сразу потянулся ко мне, повел во двор знакомить со своими друзьями – кошкой и собакой. И что было наивысшим проявлением доверия, в первую же ночь разбудил меня.

– Шоня, – произнес он, по-детски шепелявя, – я пісяць хачу.

Я спросонья стала искать посудину, куда можно высадить ребенка. Ничего не обнаружив, разбудила хозяйку.

– А ты чыгунчык вазьмі, у якім бульбу варым. Гэта ж дзіця, яно чыстае. Заўтра вымоем, пашаруем, і ўсе будзе ў парадку. Гэта нічога.

Я так и сделала.

Мне постелили на широкой лаве у стола, да так, чтобы изголовье было под образами. Я тут же уснула как убитая. Но ночью, уж не знаю, по какой причине, поменяла позицию и по невежеству улеглась ногами к иконе.

Рано утром пришла со мной знакомиться бабка Марчиха. Увидев это, пришла в негодование.

– Скажы мне, дзецю, ты хрышчоная? Ты малітвы ведаеш? Дванаццаць пацераў знаеш? Твае бацькі ў Бога верылі? Толькі з Богам трэба жыць і пад Богам. Ідзе такая страшэнная вайна. Будзеш верыць у Бога, ён цябе абароніць. Анця, – обратилась она к моей хозяйке, – трэба дзяўчыну ахрысціць. Я нехрысця трымаць у хаце не буду. У наступную нядзелю вязі ў царкву ў Ракаў да бацюшкі і ахрысці, інакш гора будзе.

Странное чувство овладело мною. Мои родители не были верующими. Я часто слышала, как отец говорил, что он верит в Бога, но в того, который живет в его сердце и называется совестью. Религиозность моих бабушки и дедушки вызывала у меня добрую иронию. О каком Боге и о какой вере могла идти речь в довоенной советской школе. Мы верили совсем другим богам – Ленину и Сталину.

Я ничего не ответила бабке Марчихе и за повседневными делами забыла об этом разговоре. Но наступило воскресенье, и тетка Анця, разбудив меня рано утром, напомнила:

– Паедзем, дзецю, у царкву. Бабка ад сваіх слоў не адступіцца. Яе слова – для нас закон. Яна праўду кажа: хрышчонага Бог беражэ.

Выехали мы рано. В церковь попали к заутрене. Я робко следовала за теткой Анцей. Впервые в жизни шла в церковь. Мною овладел необъяснимый страх и трепет. Тетка Анця непрестанно крестилась.

– Стой тут, збоку, пакуль ты нехрышчоная. Зараз малітва скончыцца, я падыду да бацюшкі, з ім перагавару, а потым цябе пазаву.

Лавируя между молящимися, она исчезла, я потеряла ее из виду. Но вскоре она вернулась и отвела меня к бабушке.

– З Богом, – сказала она, прикрыв за собой дверь.

Священник участливо расспросил меня, кто мои родители, как я оказалась в этой деревне. Я в очередной раз изложила версию, придуманную теткой Стефанией.

Бабушка совершил обряд крещения, затем сказал:

– Я все вижу и понимаю, дитя мое. Молись Богу, и Бог тебя не покинет.

По тому, как священник со мной говорил, с каким участием и сочувствием слушал меня, смотрел на меня, я поняла, что он признал во мне еврейку. Но в нем жили Бог и доброта, и поэтому он спас меня. Это был очередной спаситель. Сколько их уже было на моем пути! Он подарил мне небольшой молитвенник и сказал:

– Здесь собраны все основные молитвы. Выучи их наизусть и произноси каждый раз, как того требуют религиозные обряды.

Домой мы вернулись к обеду. Бабушка Марчиха и дети радостно встречали нас. А молитвенник стал предметом особой зависти моих новых подружек и друзей. Вскоре я все молитвы выучила наизусть, особенно не вникая в их смысл, который был мне непонятен и неясен. Попытки выяснить это у старших, даже у бабушки Марчихи, оказались безуспешными. Совсем недавно, путешествуя по Белоруссии, я узнала, что Раковская церковь является памятником архитектуры XVIII века, основана в 1793 г. В ней бывали Элиза Ожешко, участники восстания 1861–1863 годов. Значит, не случайны там гуманистические традиции.

Наша деревня, что в семи километрах от Ракова, стояла в стороне от военных дорог. Было чувство, что этот уголок земли забыт Богом и людьми. Но это было только внешнее, кажущееся спокойствие. Война жила в каждом из нас. Мы дышали ею. Отдаленные и близкие раскаты пулеметных и оружейных очередей, зарева горящих то там, то тут хуторов и деревень, видневшиеся в ночи, держали всех в страхе и тревоге. Каждый день приносил новые печальные известия. Мы знали, что в деревне неподалеку от Воложина жителей за связь с партизанами загнали в сарай и сожгли. Знали, что у ближайшей деревни был бой с партизанами и каратели расстреляли ее жителей, не пощадили стариков, женщин, малолетних детей. Но приходили и хорошие вести: о победе нашей армии под Сталинградом, об успешном продвижении наших войск на запад. Однако до победы, до избавления было далеко.

Стоял конец августа 43-го. Страда в разгаре. В такое время в деревне поднимаются рано, еще до рассвета. И вдруг разнесся слух: каратели разъезжают по деревням, творят разбой и грабеж. Не исключено, что и нам не миновать этой участи. Жители нашей деревни, увозя с собой скот, стали уходить в ближайший лес. Ушли и мои хозяева с детьми, увели корову и лошадь. Решено было, что я приду в условленное место немного позднее: в печи допекался хлеб. Я должна была его достать и принести с собой. Но я не успела этого сделать. Во двор, как смерч, ворвались каратели с автоматами наперевес, с гиканьем и криком бросились к хлеву, выволокли овцу, тут же во дворе ее прирезали выхваченной из ножен саблей и бросили во въехавшую вслед за ними повозку. В повозке сидело двое полицаев. Снова смертью дохнуло в лицо.

– Пахаваліся, блядзі, так бы Жукоўскаму не здабраваць, – выругался один из них. (Дядька Василь в 39-м, когда западные области присоединили

к Белоруссии, был избран председателем сельсовета – для оккупантов он был человеком ненадежным.)

Я вросла в стену между окнами, спряталась за оконную занавеску и, боясь шелухнуться, наблюдала за этим шабашем. В хату они, слава Богу, не вошли. Залив двор кровью убитой овцы, убрались восвояси.

Выждав около получаса, я вышла во двор. Кругом мертвая тишина, ни звука. Вернулась в хату, вынула из печи хлеб, связала в скатерку и направилась в лес, в условленное место, где меня ждали мои хозяева. Как они обрадовались мне!

– Дзякуй Богу, Анця, прыйшла. Мы думалі, цябе забілі! Так доўга цябе не было. Дзякуй Богу, дзякуй Богу, – причитала тетка.

И снова в нашей хранимой Богом деревеньке воцарилась тишина. Правда, где-то через неделю после налета карателей по дороге, ведущей в деревню, случайно встретились конные войска двух польских армий: Крайовой и Народовой. Командиры обменялись какой-то информацией и мирно разъехались. Так рассказывали сельчане-очевидцы.

Я тем временем, надо сказать, с трудом обучалась нелегкому сельскому труду. Научилась жать серпом, доить коров, ездить верхом на лошади, рвать лен, мять его и сушить, пасти стадо.

От рождения левше, мне особенно трудно было научиться жать правой, так как полукружье серпа повернуто влево: я вырывала колосья и стебли вместе с корнями. Мне было стыдно за неуклюжесть, неумелость перед моими хозяевами и подружками.

– Не дзеўка, а глума, – шутливо говорила тетка Анця. Я с доброй завистью глядела на подружек, как они красиво и ловко жали и вязали снопы. Я решила, что должна научиться быстро, красиво жать, овладеть этим искусством во что бы то ни стало. И придумала: ночью, когда мои хозяева после тяжелого трудового дня крепко спали, брала серп и бесшумно ускользала из дому. Приходила в поле и до изнеможения жала, жала, жала... Навык постепенно закрепился, и к концу лета я стала ловкой жницей, виртуозным мастером своего дела. Соседи, как правило, приглашали меня на дожинки, веселый сельский праздник по поводу окончания жатвы, вязания последнего снопа.

Трудно я училась и доить коров. Сельские жители не могут представить, чтобы подросток в 14–15 лет не умел этого делать. Когда мои хозяева, собравшись на несколько дней в соседнюю деревню на крестины, спросили меня: «Корову доить умеешь?», я, и глазом не моргнув, солгала: «Умею». Мне было стыдно сознаться, что я и этого не умею. Наблюдая, как ловко управляется с коровой хозяйка, я думала, что это так просто, никакого искусства здесь нет, тyani за соски, да и все.

Хозяева уехали днем, а вечером, пригнав с поля корову, я взяла подойник и принялась за дойку. Поначалу буренка стояла терпеливо, а затем стала хлестать меня хвостом. Вконец разозлившись, она стала бить копытами, норовя угодить в подойник и в меня. А молоко все не шло. У меня с непривычки млели руки, разболелась спина. Выдоив с трудом, быть может, с пол-литра, вся исхлестанная и измазанная коровьим навозом, не солоно хлебавши, вернулась в хату, умылась и легла спать. Спала я тревожно. На рассвете с подойником снова направилась в хлев. Буренка встретила меня недружелюбно, яростно мычала, била копытами. Вымя за ночь разбухло от прибывшего молока, готово было лопнуть. На этот раз я выдоила уже значительно больше, но все равно не полностью, и погнала корову

в поле. Пригнала ее днем с пастбища, снова приступила к дойке. На этот раз молоко пошло. Моей радости не было конца – я научилась доить коров. Молоко шло легко и свободно, звонко ударяясь о стенки подоюника, и не было ничего прекраснее этой мелодии звучащего молока. У меня немели руки, но преодолевая усталость – я доила, а буренка терпеливо и покорно стояла, жевала свою жвачку... Со временем наша буренка стала предпочитать меня хозяйке и встречала радостным мычанием. Я становилась умелой дояркой, могла выдоить самую «брыкастую» и «наравютую» корову, как говорила тетка Анця. Мне нравился крестьянский труд. Я любила пасти скот, повелевать стадом. Пасли обычно в толоку, по двое, и нам выпадал черед раз в неделю. Я особенно радовалась, когда моим напарником был Степка Григорович, мой ровесник, впоследствии настоящий друг. Это он обучил меня незамысловатому, на первый взгляд, искусству удерживать в поле зрениа стадо из двух десятков коров и, как правило, сопровождавшую его отару овец, держать их в повиновении, водить вовремя на водопой, не растерять, укротить норовистых, привести на дневную дойку в деревню, выгнать назад в поле и, что особенно важно, избежать потравы. Набегавшись за стадом, я возвращалась домой смертельно уставшая, но зато гордая, счастливая, уверенная в себе. Валилась в постель и засыпала как убитая.

Я научилась верховой езде. Особую радость доставляли поездки в ночное. Любила ходить за криничной водой. Обычно шли гурьбой под вечер. Воду несли на коромысле. Шли полем, меж колосящейся ржи и ячменя. Пахло медом, и еще какие-то непередаваемые запахи были разлиты в воздухе. Я говорила подругам: «Дзяўчаты, пахне мірам, як быццам няма і ніколі не было вайны».

Криничка служила мне зеркалом, так как зеркала дома не было. Я смотрелась в водную гладь и видела себя повзрослевшей, порой совсем взрослой, непохожей на ту, беспечную, наивную, девочку, которая отражалась в скромном настенном зеркале моего довоенного дома.

Верочка и Коля привязались ко мне, а я в благодарность искренне полюбила их. Непривередливые в еде, полураздетые до глубокой осени, босые, с цыпками на ногах, они постоянно играли в призбе – в песке у дома. Казалось, они меня не замечают. Но стоило отлучиться – догоняли, цеплялись за юбку и следовали за мной. Я должна была постоянно быть в их поле зрениа. Меня могла заменить им только мама. Даже к родничку за водой они увязывались за мной и терпеливо топали своими босыми ножками, преодолевая почти двухкилометровое расстояние.

Незаметно подкралась осень, грустная деревенская пора. Наступали холода, все прятались по домам. По утрам дружно дымились трубы печей. Дни становились короткими, по вечерам жгли сосновую лучину, освещая ею избу. Торопились до заморозков убрать поля, приодеться и обуться к зиме. Ткали на кроснах и шили одежду. Была осень 43-го. Мы знали и чувствовали, что наступил перелом в войне, и изо дня в день ждали освобождения, прихода наших. Сельчане кучковались в группы и взволнованно обсуждали дела на фронтах, действия партизан. Я, окруженная вниманием моих хозяев, их теплом, вросла в эту семью, в крестьянский быт и за повседневными, нелегкими крестьянскими заботами и трудом забывала о том, что было пережито, старалась не думать о дальнейшем. Когда моего хозяина спрашивали: «Што будзеш з Соняй рабіць? Скончыцца вайна, вучыць будзеш ці так і будзе ў цябе нянькай?». Дядька Василь отвечал:

– Што будзе з намі, тое будзе і з ёю. Яна нам як дачка. Скончыцца вайна, пойдзе вучыцца. Як сама сабе захоча. Але пакуль вайна не скончылася, мы яе нікуды не пусцім. Куды ісці ў вайну, галоднай, халоднай. Што з намі, тое і з ёю. Куды я яе, сірагу, пушчу. Такая вайна, такая вайна.

До позdney осени, до глубоких заморозков скот выгоняли в поле. Осенью стадо спокойнее, чем летом, подгоняемое холодом, дружно щиплет озимь. Одета в поддевку из грубого крестьянского сукна, подпоясанная веревкой, с кнутовищем в руках, набегавшись за стадом, я любила приходить на опушку леса, где облюбовала укромный уголок. Там росла одинокая березка. Чтобы дать ей простор для роста, кто-то спилил целое березовое семейство, росшее вокруг нее. Так и тянулась она одна кверху в окружении немых и мертвых березовых пней. Я садилась на пенек рядом с березкой-сиротой и наблюдала, как роняла она свой золотой наряд. Кланаясь всем ветрам, одинокая, никем не защищенная, то гнулась она, то гордо выпрямлялась, полная внутренней силы и достоинства. Я подолгу молча беседовала с ней. Мне казалось, что она слышит меня, чувствует мое сердце, отвечает мне и понимает, что у нас с ней родственные судьбы.

Я загадала: если весной хотя бы один пенек даст зеленые побеги, значит, мой отец жив и я обязательно найду его.

Что с ним, жив ли он? Мое полное неведение питало самые невообразимые фантазии. Он не погиб. Не может же быть судьба так немилосердна ко мне. Он, безусловно, бежал, жив, где-то в партизанах. Закончится война, и мы обязательно найдем друг друга.

Осень незаметно перешла в зиму. Зима 1943–1944 годов была суровая. Помню, как я мерзла, плохо одетая, когда выходила из натопленной избы, чтобы задать скоту корм или принести воды. Кожушок у нас был один на двоих с теткой Анцей, и обуться было не во что. Дядька Василь сплел из лыка лапти. Однако наворачивать онучи так, чтобы не натирало ноги (каб не муліла, – как говорила тетка Анця), я не умела. И дядька Василь каждое утро мне помогал обуться. Зато бегать в лаптях по сухому, морозному снегу было легко и удобно. Вскоре наступили Коляды, веселый зимний праздник. Помню, как обряженные в причудливые одежды, мы с подружками ходили колядовать, как справляли три кутьи: бедную, среднюю и богатую.

Прошел январь 44-го, в феврале изо дня в день ждали окончания войны, прихода Советов, как тогда говорили в деревне. Как-то ночью настойчиво постучали в дверь. Дядька Василь в исподнем выглянул в окно и шепнул тетке Анце:

– Пайду адчыняць, гэта, мусіць, партызаны.

В избу вошло трое вооруженных мужчин, одетых в случайные гражданские одежды. Старший из них, выяснив, что в доме нет посторонних, представился, сказал, что они партизаны, находятся при исполнении хозяйственной операции, что в отряде есть женщины и дети, их надо кормить. Они были бы очень обязаны хозяину, если бы он отдал им корову. Дядька Василь взмолился:

– Браточки, вы ж нас загубіце, трое дзяцей, адна старэйшая (он показал на меня) і двое маленькіх. Гэта ж наша карміліца, кароўка. Я вам лепш добрую авечку аддам. Не бярыце кароўку. Ідзі, Соня, выберы ім авечку, а кароўка хутка апеліцца, прыедзецце, я вам цяля аддам, а кароўку не бярыце.

– У вясну ўжо, браток, вайна скончыцца, прыйдучь нашы. Вы што, не ведаеце, што фронт ужо блізка? Прыйдучь Саветы, тады такім куркулям, як ты, не паздаровіцца, – ответил старший партизан, но все-таки согласился на овцу.

Я вышла с ними в сени. Сердце у меня колотилось от радости, наконец, партизаны в нашем доме. Как мучительно мы искали к ним путь в гетто. Я прошу, чтобы они взяли меня с собой. Я смогу быть полезной. А как на это посмотрят мои хозяева, не будет ли это предательством по отношению к ним? Решение надо было принимать мгновенно, и я решилась:

– Возьмите меня с собой. Я смогу вам пригодиться. Я из Минска, беженка, родители погибли в бомбежку, – твердила я заученную версию.

– Это уже в следующий раз. Мы теперь выполняем хозяйственную операцию. Если бы парня, мы бы сразу взяли. Готовься, в следующий раз заберем...

Я вышла с ними во двор, вывела из хлева овцу. Погрузив ее на повозку, они сразу уехали. Я долго глядела им вслед, пока они не исчезли из моего поля зрения. В растерянности вернулась в хату. Зима прошла в ожидании, но я так и не дождалась своих партизан.

Незаметно пришла весна 44-го. Это была весна ожиданий и надежд. Фронт стремительно приближался. «Скоро придут Советы», – говорили на селе.

Как только пробилась первая весенняя травка, стали выгонять стадо в поле. Готовились к посевной и к Пасхе. Дядька Василь выгнал самогонку. Я помню, как он поручил мне дежурить у самогонного аппарата, научил отличать «першак» от последующих фракций. Ни разу я не видела своего хозяина пьяным или выпившим. Гнали самогон для ритуала и к предстоящим религиозным праздникам.

– На Пасху, – сказала тетка Анця, – вазьму цябе з сабой у цэркаў. Там будзе хораша, крэсны ход. Пасвенцім яйкі, куліч.

Пасху в деревне празднуют удивительно красиво. Все нарядные, в своих лучших одеждах, и взрослые, и дети угощают друг друга, христосуются. Но праздники проходят быстро, наступают будни.

Я по-прежнему пасла коров, помогала в поле, дома по хозяйству, смотрела за детьми. За заботами забыла о своей березке. Вспомнив, помчалась на заветное место. Что я увидела: пенек, на котором я любила сидеть, дал несколько зеленых побегов. Шли они от корней, прямо с земли и принадлежали этому пенечку. Значит, он ожил, он жив, и земные соки питают его. Это означало, что жив мой отец. Получилось так, как я загадала. Я была счастлива: найдем друг друга и обязательно встретимся.

Марголина С.М. Остаться жить. С. 35–47.

НОВОДВОРСКИЙ Михаил

Когда началась война, Михаил Новодворский был маленьким ребенком. Вместе с мамой и другими родственниками он попал в Минское гетто.

Миша чудом уцелел во время первого большого погрома 7 ноября 1941 г. В этот день погибла его мать.

Во время последующих погромов погибли сестра, брат...

В октябре 1943 г. Миша Новодворский с друзьями решил уйти из Минска. Они двинулись по Могилевскому шоссе.

Около деревни Узляны они увидели партизан.

Партизаны обогрели, накормили ребят, а утром отправили в деревню Поречье. Там оказалось еще около 40 ребят из Минского гетто. Их расселили по домам, и местные крестьяне приняли детей в свои семьи.

Миша оказался в семье Кристины и Емельяна Хурс. Они приняли мальчика, как родного, заботились о нем так же, как и о своих детях: Марии и старшем сыне Василии, которому тогда уже было около 16 лет.

Чувствуя свое неизбежное отступление, немцы решили уничтожить партизанскую зону. Они ворвались в партизанские деревни. Мирных жителей расстреливали, угоняли в Германию. Крестьяне и дети, которых они прятали, ушли в леса, на болота.

Миша Новодворский жил в деревне Поречье до освобождения Минска.

Праведники народов мира Беларуси. Мн., 2004. С. 37.

РАДАШКОВСКАЯ Майя

7.05.1934, г. Минск

Перед войной я находилась в пионерском лагере Колодищи, что недалеко от Минска. Отдыхали в первой смене вместе с сестрой Цилей (Горелик). В дальнейшем все происходило очень быстро. Так, нас не успели забрать даже родители, но и никто не пробовал вывезти. Для успокоения и недопущения паники им говорили, что детей уже вывезли. Все это происходило в сумятице, тревоге, неизвестности. Когда же немцы были на подступах к Минску, то для выяснения полной ситуации нас, 150 подростков, которым было по 7–14 лет, отправили в ближайший лес. С нами из лагерного руководства оставалась доктор Гальперина. Она нас не оставляла ни на минуту. Вскоре после ее команды мы пошли вместе с другими беженцами на восток.

Нам было тяжело идти, и мы быстро устали. По пути нашли небольшое пристанище в раскуроченной после бомбардировки какой-то конторе. Идем дальше. Недалеко от Смолевич я впервые увидела немецкие самолеты на бреющем полете. Они стреляли по беженцам. Мы же бежали в лес. Я накрывалась своим зеленым пальтишком, думая, что меня не увидят. В это время мы видим первых убитых. Это пугало нас. На станции Смолевичи нас пытаются отправить транспортом, но военные передали, что впереди уже немцы. Пришлось временно остановиться в одном из пустующих домов. Хотя на нем был замок, а есть хотелось, то мы использовали то, что росло в огороде вокруг этого дома. Нам позволили это соседи. На протяжении 3 дней совершенно овшивили. Чувствовали себя ужасно.

Появились немцы. В военной форме и касках. Наш доктор им сказала, что мы из детского сиротского дома, поэтому нам дали разрешение продолжить движение в сторону Минска. Вышли мы туда со стороны автозавода и добрались до улицы Энгельса. Это произошло уже в начале июля 1941 г. Город опустевший, и мы после предъявления пропуска военным достигаем улицы Торговой. Там, во дворе дома доктора Гальперович мы временно останавливаемся во дворе. С нами пионервожатый, который помогает нам в простейшем обустройстве. Решено на следующий день начать поиск родителей. Пошли к своим домам, но я с сестрой и еще четверо, не найдя своих домов и родителей, вернулись назад.

В это время у нашего доктора Гальпериной забрали мужа-еврея на ул. Широкою. Чтобы выкупить его, пришлось передать деньги. После решения о создании гетто и перемещения всех евреев нам сказали пройти регистрацию.

Доктор была уверена, что немцы как в годы Первой мировой войны были не тронули евреев, так будет и сейчас. Для этого к месту действовавшего первоначально на улице Мясникова юденрата мы пришли. Там же нам сказали, что места для проживания практически нет и заселить нас с сестрой нет возможности. Блуждая по городу, мы встретили одного из наших знакомых – водопроводчика, который занимал по Слободской комнату. В ней тоже находилось 4 семьи. Практически такая теснота была, что на каждого приходилось 1–2 метра. Вот и вся их жилая территория. Он рассказал, что мама успела эвакуироваться. Рассказал, как до прихода немцев можно было взять оставленное без присмотра. Вот у него таким образом были созданы запасы патоки. Нам дали дрожжи, немного рыбьего жира. И вот снова нам пришлось идти в гетто. Есть очень хотелось, и мы начали с помощью двух кирпичей сооружать что-то вроде печки. Короче, начали готовить. Отрезали кусочек дрожжей, добавили масла. Однако масло и дрожжи расплавились, и кроме запаха есть было нечего. Пришлось ждать, чтобы они снова затвердели. Так как в комнате проживало 4 семьи: дедushка, бабушка, женщина с детьми, то места для нас не было. Спать пришлось на полу. Детское зеленое платье и резиновый батик очень выручали меня.

Чтобы выжить, ходили просить. Вот 7 ноября были на Витебской улице. Получили чая. Под вечер вошли в район Немиги, хлебозавода, Обойной. Там погром. Забежали в кирпичный дом и залезли на чердак. Там матрас со сломанными пружинами. Вот улеглась между сломанных пружин. Зашли двое с шомполами. Искали. Когда меня задела шомполом, я молчала. Ожидая успокоения, мы еще 3 дня находились на Витебской улице. Лишь после этого вылезла... после этого колючую проволоку перенесли до кинотеатра Беларусь.

Пошла на Замковую к сестре. А там для спасения выкопали ямку. Дверка-люк поднимается, доски сдвигаются, а люк маскируется задвинутым на это место шкафом. Однако меня туда не брали, тогда я пригрозила, что если не пустят – выдам, расскажу. Только тогда меня пускали туда. Но и там кушать надо что-то было. Выхожу и через кладбище к Дому Правительства по улице Толстого. Заходили по домам. Голос дрожит. Назывались погорельцами. Иногда давали очистки, которые, как правило, находились в сенцах, в ведре. Вот так в одном или двух домах кто-то и подавал. Сестра на такие мероприятия не ходила, так как она была похожа на еврейку, и это могло ее выдать. Назад возвращалась с колонной. Было очень тяжело. Когда стало холодно, то я отморозила руки и ноги.

Нам немного повезло, когда сестра пошла на работу в школу № 30, которая использовалась немцами как сортировочный пункт. Вот после этого она привела меня в юденрат. Меня определили в изолятор детского сиротского дома по улице Заславской. Для выживания давали один раз в день кусочек жмыха и железную баночку горячей воды. Ослабленный организм почти не сопротивлялся болезням. В доме, где находились дети, они часто плакали. Одна девочка все время просила ей принести поесть. Пришли 4 полицаи в одежде горчичного цвета и 2 белорусских полицаи, им достаточно было шомполами ударить, чтобы больше никто не просил кушать. Лосик – мама Фриды (Рейзман) – приносила пищу из остатков, а мы просили тетю Дору дать еще что-нибудь. Но ей-то надо было разделить и это на всех, чтобы не умерли. Вот это была главная задача.

2 марта 1942 г. на пурим ночью немцы на машинах выставили патефон. Стали забирать детей. Вот тогда пришлось вспомнить одного очень молящегося польского мальчика, часто повторяющего слово «Гот» (за что мы и прозвали между собой «Гот»). Он ночью разбудил Мишу и сказал ему, чтоб он уходил. Миша ушел, а это и спасло ему жизнь. Наутро немцы пришли посмотреть, что же осталось в районе гетто. Вот их всех уничтожили. Всего там было 68 детей. Так вот, когда 2 немцев пришли для осмотра, я забилась в угол печки-голландки, которая располагалась в центре комнаты и не отапливалась. К счастью, они, ничего не заметив, поговорили и ушли. Я же там потеряла сознание. Пришла в себя и начала плакать. Вокруг было тихо, и тетя Дора, проходя мимо, услышала. Вот она меня и вытянула из печки. Принесла домой, но чтобы положить где-нибудь, им пришлось снять со шкафа дверь и положить меня.

Болезни появляются самые разные. Ноги затекают, тело покрыто болячками. Голова практически без волос. Кауфманы с 4 детьми стали искать сестру. Я была очень счастлива, когда узнала, что она работает. Ей приходилось меня кормить. Вот немец во время работы, заметив, что она не ест, спросил ее, почему она не ест. Он предложил ей кушать, а он еще принесет булку хлеба, плиточку меда. Для того чтобы выжить, Кауфманы (Люба, мальчик) ходили просить. Это было так опасно. Пошла я к сестре на улицу Коллекторная. Спала в сенях под скамейкой, где обычно ставили ведро для воды. Но когда на Столбцовском переулке освободился дом, то мы перешли туда жить, т.е. ночевать как дети-сироты. Где-то в феврале 1943 г. пряталась я в склепе домика. Сидела там, когда чувствовала опасность. Вот в таком состоянии не раз теряла сознание.

Для выживания снова попадаю в колонну и иду на улицу Кирова. Там расчистка завалов. Немного кормили. Так как я норму выполняла, то немец вопрошал, почему не ем. У меня же ни котелка, ни ложки, ни вилки. Так он из своего котелка в руки мне вылил немного супа. Так 9 месяцев продолжалось почти до последнего погрома.

23 октября 1943 г. шли с колонной сестры. Нас 4 человека вел немец. Сестра моя знала, что неспокойно в гетто. Она была очень внимательна. Когда подходили 2 полицейских, то немец сорвал мою лату, и я побежала на Ленинградскую улицу. Там женщины закрыли меня в сарае. Вечером, сказали, надо уходить. Пошла на территорию бензобазы и там спряталась. Меня заметила женщина и попросила уйти, а то брат отведет в полицию. Вот тогда пришел Иосиф (брат Майи Крапиной) и вывел на Борисовский переулок.

Там я познакомилась с семьей Бовт. У тети Кати было 3 детей. Особенно младший Яшка надокучал. Оставаться у нее долго было опасно. Свои дети, а тут. К счастью, на помощь пришел Ваня. Он предложил прятаться в огороде: вырыть и оборудовать ямку-схрон, где можно будет переждать некоторое время. Так прошло еще 2 месяца.

Отец Вани, увидев меня, спросил, откуда? – из погорельцев. Но он сказал, что я Майя – дочь Смелькенсонов. Даже вспомнил меня в белой панамке. Однако оставаться было крайне опасно. Возможно, отец Вани был связан с партизанами. Вот вскоре для моего спасения прибыла их племянница. Меня одели. Тетя Катя передала Яшкины сапоги и для укрепления ослабленного здоровья принесла добытый ими гематоген.

Приехала племянница с Петрищева на вознице. Надо было сначала пешком обойти наиболее опасные места, а потом в указанном пункте сесть на повозку. Ваня провожал меня. Говорили, кто спрашивал, что везут с больницы. Вот уже когда вывели в безопасное место, сказали, чтобы я ходила по домам, может, кто-нибудь возьмет. Так и пришлось ходить, ночевать в лесу. В д. Перхурово Койдановского района запахи от пицци. Выдержать тяжело. Но во время моего передвижения одна старушка-инвалид (без ноги) покормила и предложила у нее дочки смотреть за двумя малыми детьми. Не все было просто, но однажды наехали немцы. Хозяйка сбежала, может потому, что у нее командир оставил пистолет. Пришлось его спрятать в амбаре. Помню, как я первый раз перед Рождеством помылась. Не хотела вылезать из балеи. Потом положили меня на полаты, дали юбку, а старую сожгли.

Однако скоро мне весной 1944 г. пришлось снова искать новое место. Зашла к соседке. Они и поведала, что у них в местечке 9 коров, которых надо пасти. За это по очереди будут кормить. Дошла до дома, в котором жила Глебиха. Она рассказала, что я очень рискую, – коров могут забрать, а чем будешь рассчитывать. Вот после этого я попала к ней. Стала ей помощницей.

Когда Минск освободили, то она посоветовала идти и искать, кто жив. Дала бутылку молока и хлеба. Как раз ехала повозка по лесной дороге. Чтoб не отстать и не заблудиться, приходилось почти бежать. Так и дошла до шоссе. Тут уже солдаты на машинах. Помнится, 16 июля пришла на улицу Толстого к Надежде Плиско – сотруднице отца. Стала смотреть за ее детьми, мыть, стирать. Вот уже через 3 дня пошла к Бовтам. Ведь они даже не знали, жива я или нет. Тетя Катя одела, хотела окрестить.

Так как не было где жить, то, как и многие, пришлось сначала в вырытой землянке, где и пришлось укрываться мне и тете Кате, когда 19 июля немецкая авиация разбомбила нефтебазу на пересечении ул. Толстого. Мы снова уцелели.

Потом, уже в 10-летнем возрасте, иду в школу. И снова жизненные экзамены. Но среди них всегда помнятся те, кто поддерживал надежду и веру в жизнь.

Минск, 2009.

Записал Кузьма Козак.

См.: Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами. С. 208; Трагедия евреев Белоруссии (1941–1944 гг.). Сборник документов и материалов. Мн., 1997. С. 186–188; Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. Мн., 1999. С. 284.

РУБИНЧИК Абрам

Эта облава случилась после мартовского погрома в 1942 г. Я проходил по Танковой, недалеко от биржи труда. Вдруг мне в глаза бросилась необычная ситуация. Я заметил, что к бирже, расположенной на углу Танковой, подъехала машина, наполненная жандармами и вооруженными полицияями.

«Ага, значит, они что-то замышляют, – подумал я с тревогой. – Неспроста у всех на груди автоматы...»

Вдруг меня пронзила мысль: «Мама!» Я вспомнил, что она в это время наверняка должна стоять в очереди за пайкой хлеба. У пекарни, которая находилась в трех домах от биржи, всегда толпились люди. Быстро подбежав туда, я обнаружил маму совсем близко от окошка, где выдают хлеб. «Как дать ей знать об опасности?» Не мешкая, приблизился вплотную и ущипнул ее за шею. От неожиданности она вскрикнула, выскочила из очереди и бросилась, чтобы наказать меня за такое озорство.

Но мое испуганное лицо ее озадачило.

– Авремл, что такое?

– Мама, жандармы. Сейчас что-то произойдет, – тихо произнес я.

Она схватила меня за руку, и мы побежали домой. Услышав слово «жандармы», люди и в очереди стали разбегаться.

Когда мы уже были далеко, то услышали выстрелы и крики людей. Всех попавшихся немцы без разбора стали загонять в крытые машины. Возможно, это были даже душегубки, и все, кто попался в той внезапной облаве, уже никогда не увидели белого света...

Никогда не забуду случай, происшедший недалеко от меня и показавший всю глубину безжалостности гитлеровских вояк.

В то время комендантом гетто уже был высокий худощавый немец с типично арийской фамилией – Готтенбах. Почему-то мне запомнились его серо-зеленый френч, широкий ремень с кобурой на боку и длинная худая шея. Увидев его, все еще издали, скинув шапки, часто и неистово кланялись.

И вот я вижу, как на много метров впереди меня шагает подросток в ватковке. Как только он заметил коменданта, с перепугу он почему-то рванул в сторону колючей проволоки. Это было по улице Сухой. На ту беду, пацан под проволокой зацепился и не мог оторваться. Ни назад, ни вперед.

Заметив это, комендант подошел и хладнокровно наступил мальчику на шею. Тот стал от боли кричать и дрыгать руками и ногами. Готтенбах спокойно достал из кобуры пистолет и сделал два выстрела в голову мальчика. Потом комендант снял ногу с шеи убитого и также хладнокровно, как шел раньше, продолжил свой палаческий путь...

А вот другой случай нашего спасения. Обстановка в гетто настолько стала напряженной, что только нелегальный выход в город мог реально избавить нас от очередной облавы и уничтожения. Так мы и сделали, когда вечером услышали приближающуюся стрельбу.

Жили мы тогда в доме на 2-м Опанском переулке. Проволока, ограждавшая гетто, была совсем рядом. Не колеблясь, мы решили бежать. Втроем: мама, Еха и я – подлезли под проволоку и рванули в сторону кирпичного завода. То было место работы сестры, и она потянула нас туда.

Расстояние до завода довольно приличное – больше шести километров. Вначале шли споро, но потом, когда добрались до места, от страха и волнения у меня и у Ёхи разболелись животы. Что делать? Находчивость сестры и на этот раз выручила. Она предложила на ночь забраться в заводскую бухгалтерию.

Здание это находилось недалеко от печей, где обжигали кирпич. Людей здесь не было. Мы в темноте нашли окно с форточкой, вынули стекло и открыли оконную створку. Так мы скрылись в этом бараке.

Еха хорошо ориентировалась здесь. Мы оказались в длинном коридоре, где днем топились печи, обогревавшие комнаты. Чтобы согреться, мама легла

у одной из печей, а мы с сестрой совали застывшие на морозе ноги прямо в топку с тлевшими углями...

В ту ночь самым страшным для нас был понос. Туалета в здании не было. И мы стали ходить в мусорный ящик, который находился в конце коридора. Что будет утром, даже не подумали...

Когда стало светать, услышали, что открывается дверь. Света не было. Вошла уборщица и зажгла керосиновую лампу. Вонь в коридоре стояла невозможная. И уборщица стала ругаться и проклинать тех, кто это сделал.

А Еха, увидев женщину – свет от лампы осветил ее лицо – подбежала к ней, стала целовать и плакать. Уборщица была ее знакомой. Несколько раз сестра обменивала у нее вещи на продукты, которые ей привозили сельские родственники.

Доброе лицо женщины преобразилось. Она поняла, что пока не стало светло, нас нужно спасать. И повела к себе домой, дала что-то поесть. Она разбудила мужа (дети спали в другой комнате) и спросила, как быть?

– Пусть пока скрываются у нас. Только дети не должны знать...

С этими словами он полез на печку, а нам велел забраться под их широкую кровать и лежать там тихо. Так мы в необычных условиях, под боком у немецкой охраны, находящейся на кирпичном заводе, провели там целый день и ночь. А когда опасность миновала и мы узнали, что расстрелы прекратились, хозяева нас проводили. Без приключений мы вернулись в гетто.

Звали нашу спасительницу Наташа Шунейко. Спасая нас, она и ее муж рисковали своей жизнью. Бесстрашная Наташа не только тогда помогла нашей семье. И в дальнейшем она уговаривала Еху, что мы должны всей семьей обязательно уходить в партизанский отряд. Если мы хотим остаться жить, говорила Наташа по-белорусски, «трэба з гетта цякаць у лес».

Рубенчик А. Правда о Минском гетто. Документальная повесть узника гетто и малолетнего партизана. Тель-Авив, 1999. С. 86–90. (текст сокращен – К.К.).

РУХОВЕЦ Самуил Файвелевич

16.05.1936, г. Гомель

Спасительница АСАУЛО (НАЗАРЕНКО) Вера Игнатъевна

1920 – 5.05.1991

Меня и мать застала война в г. Слуцке, так как мы перед войной переехали сюда жить. Отца мобилизовали на фронт. Брат Гирша был отправлен в санаторий Анапа Краснодарского края, где его застала война. В декабре 1941 г. мать со мною и еще несколько (5–6) еврейских семей бежали из Слуцкого гетто в лес к партизанам. По пути остановились в лесу, а мать с одной женщиной пошли в деревню просить кушать для всех. Там была немецкая разведка, которая расстреляла их. Мне убитую мать не показали и мы пошли дальше. Подносил меня муж убитой женщины. Потом встретили партизан, которые на лошадиных повозках привели нас в д. Дубовое Селецкого сельсовета Пуховичского района, где распределили всех по домам, а я остался один и меня взяла одна женщина – Асауло Вера Игнатъевна. Привела в свой дом, где тогда жили вместе с ней мать, два брата и сестра. В настоящее время их всех нет

в живых. Я был худенький, вшивый, они меня очень жалели и относились как к своему сыну, всегда старались смотреть меня лучше (кормить, одевать и т.д.) и никогда не обижали. Если бы не они – не знаю, выжил ли бы я.

В конце войны немцы при отступлении зашли в эту деревню, но ее жители вместе с еврейскими семьями спрятались в болоте, а они меня таскали с собой. Деревню (было 7 домов) немцы сожгли. Потом, пока построились, жили в землянках.

После войны я пошел в школу. Меня нашла тетя (сестра отца) – Руховец Циля Шмуїловна, которая тогда жила в Климовичах Могилевской области. Затем она переехала жить в Минск. Умерла 30 ноября 1991 года. Она хотела меня забрать к себе, но я не согласился. Когда в 1952 году закончил 7 классов, то Вера Игнатъевна сказала, что больше мы тебя не в состоянии учить и уговорили, чтобы я поехал к тете, где я поступил в Климовичский ветеринарный техникум, который закончил в 1956 году, потом армия, а после Витебский ветеринарный институт. Все это время я с ними общался и у меня была их фамилия Асауло. После окончания института я восстановил свою настоящую фамилию Руховец. А 02.08.1996 года, когда я поехал в Гомель, то там в архиве сохранились мои документы, выписали мне справку.

На улице в деревне меня обзывали, а спасатели меня всегда защищали.

В настоящее время три дочери Асауло с семьями живут в Минске и одна дочь живет в Калининграде. Я с ними общаюсь и они меня считают родственником.

Минск, 2008.

РЭЙЗМАН (ЛОСІК) Фрыда

1935, г. Мінск

Наша сям'я была вялікай – маці, бацька Вольф, я, два браты – Лазар і Міша, яшчэ дзядзька бацькі. Было цесна, голадна, але мы былі разам. Тут мы пражылі да першага пагрома 7 лістапада 1941 г. У гэтым пагроме загінулі родзічы бацькі. Сам бацька ў красавіку 1942 г. пайшоў да партызан. Брат Лазар ужо быў падрыўніком у атрадзе імя Кутузова.

У студзені 1943 г. брат Міша не вяртаецца больш з «рускага раёна». Як ён загінуў, мы так і не ведаем. У нашай маліне заплакала дзіця Полі Агінскай. Гэта была маленькая дзяўчынка. Усе з жахам глядзелі на іх. Маці толькі мацней прыжымала да сябе малышку да сваёй грудзі, пака яна не заціхла. Нават тут кавалачак хлеба ў ручцы немаўляці не заставаўся, а быў перададзены для мяне. Паміралі і ад голаду. Дзеці вельмі сталі дарослымі. Каб выжыць, яны рана сталі дарослымі. Я не плакала. Я толькі вельмі баялася. Страх глыбока пранізваў мяне.

Заставалася мала часу, каб выжыць. Дапамагае брат, які не перастае рабіць намаганні для майго вызвалення. Таму пасля пагрома мяне вывез з гэта селянін з вёскі Узляны. Гэты невядомы для мяне чалавек вывез шмат дзяцей з гэта, але падчас трэцяй спробы быў схоплены гестапа і сам загінуў. У гэты ж час брат Лазар, партызан-падрыўнік, змагаўся супраць нацыстаў. Такім чынам, у зоне партызанскай зоны было выратавана не адзін, а сорак яўрэйскіх дзяцей.

На ўсё жыццё я запамніла бабку – Паладдзю Андрэеўну Шашок. Вырваўшыся з мінскага гета, я жыла ў яе хаце ў пасёлку Святое, што на ўскрайку вёскі Парэча.

14 верасня 2000 г. ў в. Парэча Пухавіцкага раёна разам з былой вязняй Майяй Крацінай намі быў узведзены помнік Праведнікам з надпісам: «Ад выратаваных».

Прайшло ўжо шмат часу, як я, як і іншыя, усе больш жыву мінулым. Чаму выжыла? Чаму зараз інакш гляджу на новую Германію, на маіх новых і блізкіх сяброў, маіх выратавальнікаў-праведнікаў? Пэўна, мая гісторыя толькі напамін аб дабрыні і зле.

Мінск, 2007.

Запісаў Кузьма Козак.

См.: *Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах.* Мн., 1999. С. 283; *Праведники народов мира Беларуси.* Мн., 2004. С. 138–139.

УТЕВСКАЯ Сарра Праведник Алексей ДЕНИСОВ

Перелистаем страницы дневника Сарры Утевской.

«В первых числах сентября 1941 г. мой муж Ваня устроился работать бухгалтером в управление немецкого бургомистра. Имея какой-то доступ к немецким властям, Ваня переделал мой паспорт, что я не еврейка, а белоруска, достал документы для жены Лени Денисова Тани Комиссарчик, что она русская, хотя она была чистокровная еврейка. Я и Таня были уроженками г. Калинковичи. Таня работала учительницей химии, а ее муж Леня Денисов – ветеринарным врачом. У них была дочь Лиля, четырех лет, и совсем маленький сынишка (имени его не помню). С ними жила мать Лени, старая, больная женщина.

Леня Денисов решил уехать в Старые Дороги, так как там не знали, что его жена еврейка. Ваня в комендантуре узнал, что 5 февраля 1942 г. в Осиповичи должен нагрянуть карательный отряд. Поэтому 4 февраля Леня взял грузовую машину, погрузил всю свою семью и меня, и мы все уехали в Старые Дороги. Меня он взял вместо своей матери (можно было вывезти строго определенное количество родственников). Мать Лени осталась в нашем доме. В Старых Дорогах мы всем говорили, что я сестра Лени по матери, но от одного отца. Для того, чтобы мне меньше общаться с людьми, Леня и Таня всем говорили, что я умственно отсталая и живу у них на правах домработницы».

Казалось, самое страшное позади: 5 февраля в Осиповичах прошел массовый расстрел евреев.

Задержись они в городе на один день – и никого бы из евреев не было в живых. Относительно спокойно прошли две недели. И вдруг всех вызывают к коменданту. Оказывается, один из ветфельдшеров узнал Таню (Тайбу) Комиссарчик, жену Денисова, и доложил главному врачу о том, что она еврейка. Вот как описывает этот ужасный день Сарра Григорьевна:

«Когда мы пришли в комендатуру, меня как слабоумную к коменданту не допустили, а оставили в коридоре. К коменданту вошли Леня, Таня и дети. Он проверил у них документы и отпустил. Но после этого оставайтесь в Старых

Дорогах мы не могли. Леня забрал детей и отвез в Осиповичи, где оставалась его мать, а мы с Таней решили пробиваться в партизанские зоны за Глуском, чтобы попасть в партизанский отряд».

Это было в конце февраля 1942 г. Не дойдя до Глуска 12 километров, женщины узнали, что в городе каратели, и решили изменить маршрут. Сарра пошла на Быхов, а Татьяна – на Толочин, откуда родом был ее муж.

К сожалению, судьба Тани (Тайбы) и ее семьи оказалась трагической. Как уже после войны узнала С. Г. Утевская, в 1943 г в г.п. Круглое Таню и ее дочь Лилю схватили и расстреляли фашисты. Погиб и Алексей (как это случилось, Утевская так и не узнала). В живых остался маленький сын, которому едва исполнилось три года. Фашисты не стали тратить на него пулю, а просто швырнули ребенка на камни. Но он выжил. Его забрала мать Денисова и выходила.

Средств к существованию не было, и в совершенном отчаянии эта старая, больная женщина пошла с ребенком на железнодорожные пути, легла на рельсы и стала ждать неминуемой смерти. В это время близко проходил какой-то мужчина и, крикнув: «*Что ты, баба, делаешь!*», стянул ее с рельсов. Так они с мальчиком остались живы.

В октябре 1944 г. в Осиповичи, уже после освобождения, наведались мать и брат Тани Комиссарчик и от Утевской узнали о трагедии семьи Денисовых. Они отправились в Круглое и застали мать Алексея в тяжелейшем состоянии. Она уже не могла ухаживать за ребенком, поэтому его забрали в семью брата Татьяны, Михаила. Через короткое время старая женщина умерла.

Прошло много лет, но Сарра Григорьевна не могла забыть Алексея Денисова – ведь он ее уберег от смерти. Ей хотелось, пусть и посмертно, но отблагодарить своего спасителя. Она обратилась в музей Яд Вашем с ходатайством о присвоении Алексею Денисову звания Праведника народов мира.

В декабре 2007 г. после обстоятельного сбора документов учениками США № 2 г. Осиповичи, вместе с их учителем Неонилой Цыганок, – Алексею Денисову было присвоено звание Праведника народов Мира.

Цыганок Н. Шестой // Авив. Февраль 2008. С. 6–7.

2.7. НЕИЗВЕСТНЫЕ СПАСАТЕЛИ

Крапина Майя

Мы вместе – Праведники и спасенные

Вся деревня Поречье ликовала, встречая советских танкистов. 1944 год. Наконец, пришло освобождение. В деревне стало меньше детей. Мальчишки из гетто на танках двинулись к Минску. Мы, девочки, остались жить в своих новых семьях.

Однажды Настя Хурс усадила меня на колени, обняла. Я тихо прижалась к ней, от нее исходило тепло и спокойствие. Мы говорили о моем будущем. Настя предполагала, что меня будут искать родственники. Искать начнут с детских домов, а не по деревням. И решила она сдать меня в Тальковский детский дом, он был ближе всего к деревне Поречье. Это было летом 1944 г. Пробыла я там около двух месяцев. Меня нашел муж маминой сестры Лев Новодворец. Он всю войну был в действующей армии. Дослужился до звания полковника. Был ранен. Он искал свою семью, но все его родные погибли в Минском гетто. Из-за ранения его оставили в Минске, назначили начальником водоканал-треста. Я жила у дяди Левы недолго. Он сдал меня в Минский детский дом № 7. В 1946 г. из Германии вернулся мой старший брат Иосиф и начал искать меня. Исколесил всю Минщину. Слава богу, мы встретились. Рядом с Иосифом мне всегда было спокойно, он всегда меня опекал и спасал. Я и жизнью ему обязана, ведь из гетто буквально вынес меня на руках мой брат!

Жизнь входила в мирное русло. Я окончила школу, Витебский физкультурный техникум по классу художественной гимнастики. Входила в сборную республики. Затем занялась акробатикой – я была маленького роста, худенькая, ладно сложенная, очень гибкая и подвижная. Ни перед каким трюком я не испытывала страха, а лишь получала удовлетворение и радость от того, что сумела его выполнить. Судьба послала мне замечательного партнера – Игоря Крапина. Он – полная мне противоположность: спокойный, уравновешенный, уверенный в себе, мог сдерживать меня... Я всегда прислушивалась к его советам, считалась с его мнением. Он стал не только моим партнером – я вышла за него замуж. Вместе мы много лет проработали в Минской филармонии. У нас родилась дочь Леночка. Сложилась крепкая, дружная семья, о которой я всегда мечтала.

Новая жизнь, постоянные гастроли, воспитание дочери занимали все свободное время. Шли годы... Я всегда помнила свою Настю, которая по-прежнему жила в деревне Поречье. Я навещала ее. Пришло время, когда я должна была помогать ей. Игорь с пониманием относился к моему трагическому детству. Мы вместе ездили в Поречье, как могли, помогали Насте. Он тепло, с нежностью относился к моей спасительнице. Как-то так случилось, что в июне 1979 г. наша группа артистов гастролеровала по Минской области. Давали мы концерт в Селицком сельсовете, на территории которого расположена деревня Поречье. В зале сидела и моя Настя. Концерт вел конферансье, заслуженный артист БССР, Николай Шишкин. Он попросил Настю встать и от лица всей труппы поблагодарил ее за мое спасение. Настю приветствовали не только мы, артисты. В ее честь устроил оvation весь зал. Было трогательно, волнение перехватило горло... Я стояла на сцене и не прятала, не стыдилась своих слез... Но на этом наше радостное приподнятое настроение не исчезло:

именно во время этого концерта нам сообщили, что у нас родился внук. Теперь от радости мы плакали, обнимаясь, вместе с Настей.

Из Израиля поступили сведения о том, что людям, спасавшим евреев в годы второй мировой войны, присваивалось почетное звание «Праведник народов Мира». Эти люди, рискуя своей жизнью и жизнями своих родных и близких, СПАСИТЕЛИ, живут по принципу: «Чужого горя не бывает». Таких людей было много в Беларуси, в том числе и моя Настя. Я узнала, что программа «Праведник народов мира» существует с 1963 г. Я буквально лишилась покоя. Узнала, какие нужны документы для присвоения этого почетного звания. Начала поиск этих людей и тех, кого они спасали. Тогда я была еще одна и, конечно, не представляла всей сложности предстоящей работы. Но отступать от задуманного было не в моих правилах.

Что же делать? Пришлось собранные материалы передавать в Киев своим коллегам. У них работа уже давала свои положительные результаты. Они стремились и нам помочь. Но как же было обидно, что официально мы так и не получали ответов. Наступило долгое молчание.

Перелистывая тетрадь с первыми записями, Майя Крапина по особому прозиснит родные ей фамилии: Дарья Яковлевна Сакуро, Екатерина Ивановна Шпилена, Александра Сергеевна Голикова, Евгения Даниловна Кутенко, а вот и 1989 г.: семейство Хурсов, затем Вера Васильевна Подберезко-Попова, Надежда Васильевна Задорожная, Поликарповичи – Валентина Петровна и Татьяна Петровна, Осиповы – Мария Борисовна и Тамара Яковлевна. Всего 28 человек. А дальше, еще больше. Накопилось материалов еще на 70 человек.

В 1992 г. в деревню Поречье приехали сотрудники еврейской газеты «Авив», бывшие еврейские дети, спасенные жителями этой деревни: Фрида Рейзман, Михаил Пекарь, Михаил Шапиро, Михаил Новодворский, сотрудники Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Сколько было трогательных встреч! Мы все как бы вернулись в свое детство... Только я постояла у опустевшего дома Анастасии Зиновьевны Хурс. Ее уже не было...

Все изменилось с момента открытия Посольства Государства Израиль и приезда в Республику Беларусь нового посла. Помниться, что мы с Валентиной Макаровой буквально ворвались к послу в гостиницу «Беларусь». Ему были переданы списки и необходимые документы. В ходе разговора мы получили заверения в помощи и партнерстве. Действительно, посол Эли Валк и его супруга Авива проявили большую заинтересованность в этом очень важном для нас деле. Работать стало легче. Отдельные сотрудники посольства взяли на себя оформление документов на присвоение звания «Праведник», пересылку их в Яд-Вашем, где работала специальная комиссия. Уже в 1993 г. диплом «Праведника народов мира» и памятная медаль были вручены белорусам Целине и Езефу Анишкевичам, Михалине Микулко, Геннадии Сафонову, супругам Капуста – Константину и Соломее, Константину Козловскому. В 1994 г. – семье Белоцких – Ивану, Агафье и их дочери Марии Жогло, Александру Дубровскому, Евгении Емельяновой, Нине Лысюк, Федору Мазуркевичу и многим другим...

Работать стало легче. Нас уже около полусотни. Хэсэд-Рахамим стал для нас домом. Внимательная Софья Абрамова помогла и нам стать коллективом – семьей. Пополнение состава Праведников с помощью чутких супругов Валк давало свои положительные результаты. Вручение дипломов и памятных медалей всегда проходило в торжественной обстановке в культурных центрах, в вузах города

Минска с участием большого количества людей, особенно молодежи. Помнить-ся, что при вручении памятной медали и диплома Раисе Кирилловне Семашко был и Посол. Встреча состоялась у нее дома. Столько радости и энтузиазма.

... Вообще идея создания места встречи Праведников и спасенных, как мы называли «Теплого дома» жила в наших сердцах. Начали с Хэсэда, а потом при его поддержке перешли на домашние встречи. То у одного день рождения, то второй хотел бы познакомить и остальных с домашней кухней, то после поездки накопилось много интересных событий. Вот повод всегда был. Первым таким сподвижником стала Людмила Иосифовна Мачуленко. Здорово помогла нам и Ирина Степановна Простак. Ее организаторский талант помог нам увидеть красоту таких творческих встреч. Пожалуй, правильно сказала наша гостыя – журналистка газеты «Советская Белоруссия» Галина Улитенок, о том, что она ни на минуту не ощущала себя одинокой в кругу пожилых людей. Да и нам всегда интересны наши собеседники: дипломаты и политики, журналисты и историки, учителя и школьники. Тут тебе и городская квартира в Минске, и дача в Крыжовке, и дом в родной для нас деревне Поречье. И так каждый месяц. Правда позднее стали собираться один раз в квартал. Но какие это вкусные домашние праздники! У Глазбной – выпечка, у Черных – пельмени, у Конопацкой – манты. И так у каждого. Хорошо, что наш известный белорусский фотомастер Анатолий Клещук смог запечатлеть все это в своем альбоме «Праведники Беларуси».

Но все же нас не оставляла мысль о памятнике Праведникам. Решили увековечить память деревни Поречье. Памятник получился скромным, ведь мы устанавливали его вместе с Фридой Рейзман на свои собственные сбережения, которые откладывали на «черный день». К осуществлению нашей идеи подключился и мой внук Виталий. И вот, 14 сентября 2000 г. состоялось торжественное открытие памятника благодарным жителям. Он установлен в центре деревни, рядом с братской могилой партизан отряда им. М.И. Калинина. На торжественный митинг в честь открытия памятника собралось очень много людей. Пришли жители окрестных деревень, прибыли представители Пуховичского райисполкома, Селицкого сельсовета, минчане – бывшие узники Минского гетто... Приехал и посол Германии в Республике Беларусь Хорст Винкельман. Он возложил цветы к памятнику. Сейчас там уже кроме памяти и никого не осталось. Все свидетели умерли. Остался старейший житель этой деревни Иван Михайлович Сидорович. Он и в годы войны то спас еврейку Марию Габринскую, да и сейчас вместе с супругой ухаживают за памятником. Жаль, конечно, что стали оформлять документы когда уже не осталось в живых для него свидетелей. Но память о его поступке жива.

Наверное, правильно будет сказано, что наше время – время добрых перемен. Кроме Хэсэд-Рахамим, заботливого к нам руководителя Союза еврейских общественных объединений и общин Леонида Левина, прибавилась с 2003 г. Историческая мастерская. Не раз мы бывали тут и решили, что и этот Теплый дом будет не менее сердечный. Рады за посла Швеции, который на одну из таких встреч пришел с женой и сыном. Его шведские гости – авторы фильма о Холокосте – стали и нашими друзьями. Важно, что в мастерской, вместе с ее руководителем Кузьмой Козаком, каждый раз мы, советуясь, принимаем важные для нас решения. Тут и организация Международной конференции о Праведниках, издание материалов с воспоминаниями, организация архива фотовыставки, коллективная фотография Праведников Минска. Ведь и это дело нужное. Их – Праведников все меньше и меньше. Да и дела у каждого, но уж если мы решили, то всегда

выполняем свое слово. Вот может поэтому и собирается у нас коллектив не маленький. Обычные встречи в составе 15–30 человек. Вот поддержка директоров Минского и Дортмундского международных образовательных центров – Виктора Балакирева, Петера Юнге-Вентрупа, профессора Манфреда Цабеля особо значима и дорога для нас.

... Тема Холокоста не должна быть забыта! На Праведничестве воспитываются лучшие качества населения республики. Я рада, что в Беларуси я была у истоков Праведничества. Я выполняла свой долг, долг человека, который ценит добро, самоотверженность, взаимопомощь...

Казалось бы, сделали все, что могли. На сегодняшний день в Беларуси присвоено почетное звание «Праведник народов мира» около 700 человекам. Но их то было значительно больше!

г. Минск, 2009.

**Список жителей д. Поречье, которые во время
Великой Отечественной войны воспитывали еврейских детей**

1. Асаула Анна Якимовна	Семен Глайхенгауз
2. Асаула Ксения Ивановна	женщина с дочкой
3. Асаула Марфа Никитовна	Поля
4. Бруханчик Анна Ивановна	мальчик
5. Бруханчик Мария Демьяновна	Мария
6. Курьянович Анастасия Федоровна	Юзик
7. Макарич Анна Трофимовна	Майя
8. Макарич Матрена Васильевна	Мустофа, было много детей
9. Новик Федора Мефодьевна	Люсик
10. Сойка Ульяна	Аркадий
11. Хурс Анастасия Зиновьевна	Левина Майя
12. Хурс Анастасия Степановна	мать с ребенком
13. Хурс Евгения Емельяновна	Роза
14. Хурс Екатерина Фоминична	мальчик
15. Хурс Елизавета Васильевна	девочка
16. Хурс Кристина Степановна	Рая и Сема
17. Хурс Кристина Сидоровна	Новодворский Миша
18. Хурс Мария Никифоровна	Миша
19. Хурс Мария Юрьевна	мальчик
20. Хурс Наталья Григорьевна	Левин Иосиф
21. Хурс Прасковья Петровна	Люба
22. Хурс Серафима Васильевна	Миша
23. Хурс Хадосья Ивановна	Гриша
24. Хурс Ольга Мефодьевна	Гриша и женщина с двумя детьми
25. Шашок Агафья Афанасьевна	Сима
26. Шашок Анастасия Афанасьевна	Вера
27. Шашок Анастасия Якимовна	Сребник Борис
28. Шашок Анна Миновна	Эдик
29. Шашок Анна Севастьяновна	мальчик
30. Шашок Дарья Петровна	Рая
31. Шашок Елена Емельяновна	Семен, имени второго мальчика не помнят
32. Шашок Евгения Якимовна	Метус Евгений
33. Шашок Ксения Яковлевна	Петя
34. Шашок Мария Миновна	Радумский Лева

35. Шашок Ульяна Алексеевна	Аркадий
36. Шашок Федора Зиновьевна	Шапиро Миша
д. Ильинка (Святое)	
37. Кролик Арина	Итхен Хася
д. Дубовое	
38. Асаула Макрена	Додик Исаак
39. Назаренко Вера Ивановна	Руховец Семен Ефимович
40. Хурс Агафья	Этя

**д. Ильинка (Святое) и Дубовое расположены вблизи д. Поречье*

Список составлен учителями школы в [1988 г.] согласно опроса жителей д. Поречье. Передано для публикации Майей Крапиной.

БУТРИМ Мария Никодимовна

1921

Место спасения: д. Лелюки Ивьевского р-на

...Во время войны вся наша семья жила на хуторе недалеко от д. Лелюки Ивьевского района. По соседству с нами жила семья евреев Козловых. Родители наши помогали друг другу на полевых работах. Мы, дети, дружили.

С началом войны немцы согнали всех евреев в гетто в город Ивье. Семья Козловых была тоже в гетто. Их было шесть человек: отец – Козлов Гицка, мать – Козлова Гасна, сыновья – Зелик, Иосиф, Геля и дочь Роха.

В 1942 г. троим сыновьям удалось убежать из гетто. Они пришли к нам на хутор. Оставаться у нас в доме было опасно как для нашей семьи, так и для них – в любое время могли прийти немцы. Мой отец, Мацевич Никодим Андреевич, помог построить в густом лесу временное жилье с печкой. Кушать они приходили к нам. Делились мы с ними всем, что имели. Ни один раз приходилось замечать их следы на снегу, чтобы никто не смог найти шалаш по следам. Так они жили с 1942 по 1944 год.

После освобождения Белоруссии Геля Козлов ушел на фронт, где и погиб. Отец, мать и дочь Козловых погибли в гетто.

Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997. С.

ИВАНОВ Михаил Сидорович

1914, д. Поречье

ИВАНОВА Галина Ефимовна

1921, д. Поречье – 2000, д. Поречье

Мария после освобождения Минска вернулась в город. Ей повезло, дети ее остались живы, и она их разыскала, вернулся с фронта и ее муж.

С Марией Габоринской в первые послевоенные годы я встречался довольно часто, приходилось бывать в Минске в командировках. В ее доме меня всегда принимали очень тепло, я жил в этой семье по несколько дней. Потом, к сожалению, мы потеряли связь друг с другом, а после развала СССР я даже не знаю, где она, жива ли?

д. Поречье, 2002.

КЕЦКО Антон Митрофанович

1907, г. Минск

Мой отец с детских лет был верующим человеком. Всю свою жизнь посвятил спасению человеческих душ. Когда началась война, отца на фронт не взяли по состоянию здоровья. Христиане Евангельской церкви его избрали просвитером Белоруссии.

Будучи человеком отзывчивым к чужому несчастью, особенно к детям, он взял под попечительство своих прихожан два детских дома № 2 и № 7 в г. Минске. Прихожане брали в свои семьи детей довоенных соседей-евреев. Зная, что в этих детских домах работают надежные люди, сюда приводили тайком детей из минского гетто. В книгах регистрации воспитанников им давали русские имена и фамилии. В обоих детских домах находилось 126 детей, из них свыше 70 еврейских детей.

Верующие приносили в молитвенный дом одежду, обувь, продукты питания. Все это распределялось среди нуждающихся и в первую очередь отдавалось детям. Сбор помощи детям проходил в Минске, Барановичах, Слуцке и других городах. Мы жили рядом с детским домом № 2. С сестрой Валей мы часто играли с детдомовскими детьми. Случались проверки в детдоме. Детей с ярко выраженными еврейскими чертами лица прятали. Для сохранения количества детей в детском доме отец приводил туда нас с Валей, приводили тогда своих детей и наши соседи.

Отцу в его заботах о детях помогали Рапецкий, А.В.Скуратович, М.И.Евтухович, В.Я.Канатуш, моя мама Нина Адамовна. Мама собирала продукты, дома готовила еду и приносила ее в ведрах на коромысле, чтобы не привлекать к себе внимания. Для больных детей приносила лекарства. Приводила прихожан выхаживать тяжелобольных воспитанников детского дома.

Я сама спасла жизнь одному еврейскому мальчику. Мы жили на окраине города Минска. Я часто пасла корову. Однажды, проходя мимо густого кустарника, я увидела мальчика моего возраста. Он был грязный, измученный и с жадностью смотрел на кусок хлеба, который я ела. Сначала я испугалась его. Хотела убежать. Но мальчик стоял неподвижно и смотрел на меня как-то очень жалобно. Я спросила, где его мама, почему он прячется в кустах? Он сказал, что его родителей расстреляли немцы, он остался совсем один и очень хочет кушать. Я позвала его к нам домой. Мы вместе направились к дому. Но корова упиралась, я тянула ее из последних сил. Отец, увидев нас, вышел к нам навстречу. Я рассказала ему о мальчике. Отец выслушал меня и сказал, что я поступила правильно. Повел мальчика в дом. Мама вымыла его, остригла наголо и уложила в постель. Он не вставал три дня. Мы его отпаивали молоком. Когда мальчик окреп, отец отвел его в детский дом № 2, который находился на Красивом переулке.

Закончилась война. Все дети подопечных детских домов выжили. Мы в семье всегда вспоминаем об этом с большой гордостью за наших родителей.

дочь Л.А. Вашкевич

Прим: имеется немало публикаций о спасении еврейских детей А.М. Кецко.

Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997. С. 189–191.

КНИГА Николай

Пиджак бывшего комиссара Кличевской партизанской бригады Н. И. Книги украшали самые высокие боевые ордена.

...Почему-то я не стал интересоваться орденами, а решил задать вопрос, давно мучавший меня:

– Скажите, Николай Иванович, правда ли, что в то время действовал приказ не брать евреев в партизанские отряды?

– Правда. Но я однажды этот приказ нарушил¹.

Весной 1942 г. Кличевская партизанская бригада оказалась в блокаде немецко-фашистских войск. В это время разведчики Николая Книги наткнулись в лесу на группу погибающих от холода и голода евреев, среди которых были старики и дети.

Разведчики обратились к комиссару бригады Николаю Книге с вопросом о дальнейшей судьбе этих людей. Николай Книга приказал привести несчастных в расположение отряда и поместить в землянке. Приказал не давать им есть, что могло вызвать смерть, а ждать, пока выделенные им смелые люди не добудут в деревне, занятой немцами, мед. Мед добыли. Мед с горячей водой ложкой вливали в рты обреченных на смерть людей.

Вот последние слова из рассказа Николая Ивановича:

«...Когда на следующий день утром я зашел в теплую землянку, где определил спасенных, и спросил: «Как вы себя чувствуете?», то услышал голоса: «Как в Кремле!». И еще чей-то голос добавил: «Даже лучше!». Это была мать Миши и Беллы».

В 1991 г., находясь в Израиле, я рассказал в музее Яд Вашем о благородном поступке Николая Книги.

Рубинштейн Л. Они спасли мир. С. 82–90.

КУЗЬМИНЫ Анна Миновна и Назар Калистратович

Лева Воробейчик жил в Чашниках. Еврейский мальчик учился в советской школе, носил пионерский галстук и верил в счастливое будущее. Война заставила шестнадцатилетнего парня по-другому посмотреть на мир. В его родном местечке хозяйничали фашисты. Доходили слухи о расстрелах евреев в Лепеле, в Бешенковичах. Зимой стал донимать голод. Лева, единственный мужчина в семье, ходил по окрестным деревням, обменивал вещи на продукты и подрабатывал, как мог. Если везло, он приносил маме и сестрам хлеб, картошку, свеклу. Во время одной из вылазок Лева едва не попал в облаву, но сумел убежать и спрятаться на чердаке у знакомых. Хозяйка дома несколько дней скрывала его, а потом сказала парню, чтобы тот немедленно уходил: со дня на день приедут немцы, вместе с полицией будут делать облаву на евреев, и надо ждать самого худшего. Не знаю, и теперь уже никто не узнает, что думал парень в эти часы. Предупредить маму и сестер, постараться уйти из Чашников вместе с ними? Но так далеко не уйдешь. Особенно по глубокому снегу и в морозные дни... А может быть, он все же зашел домой и упрашивал

¹ В действительности такого приказа высшее командование партизанских сил не принимало. Практически в каждом партизанском отряде Беларуси находились евреи, а в районе Налибокской пуши действовали известные всему миру еврейские партизанские отряды (прим. – К.К.).

маму и сестер собраться и пойти с ним. А мама, понимая всю безысходность, под каким-то предлогом отказалась. Пускай хоть один сын спасется.

Ноги сами повели Леву в район деревни Красная Слобода. По льду перешел речку и спрятался в кустах. А через некоторое время именно сюда фашисты и полицаи пригнали чашниковских евреев на расстрел. Лева видел, как убили его маму, сестер. Это было 15 февраля 1942 г. ...

Он не знал, в какую сторону идти. Шел куда глаза глядят. По ночам заходил в деревни. Стучал в окна домов. Кто-то сердобольный пускал в баню погреться, давал краюху хлеба и просил побыстрее уходить. Кто-то прогонял с руганью и даже спускал с цепи собак.

До деревни Машкино, это рядом с Зароново, Лева добрался недели за две, к концу февраля. Путь от Чашников не такой уж далекий – если идти напрямую, километров пятьдесят будет, но парень блуждал по лесам, прятался днем и шел чаще в темное время суток. В Машкино Лева постучал сначала в одну избу, потом в другую, и наконец ему сказали:

– Иди к Назару, он примет. Только будь осторожен, у Назара немцы стоят.

Лева испугался, но другого выхода не было, донимал мороз, голод, и парень пошел к дому, который стоял на отшибе...

В деревне квартировал немецкий саперный батальон, они строили дорогу. В доме Кузьминых жил их командир.

И в довоенные времена начальство, приехавшее в Машкино, останавливалось на постой у Кузьминых. Жили они побогаче других, хотя под раскулачивание не попали. Дом у них был просторный и чистый. В зале даже стояли кадучки с совсем не деревенскими растениями – фикусами. Этот дом приглянулся и немецкому командиру.

Назар Каллистратович и Анна Миновна сразу смекнули, что за парень прибил к ним. Кузьмины знали о расправах над евреями в соседних местечках, в Зароново. Слышали, что грозит тем, кто прячет евреев.

Но Назар Каллистратович долго не раздумывал. Только глянул выразительно на жену и сказал парню:

– Давай в баню. И сиди тихо, носа не высовывай.

Об этом Леву можно было и не предупреждать. Осторожности он научился за эти месяцы.

Кузьмины никогда и никому не отказывали в помощи. По природе своей были сердобольными людьми, верили в Бога на словах и душой воспринимали наказ: «Помоги ближнему своему».

Наутро Анна Миновна предупредила сыновей: Федора, которому было пятнадцать лет, и пятилетнего Геру о том, что в доме прячется еврейский мальчик. Чтобы никому ни слова не говорили об этом.

И хоть по календарю был конец зимы и днем на солнце звенела капель, ночью еще хорошо подмораживало. В нетопленной бане долго не просидишь. А топить среди недели – сразу обратишь на себя внимание.

Назар Каллистратович пожалел парня, который и так нагоревался за зиму, и переселил его в дом, за печку. Сделать это было непросто. Назар посадил Леву в мешок, закинул на спину вместе с дровами и занес в дом.

Лева жил в чуланчике, каждый раз сжимался в комок, услышав немецкую речь. Долго так продолжаться не могло. И через несколько дней парня переправили в баню на хуторе, где когда-то, в доколхозные времена, жили

Кузьмины. Еду ему носили дети, Федор и Гера. Всей семьей Кузьмины спасали еврейского мальчика.

В конце марта Леве принесли одежду, обувь, и Федор отвел парня к партизанам. В отряде Лева Воробейчик пробыл почти полгода, а потом его отправили самолетом на «большую землю».

Шульман А. Их судьбы...// Азв. Сентябрь–ноябрь, 2007. С. 12–13.

КУНИЧ Р.М.

Нахемия Конковича я знала с детства. Мы вместе росли, были близкими соседями.

Еврейское гетто, где немцы содержали евреев, находилось недалеко от нашего дома. Каждый день я видела, как немцы водили их на работу и с работы. Осенью 1942 г. мы узнали, что начинаются массовые расстрелы евреев. Когда в очередной раз вели евреев на работу, я, стоя около забора, подал знак глазами на наш двор. Хемя понял меня, в колонне он шел сзади. Ему удалось проскочить в наш двор. Мой отец спрятал его в сарае со скотом. Зарыл его в сено. Прятали мы его целый месяц. В ведрах носили пищу. Делали это очень осторожно, так как в доме у нас жили немцы. Через месяц мы переправили Нахемия в лес к партизанам. После окончания войны он из леса пришел опять к нам. Мы жили в землянке – наш дом сторел. Место в землянке хватило на всех. Нахемия искал своих родителей. Ему посчастливилось их найти.

После войны он уехал в Израиль.

Трагедия евреев Беларуси в 1941–1944 гг.: Сборник документов и материалов. 2-е изд. Мн., 1997. С. 183.

ЛЕШУКЕВИЧ Михалина Викентьевна

Я, Эдди Огнецвет, хорошо знала до войны и в послевоенное время женщину честнейшей, милосердной души Михалину Викентьевну Лешукевич. Она жила в Минске в семье моего дяди – детского доктора, профессора Арона Самойловича Левина и его жены, певицы Фаины Моисеевны. Михалина нянчила их младшую дочку Галю.

Когда началась фашистская оккупация, мать с детьми попала в гетто (отец находился в Красной Армии, работал в прифронтовом госпитале). Михалина помогала семье, тайком приносила продукты. Потом вернулась в свою д. Лешуки Заславского района Минской области.

2-го марта 1942 г. мать Гали и Софы Левиных с малым сыном на руках погибла в Яме на Юбилейной площади Минска... Галя и Софа шли в той же колонне смертников. Внезапно старшая, 15-летняя Софа (Соня) решила выйти из колонны, потянула сестренку, звала мать. Но мама осталась, опасаясь крика малыша, из-за которого все сразу могли погибнуть. Девочкам чудом удалось вырваться из колонны. Конвоир, к его чести, не задержал их. Девочки, зная деревню Михалины, побежали к ней.

Михалина поначалу скрывала их в амбаре, затем девочки жили с ней в хате, помогали по хозяйству. Михалина делилась с ними последним куском хлеба. Кругом шныряли полицаи. В 1943 г. Софа ушла в партизанский отряд,

а Галю Михалина отвела к своему родичу в д. Дуброва, там девочка работала пастушкой.

Вот так Михалина спасла детей от гибели. После войны, вплоть до своей кончины, до 1953 г., Михалина Викентьевна жила в семье доктора. Похоронена в Минске. Низко кланяюсь ее памяти.

МЯКЧЫЛА Аўдоця Дзямянаўна

1908, в. Слухавічы Наваградскагар-на

У вайну мая бабуля Аўдоля (Аўдоця Дзямянаўна Мякчыла) хавала адну зіму ў вёсцы Слухавічы Наваградскага раёна габрэечку, суседскую дзяўчынку Паліну Калядзіцкую...

Можна сказаць аб гэтым вельмі каратка. Але хочацца сказаць болей, каб лепш адчуць той трагічны час, калі праяўлялася найлепшае і найгоршае ў людзях, якія не па сваёй волі апынуліся на сатанінскім балі вайны...

Слухавічы

Старая вёска Слухавічы складалася з паасобных селішчаў і хутчэй нагадвала хутары... Ад тых хатаў, размешчаных далёка адна ад другой, захавалася толькі дзве, а жылая сёння – адна... Стаіць яна наводдаль ад тых, што месціліся некалі за возерам. Гэта хата мае бабулі Аўдолі, якая пакінула гэты свет амаль у 100-гадовым узросце, і дзе жыве цяпер мой дзядзька Юлік...

Беларускія хутары... Калыскі жыцця нашых бацькоў, дзе рана спазнавалася навука жыцця, дзе старэйшыя гадавалі малодшых, былі матчынай і бацькавай дапамогай у нялёгкай сялянскай працы... Якія шалёныя завірухі, жудасныя віхуры пранесліся над імі і сцерлі іх з твару зямлі?!... Акружаныя тоўстымі старымі ліпамі (як у мае бабы Аўдолі), якія пабачылі шмат на сваім вяку, з узаранай, засеянай-засаджанай, палітай потам зямелькаю, з духмянымі гумнамі і не пустымі хлевушкамі, з мілымі сцежкамі ў зарослых травой дварах (бабуля б сказала – «дварох»), з яргінямі і флэксамі пад вокнамі... Тут «знаходзіліся»¹ дзеці, тут гадаваліся, адсюль сыходзілі, каб не вярнуцца...

Як мала ад іх засталася следу... Кінуты калодзеж ці зарослы травой узгорак – тут стаяла хата... А памяць – у назве куточка зямлі па імені гаспадара (як Міцікаў лес у нас у Слухавічах – бо тут жыў Міцік – памятаю яго з дзяцінства – доўгі, худы, вусаты, пануры, і яго дзеці і жонка, мужападобная, з грубым голасам, як паганяла каня, седзячы на возе, – Галена) ці ў людзкіх сэрцах...

Сплыў час... Няма людзей... Пераказваю тых далёкія падзеі са слоў свайго бацькі, Мякчылы Яўгена (а ў жыцці выключна Геніка) Сяргеевіча, 1931 г., нар. у в. Слухавічы, Наваградскага р-на Гродзенскай вобл. Бацька часта ўспамінае сваё дзяцінства і суседзяў – габрэяў Вольфа і Шэпу, чамусьці ніколі не называючы іх па прозвішчы, а толькі па імені. Можна, ад таго, што імёны не падобныя на беларускія...

Мая бабуля Аўдоля

Мая бабуля Аўдоля Лустач (па мужу Мякчыла) нарадзілася ў в. Ладзенікі пад Наваградкам. Яна рана страціла маці (памерла пры родах) і рана спазнала, што такое сялянская праца. Як гэта нярэдка бывае з людзьмі старэйшага пакалення, бабуля дакладна не ведала, колькі ёй гадоў. Доўгі час у непісьменных сялянскіх сем'ях не надта надавалася ўвага даце нараджэння,

¹ «Знайшлося дзіця» – у лексіцы нашай сям'і азначае – было зачатае і нарадзілася.

лічба была прыкладная, арыентаваная на царкоўнае свята – «на Пакровы», «на Узвіжанне» і г.д. У выпадку з бабуляй і год нараджэння забыліся, мо таму, што рана не стала маці. Баба Аўдоля нарадзілася прыкладна ў 1908 годзе (памерла ў 2008 г.) Казала, што добра памятала сябе ў 1914 годзе, як пачалася Першая сусветная: тады адзін з вясковых хлопцаў, які ішоў на вайну, скінуў яе з кладкі, што ляжала праз рэчку...

У 1941 годзе ёй было больш трыццаці. Жыла яна ў вёсцы Слухавічы (некалькі кіламетраў ад Наваградака) з мужам Сяргеем і трыма сынамі. Старэйшаму, майму бацьку Геніку, было 9 гадоў, яго братам Юзіку – 7 гадоў, Юліку – 1 год, а самы малодшы, Міша, нарадзіўся пазней, у 1945-м.

За возерам, непадалёк ад невялікай хаты Мякчылаў, месціліся хаты Буцкевічаў, Калядзіцкіх і Гіненскіх, трохі воддаль – Буінскіх. А ў супрацьлеглым баку, у лесе, стаяла хата Валынцоў...

Вайна

Калі пачалася вайна, Наваградак бамбілі. Бацька, 9-гадовы пастушок, бег з каровамі (іх не трэба было і падганяць), што меў сілы, дадому... Паўсюль – у гумне, на падворку, у хаце – было поўна людзей, якія паўцякалі з горада. Знайшоў сабе месца пад сталом і там заснуў...

Вольф Калядзіцкі

Сусед, Вольф Калядзіцкі, «рыжы, асадзісты» габрэй, «дзяржаў» у Наваградку па вул. Замкавай магазін, у якім прадаваў ялавічыну («купляў каровы і рэзаў»). Меў вялікую, прасторную хату, студню, «дзяржаў каня», каб апрацоўваць 9 га зямлі. Мой дзед Сяргей Мякчыла сябраваў з Калядзіцкім. Бацька добра памятае, як хлапчуком зімою дапамагаў свайму бацьку здабыць крыгі лёду з палонкі. Кавалкі лёду са Слухавіцкага возера патрэбныя былі Калядзіцкаму, каб марозіць мяса. Іх складалі ў пограбе-лядоўні ў пілавінне, наверх клалася мяса, каб не сапсавалася.

У сям’і Вольфа і Соркі Калядзіцкіх было двое дзяцей – Паліна, старэйшая, і Азік, малодшы. Паліне на пачатак вайны было гадоў сем.

Вось Паліну і пакінулі Калядзіцкія ў Мякчылаў, забраўшы з сабою ў гета малодшага сына. Баба Аўдоля Мякчыліха моцна рызыкавала, бо схованка ў Паліны была простая – яна сядзела на печы, а падчас небяспекі магла саскочыць і з тыльнага боку печы прабрацца да ложка, каб схавацца пад яго...

Хавалі дзяўчынку «адну зіму». Карову Калядзіцкіх «вялікую, з разложыстымі рагамі», завялі да Самсона, які жыў на тэрыторыі гета, каб Калядзіцкім была шклянка малака...

... Вольфу ўдалося ўцячы і выжыць з дзецьмі ў габрэйскім партызанскім атрадзе...

А вась Сорка загінула...

Гэта было звязана з наступнымі падзеямі.

Буцкевіч, Гавін і Мякчыла

Ванька Буцкевіч меў сям’ю: жонку і трое дзяцей: Ліду (старэйшая), Раю і Колю. Аднойчы да Буцкевіча прыйшла з гета былая суседка, маладая габрэчка Даша Гіненская, каб узяць пакінутыя ў Буцкевічаў сякія-такія свае рэчы – хоць вайна, але замуж збіралася... Рэчаў не аддалі... Ванька нацкаваў на дзяўчыну сабаку, а Гавін, новы сусед Ванькі, які быў пераселены ў хату Калядзіцкіх, ускочыў на каня і гнаў, б’ючы, Дашу, «ажно ледзь у гета ўкацілася»...

Праз нейкі час хата Гавіна згарэла. Буцкевіч падказаў, што, хутчэй за ўсё, гэта справа Мякчылы – ён жа сябраваў з габрэямі, з Калядзіцкім (той быў ужо ў партызанах). Гавін заявіў уладам, і два «жандары» і «перагаворшчык» Каштанаў прыйшлі па дзеда... Якраз малацілі ў гумне... Мой бацька, малы, але старэйшы з дзяцей, быў у адчаі: «Прапаў я, думаю...» Баба Аўдоля з энкатам бегла ўслед, пакуль «перагаворшчык» Каштанаў не перадаў ёй словы немцаў – ці яна пойдзе дадому, ці яны заб'юць яе... Бабе ўдалося выручыць мужа – занесла шынку мацяры Каштанавы і даведалася, што трэба збіраць па вёсках подпісы за дзеда... Гэта заняло некалькі дзён... Дзед вярнуўся, толькі выгляд быў іншы – пастрыжаны нагола і без рэменя...

Потым Гавін і Мякчыла памірыліся... Але адна несправядлівасць і злосць выклікала другую і пацягнула за сабой чараду смерцяў ні ў чым ні павінных людзей, даўніх слухавіцкіх суседзяў... Пасля заявы Гавіна аб падпале хаты немцы схапілі ў гета Сорку Калядзіцкую – прыгожую, высокага росту жанчыну, і жывой ужо не выпусцілі...

У адну з начэй да Ванькі Буцкевіча прыйшлі габрэйскія партызаны (на Наваградчыне дзейнічаў атрад Тувія Бельскага, які ў 1944 г. налічваў 1200 чалавек і пераважную большасць якога складалі бяззбройныя жанчыны, дзеці, старыя)¹, звязалі яму дротам рукі і пастралілі ўсю сям'ю. Гумно і хату падпалілі... Трое дзяцей і жонка загінулі, а Ванька выжыў – куля закрунула толькі «пашчэнку»...

Пасля таго як закончылася вайна, Вольф Калядзіцкі прыходзіў адведаць Мякчылаў. Мой дзед Сяргей запытаў, чаму ён з тае пары, як забраў Паліну, напрацягу вайны не заходзіў, мо, пакрыўдзіўся чаго. Вольф адказаў, што магчымасць зайсці была не раз, але быў не адзін і не хацеў прыводзіць людзей, якія паквапіліся б на якоесь дабро, дык сам не заходзіў і іншых прасіў...

Праз нейкі час даведаліся, што Калядзіцкі з Азікам і Палінай выехаў у Амерыку.

Шэпа Гіненскі

У адрозненне ад «зажытачнага» Калядзіцкага Шэпа Гіненскі быў бяднейшы. Меў карову, каня, тры гектары зямлі (цікава, што немаладая бацькава памяць выдатна ўтрымлівае лічбы, звязаныя з колькасцю зямлі, цаной пуда жыта ў той далёкі ўжо час). З жонкай («Шэпіхай») мелі траіх дачок: Дашу (старэйшая), Груню і Рыўку. З Рыўкай бацька (тады малы Генік) сябраваў – прасіў у яе санак, каб пакатацца, заходзіў у хату... Шэпа таксама займаўся продажам, здаецца, тавараў з металу, «жалеза»...

Перад тым, як адправіцца ў гета, Шэпе ўдалося пакінуць у Сяргея Мякчылы свайго каня. Але ненадоўга – улады па загадзе бурмістра забралі... У Ванькі Буцкевіча Шэпа пакінуў карову «Маёўку» – белую, з вялікімі рагамі... А ў хаце Гіненскіх пасялілася сям'я Грынцэвічаў з бліжэйшай вёскі Ладзенікі.

Шэпа загінуў у гета. Расказвалі, што пілаваў дровы пілою «зубамі ўгору». Такі сабатаж выклікаў у немца-наглядчыка шалёную нянавісць – Шэпа быў застрэлены на месцы... Шэпісе з дочкамі ўдалося ўцячы ад масавай расправы у лес, выжыць, але ў Слухавічы, на былое месца жыцця, пасля вайны яны не вярнуліся – там працягваў жыць Ванька Буцкевіч...

¹ Памяць: Гістор.-дакум. хроніка Наваградскага р-на. Мн., Беларусь, 1996. С. 323.

Буінскі

...Калі вярталіся з Ладзенікаў, радзімы маткі, якая брала з сабою свайго старэйшага (майго бацьку), было звычайна ўжо цёмна (пакуль маці, жанчына гаваркая і вострая на язык, з усімі сваякамі нагаворыцца...). На лясной дарозе малому мроіліся ваўкі... Якое шчасце было нарэшце пабачыць прыветныя агеньчыкі хаты Буінскіх і ўжо не трымацца за мацярыну руку...

Буінскі быў хрэсным бацькам малага Геніка. (Гэта ён даў майму бацьку такое імя, бо запісанае папам «Евгеній» лічыў небяспечным для хрэснага сына – у роднай вёсцы Буінскага Брацянцы жыў адпеты гультай Жэня...).

Працавіты, ён спаў за сталом, каб своечасова падняцца ў поле. «Купляў зямлю і карчавалі яе, «дзяржаў парабкоў», меў нямала коней... Гадаваў пчолы, калодак 50 было (адна калодка дала 50 кг). Мёд стаяў бочкамі, і хрэснаму сыну не раз перападала – шчодры хрэсны бацька рэзаў мёд на крыгі і частаваў... Бачыліся даволі часта, бо Буінскі прыязджаў з бочкай па ваду – на яго селішчы, як ні капалі, вада не даставалася...

Буінскі меў двух сыноў і пяцёра дачок.

Ён хаваў габрэйку. Нехта «прадаў». Прыехалі немцы, акружылі сядзібу, хату спалілі, Буінскага і жонку забралі на допыт. Буінскага застрэлілі, як расказвалі, на месцы. Высокі, здаровы, з чырванаватым тварам, ён падчас допыту, не вытрымаўшы здзекаў, уваліў следчаму табурэткай па галаве... Жонка загінула таксама. Дзеці, вывезеныя ў Германію, засталіся жывыя, вярнуліся.

...Засталося калгаснае поле з назвай Буіншчына...

Трагічная сустрэча

7 мая 1943 года фашысты знішчылі большую частку людзей з наваградскага гета¹. Крывавае бойнае адбылася па дарозе на возера Літоўка ў бок Уселюба... Гэты падзеі не забытыя і да сёння...

Бацька-пастушок пасвіў каровы на пашы, каля бярэзніка, які належаў яго бабулі Ольці. Каровы панесліся ў бярэзнік, пайшоў запыняць і пачуў плач груднога дзіцяці... У ляску сядзела маладая габрэчка з дзіцем (мо, такая, як тая Даша Гіненская?). Яна моцна перапалохалася, заўважыўшы хлопчыка, уся дрыжэла. Стала прасіць, каб схаваў, як плату прапанавала торбачку з золатам. Але хлапчук не асмеліўся на такі крок, сказаў, што схаваць не можа...

Ва ўспамінах бацькі засталося і тое, што запамніў у дзяцінстве ад дарослых... Казалі, што ў слухавіцкім лесе знайшлі расстралянай сям'ю габрэяў, што хаваліся ў лесе ў Смаляка. Забітыя ляжалі побач, адно жанчына ляжала далёка ад іх, ля дарогі – відаць, доўга ўцякала... У падкладках адзення забітых былі каштоўнасці... А Смаляк потым «прыдурэў», папаў у вар'яцкі дом...

Далёкі водгук вайны

Я нашу імя, якое даў мне бацька праз 15 год пасля вайны, пры нараджэнні ў 1960 г. Ён назваў мяне Райя, у памяць пра суседку, сяброўку дзяцінства Раю Буцкевіч, якая бязвінна загінула падчас вайны... Можна, дзіцячае сяброўства перарасло б у што яшчэ большае і яна стала б бацькавай жонкай? Можна... Тады б мяне назвалі іначай...

*Раіса Крывальцэвіч.
г. Мінск, 2009.*

¹ Памяць: Гістор.-дакум. хроніка Наваградскага р-на. С. 322.

НЕВИНСКАЯ Екатерина Константиновна

...Она по-прежнему живет в Минске.

Во время погрома в Минском гетто в дверь к Кате постучала женщина с двумя маленькими детьми и попросила спрятать их у себя. Она пообещала при первой возможности их забрать. Таким образом, в погребке у Кати оказались двое малышек. Когда позднее к ней явился с очередной проверкой полицай, кроме этих малышек, в сарае прятался мальчик лет двенадцати, а за столом (по случаю Катиного дня рождения) сидел еще один еврейский парень. Полицая сразу поднесли стакан водки, краюху хлеба и шмат сала. Он остался очень доволен, крикнул и добавил: «А нам ведь донесли, что в этом доме прячут жидов»... Таким образом, детки – Буслович Марик и его сестренка Инна – были спасены.

Об этом рассказал мне спустя несколько лет после войны их отец Буслович Генрих Евсеевич, с которым мне довелось работать в проектно-институте «Белгоспроект». Сам Буслович партизанил в белорусских лесах. Когда он случайно узнал, что я живу в одном доме с Катей Невинской, он не мог сдерживать слез. Старших Бусловичей довольно давно нет в живых, а вот бывшие малыши с семьями жили в Вильнюсе. Примерно в 90-м году они решили эмигрировать либо в Америку, либо в Израиль, и Марик приезжал попрощаться с Катей. Дальнейшая их судьба мне неизвестна.

Как-то у водоразборной колонки к Кате подошла незнакомая молодая женщина-еврейка. Она умоляла ее отдать ей свой паспорт и тем самым спасти жизнь. Остаться без паспорта в такое время было рискованно, но тут Катя вспомнила, что какое-то время в их домишке жили двое молодых мужчин, которые, по слухам, изготавливали документы для партизан. Обшарив каморку, где они раньше жили, Катя и ее новая знакомая обнаружили за рваными обоями на стене чистые бланки. Они тут же заполнили паспорт на имя Марии Соколовой. С ним «Соколова» прожила все военные годы и затем вернулась в Минск.

Как-то после войны в магазине к Кате бросилась на шею незнакомая женщина и стала ее целовать. Это была та самая «Мария Соколова».

Еврейская девочка 12 лет, которая была спасена благодаря Кате, после войны вернулась и жила в Минске (имени ее, к сожалению, я не помню).

Я живу в Нью-Йорке 5 лет, и до настоящего времени меня мучают угрызения совести, что подвиг Кати, который она сама трактует как обыкновенное человеколюбие, остался безвестным.

Геня Лурье. Она спасала евреев // Еврейский мир. 12 декабря 1997.

НЕИЗВЕСТНАЯ

И сейчас я много думаю об этой простой женщине. Это было до войны, и я хорошо помню, что у нее был золотой зуб. Догадываюсь, что когда я была маленькой, эта деревенская женщина работала с мамой на фабрике, куда мама ее и устроила. И когда мама уходила на первую смену, то она нас кормила. Кто-то же должен оставался с детьми дома, вот так она у нас жила. И вот так пошло дело. Она выходила раз-два в неделю. И если какие вещи были у нас, которые мы запасли ранее, то мы отдавали ей, а она продавала, наверное, и за эти

вещи нам давала продукты. Ходила мама долго, и вдруг в один прекрасный вечер ее остановили. Кто-то сказал, что тут жидовка. Мама очень испугалась, да и сказал, может, русский парень не думая. Но после этого, неожиданно, какая-то женщина сказала: «Отстань от нее. Это не жидовка, это русская женщина, вот она идет с мешком и пусть идет». И она оттолкнула этого человека. Мама пришла как неживая. Кроме того, когда она выходила, лаз засыпался песком, а потом закладывался кирпичами. И вот мы слышим, что кто-то разгребает. Испугались, думаем: все, мама попалась, а теперь пришли забирать. После того как кончились продукты, целую неделю опять не ели, голодными сидели. Но кому-то ж надо идти, и она опять пошла, мама. И эта женщина нас кормила до последнего дня оккупации 2 или 1 июля 1944 г.

Левкова Е. Девять месяцев под землей (история одного интервью) // Минская газета 1941–1943 гг. Трагедия. Гераизм. Памяць. Мн., 2003. С. 182.

САБЕЛЛО Василий Александрович

1907, д. Зборск Осиповичского района – 14.10.1944 г., Польша

САБЕЛЛО Анна Антоновна, жена Василия Сабелло

16.02.1907, д. Смык Осиповичского р-на – 08.05.1993,

д. Вязье Осиповичского р-на

История спасения еврейской девочки Ларисы Левиной (Чёрной) кажется нам загадочной и непонятной. О ней мы узнали совершенно случайно. Нам очень помог бывший партизан, старожил нашего города Л.Т. Верецагин. Во время одной из бесед он вспомнил, что лет через 10 после войны ему рассказали о том, что в д. Вязье живет женщина, Екатерина Хлус, в семье которой во время войны прятали еврейку. Подробностей он не помнил, но своим рассказом пробудил у нас желание узнать об этом подробнее. Нам удалось найти Екатерину Васильевну. Вот что мы узнали из ее рассказа.

До войны Катя с родителями и сестрой жила в д. Зборск Осиповичского района. Отец, Василий Александрович Сабелло, был дорожным мастером, мама, Анна Антоновна, работала в колхозе.

Интересно, что, вспоминая о ней, все жители деревни говорят не Анна, а Ганночка. Не правда ли, весьма красноречиво? Только женщина с таким ласковым именем могла приютить в лихую годину чужих людей, совершенно ей незнакомых.

К началу войны в Зборске жило примерно 80 семей. Все люди работающие, дружные. О нападении фашистов узнали ночью. *М. Б. Дедок* вспоминает: «Было видно, как бомбят Осиповичи. Кружились самолеты, зарево, грохот». Многие мужчины ушли на фронт, остались больные, старики, женщины и дети.

Зиму пережили более или менее спокойно. А весной 1942 г. в деревне стали появляться беженцы. Вот как рассказывает об этом Екатерина Васильевна Хлус:

«В начале войны в деревне появилась женщина Голоцевич Екатерина. Уже пожилая. С ней были дети: мальчик и девочка. Она попала к женщине, которую все называли «брицаловка». У нее не было детей. Когда немцы стали расстреливать людей, палить дома, «брицаловка» стала говорить, что мальчик

большой, похож на еврея, и их всех расстреляют. И стала их выгонять. Этот мальчик решил уйти к партизанам и ушел. Позже говорили, что его немцы убили в районе Липеня. Я его ни разу не видела. А «брицаловка» выгоняет опять. Катя взяла девочку, пошла к церкви, которая стояла на крутом обрыве над рекой, перекрестилась и хотела утопиться. В это время мимо шел мой отец, увидел это и бросился к ним. Сказал: «Что у нас есть, то будет и ваше, идите к нам жить». Когда привел их домой, нам, детям, сказал: вот вам сестра. Всем должны делиться. Потом мы узнали, что эта женщина из Минска. О том, что девочка – еврейка, нам сначала не говорили. Их фамилию я узнала первая. Я пытаюсь, а она кажа: «Мы Левины». Звали ее Лариса».

Всю войну Е. Голоцевич с Ларисой прожила в Зборске. А ведь это было опасно не только потому, что могли выдать свои, но и потому, что в 1943 г. в д. Вязье (это совсем рядом со Зборском) появились бишлеровцы. Так местные жители называли предателей, составлявших «войско» под командованием Бишлера и наводивших на людей страх посильнее фашистов.

Вот что рассказывает о них *М. Б. Дедок*: «Они появились в 1943 г., когда немцев погнали. Поселились в Вязье, повыгоняли людей из их домов и стали там жить. У них как бы была армия. Они заставляли и наших хлопцев брать оружие, а то расстрел. Многие приехали с семьями. Бишлер заставлял наших девок идти замуж, и свадьбы устраивал. Мне муж про это рассказывал, он в войну в Вязье жил. Бишлеровцы жили и в Зборске. Заняли домов семь, выгнали оттуда жителей. Зборских мужчин согнали в один сарай, оттуда гоняли на работы. Строили бункера. Для этого даже разбирали дома. Огромный бункер стоял в самом начале Зборска. Это был как бы треугольник, по углам три вышки (одна на каждом углу), а в центре жилой дом – бункер».

Екатерина очень боялась, пряталась, особенно днем. Тем более что к этому времени погибли два брата Ларисы – Миша и Владик. Миша сам ушел из Минского гетто в партизаны и там погиб, а Владик был застрелен фашистами недалеко от д. Липень нашего района. Катя Голоцевич очень боялась потерять последнего ребенка Левиных, часто повторяла: «Они мне этого не простят».

Но Бог милостив. Наконец, закончилась война. За Ларисой приехали родители и увезли ее в Минск. Уехала с ними и Е. Голоцевич. Как рассказала Е.В. Хлус, еще долгие годы спасители и спасенные встречались, ездили друг к другу в гости: «После войны Левины приезжали к нам несколько раз. Даже спасли нас с сестрой от «кровавки». У нас в деревне от нее умерло много детей. А они привезли нам порошки, похожие на соду, мы выпили по три порошочка и сразу вылечились. Мы с мамой были у них в Минске, они жили по ул. Деревообделочной, 24.

После войны меня позвали в сельсовет, спрашивали про Катерину. Я все описала, и Катя получила пенсию. Лариса сказала: «Выйду замуж, Катюку заберу к себе». Очень ее любила. Лет 40 я уже ничего про Левиных не знаю».

Семья Сабелло долгое время поддерживала отношения с Левиными после войны, ездили друг к другу в гости. Мы нашли в Израиле Ларису Левину в 2006 г., но она не подтвердила факт спасения. В присланном нам письме пишет, что они не жили в одной семье, а скитались из дома в дом. Меня очень заинтересовала эта история, т.к. у Е. Хлус есть не только детские фотографии Ларисы, но и более поздние, где она уже взрослая девушка. Значит, она должна помнить Катю и ее семью, а фотографии просто чужим людям в деревне

никто дарить не будет. Ведь постоянно Левины жили в Минске. Тем более что Екатерина Голоцевич получила звание Праведника. Почему же не получили Сабелло?

Я стала искать свидетелей. Мне говорили, что никого не найду, но я обошла весь Зборск и нашла троих человек, которые дали мне интервью. Все без исключения подтверждают, что такая женщина жила в их деревне, и уверенно свидетельствуют: все жители знали, что девочка – еврейка. Разве этого не достаточно? К сожалению, на остальные наши письма Л. Левина не отвечает. А ведь без ходатайства спасенного нельзя присвоить звание Праведника. Но я считаю, что там вся деревня – Праведники, т.к. все знали о Ларисе, но никто не выдал.

*Неонила Цыганок.
г. Осиповичи, 2007.*

СВИТКОВА Мария Герасимовна

До войны наша большая семья Красновых жила в поселке Васильевка, что в пяти километрах от еврейского местечка Черневка.

...Где-то в начале осени немцы приехали с заданием расстрелять евреев Черневки. Тогда почти все взрослое население смотрело на это. Нас, младших детей, мама не пустила, но старшие братья рассказывали, что всех евреев согнали на край местечка и заставили рыть яму. Потом их поставили на край и расстреляли.

Через несколько дней после расстрела мы с подружками гуляли недалеко от поселка. Там стояла старая баня. Из нее вышла женщина-еврейка и позвала нас. Мы увидели, что в бане пряталось много людей. Это были евреи из Черневки, которые смогли спастись во время облавы. Один маленький мальчик лет четырех-пяти очень сильно кашлял. Я рассказала об этом маме, и она забрала его к нам домой, положила его на теплую печь, несколько дней отпаивала травами, натирала мазью, и он быстро пошел на поправку.

Мы привязались к мальчику, мама хотела оставить его у нас, но старший брат сказал, что это опасно и грозит гибелью всей семье. Мама отвела малыша в баню. Мы с девочками-подружками носили туда яйца, молоко. Мама готовила еду и передавала с нами. Она собирала продукты для евреев у соседок, которым доверяла. Я помню, как евреи из бани угощали нас конфетами-ледяшками.

Женщина-еврейка записала наши имена и фамилии и обещала, что после войны они найдут и отблагодарят нас. Мама просила не рассказывать братьям о том, куда мы ходим, а старший брат (он часто приходил из леса домой ночевать), когда узнал, что беженцы-евреи записали наши фамилии, очень сердился и говорил, что если немцы найдут записи, то нас всех расстреляют. Что стало с этими людьми, я не знаю. ...После войны никто из евреев в Черневку не вернулся».

Старосельская А. Черневка. История гибели еврейского местечка // Авив. Сентябрь-ноябрь, 2007. С. 6.

Семья И.П. ВИШНЯКОВЫХ и Домна РЫБАКОВА

д. Понизовье, д. Польшковичи Шкловского р-на

До 1940 г. проживал вместе с родителями в колхозе «Искра». Учился в Шкловской неполной средней школе № 2. В колхозе «Искра» проживало много евреев. До войны это был еврейский колхоз.

С первых дней войны я увидел много беженцев, отступавших за Днепр советских солдат. Был под бомбежками. Отец ушел на фронт. Вместе с сопровождавшими колхозный скот двинулись мы на восток. Но немцы догнали нас и вернули назад.

Впервые я увидел разбросанные с самолета листовки: «Красная Армия разбита, власть жидовско-большевиетских комиссаров в России кончилась», «Самый большой враг народа – жид», «Юдам капут, цыганам тоже»...

Через неделю нашу семью выгнали из дома и приказали переселиться в гетто. Для него было отведено место на берегу Днепра около д. Рыжковичи. Это было 10 июля 1941 г. Перед переселением всех евреев в гетто отобрали мужчин в возрасте от 15 до 65 лет якобы для выполнения каких-то работ. Я тоже попал в эту группу, хотя мне шел 14-й год. Я хорошо помню карателей. Одеты они были в черную форму, на рукаве у офицеров была красная повязка, по центру которой в белом круге была изображена черная свастика, на груди солдат висел знак в виде распустившихся крыльев орла.

В сутолоке мне удалось бежать, переплыв на левый берег Днепра.

Всех отобранных для работы расстреляли на колхозном лугу – Семёновке.

Я вернулся в деревню, нашел маму. Все мы поселились в гетто. До войны колхозники жили хорошо, а в гетто я увидел больных, обездоленных и несчастных людей. Это была настоящая шолом-алеихемовская беднота, которая слилась воедино с одной судьбой быть уничтоженными. Перед моими глазами всегда стоят страшные картины: один фашист в гетто выбил у пожилого мужчины золотые зубы, а затем убил его; как сбросили в колодец семью Таруч из Шклова.

Частыми гостями гетто были немецкие офицеры и солдаты с девицами. Они грабили, брали все, что им понравится. Полицаи грабили меньше, то ли потому, что многие из узников гетто были их соседями, то ли им запрещалось грабить.

Вскоре часть узников гетто перевели на территорию Шкловского льнозавода. Туда попала и моя семья. Мы все находились под охраной. После 18 часов не разрешалось выходить из помещений, за нарушение – расстрел.

Я вспоминаю, как хоронили жену шкловского раввина. Ее разрешили похоронить на кладбище, даже дали лошадь. Я вынес ее рваный ватник на улицу и ужаснулся – на нем кишели вши. Моя мама тихо сказала мне: «Сыночек, ее съели вши».

3 или 4 октября 1941 г. у евреев был пост. А назавтра ранним утром в гетто нагрянули каратели. Мама, бабушка и я бросились к Днепру – только берега родного Днепра давали хоть на какое-то время спасение. Мы перебрались через железную дорогу в деревню Старый Шклов к Марченковым. Нас накормили и спрятали на день в зарослях, а ночью мы возвращались к своим спасителям. Это продолжалось дней пять. От них мы узнали, что гетто полностью

уничтожено. Всех расстреляли около деревни Путинки. Мы решили уходить из этих мест. Марченко надел мне на шею крестик и пожелал счастливого пути.

За все время нахождения в гетто я ни разу не надел шестиконечной звезды. Я смотрел на тех, кто ее носил, и не мог понять, зачем все это? Мне никто ничего не объяснял. Только один русский человек Извеков сказал: «Потерпи, скоро Красная Армия вернется и ты опять будешь ходить в школу».

Из гетто уцелело всего несколько человек, в том числе Татьяна Рамендик (Пуширина), Галя Клебанова с матерью, Рита Таруч. Все мы жили одним часом, одним днем... Везде были вывешены приказы: «Всякий, кто укажет немецким властям на скрывавшихся жидов, получит 10 тыс. рейхсмарок, продукты, землю или корову», «Кто жидам даст пищу, одежду или приют, будет покаран смертью с семьей, а имущество конфисковано», «Юдам капут, цыганам тоже». Все эти приказы были подписаны комендантом г. Шклова.

С наступлением темноты мы ходили по домам, просили поесть. Много было добрых крестьян, которые давали еду, но просили побыстрее покинуть их дом. Другие вовсе не давали и даже грозили отвести в полицейский участок. Зимой 1942 г. я провел в стожках сена и соломы. В январе 1942 г. я зашел в д. Понизовье. Смеркалось. Постучался в дверь. Мне открыли дверь, впустили в дом. Я попал в семью И.П. Вишнякова. Семья из 8 человек ужинала. За стол посадили и меня. В этой деревне я укрывался до весны, а потом меня переправили в д. Польшковичи к Домне Рыбаковой, где я встретился с мамой и бабушкой. Кроме нас в доме Рыбаковых скрывались 5 военнопленных – двое русских, два узбека и казах. Все вместе мы ушли в партизанский отряд № 10 бригады «Чекист».

В нашей семье фашисты уничтожили: (со стороны матери) дедушку Рыскина З.Б., бабушку Басю, тетю Сошу, Давида Капшицкого и его жену, (со стороны отца) – сестру Розу, ее детей Любу, Геню и Изика, Клебанова Яшу и его сына Изю, Клебанова Гиля, его жену и внука, Гальперина Слейму, его жену и сына. Всего 18 человек.

Борис Гальперин.

Приложение

Список Праведников народов мира г. Минска

1. Апатская Ольга	Лившиц Хава, семья Панасюк	1998
2. Апатский Владимир	Лившиц Хава, семья Панасюк	1998
3. Бабич Мария	Гальперин, Дембровский	1995
4. Бируля Альберт	Шустер Илья	1998
5. Вируля Вера	Шустер Илья	1998
6. Бируля Викентий	Шустер Илья	1998
7. Бирюкова Евдокия	Гольдберг Галина	1999
8. Бовт Екатерина	Радощковская Майя	1996
9. Бовт Иван	Радощковская Майя	1996
10. Быков Иосиф	Казакевич Ася	1996
11. Быкова Елизавета	Казакевич Ася	1996
12. Валендович Елена	Токарская Валентина	1979
13. Варакса Вячеслав	Дегтярик Инесса	2001
14. Варакса Эмилия	Дегтярик Инесса	1994
15. Величко Анна	Каплан Семен, Гуревич Анна	1997
16. Выхото Валентина	Метер Фаина	1995
17. Галахов Денис	семья Гинзбург	1994
18. Галахова Нина	семья Гинзбург	1994
19. Герасимович Клара	Крайзельман Ася	2000
20. Глазбная Ольга	Зеленко Роза, Соколова Люба	1997
21. Голоцевич Екатерина	семья Левиных, Черная Лариса	1998
22. Голушенкова Стефанида	Вселябская Татьяна	1999
23. Гржибовская-Слепова	Александра Цимерова Татьяна	1995
24. Евдокимова Мария	Ревзин Федор	1996
25. Емельянова Евгения	Эльтер Григорий	1993
26. Игруша Вера	Стельман Женя	1996
27. Игруша Виктор	Стельман Женя	1996
28. Игруша Юлиан	Стельман Женя	1996
29. Калинина Мария	Озерский, Шехмейстер	1997
30. Канапацкая Айша	Давидсон Исроэл	2003
31. Канапацкая Фатима	Давидсон Исроэл	2003
32. Картавая Лариса	Блюмкин Олег	2003
33. Картавая Франциска	Блюмкин Олег	2003
34. Картавый Виктор	Блюмкин Олег	2003
35. Ковзус Мария	семья Пучинских	2003
36. Крезю Анна	Рудерман Леонид	2000
37. Кухта Юлия	Дворкины Алик и Марик	1999
38. Ливанова Елизавета	Котловкер Файвл	1998
39. Липень Тамара	Дегтярик Инесса	2001
40. Лопатик Владимир	Кульчаева Галина	2002
41. Лопатик Мария	Кульчаева Галина	2002
42. Лукьянович Никита	Рабинович Наташа	2000

43. Лукьянович Светлана	Рабинович Наташа	2000
44. Лукьянович Софья	Рабинович Наташа	2000
45. Макрушиц Надежда	Вейцман, Афонская, Иджина	2003
46. Манов Александр	Розенталь Мусса	1996
47. Манова Маргарита	Розенталь Мусса	1996
48. Мариненко Надежда	Вайнгауз Соня	1996
49. Мачуленко Людмила	Казакевич Ася	1996
50. Осипова Мария	Кречетович, Бромберг	1995
51. Осипова Тамара	Кречетович, Бромберг	1995
52. Павлова Елена	Альперович Дора	1995
53. Панасюк Михил	Лившиц Хава, семья Панасюк	1995
54. Петрович Адам	Метер Фаина	1995
55. Петрович Лидия	Метер Фаина	1995
56. Поликарпова Валентина	Венчикова, Гиршгорн	1997
57. Поликарпович Лидия	Венчикова, Гиршгорн	1997
58. Поликарпович Петр	Венчикова, Гиршгорн	1997
59. Поликарпович Татьяна	Венчикова, Гиршгорн	1997
60. Простак Ирина	Альперович Дора	2001
61. Прудниченко Лукерья	Котловкер Файвл	1999
62. Рогачевская-Дулевич Александра	Эпштейн Владлен	2001
63. Сакуро Дарья	Подносов Игорь	1995
64. Салтанович-Лаврова Людмила	Райхенгауз	1996
65. Светликов Николай	Вселибская Татьяна	1999
66. Семашко Анастасия	Ида Борщева, Цейтлина Нина	1996
67. Семашко Кирилл	Ида Борщева, Цейтлина Нина	1996
68. Семашко Раиса	Ида Борщева, Цейтлина Нина	2001
69. Серова Анна	Карпилова, Альперович	1994
70. Серова Зоя	Карпилова, Альперович	1994
71. Сидоренко Ольга	Гольдберг Аркадий	1990
72. Симон Варвара	Зеленко Роза, Соколова Люба	1997
73. Соловьева Надежда	Рудерман Леонид	2000
74. Спарнинг-Демидова Вера	воспитанники детского дома № 7	2001
75. Старовойтова Надежда	Ботвинник Семен	2001
76. Уласик Наталья	семья Левиных, Черная Лариса	1998
77. Уласик Юлия	семья Левиных, Черная Лариса	1998
78. Филипович Варвара	Фридзон Розалия, Элеонора	1999
79. Филипович Михаил	Вейнерович Борис	1997
80. Харецкая Мария	Этингер Яков	1997
81. Хачевских (семья)	сестры Гальперины, Лоевская	2003
82. Хилькевич Инна	Крайзельман Ася	2000
83. Чапланова Ольга	Бромберг Светлана	2002
84. Шароварова Мария	Прокофьева Елизавета	1999

*См.: Праведники народов мира Беларуси. С. 148–160. *Составлен на 1.01.2004.*

Список публикаций о Праведниках народов мира Беларуси

1. Белые птицы [о Фетинии Корабликовой] // Авив. Май – июнь 2006. № 5–6. С. 15.
2. Бурштейн М. Святая деревня Поречье: [Жители деревни в годы Великой Отеч. войны спасли 40 детей, бежавших из Мин. гетто] // Авив. – 2000. – № 10 (окт.). – С. 1.
3. Василевская Д. Пани Мария: [О М.И. Комаровской, спасавшей евреев в годы Великой Отеч. войны; г. Минск] // Авив. – 2000. – №9. – С. 4–5.
4. Герасимова И. Уникальные документы [А.Н. Крезю и Н. Крезю] // Авив. Июнь – июль 2003. № 6–7. С. 6.
5. Гришкевич А. Подвиг жителей Поречья // Пухавіцкія навіны. 23 верасня 2000. С. 2.
6. Гуткович Е. Женщина немецкого обер-лейтенанта: [Беседа с организатором побега евреев из оккупир. Минска Е. Гуткович / Записала М. Загорская] // Биржи и банки: Бел. деловая газ. – 2000. – 19 июля. – С. 14.
7. Иоффе Э.Г. Друзья называли Марию «Лилией»: [О Марии Калининой, спасавшей узников Мин. гетто] // Семь дней. – 2000. – 6 мая.
8. Иоффе Э.Г. Просто Мария: [О Марии Калининой, спасавшей узников Мин. гетто] // Рэспубліка. – 1998. – 7 сак.
9. Казунина А. [Воспоминания девочки, спасенной во время Великой Отечественной войны] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. – Юрмала, 1993. – С. 333–334.
10. Капилов А. Сестры – Валентина и Фаня: [О спасении девочки из Мин. гетто семьей Петрович] // Капилов А. Исчезнувшие миры: Повесть и рассказы. – Минск: Джейх-Сож, 1998. – С. 76–85; То же: Авив. – 1993. – июль (№ 4). – С. 1.
11. Корсак А. «Кто спасет одну жизнь – спасет целый мир» // Мишпоха. – 2006. – № 11. – С. 75–78.
12. Крапіна М. Таму, што шкадавала...: [Аповед мінчанкі, якую выратавала ў гады вайны жыхарка в. Парэчча Пухав. р-на Н.З. Хурс] // Мін. праўда. – 1992. – 11 ліп.
13. Кроз В. Я знала лучшую из людей...: [О М.К. Москаленко, спасшей В. Кроз в годы оккупации в Минске] // Авив. – 1999. – № 7. – С. 13.
14. ...На перекрестках судеб: Из воспоминаний бывших узников гетто и Праведников народов мира / Авт.-сост.: О.М. Аркадьева, Л.Л. Геллер, Т.С. Курдадзе, Д.И. Русаковская; Лит. обработка А.И. Соломевич. – Мн.: Четыре четверти, 2001. – 240 с.: ил.
15. Пикман Б. Моя сестра Лена Поцелуйко // Авив. Март – апрель 2005. № 3–4. С. 11.
16. Праведники [Анна, Петр и Федор Гаранины, Юлиан Курьянович; Казимир и Галина Тумиловичи, Станислав Соляник, Николай Киселев] // Авив. Март – апрель 2006. № 3–4. С. 11.
17. Праведники народов мира Беларуси / Сост. И.П. Герасимова, А.Л. Шульман. Мн.: ОДО «Тонгпик», 2004. – 164 с.

18. Простак И.С. // ...На перекрестках судеб. С. 146–151.
19. Рубинштейн Л. Они спасли мир. На русском и английском языках. Мн., 2006. – 107 с.
20. Рывкин М., Шульман А. Породненные войной: Праведники народов мира. – Витебск: Олимп, 1997.
21. Ставицкая С. [О спасении из Минского гетто] // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. запись Л. Коваль: В 2 т. – Юрмала, 1993. – С. 292–295.
22. Таубкин Д. Если бы не он... [В.С. Орлов] // Авив. Май – июнь 2006. № 5–6. С. 15.
23. Улитенок Г. Слово о добром белорусском сердце // Советская Белоруссия. 2008. 19 сентября. С. 6–7.
24. Улитенок Г. Хозяева Теплого дома // Советская Белоруссия. 29 января 2008. С. 8–9.
25. Шибалис М. Деревня-праведник – Поречье // Рэспубліка. – 2000. – 27 верас. – С. 4.
26. Шульман А. Истории спасения // Авив. Май 2003. № 5. С. 12–13.

См.: История Холокоста на территории Беларуси. Библиографический указ. / Сост. И.П. Герасимова, С.М. Паперная. Витебск, 2001. С. 32–42.

Подготовил к печати Кузьма Козак.

Список публикаций о Праведниках народов мира Осиповичского района

1. Без заглавия (фотографии семьи Денисовых и текст к ним) // Наша Талачыншчына. 10 ноября 2007.
2. Белорусские Праведники [об Алексее Денисове] // Аргументы и факты. 2008, № 19.
3. Бирюков В. Поиск принес результат [об Алексее Денисове] // Наша Талачыншчына. 3 января 2008.
4. Бирюков В. Чтобы память жила [об Алексее Денисове] // Наша Талачыншчына 18 августа 2007.
5. Иванова Л. Весна Праведников [об Алексее Денисове] // Советская Белоруссия. 3 мая 2008.
6. Цыганок Н. Помните? Отзовитесь! [об Алексее Денисове] // Асіповіцкі край. 9 января 2008.
7. Цыганок Н. Без Праведников на земле наступила бы ночь... // Советская Белоруссия. 17 октября 2008.
8. Цыганок Н. Войну победили человечность и милосердие // Асіповіцкі край. 13 – 27 января 2009.
9. Цыганок Н. Шестой [об Алексее Денисове] // Авив. Февраль 2008.
10. Цыганок Н.Л. Не частный вопрос // Авив. Июнь 2008.

Подготовила к печати Неонила Цыганок.

Кніжныя выданні Гістарычнай майстэрні за 2003–2009 гг.:

1. Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў. Матэр. міжнар. навук. семінара 1 вер. 2003 г., Мінск. Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мн., 2004. – 208 с.
2. Мінскае гета 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэр. міжнар. навук. канф. 24 кастр. 2003 г., Мінск. Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мн., 2004. – 208 с.
3. Завольнер Г., Гальперина Р. Спасенные из ада. Жизнь и судьба. Выпуск первый. Отв. ред. К.И. Козак. Мн., 2004. – 136 с.
4. Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. Матэрыялы міжнар. навук.-практыч. канф. 2 ліп. 2004 г., Мінск. Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мн., 2005. – 306 с.
5. Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Матэрыялы міжнар. навук.-практыч. канф. 10 лістап. 2004 г., Мінск. Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мн., 2005. – 316 с.
6. Жива... Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и док. / сост. М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман. Выпуск второй. Мн., 2005. – 258 с. +26 с ил.
7. Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы для Беларусі Матэрыялы міжнар. навук.-практыч. канф. 5 мая 2005 г., Мінск. Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мн., 2006. – 256 с.
8. Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання. Матэрыялы міжнар. навук.-практыч. канф. 4 сакав. 2005 г., Мінск. Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мн., 2006. – 244 с.
9. Гальперина Р.А. Как это было... Выживание. Жизнь. Надежда. Выпуск третий. Отв. ред. К.И. Козак. Мн., 2006. – 129 с.
10. Клара Хеккер. Немецкие евреи в Минском гетто. Отв. ред. К.И. Козак. Пер. с нем. Г.А. Скакун. Мн., 2007. – 154 с.
11. Михаил Трейстер. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis... Erinnerungen, Überlegungen und Publikationen. Выпуск четвертый. Отв. ред. К.И. Козак. Мн., 2007. – 242 с.
12. Денисевич Н.И. В финском концлагере. Воспоминания и размышления. Выпуск пятый. Отв. ред. К.И. Козак. Мн., 2007. – 244 с.
13. Вера Кроз, Зинаида Чаусская-Ильяшова. Навечно в памяти: Минское гетто – и жизнь, и слезы, и любовь... Выпуск шестой. Отв. ред. К. И. Козак. Мн., 2007. – 70 с.
14. Война и украденные годы: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси / сост. Е.И. Люлькина; под ред. К.И. Козака. Мн., 2009. – 264 с.
15. Борисова А.В., Козак К.И., Стучинская Г.А. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. Мн., 2009. – 388 с.
16. Борисова А.В., Козак К.И., Стучинская Г.А. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. 2-е изд. испр. и доп. Мн., 2010. – 444 с.

СУМЕСНЫЯ ВЫДАННІ:

17. Грыбоўскі Ю., Козак К. Забытыя жаўнеры Польскага войска ў часы Другой сусветнай вайны / матэрыялы і ўспаміны. Мн., 2003. – 192 с.
18. Беларуска-польскія архіваліі: стан і перспектывы. Матэрыялы Другой беларуска-польскай канферэнцыі архівістаў. Рэд. К.І. Козак. Мн., 2003. – 240 с.
19. Уладзімір Пасэ: Гісторык у Гісторыі. Выпуск першы. Адк. рэд. Н.У. Самерсава, К.І. Козак. Мн., 2004. – 272 с.
20. Вызваленне Беларусі ад германскіх акупантаў (восень 1943 – лета 1944 гг.). Матэр. рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 29 крас. 2004. Мн., 2004. – 263 с.
21. Актуальныя пытанні вывучэння Халокоста на тэрыторыі Беларусі ў гады нямецка-фашысцкай акупацыі. Сборы навуковых работ. Сост. і рэд. Я.З. Басін. Мн., 2005. – 306 с.
22. Гурын Н. Пуховіца памятае: Воспамінаніы о вайне. Мн., 2005. – 317 с.
23. Актуальныя пытанні вывучэння Халокоста на тэрыторыі Беларусі ў гады нямецка-фашысцкай акупацыі. Сборы навуковых работ. 2-е изд. Сост. і рэд. Я.З. Басін. Мн., 2006. – 306 с.
24. Известная «Неизвестная». Сборы матэрыялаў. Сост. і рэд. Я.З. Басін. Мн., 2007. – 138 с.
25. Юркевіч Н.У. Прашу Рабоча-сялянскую інспекцыю...: скаргі і заявы грамадзян Беларусі (1920–1930-я гг.) / пад рэд. К.І. Козака. Мн., 2009. – 216 с. (Гісторык у Гісторыі).

**МІЖНАРОДНАЯ
навукова-практычная канферэнцыя на шляху
ўзнаўлення праўды па гісторыі Халакоста
ў Беларусі, вяртанню прозвішчаў і жыццяў
ПРАВЕДНІКАЎ НАРОДАЎ СВЕТУ**

20 САКАВІКА 2009 ГОДА

з нагоды 6-годдзя Гістарычнай майстэрні – беларуска-нямецкай
установы, якая размешчана на тэрыторыі былога Мінскага гета,
агульнымі намаганнямі арганізавана Міжнародная навукова-практычная
канферэнцыя

«ПРАВЕДНІКІ НАРОДАЎ СВЕТУ Ў БЕЛАРУСІ»

Каля 600 жыхароў Беларусі, рызыкуючы сваім жыццём, здзейснілі
гераічны ўчынак па выратаванні яўрэяў у час нацысцкай тыраніі. Гэтая
малавядомая старонка патрыятычнай дзейнасці беларусаў у Вялікай
Айчыннай вайне, па словах Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь Аляксандра
Лукашэнкі, з'яўляецца паказчыкам спагадлівага і мужага характару,
адказам на пытанне, чаму нашы бацькі і дзяды выстаялі і перамаглі
ў той страшнай вайне.

арганізатары:

Леанід Левін, Саюз беларускіх яўрэйскіх грамадскіх аб'яднанняў і абшчын
Віктар Балакіраў і Астрыд Зам, Мінскі міжнародны адукацыйны цэнтр імя
Йаханеса Рау

Петэр Юнге-Вентруп, Дортмундскі міжнародны адукацыйны цэнтр

Канстанцін Прахарэнка, Міжнароднае грамадскае аб'яднанне «Узаемапара-
зументне»

Міхаіл Трэйсцер, Беларускае грамадскае аб'яднанне былых вязняў гета і
канцэнтрацыйных лагераў

Фрыда Рэйзман, Грамадскае аб'яднанне «Гілф»

Соф'я Абрамава, Благачынная арганізацыя Хэсэд-Рахамім

Кузьма Козак, Гістарычная майстэрня ММАЦ імя Йаханеса Рау

10.00–10.40 Прывітанні

Вядучыя: Віктар **Балакіраў**, дырэктар Мінскага міжнароднага адукацыйнага цэнтра імя Іоанеса Пау / Леанід **Левін**, старшыня Саюза беларускіх яўрэйскіх грамадскіх аб'яднанняў і абшчын

Пасол Пасольства Дзяржавы Ізраіль ў Рэспубліцы Беларусь

Эдзі **Шапіра**,

Пасол Пасольства Украіны ў Рэспубліцы Беларусь

Ігар **Ліхавы**,

кіраўнік Дортмундскага МАЦ Петэр **Юнге-Вентруп**,

дырэктар Дэпартаменту па архівах і справаходстве Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь Уладзімір **Адамушка**,

былы вязень Мінскага гета Фрыда **Рэйзман**,

Праведніца народаў свету Раіса **Сямашка**

10.40–11.30 Першае пленарнае паседжанне

- *Германская акупацыя Беларусі і яе выніковасць: Генацыд, Халакост – загадчык аддзела ваеннай гісторыі НАНБ, докт. гіст. навук, прафесар Аляксей **Літвін***
- *Праблемы захавання памяці Праведнікаў народаў Беларусі – канд. гіст. навук, старшыня Рэспубліканскага фонда Халакоста, дырэктар Музея гісторыі і культуры яўрэяў Беларусі, намеснік старшыні Саюза беларускіх яўрэйскіх грамадскіх аб'яднанняў і абшчын Іна **Герасімава***

11.30–12.30 Другое пленарнае паседжанне

- *Праведнікі народаў свету ў вайне і жыцці – доктар гіст. навук, прафесар МДПУ імя М.Танка Эмануіл **Іофе***
- *Выратаванне яўрэяў як адна з асноўных форм антыгерманскага бяззбройнага супраціву падчас Другой сусветнай вайны – дацэнт БДУ, кіраўнік Гістарычнай майстэрні Кузьма **Козак***
- *Культура памяці – прафесар Манфрэд **Цабель***

12.30–13.30 абед

13.15–13.30 Прэзентацыя «Праведнікі народаў свету ў Беларусі» –

студэнт БДУ, настаўнік гісторыі СШ № 47 г. Мінска Арцём **Прыбаровіч**

Секцыя 1

Вайна і акупацыя: барацьба за жыццё

Аляксей Літвін / Алеся Корсак – вядучыя

11. Алеся **Белановіч**, гісторык, рэферэнт беларуска-нямецкага праекта «Забяспечым годнае жыццё сведкам вайны»

Жаночы вопыт прымусовых рабочых: ідэалогія, людзі, узаемаадносінны

12. Юля **Лушчык**, гісторык, рэферэнт Гістарычнай майстэрні

Нямецкія военнапалонныя ў СССР: германская гістарыяграфія пытання

13. Анатоль **Шаркоў**, доктар гіст. навук, прафесар Акадэміі кіравання МУС Рэспублікі Беларусь

Нямецкія военнапалонныя і іх умовы працы і выжывання пасля вайны (1944–1950 гг.)

14. Генадзь **Вініца**, канд. гіст. навук (Нагарыя, Ізраіль)

*Спасенне евреев Праведнікамі на акупіраваннай тэрыторыі Восточной Беларусі (*тэкст дасланы)*

15. Алесь **Корсак**, дацэнт Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта

Формы выжывання яўрэйскага насельніцтва ў гады нацысцкай тыраніі: прыклад Дунілавіцкага гета

16. Жана **Нагавонская**, настаўніца гісторыі гімназіі № 1 г. Дзятлава
Халакост на Дзятлаўшчыне

17. Алена **Дакунова**, настаўніца гісторыі СШ № 44 г. Мінска

Гісторыя Халакоста ў сістэме адукацыі Беларусі

18. Ірына **Рып**, настаўніца гісторыі гімназіі № 56 г. Мінска

Выхаванне на прыкладзе мінулага вайны: асоба, час і яго значнасць

19. Ігар **Сівакоў**, гісторык, член Беларускага фонда Міру

Памяць міра і яе значэнне для грамадства

Секцыя 2

Пераадоўванне страху: партызаны і падпольшчыкі, жыхары-выратавальнікі, добрыя немцы

Эмануіл **Іофе** / Неаніла **Цыганок** – вядучыя

20. Васіль **Маток**, вядучы навуковы супрацоўнік Дзяржаўнага архіва
Мінскай вобласці

Дакументы Мінскага абкама КП(б)Б як крыніца па гісторыі змагання партызан Беларусі

21. Якаў **Басін**, гісторык-публіцыст, намеснік старшыні Саюза беларускіх
яўрэйскіх грамадскіх аб'яднанняў і абшчын

*Акцыя супраціўлення ў Берліне 1943 года падчас ратавання жанчынамі
сваіх мужоў-яўрэяў*

22. Неаніла **Цыганок**, метадыст Асіповіцкага РАА

Праведнікі народаў свету ў Беларусі як грамадскі рух у Асіповіцкім раёне

23. Бен'ямін **Гройс**, гісторык (Бохумскі ўніверсітэт, Германія)

*Праведнікі народаў свету ў Германіі: шлях аднаўлення гісторыі
ўзаемаадносін*

24. Кацярына **Люлькіна**, канд. біялаг. навук, намеснік старшыні грамад-
скага аб'яднання Усходніх рабочых Савецкага раёна г. Мінска

У час трагедыі: добрыя немцы (асабісты ўспамін)

25. Аляксандра **Барысава**, старшыня Беларускага грамадскага аб'яднання
былых вязняў канцэнтрацыйных лагераў і антыфашысцкага
супраціўлення, былы вязень Асвенцыма

Выратаванне як агульная дэфініцыя: асабісты прыклад выжывання

26. Іна **Герасімава**, канд. гіст. навук, старшыня Рэспубліканскага фон-
да Халакоста, дырэктар Музея гісторыі і культуры яўрэяў Беларусі,
намеснік старшыні Саюза беларускіх яўрэйскіх грамадскіх аб'яднанняў
і абшчын

*Мемарыялізацыя трагедыі і гераізму: памятныя месцы ахвяр Халакосту
на Беларусі*

Секцыя 3

Жывая гісторыя: Праведнікі народаў свету пра сябе і выратаваных

Іна Герасімава / Кузьма Козак – вядучыя

27. Майя **Крапіна**, былы вязень Мінскага гета, каардынатар таварыства «Праведнікі»

Хто і што нас уратавала

28. Ірына **Простак**, Праведнік народаў свету, старэйшына таварыства «Праведнікі»

Успамін пра наш і твой час і жыццё

29. Марына **Бачыла**, Фрэд **Дорн** (Германія), кіраўнікі праекта «Забяспечым годнае жыццё сведкам вайны»

Беларуска-нямецкі погляд на падзеі вайны: прыярытэты ўзаемаадносін пакаленняў і дзяржаў

30. Ганна **Трафімава**, Праведнік народаў свету

Вайна зрабіла нас бліжэй

31. Галіна **Уліцёнак**, карэспандэнт газеты «Советская Белоруссия»

Падзеі і людзі: заўважаны характар

32. Фрыда **Рэйзман**, былы вязень Мінскага гета

Выратаванне як прыклад мужнасці

33. Вольга **Лазебная**, Праведнік народаў свету

Сямейныя гісторыі

34. Таццяна **Скрыпчанка**, канд. гіст. навук, вучоны сакратар Інстытута сацыяльна-эканамічных даследаванняў Мінскага гарвыканкама

Вызначэнне сацыяльных прыярытэтаў у працы з ахвярамі вайны

35. Якаў **Мурахоўскі**, былы вязень гета (Украіна)

Гэта клопат не пра сябе

36. Рыма **Гальперына**, былы вязень Даманёўскага гета (Украіна)

Пераадольванне страху

37. Анжэла **Беляк**, каардынатар сацыяльнага праекта (Украіна)

На шляху пазбаўлення: ад цяжкага мінулага набліжэнне да жыцця

15.30 Кава-паўза

15.50–16.00 Падвядзенне вынікаў

38. Кузьма **Козак**, кіраўнік секцыі

39. Аляксей **Літвін**, кіраўнік секцыі

16.00–16.30 Прэзентацыя

- Прэзентацыя першай з пасляваеннага часу кнігі ўспамінаў 154 былых вязняў лагера смерці Асвенцым – Аўшвіц «Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси» – Аляксандра **Барысава**, Кузьма **Козак**, Галіна **Стучынская**
- Перадача Гістарычнай майстэрні цякучых архіваў (успаміны, фотаздымкі, дакументы): былых вязняў Асвенцыма – Аляксандра **Барысава**, Праведнікаў народаў свету Беларусі (Мінск) – Майя **Крапіна**

16.30 Завяршэнне